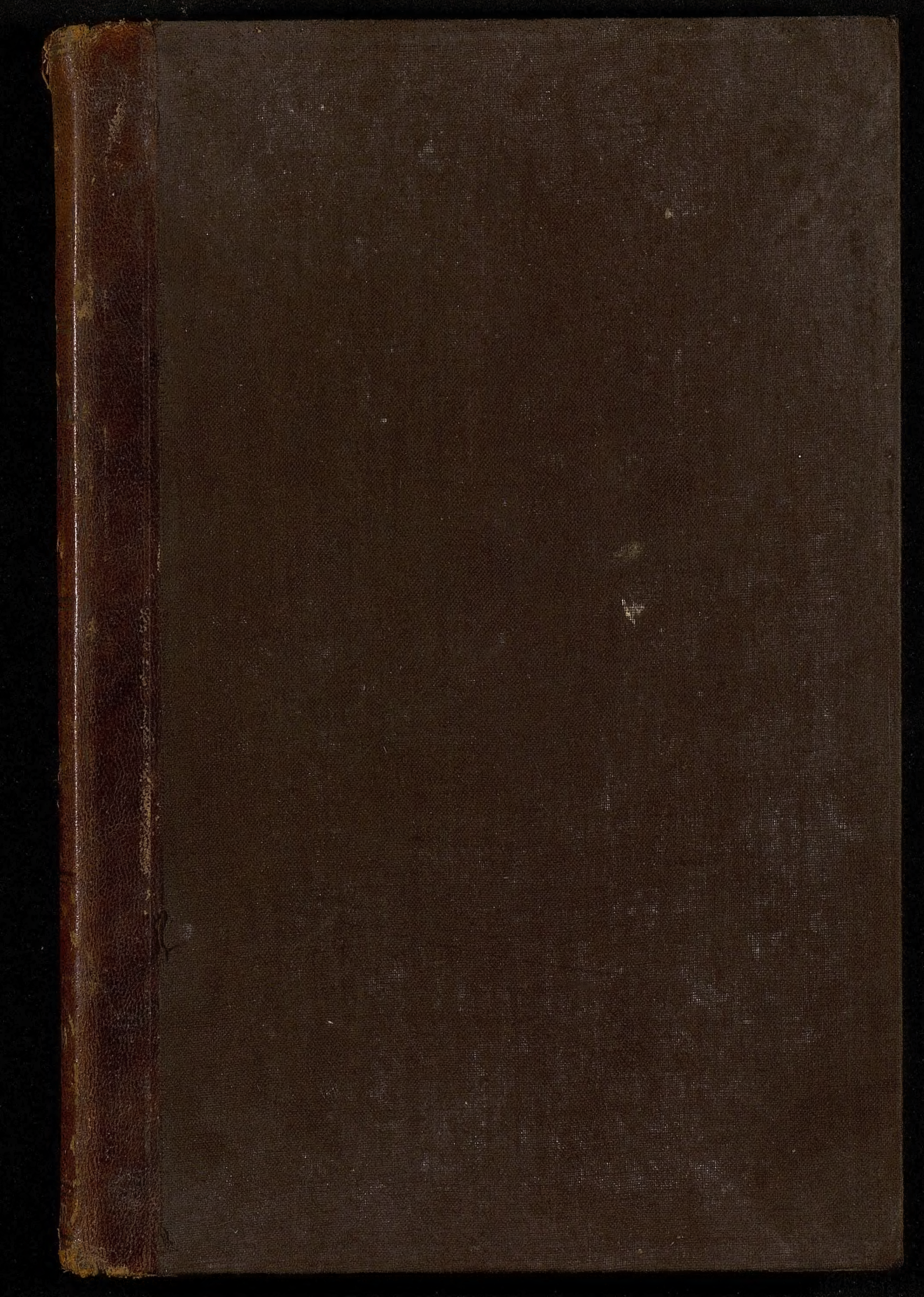
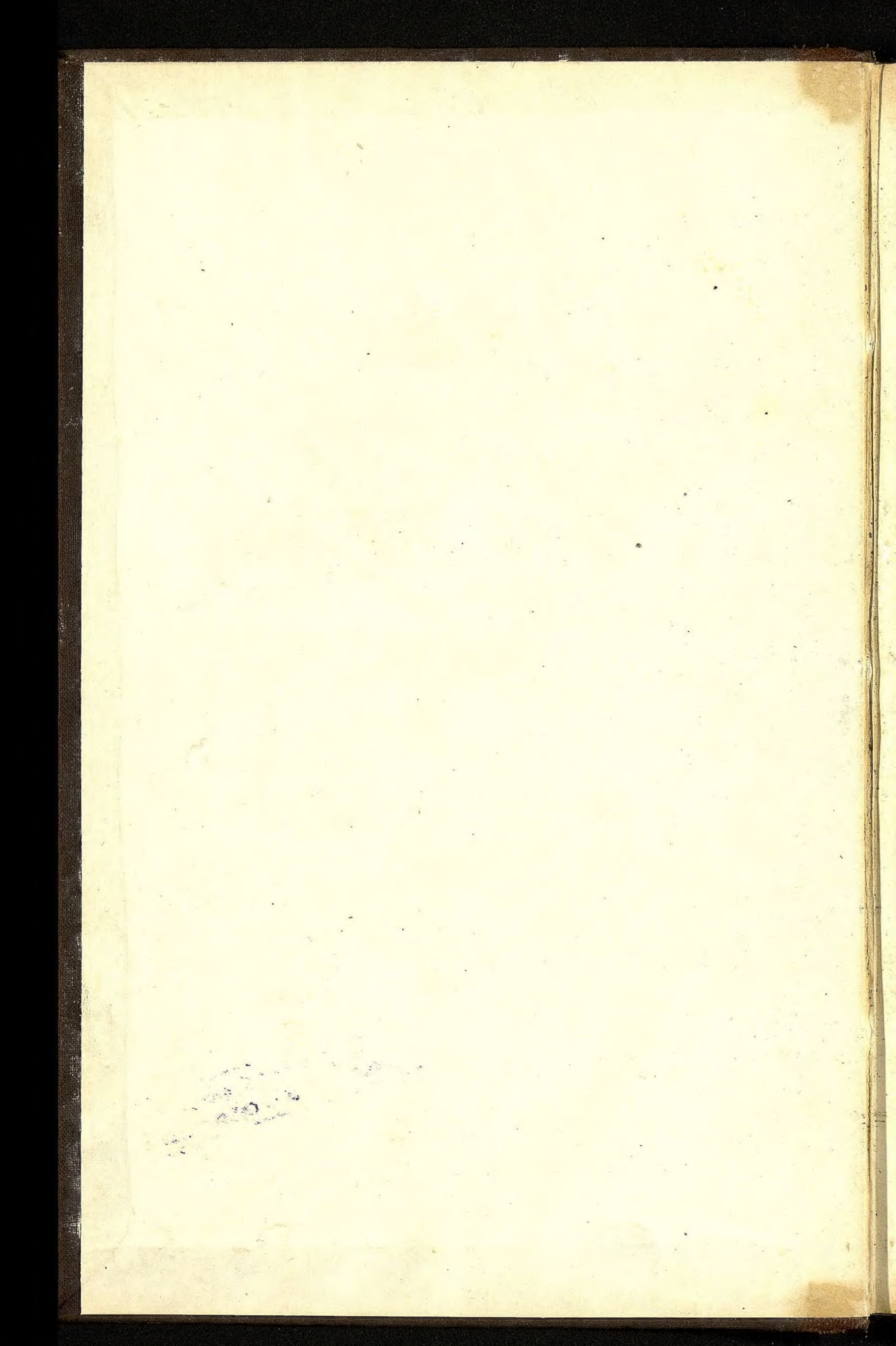
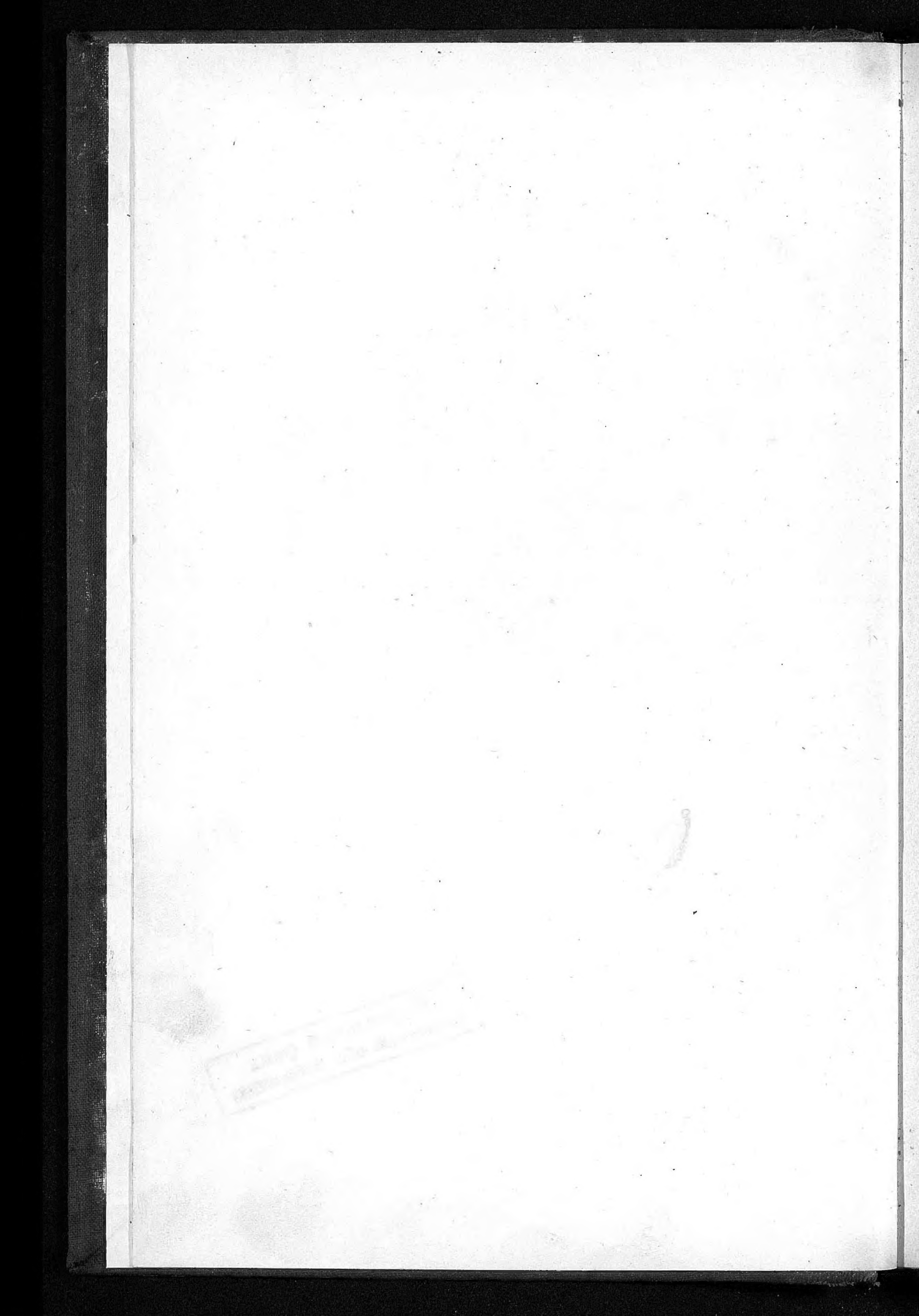

Дозв. ценз. Спб., 21 Июля 1900 г. Тип. Тов. „Общ. Польза", Б. Подъяч. д. 39.

А. Измайловъ

(Копія съ портрета нарисованнаго въ 1820 году въ одномъ изъ альбомовъ).

Императоръ Николай I и Польша.

1825—1831 г.г.

XVI [1]).

Обратимся теперь къ тому, что дѣлалъ въ самое критическое время польско-русской войны цесаревичъ Константинъ Павловичъ.

После Гроховской битвы, цесаревичъ въ виду временнаго затишья въ военныхъ дѣйствіяхъ, съ разрѣшенія главнокомандующаго, уѣхалъ въ Бѣлостокъ, гдѣ находилась княгиня Ловичъ [2]). Съ этого времени для цесаревича наступилъ самый тяжелый въ его жизни періодъ. «Мое положеніе такое,—пишетъ Константинъ Павловичъ въ письмѣ къ Ѳ. П. Опочинину,—что дѣйствительно живу со дня на день и нельзя даже обратить мысль или желаніе на будущее. Одна надежда на Господа Бога и упованіе на Его всемогущую волю. Безъ того есть съ чего съ ума сойтить. Жена у меня шибко была больна и теперь еще столь слаба, что лежитъ въ кровати уже другую недѣлю. Всѣ ея недуги не суть иное какъ послѣдствіе нашего выгона изъ Варшавы и претерпѣніе всѣхъ безпокойствъ какъ физическихъ, такъ и моральныхъ, а хуже всего продолженіе сего поло-

[1]) См. «Русск. Стар.» іюль 1900 г.

[2]) Цесаревичъ Константинъ Павловичъ писалъ по этому поводу императору Николаю: „Le maréchal, n'ayant rien en vue pour le moment, a bien voulu me permettre de prolonger mon séjour ici (т. е. въ Бѣлостокѣ) jusqu'à ce qu'il entreprenne quoi que ce soit“.

женія, ибо по всѣмъ обстоятельствамъ конца не предвидится ни въ чемъ, слѣдовательно, и надежды нѣтъ къ тому» [1]).

Когда военныя дѣйствія возгорѣлись съ новой силой, цесаревичъ пожелалъ опять возвратиться съ своему гвардейскому отряду и даже настаивалъ на этомъ, но императоръ Николай воспротивился подобному намѣренію, находя неудобнымъ, чтобы братъ принялъ на себя вторично ту незначительную роль, не соотвѣтствующую занимаемому имъ положенію (le rôle insignifiant et inconvenant à votre rang), которую онъ уже разъ разыгралъ. «C'est préjudiciable et à votre caractère et à ce que vous avez été pour moi et à ce que vous êtes encore», — прибавилъ государь.

«Вамъ угодно было часто говорить мнѣ, что вы ревностно и преданно будете служить мнѣ»,—писалъ государь къ цесаревичу,—такъ вотъ позвольте же мнѣ во имя этого обѣщанія, даннаго съ вашей стороны и подъ видомъ личной мнѣ услуги, попросить ея у васъ, потребовать ея. Вся эта война мѣняетъ свой характеръ; изо дня въ день она становится болѣе серьезной, болѣе ожесточенной благодаря толкамъ, которые вожаки умѣютъ давать ей, пользуясь нашимъ долгимъ бездѣйствіемъ; уже однимъ изъ предлоговъ, которымъ они пользуются, между прочимъ, для воодушевленія противъ насъ войскъ, является бывшее ваше присутствіе въ арміи, какъ доказательство прямой мести. Отстранимъ даже призракъ подобной мысли. Я уже сказалъ вамъ и снова повторяю: никто не имѣетъ права упрекать васъ въ томъ, что вы не раздѣлили опасностей вашихъ храбрецовъ; благопріятный для этого моментъ миновалъ; другія соображенія, болѣе настоятельныя, должны противиться вашему возвращенію туда. Вы отказываетесь такъ же отъ командованія гвардіей, хотя я предлагалъ вамъ снова вступить въ него,—то было бы вполнѣ естественно и въ порядкѣ вещей, а въ будущемъ объединило бы все подъ вашимъ начальствомъ. Вы сіе не желаете, вѣроятно у васъ должны быть свои причины отказываться отъ него, но повторяю, это— именно то, чего я желаю. Болѣзненное состояніе моей несравненной сестры, о чемъ Михаилъ сообщаетъ мнѣ подробности, также является могущественнымъ побужденіемъ, чтобы въ настоящее время вамъ оставаться возлѣ нея. Однимъ словомъ, дорогой Константинъ, я долженъ настаивать на томъ, чтобы въ настоящую минуту вы отказались отъ намѣренія, на которое мнѣ невозможно согласиться» [2]).

---

[1]) Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ Ѳедору Петровичу Опочинину, отъ 13-го (25-го) марта 1831 года изъ Бѣлостока.

[2]) „Vous avez bien voulu me dire souvent que vous me serviriez avec zèle et dévouement; eh, bien, permettez que ce soit au nom de cette promesse de votre part et à titre de service que vous me rendrez que je

Убѣдительные доводы императора Николая оказались тщетными; цесаревичъ продолжалъ настаивать на своемъ мнѣніи. Тогда государь написалъ брату, что, исчерпавъ «все, что только было у меня на душѣ высказать вамъ какъ въ качествѣ брата, такъ и въ качествѣ преданнаго друга и, наконецъ,—что мнѣ было и постоянно будетъ самымъ тягостнымъ,—по долгу моей должности (par devoir de ma place), къ этому мнѣ болѣе нечего прибавить... Вы властны дѣйствовать въ настоящемъ случаѣ согласно вашей совѣсти, вашимъ убѣжденіямъ,—и я умолкаю. (Vous êtes le maître d'en agir selon votre conscience, votre conviction et—je me tais) [1]).

Не легко было императору Николаю писать все это брату, который, по выраженію государя, «былъ нашимъ властелиномъ и остался для меня таковымъ навсегда въ глубинѣ моего сердца (Vous qui avez été notre maître et qui pour moi l'êtes toujours au fond de mon coeur)»—но долгъ въ умѣ императора-рыцаря, какъ и всегда, взялъ верхъ надъ чувствомъ! Цесаревичъ покорился волѣ государя, которая, по его словамъ, для него была, есть и будетъ святая истина, и остался въ Бѣлостокѣ.

Наступили пасхальные праздники, и Константинъ Павловичъ писалъ Опочинину:

«Дай Боже, чтобы при сихъ высокоторжественныхъ дняхъ, по благости Его всѣ наши до сихъ поръ не весьма благополучныя событія, военныя и мірскія, перемѣнились въ нашу пользу. Я увѣренъ, что вы, любезный Ѳедоръ Петровичъ, раздѣляете въ полной мѣрѣ мои желанія,

---

vous la demande, que je l'exige. Toute cette guerre change de caractère; elle devient de jour en jour plus grave, plus acharnée par l'impulsion que les meneurs savent lui donner en profitant de notre longue inaction; déjà un des prétextes dont ils se servent entre autre pour animer la troupe contre nous est celui de votre présence passée à l'armée comme une preuve de vengeance directe. Eloignons même cette apparence de raison. Je vous l'ai dit et vous le répète: personne n'est en droit de vous faire le reproche de ne pas avoir partagé les périls de vos braves; le moment pour le faire est passé; d'autres motifs plus impérieux doivent s'opposer à votre retour là bas. Vous refusez aussi le commandement de la garde, quoique je vous avais proposé de le reprendre, ce qui eut été parfaitement naturel et en règle et plus tard réunissait le tout sous vos ordres. Vous ne voulez pas, vous devez avoir probablement vos raisons pour le refuser, cependant je le répète, c'est là ce que je désire. L'état souffrant de mon excellente soeur, dont Michel me donne les détails, est aussi un puissant motif pour vous fixer près d'elle dans ce moment. En un mot, cher Constantin, je dois insister à ce que vous renonciez pour le moment à cette intention, à laquelle il m'est impossible de consentir". (Изъ письма императора Николая въ цесаревичу Константину Павловичу, отъ 16-го (28-го) марта 1831 года).

[1]) Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу, отъ 30-го марта (11-го апрѣля) 1831 года.

*

истекающія отъ глубины сердца моего, чуждаго всегда всякаго зла и ничего другаго не желающаго, какъ общаго блага и справедливости... Я здоровъ, но до крайности скученъ и признаюсь, что надо много и много духу и твердости, дабы перенести теперешнее мое положеніе, вспоминая каждую минуту прошедшее... Есть минуты таковыя, что голова идетъ вокругъ и до съумасшествія не далеко. Если бы я былъ одинъ, почти всё потерявъ, бѣда не большая, но всѣ сіи невинныя жертвы и страдальцы каждую минуту передъ глазами и изъ мысли не выходятъ» [1]).

«Какая для меня разница въ окончаніи моихъ пятидесяти двухъ лѣтъ отъ роду и начатіи пятьдесятъ третьяго года съ предъидущими, и признаюсь, что никогда не воображалъ, чтобы могли постичь меня и моихъ тѣ всѣ несчастія, которыя уже были и продолжаютъ преслѣдовать, въ награду трудовъ, усердія, ревности къ службѣ и исполненія возложеннаго въ теченіе 16½ лѣтъ. Богъ есть судія виновникамъ всего сбывающагося со всѣхъ сторонъ съ нами. Мое дѣло—молчаніе и терпѣніе и упованіе твердое на милость и благость Господа Всемогущаго, что поздно или рано выведетъ изъ сего столь труднаго положенія... Сегодня два года тому назадъ, какъ былъ торжественный въѣздъ государя въ Варшаву и гдѣ онъ былъ принятъ съ восторгомъ и съ изъявленіемъ наиживѣйшихъ чувствъ преданности и усердія. Я же былъ счастливъ тѣмъ, что могъ, какъ бы сказать, водворить моего государя, представя ему плоды заботъ всѣхъ родовъ, 16½ лѣтъ продолжавшихся. Кто бы могъ тогда вообразить, что спустя два года все будетъ поставлено верхъ дномъ столь неистовыми, столь подлыми, столь неблагодарными, столь измѣнническими и столь ехидными способами, и которые завлекли цѣлый народъ и ¾ онаго противъ желанія и благополучія, которымъ онъ пользовался, въ бездну пропасти несчастія, въ угодность лицемѣровъ и ихъ пользу, дабы воспользоваться трудами другихъ. Волосы дыбомъ становятся, только-что объ этомъ подумаешь» [2]).

Вскорѣ пребываніе цесаревича въ Бѣлостокѣ сдѣлалось не безопаснымъ, вслѣдствіе появленія въ окрестностяхъ польскаго отряда Хлапов-

---

[1]) Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ Ѳ. П. Опочинину, отъ 1-го (13-го) мая 1831 года, изъ Бѣлостока.

[2]) Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ Ѳ. П. Опочинину отъ 5-го (17-го) мая 1831 года.

Въ припискѣ къ этому письму цесаревичъ написалъ:

„Pro memorio:

„1) сегодня 52 года, какъ я крещенъ.

„2) сегодня 36 лѣтъ, какъ я поступилъ на службу.

„3) сегодня 2 года, какъ былъ торжественный въѣздъ государя въ Варшаву для коронаціи“.

скаго. Тогда цесаревичъ съ княгинею Ловичъ выѣхалъ 9-го (21-го) мая въ Слонимъ; но здѣсь поджидалъ его новый врагъ—холера. Страшась за свою супругу, цесаревичъ продолжалъ начатое отступленіе по бѣлорусскому тракту, черезъ Минскъ въ Витебскъ. По прибытіи въ послѣдній городъ, 3-го (15-го) іюня, цесаревичъ поселился въ домѣ генералъ-губернатора князя Хованскаго. Здѣсь Константинъ Павловичъ написалъ государю 7-го (19-го) іюня 1831 года послѣднее письмо, въ которомъ коснулся своего тягостнаго положенія и невозможности возвратиться въ Петербургъ.

«Я осмѣливаюсь настоятельно умолять васъ войти въ мое тягостное положеніе данной минуты,—писалъ цесаревичъ,—и въ ту фальшивую роль, которую я вынужденъ играть. Блуждая, какъ я, отдѣленный отъ плачевныхъ остатковъ моихъ, которыхъ я не долженъ былъ бы покинуть иначе какъ съ жизнью, и изъ чувства благодарности за вѣрность, которую они проявляли и доказывали мнѣ со времени всѣхъ моихъ несчастій; съ какимъ лицемъ и съ какимъ выраженіемъ хотите вы, дорогой и несравненный братъ, чтобы я явился къ вамъ въ Петербургъ, гдѣ уже, слава Богу, меня, надѣюсь, почти забыли? Или я могъ бы приблизиться къ вамъ съ выраженіемъ стыда? Или же съ выраженіемъ недовольнаго, какимъ я, конечно, никогда не буду? Или же съ видомъ огорченнаго, который будетъ истолкованъ своими и чужими въ смыслѣ недовольства и фальшивой распри, которая равнымъ образомъ есть и будетъ совершенно чуждой мнѣ, но которая, несмотря на это, будетъ по-своему истолкована недовольными, которые кишатъ повсюду? Или, наконецъ, для того, чтобы запереться у себя, почти не выходя оттуда, такъ какъ, признаюсь, я не буду въ состояніи показаться куда бы то ни было, не ощущая стыда за ту жалкую роль, которую я вынужденъ играть послѣ 36-ти лѣтъ службы. Благоволите также подумать, сколько людей потребуютъ отъ меня отчета въ своихъ родственникахъ и дѣтяхъ, которыхъ они мнѣ ввѣрили и которыхъ я, повидимому, покинулъ, не будучи въ состояніи отвѣтить имъ съ доказательствами въ рукахъ и, тѣмъ не менѣе, они съ трудомъ этому повѣрятъ. Всѣмъ говорунамъ я не могу представить въ свое оправданіе письма, которыя вы соблаговолили мнѣ написать; они увидѣли бы въ нихъ только мою покорность и мое послушаніе въ исполненіи вашей высочайшей воли—удаляясь, согласно вашему желанію, изъ арміи» [1]).

---

[1]) „J'ose vous supplier instamment d'entrer dans ma pénible situation du moment et du faux rôle que je suis forcé de jouer; errant comme je le suis, séparé des tristes restes des miens, avec lesquels j'aurais dû ne me séparer qu'avec l'existence et par gratitude de la fidélité qu'ils m'ont prouvée et témoignée depuis tous mes malheurs, quelle mine et quelle figure voulez-vous, cher et excel-

Одновременно съ письмомъ къ государю, цесаревичъ излилъ также свою скорбь Ѳ. П. Опочинину и писалъ ему 7-го (19-го) іюня изъ Витебска:

«Я живу здѣсь уже четвертыя сутки и отдыхаю отъ скуки и усталости физической и моральной и никакого занятія другого не имѣю какъ скуку, скуку и скуку. Впрочемъ здоровъ, но жена по пріѣздѣ сюда крайне ослабла и уже третьи сутки какъ съ кровати не встаетъ, авось Господь Богъ поможетъ, надежда на Него одного. Здѣсь покамѣстъ все тихо и хорошо. По всей дорогѣ насъ окружали уваженіемъ и желаніемъ угодить и дѣлать пріятное во всѣхъ сословіяхъ. Симъ, признаюсь, я былъ весьма тронутъ и благодаренъ, въ особенности въ моемъ теперешнемъ скитающемся положеніи. Долго ли я здѣсь пробуду и что изъ меня будетъ, зависитъ отъ обстоятельствъ и отъ разрѣшенія государя императора на письмо, которое я сегодня къ нему послалъ. Испытавъ все въ службѣ военной, на старости лѣтъ испыталъ и должность фурштадтскаго чиновника: du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas. Что же дѣлать, ежели судьбѣ такъ угодно».

Развязка была уже близка. Въ ночь съ 14-го (26-го) на 15-е (27-е) іюня 1831 года, цесаревичъ Константинъ Павловичъ заболѣлъ холерою и въ тотъ же день въ $7^1/_4$ часовъ вечера скончался.

Княгиня Ловичъ увѣдомила государя о случившемся печальномъ событіи особымъ письмомъ:

«Мой братъ, вы будете очень несчастны, потому что несчастна я, а одно лишь обстоятельство въ мірѣ могло сдѣлать меня несчастной. Въ четыре часа онъ заболѣлъ, а въ восемь вечера! О, мой Боже, сжальтесь надъ нами, надъ императоромъ, надо мною, надъ нами... Мой братъ, каковы будутъ ваши приказанія относительно его?» [1]).

lent frère, que j'apporte auprès de vous à Pétersbourg où déjà, grâce à Dieu, l'on m'a, j'espère, presque oublié? Est-ce avec la mine de honte que je pourrai vous approcher? est-ce avec la mine d'un mécontent que certes je ne serai jamais? est-ce avec une mine peinée et qui sera interprêtée par les siens et les étrangers comme mécontentement et brouille de famille partout? est-ce enfin pour me claquemurer chez moi, sans en sortir, puisque, je l'avoue, que je ne pourrai me présenter nulle part sans honte du triste rôle que je suis forcé de jouer après 36 années de service. De plus, veuillez songer combien de monde me demanderont compte de leurs parents et enfants qu'ils m'avaient confiés et que j'ai l'air d'avoir abandonnés et auxquels je ne pourrai répondre preuves en mains et, malgré cela, ils y croiront avec peine. Je ne pourrai présenter mes justifications dans les lettres que vous avez daignées m'écrire, à tous ces parleurs et dans lesquelles ils ne verraient que ma soumission et mon obéissance à exécuter vos ordres suprêmes... en m'éloignant d'après vos désirs de l'armée". (Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 7-го (19-го) іюня 1831 года, изъ Витебска.

[1]) „Witebsk, ce 15 (27) 1831.

„Mon frère, vous serez bien malheureux, car je le suis et une chose au monde

Вечеромъ, 17-го (29-го) іюня, генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ отправился къ государю, находившемуся въ Петергофѣ. «На пути,—пишетъ Бенкендорфъ,—встрѣтилъ меня фельдъегерь, который, остановивъ коляску, подалъ мнѣ записку отъ князя Волконскаго, требовавшаго, именемъ государя, неотложнаго моего прибытія.. Нѣсколько удивленный симъ, такъ какъ пріѣзда моего въ Петергофъ уже и безъ того ожидали, я, однако же, велѣлъ погонять лошадей и вскорѣ домчался до маленькаго домика, занимаемаго государемъ. Первыя попавшіяся мнѣ лица были два доктора императрицы. Ихъ озабоченный видъ крайне меня испугалъ. Едва я успѣлъ, на вопросъ мой, услышать, что императрицѣ сейчасъ пускали кровь, какъ вышелъ государь, весь въ слезахъ, и, схвативъ меня за руку, увлекъ въ свой кабинетъ. Здѣсь, въ такомъ волненіе, какъ мнѣ никогда не случалось его видѣть, онъ передалъ мнѣ полученное имъ извѣстіе, что братъ его, Константинъ Павловичъ, скончался отъ холеры [1]). Когда я прочелъ печальныя подробности этой внезапной кончины, государь сказалъ мнѣ, что, желая дать очевидное доказательство живаго участія, пріемлемаго имъ въ положеніи несчастной вдовы цесаревича, онъ сейчасъ отправляетъ меня къ княгинѣ Ловичъ съ изъявленіемъ ей своего соболѣзнованія и съ приглашеніемъ пріѣхать въ Петербургъ при тѣлѣ ея мужа, котораго она не рѣшалась оставить. Чувствуя себя при выѣздѣ изъ города совершенно здоровымъ, я вышелъ изъ государева кабинета больнымъ. Относя это единственно къ печальнымъ ощущеніямъ отъ неожиданной вѣсти о кончинѣ цесаревича, я пошелъ въ свои комнаты, чтобы распорядиться приготовленіями къ предстоящей поѣздкѣ; но едва успѣлъ, кончивъ ихъ, прилечь, какъ во мнѣ открылись всѣ признаки холеры. Прибывшій въ эту минуту изъ Петербурга врачъ государевъ Арендтъ, прибѣжавъ ко мнѣ, испугался при видѣ перемѣны въ моемъ лицѣ. Послѣ данныхъ мнѣ лѣкарствъ и горячей ванны, откуда меня вынули безъ чувствъ, мнѣ сдѣлалось нѣсколько

---

pouvait me rendre malheureuse. A quatre, il est tombé malade, mais à huit du soir! O mon Dieu, prenez pitié de nous, de l'Empereur, de moi, de nous... Mon frère, qu'ordonnez vous à propros de lui?

[1]) Кончина цесаревича Константина Павловича возвѣщена была манифестомъ, подписаннымъ 17-го іюня 1831 года на дачѣ Александріи близъ Петергофа, въ которомъ сказано:

„Среди печальныхъ сердцу нашему событій Всевышнему угодно было усугубить горесть нашу. Любезнѣйшій братъ нашъ цесаревичъ и великій князь Константинъ Павловичъ, пораженный заразительною болѣзнію, въ Витебскѣ свирѣпствовавшею, послѣ сильныхъ, но скоротечныхъ страданій скончался отъ холеры въ пятнадцатый день сего мѣсяца. Съ душою скорбною, но съ смиреніемъ къ неисповѣдимымъ опредѣленіямъ Царя царей, возвѣщаемъ всенародно о постигшей домъ нашъ печали“.

легче. Тотчасъ взяты были всевозможныя предосторожности для охраненія царскаго жилища отъ привезенной мною заразы. Но государь въ ту же еще ночь навѣстилъ меня и потомъ, въ теченіе слишкомъ трехъ недѣль, каждый день удостоивалъ меня своимъ посѣщеніемъ и продолжительною бесѣдою, предметы которой представляли, впрочемъ, обыкновенно мало отраднаго».

Въ это время ко всѣмъ заботамъ, обременявшимъ тогда императора Николая, присоединилась еще новая печаль: съ 14-го (26-го) іюня въ Петербургѣ открылась холера, которая черезъ нѣсколько дней приняла угрожающіе размѣры. Страшная болѣзнь привела въ трепетъ всѣ классы населенія и въ особенности простонародіе, которое всѣ мѣры для охраненія его здоровья, усиленный полицейскій надзоръ, оцѣпленіе города и даже уходъ за пораженными холерою въ больницахъ начало считать преднамѣреннымъ отравленіемъ. Стали собираться въ скопища, останавливать на улицахъ иностранцевъ, обыскивать ихъ для открытія носимаго при себѣ мнимаго яда, гласно обвинять врачей въ отравленіи народа. Напослѣдокъ, 22-го іюня (4-го іюля), чернь, возбужденная толками и подозрѣніями, столпилась на Сѣнной площади и, посреди многихъ другихъ безчинствъ, бросилась съ яростью разсвирѣпѣвшаго звѣря на домъ, въ которомъ была устроена временная больница. «Всѣ этажи,— какъ пишетъ генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ,—въ одну минуту наполнились этими бѣшеными, которые разбили окна, выбросили мебель на улицу, изранили и выкинули больныхъ, приколотили до полусмерти больничную прислугу и самымъ безчеловѣчнымъ образомъ умертвили нѣсколько врачей. Полицейскіе чины, со всѣхъ сторонъ тѣснимые, попрятались или ходили между толпами переодѣтыми, не смѣя употребить своей власти. Наконецъ, военный генералъ-губернаторъ графъ Эссенъ, показавшійся среди сборища, равномѣрно не успѣлъ возстановить порядка и также долженъ былъ укрыться отъ изступленной толпы. Въ недоумѣніи, что предпринять, городское начальство собралось у графа Эссена, куда прибылъ и командовавшій въ Петербургѣ гвардейскими войсками графъ Васильчиковъ. Послѣ предварительнаго совѣщанія, послѣдній привелъ на Сѣнную площадь батальонъ Семеновскаго полка съ барабаннымъ боемъ. Это хотя и заставило народъ разойтись съ площади въ боковыя улицы, но нисколько его не усмирило и не заставило образумиться. Въ ночь волненіе нѣсколько стихло, но все еще городъ былъ далеко отъ обыкновеннаго порядка».

Князь Меншиковъ въ дневникѣ своемъ пишетъ: «Принуждены были двинуть войска, которыя, не видя государя, показали недовѣріе къ начальству, но магическое для русскихъ слово все перемѣнило. Графъ Закревскій сказалъ, что поляки подбиваютъ народъ, и мигомъ преображенцы зарядили ружья. 23-го іюня (5-го іюля) государь поѣхалъ въ Пе-

тербургъ водою, на пароходѣ «Ижора», взялъ меня и доктора Арендта; мы пристали къ Елагину острову, который запертъ для охраненія отъ холеры. Здѣсь государь узналъ о положеніи города отъ военнаго генералъ-губернатора и другихъ лицъ, призванныхъ для свиданія и объясненія. Сѣлъ въ коляску и, взявъ меня съ собою, отправился на Преображенское парадное мѣсто, гдѣ лагеремъ стоялъ батальонъ сего полка. Государь объявилъ имъ, что есть злоумышленные люди, подбивающіе народъ къ безпокойству, что войска вчера возстановили порядокъ, что онъ войска благодаритъ и увѣренъ, что впредь также будутъ дѣйствовать. Солдаты отвѣчали восклицаніями преданности весьма замѣчательными и криками «ура!». Государь проѣхалъ потомъ Каретною частью, гдѣ погрозилъ нѣкоторымъ толпамъ и лавочникамъ. Оттуда проѣхалъ на Сѣнную площадь, гдѣ собрано было до 5.000 народу. Вставъ среди коляски и обратившись къ толпѣ, государь сказалъ:

— Вчера учинены были злодѣйства, общій порядокъ былъ нарушенъ, стыдно народу русскому, забывъ вѣру отцовъ своихъ, подражать буйству французовъ и поляковъ, они васъ подучаютъ, ловите ихъ, представляйте подозрительныхъ начальству, но здѣсь учинено злодѣйство, здѣсь прогнѣвали мы Бога, обратимся къ церкви, на колѣни, и просить у Всемогущаго прощенія.

«Вся площадь стала на колѣни и съ умиленіемъ крестилась, и государь тоже; были слышны нѣкоторыя восклицанія: «согрѣшили окаянные». Продолжая потомъ рѣчь свою къ народу, государь объявилъ толпѣ:

— Что, клявшись передъ Богомъ охранять благоденствіе ввѣреннаго ему Промысломъ народа, онъ отвѣчаетъ передъ Богомъ и за безпорядки, а потому онъ ихъ не попуститъ,—повторяя еще: — Самъ лягу, но не попущу, и горе ослушникамъ.

«Въ это время нѣсколько человѣкъ возвысили голосъ. Государь воскликнулъ къ народу:

— До кого вы добираетесь, кого вы хотите, меня ли? Я никого не страшусь, вотъ я!.. (показываетъ на свою грудь).

«Народъ въ восторгѣ и слезахъ кричалъ «ура!». Послѣ сего государь поцѣловалъ одного старика изъ народа и воротился на Елагинъ и въ Петергофъ.

«24-го іюня (6-го іюля) слухи и ложныя извѣстія о безпокойствахъ въ Петербургѣ тревожили насъ цѣлый день, и государь нѣсколько разъ собирался туда ѣхать. 25-го іюня (7-го іюля) день рожденія государя. Послѣ обѣда онъ опять поѣхалъ изъ Петергофа на пароходѣ къ Ела-

гину острову, гдѣ, взявъ графа Чернышева съ собою, объѣзжалъ городъ, былъ въ Аничковскомъ дворцѣ и возвратился въ Петергофъ» [1]).

Порядокъ былъ возстановленъ, но холера не уменьшилась—умирало до 600 человѣкъ въ день. Несмотря на значительное число вновь устроенныхъ больницъ, ихъ становилось мало; священники едва успѣвали отпѣвать трупы.

26-го іюня (8-го іюля) императоръ Николай писалъ фельдмаршалу Паскевичу:

«Здѣсь у насъ послѣдовали новыя весьма важныя затрудненія, которыя, однако, съ помощію всемогущаго, всемилосерднаго Бога, мы превозможемъ. Холера уже тринадцатый день насъ посѣтила и ею заболѣло болѣе 1.200 человѣкъ всѣхъ состояній и изъ коихъ до половины умерли! Народъ ей не вѣритъ, и буйство возрасло до того, что два госпиталя разграбили и убили лѣкаря и другихъ. Мнѣ удалось унять народъ своими словами безъ выстрѣла, но войско, стоя въ лагерѣ, безпрестанно въ движеніи, чтобы укрощать и разсѣивать толпы. Вчера былъ я опять въ городѣ, меня съ покорностію слушаютъ и, слава Богу, начинаютъ приходить въ порядокъ. Но признаюсь, все это меня крайне мучаетъ, отъ тебя жду съ нетерпѣніемъ утѣшенія. Да поможетъ тебѣ Богъ» [2]).

Въ слѣдующемъ затѣмъ письмѣ, отъ 4-го (16-го) іюля, государь сообщилъ графу Паскевичу еще слѣдующія свѣдѣнія о ходѣ болѣзни въ Петербургѣ.

«Здѣсь со вчерашняго дня, благодаря милосердному Богу, холера нѣсколько слабѣетъ. Но дѣйствія ея были ужасны и на всѣ состоянія. Мы лишились отличнаго почтеннаго графа Оппермана; потеря сія для меня наичувствительнѣйшая, я его никѣмъ не могу замѣнить. Умерли также генералъ-интендантъ флота генералъ Головнинъ, морской артиллеріи генералъ-маіоръ Барановъ, путей сообщенія ген.-маіоръ Шефлеръ и Аѳанасьевъ и много другихъ. Графъ Ланжеронъ умираетъ и, наконецъ, сею же болѣзнію умерла статсъ-дама княгиня Куракина. Въ городѣ все тихо, и народъ вѣритъ и унылъ. Въ войскѣ потеря сносна, но въ Кронштадтѣ—ужасна! Потерялъ я также бѣднаго графа Потоцкаго, но сей не отъ холеры, а отъ камня въ печени».

---

[1]) Донесенія, представленныя генералъ-адъютанту Бенкендорфу изъ III-го отдѣленія, по поводу событій, сопровождавшихъ появленіе холеры въ Петербургѣ въ 1831 году.

[2]) Графу П. А. Толстому государь писалъ 29-го іюня (10-го іюля) 1831 года:

„Здѣсь появилась холера и уже около 2.000 ею заболѣло и половина померла. Были безпокойства и буйства, но съ помощію Божіею прекращены безъ оружія; но гибель эта большая". (Военно-Ученый Архивъ. Отд. 1. № 645.

15-го (27-го) іюля государь могъ уже сообщить Паскевичу болѣе успокоительныя извѣстія:

«Здѣсь все тихо и въ порядкѣ... болѣзнь, слава Богу, столь же скоро исчезаетъ, какъ страшно скоро развилась».

По свидѣтельству генералъ-адъютанта Бенкендорфа, въ Петербургѣ «на каждомъ шагу встрѣчались траурныя одежды и слышались рыданія. Духота въ воздухѣ стояла нестерпимая. Небо было накалено какъ бы на далекомъ югѣ, и ни одно облачко не застилало его синевы, трава поблекла отъ страшной засухи—вездѣ горѣли лѣса и трескалась земля. Дворъ переѣхалъ изъ Петергофа въ Царское Село, куда переведены были и кадетскіе корпуса. За исключеніемъ Царскаго Села, холера распространилась и по всѣмъ окрестностямъ столицы. Народъ страдалъ отъ препонъ, которыя полагались торговлѣ и промышленности. Правительство должно было работать за всѣхъ, подавая руку помощи нуждавшимся, предупреждая безпорядки и заботясь о народномъ продовольствіи».

Министерство внутреннихъ дѣлъ издало въ 1831 году: «Наставленіе къ распознанію признаковъ холеры, предохраненію отъ оной и къ первоначальному ея лѣченію». Эта брошюра наполнена многими любопытными правилами и причинила немало бѣдъ руководствовавшимся заключавшимися въ ней наставленіями. Лицамъ, подающимъ помощь одержимому холерою, предписывалось: «имѣть съ собою скляночку съ растворомъ хлориновой извести, или съ крѣпкимъ уксусомъ, которымъ чаще потирать себѣ руки, около носа, виски и проч., кромѣ сего носить въ карманѣ сухую хлориновую известь въ полотняной сумочкѣ».

Между тѣмъ, всѣхъ тѣхъ, которые строго исполняли это правило, народъ на улицахъ останавливалъ и если находилъ въ карманѣ въ скляночкѣ уксусъ, либо порошки хлористой извести, заставлялъ, въ удостовѣреніе, что это не ядъ, выпивать, а порошокъ насильно сыпалъ въ ротъ. Несчастныя жертвы заботливости о самосохраненіи были избиваемы, и многіе поплатились даже жизнію. Всѣ эти явленія происходили отъ усвоенной тогда властями ложной отправной точки, что холера обладаетъ свойствами чумы и переносится людьми и вещами; поэтому правительство придумывало цѣлый рядъ охранительно-стѣснительныхъ мѣръ, вызвавшихъ только народныя волненія и всеобщее неудовольствіе.

Въ «Наставленіи» попадаются и комическія страницы; такъ напримѣръ запрещалось жить въ жилищахъ тѣсныхъ и нечистыхъ; запрещалось предаваться гнѣву, страху, унынію и безпокойству духа и вообще сильному движенію страстей; запрещалось вскорѣ послѣ сна выходить на воздухъ. «А если требуетъ того необходимость, то должно одѣваться теплѣе, и никакъ не выходить безъ обуви». Запрещалось выходить изъ дому, не омывши все тѣло, или, по крайней мѣрѣ, руки, виски и за

ушами «растворомъ хлориновой соды или извести, а за недостаткомъ оныхъ, чистымъ уксусомъ, или простымъ виномъ, смѣшаннымъ съ деревяннымъ чистымъ масломъ».

Въ объявленіи «Положенія С.-Петербургскаго комитета, составленнаго подъ предсѣдательствомъ генералъ-губернатора, для принятія мѣръ противъ распространенія холеры въ здѣшней столицѣ», отъ 20-го іюня 1831 года, между прочимъ, сказано было: «При полученіи извѣстій отъ частнаго пристава о каждомъ сомнительномъ больномъ, попечитель отправляется самъ для освидѣтельствованія больнаго, оказанія ему пособія и чтобъ собрать всѣ нужныя свѣдѣнія о томъ домѣ, гдѣ больной оказался, дабы всѣ мѣры къ огражденію самаго дома были приняты» и проч.

Очевидецъ тревожныхъ холерныхъ дней 1831 года разсказываетъ слѣдующій случай, вызванный упомянутымъ объявленіемъ: «Разъ, проходя по Моховой улицѣ, я увидѣлъ, что трехъ-этажный домъ, находящійся наискось церкви Симеона, былъ запертъ и оцѣпленъ полиціей; у воротъ стояли два будочника, а третій—ходилъ подъ окнами по тротуару. Жители, въ страхѣ и отчаяніи, высунувшись изъ отворенныхъ оконъ всѣхъ этажей, что-то кричали,—я разобрать не могъ. Лица, проходящія мимо этого дома, бѣжали, затыкая платками носы, или нюхали уксусъ. Я изъ любопытства остановился наблюдать, что будетъ; думалъ, что вотъ явится попечитель или частный, или квартальный и распорядится, чтобы больной былъ удаленъ въ больницу, а здоровые были выпущены. Но напрасны были мои ожиданія; прошло вѣрныхъ полчаса, никто не являлся и никакого распоряженія не послѣдовало. Слышу въ воротахъ крикъ, шумъ, стукъ молотковъ; ворота шатаются, и видно, что на нихъ изнутри напираютъ. Къ счастію жителей, на дворѣ жилъ слесарь, который, собравъ своихъ рабочихъ, сбилъ калитку съ петель; калитка упала, и вся эта толпа съ радостью и крикомъ бросилась на улицу; жители вздохнули свободно; въ одну минуту у оконъ никого не было; всѣ ринулись вонъ изъ дома и разбѣжались по всѣмъ направленіямъ; полиція въ мигъ исчезла; что было далѣе, сказать не могу, потому что я, дивясь тому, что видѣлъ, продолжалъ путь свой» [1]).

Встрѣчались и другія картины тогдашнихъ петербургскихъ нравовъ. Неумѣлая и невѣжественная полиція того времени нерѣдко забирала въ домахъ пьяныхъ людей и, принимая ихъ за холерныхъ, отправляла въ больницы. Здѣсь, подобный мнимый больной, очнувшись, бѣжалъ домой по улицѣ въ больничномъ халатѣ и въ колпакѣ, распространяя въ

[1]) И. Р. Фонъ-деръ-Ховенъ: Холера въ С.-Петербургѣ въ 1831 году. „Русская Старина", 1884 г., т. 44, стр. 395.

народѣ ненависть къ докторамъ и къ больницамъ, а также молву, что туда хватаютъ народъ для отравы.

Множество народа покинуло въ холерное время столицу; эти бѣглецы разнесли по Россіи нелѣпые слухи объ отравѣ; въ новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ подобные слухи нашли для себя благопріятную почву и послужили поводомъ къ страшному возмущенію.

«Въ Старой Руссѣ,—писалъ императоръ Николай графу Паскевичу 15-го (27-го) іюля 1831 года, — и въ другихъ мѣстахъ повторились здѣшнія сцены и подъ тѣмъ же глупымъ предлогомъ. Въ Старую Руссу посланы войска, и дальнѣйшаго еще не знаю».

Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ посвятилъ этому печальному событію въ своихъ запискахъ слѣдующія строки:

«Несмотря на всѣ перемѣны, внесенныя въ военныя поселенія императоромъ Николаемъ, сѣмя общаго неудовольствія, взращенное между поселянами коренными основами первоначальнаго ихъ образованія и стѣснительнымъ управленіемъ Аракчеева, еще продолжало въ нихъ корениться. Прежніе обыватели этихъ мѣстъ, оторванные отъ покоя и независимости сельскаго состоянія и подчиненные строгой дисциплинѣ и трудамъ военнымъ, покорялись и той и другимъ лишь противъ воли. Введенные въ ихъ составъ солдаты, скучая однообразіемъ безпрестанной работы и мелочными требованіями, были столь же недовольны своимъ положеніемъ, какъ и прежніе крестьяне. Достаточно было одной искры, чтобы вспыхнуло общее пламя безпокойства. Холера и слухи объ отравѣ послужили къ тому лишь предлогомъ. Военные поселяне, возбуждая другъ друга, дали волю давнишней своей ненависти къ начальству и бросились съ яростію на офицеровъ и врачей. Всѣ округи огласились общимъ воплемъ, требовавшимъ смерти офицеровъ и отравителей; всякій, кто не могъ спастись отъ нихъ скорымъ бѣгствомъ, былъ безпощадно убиваемъ, и одно только поселеніе 1-го Карабинернаго полка не приняло никакого участія въ этихъ звѣрскихъ кровопролитіяхъ. Резервные батальоны тѣхъ полковъ, которые такъ мужественно дрались въ Польшѣ, равнодушно смотрѣли на совершавшіяся въ ихъ глазахъ неистовства, и хотя не уклонялись прямо отъ повиновенія, но очень вяло исполняли приказанія своихъ начальниковъ. Уже люди злонамѣренные начинали являться для направленія этого гнуснаго возстанія, уже эмиссары старались возбудить окрестныхъ помѣщичьихъ крестьянъ противъ ихъ владѣльцевъ. Въ Старой Руссѣ народъ бросился на помѣщеніе полиціи, умертвилъ городничаго, нанесъ жестокіе побои прочимъ полицейскимъ чиновникамъ, разбилъ питейные дома и въ торжествѣ бѣгалъ по опустѣлымъ улицамъ. Генералы собрали батальоны, но не отважились идти на бунтовщиковъ, въ опасеніи, что приказанія

ихъ останутся неисполненными. Все, что еще оставалось на сторонѣ законной власти, было погружено въ уныніе и бездѣйствовало [1]).

[1]) Когда начался бунтъ въ военныхъ поселеніяхъ, графъ Аракчеевъ, опасаясь за свою безопасность, поспѣшилъ удалиться изъ Грузина въ Новгородъ. Но здѣсь графа ожидало не менѣе чувствительное огорченіе; мѣстное начальство не только не озаботилось принять мѣры къ его успокоенію, но поступками своими даже побуждало его къ выѣзду въ Тверскую губернію. Тогда Аракчеевъ обратился къ императору Николаю съ письменною жалобою.

По поводу этого письма, государь написалъ графу Чернышеву нижеслѣдующія строки:

„Изъ прилагаемаго письма г. Аракчеева увидите, сколь неприлично поступаютъ съ генераломъ, въ службѣ считающимся. Напишите предписаніе г. Люце и г. губернатору, что на личную ихъ отвѣтственность возлагаю блюсти за безопасностью г. Аракчеева во время его пребыванія въ Новгородѣ; что ихъ дѣло охранять отъ обидъ каждаго, подавно же тѣхъ, кои удостаиваютъ носить мой военный мундиръ. Г. Люце, какъ временному коменданту, поставить слѣдующихъ по уставу часовыхъ къ дому г. Аракчеева и принять всѣ мѣры, еслибъ, чему не вѣрю, была точная опасность, чтобъ съ нимъ ничего не приключилось. Напишите въ сильныхъ и положительныхъ выраженіяхъ".

Вслѣдствіе высочайшей воли, выраженной въ приведенной нами резолюціи, графъ Чернышевъ обратился изъ Царскаго Села 1-го (13-го) августа 1831 года къ новгородскому коменданту генералъ-маіору Люце съ слѣдующимъ отношеніемъ:

„До высочайшаго свѣдѣнія дошло, что г. генералъ-отъ-артиллеріи графъ Аракчеевъ, по случаю разнесшихся слуховъ объ угрожающей будто бы ему опасности буйства военныхъ поселянъ, пріѣхалъ изъ имѣнія своего Грузина въ Новгородъ, полагая быть тамъ безопаснѣе; но, что вопреки сего ожиданія, мѣстное начальство не только не заботилось принять зависящія мѣры къ его успокоенію, но, напротивъ того, совершенно несоотвѣтственными ни званію, ни лѣтамъ его своими поступками, показало рѣшительную наклонность побудить его къ выѣзду въ Тверскую губернію.

„Въ чувствахъ негодованія на столь неприличное отношеніе къ полному генералу, состоящему на службѣ его величества, государь императоръ высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ немедленно предписать вашему превосходительству, что его величество изволитъ возлагать на личную вашу и г. новгородскаго гражданскаго губернатора отвѣтственность имѣть за безопасностью графа Аракчеева, во все пребываніе его въ Новгородѣ, самое дѣятельнѣйшее попеченіе, поставя при томъ на видъ вамъ, что ежели вы по настоящему званію и г. губернаторъ облечены непремѣнно обязанностію ограждать отъ обидъ всѣхъ и каждаго, то кольми паче были обязаны обратить сугубое вниманіе ваше къ особѣ генерала высшей степени, и что сверхъ того въ особенности ваше превосходительство, какъ временный комендантъ города, имѣли долгомъ своимъ поставить къ дому генерала графа Аракчеева слѣдующихъ по уставу часовыхъ и вообще употребить къ охраненію его способы, ежели бы ему дѣйствительно могла угрожать какая-либо опасность, что однако же государь императоръ изволитъ полагать совершенно невѣроятнымъ.

«Но, среди произведенныхъ безчинствъ, поселяне сами испугались всего ими совершеннаго и рѣшились послать депутацію къ государю. Нѣкоторые изъ числа ихъ повѣренныхъ были остановлены за станцію до Царскаго Села, другіе прошли прямо въ Петербургъ. Государь пожелалъ видѣть этихъ людей и приказалъ графу Орлову привести ихъ въ Ижору, куда взялъ и меня съ собою. Когда они предстали передъ его величествомъ, то онъ велѣлъ всѣмъ стать на колѣни, строго изобразилъ имъ всю гнусность ихъ поступковъ и всю тягость заслуженнаго ими наказанія.

— Ступайте домой,—заключилъ онъ, — и скажите вашимъ, что я пришлю моего генералъ-адъютанта Орлова, чтобы произвести строжайшее разысканіе и принять надъ ними начальство. Смотрите же слушаться его.

«Орловъ вслѣдъ затѣмъ поѣхалъ въ поселеніе. Его твердость, присутствіе духа и значеніе, которое давала ему присылка отъ высочайшаго имени, ободрили начальниковъ и утвердили повиновеніе въ колебавшихся солдатахъ.

«Но государь хотѣлъ самъ все лично видѣть и потушить въ его началѣ бунтъ, угрожавшій самыми опасными послѣдствіями. Онъ отправился въ поселеніе совершенно одинъ, оставя императрицу въ послѣднемъ періодѣ ея беременности и въ смертельномъ безпокойствѣ, по случаю этой отважной поѣздки. Постоянный рабъ своихъ царственныхъ обязанностей, государь исполнялъ то, что считалъ своимъ долгомъ; ничто, лично до него относившееся, не въ силахъ было остановить его.

«Онъ пріѣхалъ прямо въ округъ военныхъ поселеній и предсталъ передъ собранными батальонами, запятнавшими себя кровью своихъ офицеровъ. Лицъ ему не было видно; всѣ преступники лежали распростертыми на землѣ, ожидая безмолвно и трепетно монаршаго суда. Повторивъ сказанное ихъ депутатамъ, государь приказалъ вывести изъ рядовъ главныхъ виновныхъ и предать ихъ немедленно военному суду. Все было исполнено съ слѣпою покорностію. Одному батальону, еще болѣе другихъ осквернившему себя злодѣяніями и также лежавшему лицомъ къ землѣ, государь тутъ же велѣлъ выйти изъ экзерциргауза и идти немедленно, въ полномъ его составѣ, въ Петербургъ, гдѣ людей размѣстить по крѣпостямъ, подвергнуть суду и выключить изъ списковъ. Весь батальонъ поднялся, повернулся направо и пошелъ въ величайшемъ порядкѣ, къ мѣсту своего назначенія. Ни одинъ солдатъ не отва-

---

„Таковую высочайшую волю объявляя вашему превосходительству къ точному и непремѣнному исполненію, долгомъ считаю присовокупить, что вмѣстѣ съ симъ предписано уже объ оной и г. новгородскому гражданскому губернатору".

жился даже попросить позволенія проститься съ семьею или взять что-нибудь изъ своего имущества.

«Потомъ государь обратился къ начальникамъ, отдалъ имъ приказанія о составѣ военно-судныхъ коммиссій и о дальнѣйшихъ распоряженіяхъ для возстановленія порядка [1]). Старорусскіе жители также хотѣли просить себѣ помилованія, но государь, наиболѣе противъ нихъ раздраженный, отозвался, что его нога не будетъ въ ихъ преступномъ городѣ, и что ихъ разберетъ также военный судъ.

«Между тѣмъ, обнаружившіяся на дѣлѣ пагубныя послѣдствія существованія военныхъ поселеній, почти у воротъ столицы, и глубоко укоренившагося въ поселеніяхъ неудовольствія къ своему положенію не могли не обратить на себя особеннаго вниманія. Явилась необходимость измѣнить начала устройства поселеній и уничтожить этотъ духъ братства и совокупныхъ интересовъ, который изъ двѣнадцати гренадерскихъ полковъ составлялъ какъ бы отдѣльную и при томъ вооруженную общину, разъединенную и отъ арміи, и отъ народа. Но такъ какъ, послѣ случившагося, надлежало избѣгать малѣйшей уступки, то ко всѣмъ перемѣнамъ было приступлено уже позже и при томъ болѣе въ видѣ наказанія. Одинъ 1-й Карабинерный полкъ, въ награду за свое поведеніе, остался на прежнемъ своемъ положеніи; во всѣхъ прочихъ велѣно дѣтей поселянъ, причислявшихся прежде къ своимъ полкамъ, распредѣлять безъ разбора по полкамъ армейскимъ; убыль въ гренадерскихъ полкахъ пополнить рекрутами изъ всѣхъ губерній; отдѣлить солдатъ отъ поселянъ, оставляя первыхъ только на жительствѣ у послѣднихъ, какъ вообще въ деревняхъ, и обложить поселянъ денежными сборами. Впослѣдствіи помѣщенія двухъ гренадерскихъ полковъ были заняты двумя гвардейскими кавалерійскими полками, квартировавшими прежде въ Варшавѣ, а помѣщеніе третьяго—отведено подъ кадетскій корпусъ.

«Изъ этой поѣздки, составлявшей столь блестящую страницу царствованія императора Николая,—онъ успѣлъ возвратиться ко времени разрѣшенія августѣйшей своей супруги. Богъ обрадовалъ его, 27-го іюля (8-го августа) 1831 года, рожденіемъ сына Николая [2]). Послѣ

---

[1]) Подверглись наказанію: розгами — 150 человѣкъ, шпицъ-рутенами — 1.599 человѣкъ, кнутомъ—88 человѣкъ, исправительно—773 человѣка.

Послѣ тѣлеснаго наказанія и во время таковаго умерло 129 мятежниковъ.

[2]) Въ письмѣ къ графу П. А. Толстому, императоръ Николай 28-го іюля (9-го августа) пишетъ: „Богъ меня наградилъ за поѣздку мою въ Новгородъ, ибо, спустя нѣсколько часовъ послѣ моего возвращенія, Богъ даровалъ женѣ счастливое разрѣшеніе отъ бремени сыномъ Николаемъ“.

Въ тотъ же день государь писалъ по тому же поводу графу Паскевичу: „Богъ благословилъ жену мою, давъ ей вчера счастливое разрѣшеніе отъ

всѣхъ испытанныхъ государемъ огорченій, это радостное событіе было первымъ свѣтлымъ проблескомъ и какъ бы началомъ новой, лучшей эпохи въ его жизни. Въ прошедшемъ все было омрачено печалями и бѣдствіями, надъ будущимъ висѣла, казалось, такая же черная туча. Война въ Польшѣ, возстаніе въ западныхъ губерніяхъ, страшная смертность въ столицахъ, мятежъ на Сѣнной площади и въ военныхъ поселеніяхъ,—все это мало обѣщало хорошаго. И вдругъ все измѣнилось: съ каждымъ курьеромъ стали приходить, одна за другою, лишь добрыя вѣсти».

Но до прибытія въ Петербургъ столь нетерпѣливо ожидаемыхъ добрыхъ вѣстей изъ дѣйствующей арміи, императоръ Николай испыталъ еще много душевныхъ волненій. «Что за минута! лихорадка бьетъ, но съ покорностью жду, что Богъ дастъ»; — писалъ государь Паскевичу. Къ существовавшимъ тогда политическимъ тревогамъ присоединилось еще потрясающее впечатлѣніе, которое должно было произвести на государя погребеніе тѣла скончавшагося цесаревича Константина Павловича. 1-го (13-го) августа императоръ Николай писалъ графу Паскевичу: «Вчера привезли тѣло брата въ Гатчино, и, признаюсь, тяжелый былъ мнѣ день; свиданіе съ сестрой было ужасно, и я больной воротился».

Церемонія ввоза тѣла цесаревича черезъ Петербургъ въ крѣпость состоялась лишь 14-го (26-го) августа; шествіе двинулось отъ Московской заставы и продолжалось четыре часа, во время проливнаго дождя. За колесницей ѣхалъ верхомъ императоръ Николай со свитою. 17-го (29-го) августа тѣло было предано землѣ въ Петропавловскомъ соборѣ.

Ближайшимъ послѣдствіемъ кончины цесаревича Константина Павловича явился указъ отъ 29-го августа 1831 года, въ которомъ сказано:

«На основаніи закона, постановленнаго въ Учрежденіи объ императорской фамиліи, повелѣваемъ: любезнѣйшаго сына нашего наслѣдника всероссійскаго престола, его императорское высочество великаго князя Александра Николаевича, отнынѣ впредь наименовать во всѣхъ случаяхъ государемъ наслѣдникомъ цесаревичемъ и великимъ княземъ».

Княгиня Ловичъ поселилась въ Царскомъ Селѣ. По разсказу генералъ-адъютанта Бенкендорфа: «болѣзненная, печальная, убитая судьбою, неумолчно оплакивавшая того, который возвелъ ее на степень невѣстки царской и не переставалъ до конца своихъ дней питать къ ней самую нѣжную привязанность и дружбу, она не хотѣла никого видѣть

бремени сыномъ Николаемъ. Наша радость велика, и нельзя отъ глубины души не признавать милость Божію, что среди всѣхъ несчастій и скорбей поддержалъ здоровье жены моей столь удивительнымъ образомъ".

и заключалась въ своей скорби. Только для меня сдѣлано было исключеніе, такъ какъ въ послѣднее время я состоялъ въ постоянной перепискѣ съ цесаревичемъ и при томъ жилъ въ одномъ изъ флигелей того дворца, который она занимала. Я нашелъ, что умъ и сердце ея сохранили всю прежнюю теплоту и живость; но постигшій ее ударъ и несчастіе горячо любимой ею отчизны сильно подѣйствовали на ея нервы и разстроили воображеніе. Она съ жаромъ заступалась за образъ дѣйствія покойнаго супруга и старалась, если не оправдать, то по крайней мѣрѣ ослабить безразсудство и неблагодарность своихъ соотечественниковъ. Вся ея бесѣда свидѣтельствовала о сильномъ волненіи, въ конецъ разрушившемъ остатокъ жизненныхъ силъ, уже истощенныхъ слабымъ сложеніемъ. Вскорѣ княгиня пала жертвой нервическаго недуга».

Между тѣмъ, польскій мятежъ все болѣе приближался къ окончательной кровавой развязкѣ. 4-го (16-го) іюля русская армія начала переправляться на лѣвый берегъ Вислы у Осыка близъ прусской границы, а затѣмъ продолжала медленно и осторожно наступать къ Варшавѣ. Наконецъ, двухъ-дневный штурмъ 25-го и 26-го августа (6-го и 7-го сентября) рѣшилъ участь польской столицы; остатки мятежной арміи очистили городъ и Прагу, отступивъ къ Модлину. Гвардія, подъ личнымъ предводительствомъ великаго князя Михаила Павловича, вступила 27-го августа (8-го сентября) въ покоренную Варшаву, черезъ Іерусалимскую заставу; къ вечеру графъ Паскевичъ переѣхалъ въ Бельведерскій дворецъ.

«Варшава у ногъ вашего императорскаго величества»,—доносилъ фельдмаршалъ Паскевичъ императору Николаю.

Посланный съ этимъ радостнымъ извѣстіемъ флигель-адъютантъ ротмистръ князь Суворовъ, внукъ генералиссимуса, прибылъ въ Царское Село 4-го (16-го) сентября. За два дня до того государь получилъ отъ фельдмаршала диспозицію для предстоящаго штурма Варшавы; легко представить себѣ, въ какомъ безпокойствѣ провелъ Николай Павловичъ эти двое сутокъ въ ожиданіи рѣшительнаго извѣстія. Все русское общество въ Петербургѣ и въ Москвѣ находилось съ нѣкотораго времени въ подобномъ же тревожномъ ожиданіи грядущихъ событій. Наконецъ, вожделѣнный курьеръ прибылъ. Окружавшая Царское Село цѣпь остановила Суворова. Государь самъ къ нему выѣхалъ и привезъ его торжествуя во дворецъ.

«Какъ всегда, первымъ движеніемъ великаго нашего монарха было возблагодарить Бога. Въ нѣсколько минутъ дворецъ наполнился людьми, и всѣ были внѣ себя отъ радости»,—пишетъ Бенкендорфъ.

По словамъ государя, «восторгъ Петербурга описать нельзя, только что съ ума не сходятъ, что будетъ въ Москвѣ» [1]).

Императоръ Николай осчастливилъ своего побѣдоноснаго фельдмаршала слѣдующими милостивыми строками:

«Слава и благодареніе всемогущему и всемилосердному Богу!—Слава тебѣ, мой старый отецъ-командиръ, слава геройской нашей арміи! Какъ мнѣ выразить тебѣ то чувство безпокойства, которое вселило во мнѣ письмо твое отъ 24-го числа, все, что происходило во мнѣ тѣ три безконечные дня, въ которые между страха и надежды ожидалъ роковой вѣсти и, наконецъ, то счастье, то неизъяснимое чувство, съ коимъ обнялъ я твоего вѣстника.

«Ты! съ помощью Бога всемилосерднаго, поднялъ вновь блескъ и славу нашего оружія, ты наказалъ вѣроломныхъ измѣнниковъ, ты отомстилъ за Россію, ты покорилъ Варшаву—отнынѣ ты свѣтлѣйшій князь Варшавскій! Пусть потомство вспоминаетъ, что съ твоимъ именемъ неразлучна была честь и слава россійскаго воинства, а имя твое да сохранитъ каждому память дня, вновь прославившаго имя русское. Вотъ искреннее изреченіе благодарнаго сердца твоего государя, твоего друга, твоего стараго подчиненнаго. Ахъ! зачѣмъ я не летѣлъ за тобой, по-прежнему въ рядахъ тѣхъ, кои мстили за честь Россіи; больно носить мундиръ и въ таковые дни быть приковану къ столу, подобно мнѣ несчастному» [2]).

Паденіе Варшавы не положило сразу конецъ кровопролитію въ Польшѣ. Война продолжалась еще нѣкоторое время, но не долго.

Ромарино съ 14.000 человѣкъ при 42-хъ орудіяхъ перешелъ въ Галицію и 5-го (17-го) сентября сдался австрійцамъ; вмѣстѣ съ нимъ удалился изъ Польши князь Адамъ Чарторижскій, который, предугадывая печальную судьбу, ожидавшую его въ Россіи, воспользовался случаемъ безпрепятственно выйти изъ сферы русскаго вліянія [3]).

---

[1]) Изъ письма императора Николая къ князю Варшавскому, отъ 10-го (22-го) сентября 1831 года, изъ Царскаго Села.

Въ томъ же письмѣ, государь относительно Франціи замѣтилъ:

„Ежели французы дѣйствительно столь же сумасбродны быть хотятъ, какъ ученики ихъ—поляки, то врядъ-ли избѣгнуть намъ всеобщей войны. Что-то будетъ въ Парижѣ, когда узнаютъ про штурмъ Варшавы? Цѣлаго стекла не оставятъ у Поццы въ домѣ... Желаю мира, но не надѣюсь".

[2]) Письмо императора Николая къ князю Варшавскому, отъ 4-го (16-го) и 5-го (17-го) сентября 1831 года.

[3]) 6-го (18-го) октября 1831 года послѣдовалъ указъ Правительствующему Сенату:

„Члена Государственнаго Совѣта и сенатора тайнаго совѣтника князя Чарторижскаго, нарушившаго присягу вѣрности и съ упорствомъ участвовавшаго во всѣхъ преступныхъ предпріятіяхъ польскихъ мятежниковъ, до

Занятіе генераломъ Ридигеромъ вольнаго города Кракова побудило Ружицкаго также искать спасенія на австрійской территоріи. Главныя силы польской арміи, удалившіяся къ Модлину, кончили тѣмъ, что 23-го сентября (5-го октября), подъ начальствомъ новаго главнокомандующаго Рыбинскаго, перешли въ Пруссію въ числѣ 21.000 человѣкъ, при 95 орудіяхъ. При польскихъ войскахъ, удалившихся изъ Варшавы, находилось новое мятежное правительство, съ Бонавентурой Немоевскимъ во главѣ. Модлинъ, съ 6.000-мъ гарнизономъ, сдался 26-го сентября (8-го октября), а въ заключеніе, Замостье—съ 4.000-мъ гарнизономъ—9-го (21-го) октября 1831 года. Польскій мятежъ кончился; но для Россіи вожделѣнный миръ сопровождался новымъ зломъ: въ Европѣ появилась польская эмиграція. Десятки тысячъ человѣкъ разсѣялись по всему міру, утративъ отечество; интересы ихъ и испытанныя невзгоды требовали выставлять себя и Польшу жертвами тиранства и гоненій; они понесли свою ненависть и вопль противъ Россіи въ Парижъ, Лондонъ, Бельгію и Америку. Образовавшейся тогда эмиграціи обязаны мы были съ 1831 года враждебнымъ настроеніемъ общественнаго мнѣнія въ Западной Европѣ къ русскому правительству, выражавшимся при каждомъ удобномъ случаѣ и словомъ и дѣломъ.

Въ Петербургѣ, побѣдоносное окончаніе польско-русской войны отпраздновали 6-го (18-го) октября торжественнымъ парадомъ и молебствіемъ на Марсовомъ полѣ.

«Помолившись сегодня утромъ Богу и воздавъ Ему за благодѣянія Его,—писалъ государь князю Варшавскому,—обращаюсь вторично къ тебѣ, мой любезный Иванъ Ѳедоровичъ, какъ виновнику сегодняшняго торжества, именемъ моимъ и отъ лица благодарнаго отечества; спасибо, отъ глубины души спасибо! Смотръ и вся церемонія были прекрасны; войска было 19.000 при 84 орудіяхъ, погода прекрасная и видъ чрезвычайный». Вмѣстѣ съ тѣмъ, императоръ Николай обрадовалъ князя Варшавскаго новою милостью: сынъ фельдмаршала удостоился производствомъ въ прапорщики. «Поздравляю тебя съ прапорщикомъ имени твоего полка, княземъ Ѳедоромъ Варшавскимъ; желаю, чтобы онъ шелъ по стопамъ отца и былъ достойный ему во всемъ наслѣдникъ».

Глубоко растроганный неожиданною царскою милостію, фельдмаршалъ отвѣчалъ государю:

«Еще одна милость изліяна вашимъ императорскимъ величествомъ на меня, пожалованіемъ моего сына въ офицеры. Увеличенныя благо-

---

самаго окончательнаго ихъ усмиренія и покоренія оружіемъ нашимъ всего края, признавая недостойнымъ присутствовать въ Государственномъ Совѣтѣ и Правительствующемъ Сенатѣ, повелѣваемъ изъ списковъ службы исключить".

дѣянія ваши налагаютъ на меня обязанность приложить стараніе заслужить оныя, но вашимъ милостямъ нѣтъ конца, и силы мои къ службѣ вашей, государь, у ногъ вашихъ, чтобы заслужить оныя» [1]).

На это письмо императоръ Николай отвѣчалъ безцѣнными для фельдмаршала строками, ярко освѣщающими отношенія, окончательно установившіяся, послѣ взятія Варшавы, между государемъ и его другомъ—отцомъ-командиромъ.

«Я радуюсь,—писалъ государь,—ежели назначеніемъ сына могъ тебѣ принести удовольствіе; но знай, что и твои заслуги выше моихъ наградъ, ежели мнѣ по моимъ чувствамъ судить. Наружные знаки милостей для людей; но то сердечное чувство благодарности, которое въ моемъ сердцѣ, оно для твоей души, которая мою понимаетъ; стало, ежели ты вѣришь моей благодарности, моей искренной любви, дружбѣ и довѣренности,—то я доволенъ» [2]).

Въ день петербургскаго мирнаго торжества, обнародованъ былъ манифестъ, въ которомъ объявлялось, что возжженная измѣной война прекратилась; вмѣстѣ съ тѣмъ, государь коснулся въ немъ и будущей своей политической программы по отношенію къ побѣжденной Польшѣ.

«Россіяне! съ помощію небеснаго Промысла, мы довершимъ начатое нашими храбрыми войсками»,—читаемъ мы въ заключительныхъ словахъ манифеста. «Время и попеченія наши истребятъ сѣмена несогласій, столь долго волновавшихъ два соплеменные народа. Въ возвращенныхъ Россіи подданныхъ нашихъ царства Польскаго вы также будете видѣть лишь членовъ единаго съ вами великаго семейства. Не грозою мщенія, а примѣромъ вѣрности, великодушія, забвенія обидъ, вы будете способствовать успѣху предначертанныхъ нами мѣръ, тѣснѣйшему, твердому соединенію сего края съ прочими областями имперіи, и сей государственный неразрывный союзъ, къ утѣшенію нашему, ко славѣ Россіи, да будетъ всегда охраняемъ и поддерживаемъ чувствомъ любви къ одному монарху, однѣхъ нераздѣльныхъ потребностей и пользъ общаго, никакимъ раздоромъ не возмущаемаго счастія» [3]).

На молебствіе 6-го октября были также приглашены представители дипломатическаго корпуса. Французскій полномочный министръ баронъ Бургоэнъ, въ бесѣдѣ съ однимъ изъ самыхъ приближенныхъ къ импе-

[1]) Изъ письма князя Варшавскаго императору Николаю, отъ 19-го (31-го) октября 1831 года.

[2]) Изъ письма императора Николая къ князю Варшавскому, отъ 24-го октября (5-го ноября) 1831 года.

[3]) Манифестъ императора Николая, отъ 6-го (18-го) октября 1831 года. Одновременно съ манифестомъ императоръ Николай отдалъ еще приказъ по арміи.

ратору Николаю людей, сказалъ: «Что скажетъ Францiя, если, въ моемъ лицѣ, ея цвѣта появятся на предстоящемъ торжествѣ? Я не въ правѣ поступать такъ, и сердце мое возмущается при этой мысли». Послѣ приведенныхъ здѣсь словъ французскаго дипломата, неудивительно, что онъ не присутствовалъ на молебствiи, чѣмъ очень опечалилъ государя, осыпавшаго его нѣкогда знаками своего вниманiя.

Въ Варшавѣ молебствiе и парадъ, по случаю окончанiя Польской войны, происходили 4-го (16-го) октября на равнинѣ между Iерусалимскою и Вольскою заставами; парадомъ командовалъ великiй князь Михаилъ Павловичъ. По окончанiи молебствiя его высочество, неожиданно приказавъ войскамъ взять на караулъ, отдалъ честь князю Варшавскому и, подъѣхавъ къ фельдмаршалу, опустилъ шпагу предъ представителемъ русской военной славы. Шумное и долго неумолкавшее «ура!» раздалось въ рядахъ войска. «Въ минуту этого пiитическаго состоянiя каждаго изъ находившихся на парадѣ, всѣ были поражены новымъ зрѣлищемъ,— пишетъ очевидецъ этого торжества, — фельдмаршалу угодно было приказать войскамъ взять на караулъ, чтобы отблагодарить его высочество, и только-что его свѣтлость, подъѣхавъ къ его высочеству, снялъ шляпу, безъ всякаго предварительнаго приказанiя вновь разлилось по войску «ура!»—безпрерывное, безконечное; восторгъ былъ всеобщiй» [1]).

За границею извѣстiе о взятiи Варшавы, какъ и слѣдовало ожидать, не было принято сочувственно.

«Въ Парижѣ бѣсились нѣсколько дней сряду,—писалъ императоръ Николай,—и насъ ругали до крайности; но все это очень хорошо, ибо доказываетъ ясно, что они заодно стояли, и что сей ударъ, par contre coup, имъ отдался сильно. Въ Англiи, напротивъ, приняли сiе какъ должно и благородно» [2]).

Государь остался также недовольнымъ австрiйскимъ правительствомъ, когда, между прочимъ, явились затрудненiя при выдачѣ нижнихъ чиновъ корпуса Ромарино. Объ этомъ свидѣтельствуютъ слѣдующiя строки письма императора Николая къ князю Варшавскому: «Затѣи австрiйцевъ подлы и двуличность гнусна, но не время съ ними ссориться, а ты весьма умно и хорошо поступилъ—велѣвъ объявить нижнимъ чинамъ, что могутъ возвратиться; оно не только не противно, но даже совершенно согласно съ моими намѣренiями, тебѣ извѣстными. Поведенiе нашихъ сосѣдей тѣмъ неблагоразумнѣе, что не даетъ имъ право въ тяжелое для нихъ время просить нашей помощи; и я, вѣрно, не

---

[1]) Достопамятныя черты изъ жизни генералъ-фельдмаршала князя Варшавскаго и храбрыхъ его сподвижниковъ. Москва, 1833 г., стр. 193—201.

[2]) Изъ письма императора Николая къ князю Варшавскому, отъ 24-го сентября (6-го октября) 1831 года, изъ Царскаго Села.

пролью капли драгоцѣнной русской крови за ихъ дѣло, ежели они произвольно нарушать станутъ трактаты, а для насъ однихъ считать ихъ будутъ святыми. Предвижу имъ всѣмъ плохой конецъ съ подобной политикой. Тѣмъ нужнѣе намъ скорѣе кончить и упрочить наше дѣло» [1]).

Основной взглядъ императора Николая на польскія дѣла, выработавшійся послѣ братоубійственной войны 1831 года и опредѣлившій собою послѣдующую судьбу Польши, выразился въ слѣдующихъ словахъ, сказанныхъ государемъ въ разговорѣ съ барономъ Бургоэномъ:

— Да, я знаю, Европа несправедлива въ отношеніи меня. Обоихъ насъ, моего брата Александра и меня, подвергаютъ отвѣтственности за то, чего мы оба не дѣлали. Не намъ принадлежитъ мысль о раздѣлѣ Польши: это событіе уже стоило Европѣ многихъ хлопотъ, пролило много крови и можетъ пролить еще; но не насъ слѣдуетъ упрекать въ томъ. Мы должны были принять дѣла такими, какими ихъ передали намъ. Я имѣю обязанности, какъ императоръ Россійскій. Я долженъ остерегаться повторенія тѣхъ ошибокъ, которыя породили нынѣшнюю кровопролитную войну. Между поляками и мною можетъ существовать лишь полнѣйшая недовѣрчивость (méfiance absolue). Привожу доказательства: покойный братъ мой осыпалъ благодѣяніями королевство Польское, а я свято уважалъ все имъ сдѣланное. Что была Польша, когда Наполеонъ и французы пришли туда въ 1807 году? Песчаная и грязная пустыня. Мы провели здѣсь превосходные пути сообщенія, вырыли каналы въ главныхъ направленіяхъ. Промышленности не существовало въ этой странѣ; мы основали суконныя фабрики, развили разработку желѣзной руды, учредили заводы для ископаемыхъ произведеній, которыми изобилуетъ страна, дали обширное развитіе этой важной отрасли народнаго богатства. Я расширилъ и украсилъ столицу; существенное преимущество, данное мною польской промышленности для сбыта ея новыхъ продуктовъ, возбудило даже зависть въ моихъ другихъ подданныхъ. Я открылъ подданнымъ королевства рынки имперіи; они могли отправлять свои произведенія далеко, до крайнихъ азіатскихъ предѣловъ Россіи. Русская торговля высказалась даже по этому поводу, что всѣ новыя льготы дарованы были моимъ младшимъ сыновьямъ въ ущербъ старшихъ сыновей. Вы отвѣтите, что это только матеріальныя благодѣянія, и что въ сердцахъ таятся другія чувства, кромѣ стремленій къ выгодамъ. Очень хорошо! Посмотримъ, не сдѣлали ли мы, мой братъ и я, всего возможнаго, чтобы польстить душевнымъ чувствамъ, воспоминаніямъ объ отечествѣ, о національности и даже либеральному

[1]) Изъ письма императора Николая къ князю Варшавскому, отъ 18-го (30-го) октября 1831 года, изъ Москвы.

чувству. Императоръ Александръ возстановилъ названіе королевства Польскаго, на что не рѣшался даже Наполеонъ. Братъ мой оставилъ за поляками народное обученіе на ихъ національномъ языкѣ, ихъ кокарду, ихъ прежніе королевскіе ордена: Бѣлаго Орла, Святаго Станислава и даже тотъ военный орденъ, который они носили въ память войнъ, веденныхъ съ вами и противъ насъ. Они имѣли армію совершенно отдѣльную отъ нашей, одѣтую въ національные цвѣта. Мы надѣлили ихъ оружейными заводами и пушечными литейными. Мы дали не только то, что удовлетворяетъ всѣ интересы, но и что льститъ страстямъ законной гордости: они нисколько не оцѣнили всѣхъ этихъ благодѣяній. Оставивъ имъ все, что было даровано, значило бы не признать опыта. Мои-то дары они и обратили противъ своего благодѣтеля. Прекрасная армія, такъ хорошо обученная братомъ моимъ Константиномъ, снабженная вдоволь всѣми необходимыми предметами, вся эта армія возстала; литейные, оружейные заводы, арсеналы, мною же столь щедро наполненные, послужили ей для того, чтобы воевать со мною. Я въ правѣ принять предосторожности, чтобы предупредить повтореніе случившагося. Углубимся, какъ говорятъ, въ самую суть вопроса. Что такое поляки? Народъ, разбросанный по обширной территоріи, которая принадлежитъ тремъ различнымъ державамъ. Развѣ я въ правѣ вернуться къ раздѣлу, такъ давно исполненному тремя различными державами? Всѣ сторонники поляковъ разглагольствуютъ объ этомъ на досугѣ. Они забываютъ, что я россійскій императоръ, что я долженъ принимать во вниманіе не только выгоды, но и страсти моихъ русскихъ подданныхъ и сочувствовать ихъ страстямъ въ томъ, что онѣ имѣютъ въ себѣ справедливаго. Гдѣ же я возьму составныя начала Польши, возстановляемой въ воображеніи? Имѣютъ ли въ виду раздѣлъ 1792 года, или мечтаютъ о возстановленіи всей Польши, какъ она существовала до перваго раздѣла? Но вѣдь ни Австрія, ни Пруссія, ни мои русскіе подданные не позволили бы мнѣ этого. Вы видите, что нѣтъ возможности вернуться къ прошедшему. Могу утверждать съ полною искренностью, что мы осыпали поляковъ всякаго рода благодѣяніями; могу сказать самымъ восторженнымъ ихъ сторонникамъ: найдите мнѣ, въ какое угодно время, подъ русскимъ ли владычествомъ, въ эпоху ли герцогства Варшавскаго, въ пору ли буйнаго избирательнаго королевскаго правленія, Польшу болѣе богатую, лучше устроенную, съ болѣе превосходною арміей, съ болѣе цвѣтущими финансами, съ болѣе развитою промышленностью передъ Польшею въ царствованіе императора Александра и мое. Поляки не оцѣнили всѣхъ этихъ преимуществъ; довѣріе навсегда разрушено между ими и мною. (La confiance est à jamais détruite entre eux et moi).

Всѣ доводы императора Николая не поколебали, однако, убѣжденій барона Бургоэна, который продолжалъ настаивать на необходимости

возстановить въ Польшѣ, хотя отчасти, тотъ порядокъ вещей, который существовалъ до мятежа, находя, что поляковъ скорѣе можно образумить милосердіемъ, нежели строгостію. Государь возразилъ, въ свою очередь, дипломату, что никогда не позволитъ себѣ этого (Je m'en garderai bien). Впрочемъ, въ семъ роковомъ вопросѣ баронъ Бургоэнъ былъ не одинокимъ проповѣдникомъ политики милосердія и всепрощенія. Парротъ, опальный другъ императора Александра, также заступился за поляковъ и писалъ въ 1831 году его преемнику:

«Прежде чѣмъ написать вамъ эти строки, я палъ ницъ предъ Божествомъ. Я просилъ Его очистить мое сердце отъ всякой слабости, а мой умъ—отъ всякаго предубѣжденія. Я умолялъ Его осѣнить меня, чтобы подать вамъ совѣтъ. Почтите, государь, эту мольбу безкорыстнаго старца, который имѣетъ въ виду лишь васъ, ваши истинные интересы, вашу славу. Я вопрошалъ свое сердце, соразмѣрялъ настоящее, и вся моя душа взываетъ къ вамъ: милосердіе! милосердіе! Конфисковать имѣнія мятежниковъ—это значитъ обогащаться гнуснымъ способомъ. Желать отомстить русскую пролившуюся кровь—заблужденіе. Казня живыхъ, нельзя воскресить мертвыхъ. Месть—проявленіе страстей. Прощать—это сѣять братство среди людей, предотвратить месть въ какой-либо критическій моментъ. А кто поручится вамъ, государь, что критическій моментъ не наступитъ для васъ? или для вашего дорогаго сына? Развѣ у васъ, государь, нѣтъ какого-либо грѣха, который нужно было бы искупить? И вотъ милосердіе въ отношеніи Польши искупитъ ихъ всѣ» [1]).

Наконецъ, независимо отъ краснорѣчивыхъ изліяній неисправимаго александровскаго идеалиста, даже среди русскаго общества, несмотря на патріотическія увлеченія минуты, раздавались голоса въ пользу примирительной политики. Князь П. А. Вяземскій въ одномъ изъ своихъ писемъ пишетъ: «что дѣлается въ Петербургѣ послѣ взятія Варшавы?

---

[1]) „Avant de vous écrire ces lignes je me suis prosterné devant la Divinité. Je L'ai priée de purifier mon coeur de toute faiblesse et mon esprit de toute prévention. Je L'ai suppliée de me sanctifier pour vous donner des conseils. Honorez, Sire, cette prière d'un vieillard désintéressé qui ne voit que vous, votre véritable intérêt votre gloire. J'ai sondé mon coeur, j'ai calculé le présent et l'avenir et mon âme entière vous crie: clémence! clémence! Confisquer le bien des rebelles, c'est s'enrichir d'une manière odieuse. Vouloir venger le sang russe qui a coulé c'est une erreur. On ne ressucite pas les morts par le supplice des vivants. La vengeance est de la passion. Pardonner, c'est fraterniser les hommes, c'est prévenir la vengeance dans un moment critique. Et qui vous répondra, Sire! que le moment critique ne viendra pas pour vous? ou pour votre fils chéri? N'avez vous pas, Sire, quelque péché à expier. Eh bien! la clémence envers la Pologne les expiera tous". (Изъ письма Паррота къ императору Николаю, отъ 2-го (14-го) марта 1831 года).

Именемъ Бога (если Онъ есть) и человѣчности (если она есть) умоляю васъ, распространяйте чувства прощенія, великодушія и состраданія. Миръ жертвамъ. Право сильнаго восторжествовало. Такимъ образомъ, Провидѣніе удовлетворено. Да будетъ оно прославлено, равно какъ и тѣ, кому сіе надлежитъ; но не будемъ подражать дикарямъ, съ пѣснями пляшущимъ вокругъ костровъ, на которые положены ихъ плѣнники. Будемъ снова европейцами» [1]).

Тѣмъ не менѣе, идеи строгости и возмездія одержали верхъ. Императоръ остался вѣренъ мысли, высказанной имъ еще до усмиренія польскаго мятежа, что «если вопросъ рѣшится оружіемъ, тогда между нами будетъ лишь полнѣйшее недовѣріе (la méfiance la plus absolue)».

XVII.

Государь, раздѣлившій съ Москвою въ 1830 году холерное бѣдствіе, пожелалъ теперь побывать снова въ своей древней столицѣ, когда, послѣ усмиренія польскаго мятежа, воцарились снова въ землѣ миръ и спокойствіе. 11-го (23-го) октября императоръ Николай прибылъ въ Москву, а черезъ три дня пріѣхала туда императрица Александра Θеодоровна, а 28-го октября (9-го ноября) наслѣдникъ цесаревичъ.

«Ты удивишься, любезный Иванъ Θедоровичъ, когда узнаешь мой внезапный отъѣздъ съ женой сюда; но я считалъ его полезнымъ для того, чтобы удостовѣриться самому объ духѣ Москвы и дать оному нужное мнѣ направленіе»,—писалъ императоръ Николай князю Варшавскому, 15-го (27-го) октября 1831 года. По пріѣздѣ же въ Москву, государь писалъ: «сказать восторгъ жителей Москвы невозможно, надо самому это видѣть; день былъ прелестный, и народу было столько, что сверху страшно было смотрѣть. Замѣчательно, что ключи Модлина ко мнѣ доставлены наканунѣ молебствія; ключи Замостья здѣсь, наканунѣ

---

[1]) „Que devient Pétersbourg après la prise de Varsovie? Au nom de Dieu, s'il y en a un, et de l'humanité, s'il y en a une, propagez des sentiments de pardon, de générosité, de commisération. Paix aux victimes! Le droit du plus fort a eu le dessus. La Providence est donc en règle. Gloire lui soit rendue, ainsi qu'à tous à qui de droit; mais n'imitons pas les sauvages, qui dansent autour des bûchers de leurs ennemis. Redevenons Européens". (Изъ письма князя П. А. Вяземскаго къ Елисаветѣ Михайловнѣ Хитровой, отъ 7-го (19-го) октября 1831 года, изъ Москвы. „Русскій Архивъ" 1895 года, книга 2-я, стр. 111).

же молебствія. Великъ Богъ русскій, десница Его видна вездѣ и во всемъ, Онъ любитъ Россію» [1]).

Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ пишетъ по поводу пребыванія государя въ Москвѣ, что площадь передъ дворцомъ съ утра до ночи кипѣла народомъ, надѣявшимся увидѣть кого-нибудь изъ членовъ императорской фамиліи въ окошко. «При ихъ выѣздахъ, толпа бѣжала имъ на встрѣчу и сопровождала радостными криками ихъ экипажи. Государь, посѣщая съ обычною своею дѣятельностью общественныя заведенія, работалъ, между тѣмъ, неусыпно надъ преобразованіемъ управленія царства Польскаго и надъ сліяніемъ западныхъ нашихъ губерній, въ отношеніи къ ихъ законамъ и обычаямъ, съ великороссійскими. Дано было новое направленіе Виленскому университету и другимъ мѣстнымъ училищамъ, введеніемъ въ нихъ преподаванія русскаго языка, какъ основы всего ученія. Бездомное и вѣчно безпокойное сословіе шляхты было отдѣлено, въ правахъ и привилегіяхъ своихъ, отъ истиннаго дворянства и обращено въ нѣчто среднее между помѣщикомъ и землевладѣльцемъ. Наконецъ, присутственныя мѣста и должностныя лица, вмѣсто прежнихъ польскихъ своихъ названій, получили тѣ же, какъ и въ Россіи. Въ это пребываніе двора въ Москвѣ, привезли туда всѣ знамена и штандарты бывшей польской арміи, и государь приказалъ поставить ихъ въ Оружейную палату, въ числѣ трофеевъ, скопленныхъ тутъ вѣками [2]). Тамъ же, на полу, у подножія императора Александра, была положена и хартія, нѣкогда имъ пожалованная царству Польскому» [3]).

---

[1]) Изъ письма императора Николая къ князю Варшавскому, отъ 18-го (30-го) октября 1831 года, изъ Москвы.

Фельдмаршалъ отвѣчалъ 27-го октября 1831 года:

„Восторгъ жителей Москвы меня не удивляетъ, это восторгъ благороднаго народа, который чувствуетъ, чѣмъ онъ обязанъ своему царю".

[2]) Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ забылъ упомянуть, что въ качествѣ трофеевъ также присланы были въ Москву тронъ королевскій и дворцовый флагъ. Всѣ эти знаки прежняго существованія Польши, какъ самостоятельнаго королевства, сданы были, подобно знаменамъ и штандартамъ, на храненіе въ Оружейную палату.

[3]) Къ этимъ словамъ генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ прибавляетъ, что императоръ Александръ въ послѣдній годъ царствованія оплакивалъ дарованную имъ царству Польскому конституцію, „какъ актъ великодушія, столь же предосудительный для политической будущности царства, сколько оскорбительный для самолюбія русской имперіи". Здѣсь, кажется, Бенкендорфъ приписываетъ собственныя свои мысли и разсужденія императору Александру; едва-ли мы имѣемъ достаточное основаніе утверждать, что творецъ соглашенія 1815 года съ Польшею измѣнилъ своимъ кореннымъ убѣжденіямъ по поводу этого вопроса и оплакивалъ принятое имъ рѣшеніе? Напротивъ того, существуютъ несомнѣнныя доказательства, что императоръ Александръ по-

По этому поводу императоръ Николай писалъ князю Варшавскому изъ Москвы: «Спасибо за charte constitutionelle и за знамена; все здѣсь храниться будетъ въ Оружейной палатѣ, какъ памятникъ великодушія нашего Александра I и польской благодарности, равно какъ твоей славы иللхрабраго нашего войска»[1]. Затѣмъ въ позднѣйшемъ письмѣ къ фельдмаршалу государь посвятилъ тому же предмету еще нѣсколько строкъ.

«Я получилъ ковчегъ съ покойницей конституціей, за которую благодарю весьма; она изволитъ покоиться здѣсь въ Оружейной палатѣ».

Относительно генераловъ бывшей польской арміи императоръ Николай распорядился не очень милостиво.

Сначала казалось, что правительство откажется отъ репрессивныхъ мѣръ относительно генераловъ мятежной арміи. Дѣйствительно, 10-го (22-го) сентября, графъ Чернышевъ писалъ князю Варшавскому, что государь повелѣваетъ, чтобы всѣ польскіе генералы, пользовавшіеся этимъ званіемъ въ арміи до революціи, отправлены были въ Москву и тамъ ожидали бы полученія дальнѣйшихъ приказаній его величества. Чернышевъ прибавилъ, что государь не желаетъ, чтобы господа эти, направляясь въ Москву, были арестованы, но только сопровождаемы (Elle désire que ces messieurs se dirigent sur Moscou sans être arrêtés, mais accompagnés); напротивъ того, — писалъ Чернышевъ, — государь желаетъ, чтобы генералы эти знали, что, требуя ихъ въ Москву, онъ не намѣревается принять противъ ихъ карательныя мѣры; они должны остаться въ Москвѣ, пока Польша не будетъ вновь организована и тогда,—какъ полагалъ Чернышевъ,—государь намѣревается ихъ видѣть и дозволить имъ возвратиться.

Но вскорѣ снисходительное настроеніе государя измѣнилось, и уже 1-го (13-го) октября государь писалъ князю Варшавскому изъ Царскаго Села: «Польскихъ генераловъ, ни въ какомъ случаѣ, я не полагалъ оставить въ Москвѣ, но разошлю врозь по губернскимъ городамъ и подалѣе». Затѣмъ, по пріѣздѣ въ Москву, государь писалъ въ разное время: «Польскіе генералы валятъ сюда ежедневно и спроваживаются немедля въ Ярославль и Вологду»[2]. «Подвозъ поляковъ съ недѣлю

мышлялъ даже объ увѣнчаніи водруженнаго имъ политическаго зданія новыми мѣропріятіями въ прежнемъ духѣ. Поэтому нельзя приписать императору Александру мыслей и чувствъ, вызванныхъ въ душѣ его преемника неумолимымъ ходомъ позднѣйшихъ событій.

[1]) Изъ письма императора Николая къ князю Варшавскому, отъ 15-го (27-го) октября 1831 года, изъ Москвы.

[2]) Изъ письма императора Николая къ князю Варшавскому, отъ 24-го октября (5-го ноября) 1831 года, изъ Москвы.

какъ пріостановился было, какъ вдругъ сегодня привезены трое, въ томъ числѣ его милость Крюковецкій! Какъ имъ будетъ весело любоваться другъ на друга! Я ихъ прибралъ по мастямъ, такъ что всѣ наслѣдники главнокомандованія обрѣтаться будутъ въ Ярославлѣ, а прочая ..... въ Вологдѣ» [1]).

Разрѣшеніе возвратиться въ Польшу дано было весьма немногимъ избраннымъ лицамъ, съумѣвшимъ внушить къ себѣ довѣріе правительства.

Императоръ Николай воспользовался своимъ пребываніемъ въ Москвѣ, чтобы съѣздить въ Ярославль. Въ этой поѣздкѣ, государя сопровождалъ генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ, который въ своихъ записках пишетъ: «На пути въ Ярославль, мы ночью посѣтили Троицко-Сергіевскую лавру. Архимандритъ съ братіею встрѣтили насъ у Святыхъ воротъ съ зажженными свѣчами. Несмотря на 12 градусовъ мороза, государь пошелъ съ непокрытою головою черезъ дворъ и корридоры въ ту древнюю и великолѣпно-украшенную церковь, гдѣ нѣкогда, въ польскую осаду, иноки, ослабленные трудами защиты, голодомъ и ранами, собрались въ ожиданіи конечнаго штурма и неминуемой смерти, для причащенія въ послѣдній разъ Св. Таинъ, а вмѣсто того послѣдовало неожиданное отступленіе непріятеля. Воспоминанія этой сцены, древность зданія, посвященнаго молитвѣ, окружавшій насъ мракъ, разсѣеваемый лишь свѣтомъ свѣчей, едва достаточнымъ, чтобы видѣть золото и драгоцѣнные камни на иконахъ,—все это вмѣстѣ произвело во мнѣ глубокое и благоговѣйное умиленіе. Монахи проводили государя обратно до его саней, и, поѣхавъ далѣе, мы около обѣда прибыли въ Ростовъ, гдѣ все народонаселеніе высыпало передъ соборомъ. Помолившись въ немъ, государь остановился въ отведенномъ для него домѣ одного изъ значительнѣйшихъ мѣстныхъ купцовъ, отъ котораго, послѣ разспросовъ о торговлѣ этого города, принялъ и обѣдъ, поданный съ привычнымъ русскимъ хлѣбосольствомъ. Вечеромъ мы пріѣхали въ Ярославль, коего улицы были усѣяны народомъ и дома ярко освѣщены. Общій восторгъ выразился здѣсь еще явственнѣе, чѣмъ въ Москвѣ. Государь уже давно находился въ своихъ комнатахъ, а крики все не умолкали, возобновляясь иногда съ большею еще силою. Пришлось, нако-

---

[1]) Изъ письма императора Николая къ князю Варшавскому, отъ 3-го (15-го) ноября 1831 года, изъ Москвы.

Въ одномъ изъ позднѣйшихъ писемъ императора Николая къ князю Варшавскому, отъ 14-го (26-го) декабря 1831 года, изъ Петербурга, гнѣвное настроеніе государя выразилось еще болѣе рѣзкимъ образомъ. Упоминая о безпорядкахъ, происшедшихъ въ Данцигѣ, Николай Павловичъ пишетъ: „Поляки въ Данцигѣ дотого начудили, что самихъ французовъ испугали; очень здорово и здорово и пруссакамъ, за всѣ ихъ комплименты съ этими .....“.

нецъ, выслать сказать, что государь усталъ отъ дороги и хочетъ спать; только тогда толпа разошлась, но съ ранняго утра она снова уже стояла подъ его окнами. Государь посѣтилъ соборъ и общественныя заведенія, въ томъ числѣ и Демидовскій лицей, этотъ благородный памятникъ щедрости русскаго вельможи. Украшеніе города, нивеллировка волжской набережной, фабрики шелковыхъ и льняныхъ издѣлій и прекрасный Спасскій монастырь—обратили на себя его особенное вниманіе. Дворянство дало для него балъ въ своемъ общественномъ домѣ, въ которомъ помѣщается приказъ общественнаго призрѣнія и училище для неимущихъ дѣтей обоего пола. Осмотрѣвъ все и отдавъ соотвѣтственныя нуждамъ и потребностямъ приказанія, государь возвратился въ Москву, гдѣ пробылъ до 25-го ноября (7-го декабря). Большіе концерты въ дворянскомъ собраніи и вечера у императрицы и у военнаго генералъ-губернатора дали высшей публикѣ возможность насладиться высочайшимъ лицезрѣніемъ, и ихъ величества восхитили всѣхъ своимъ благодушіемъ и свойственною имъ привѣтливостью, передъ которой исчезали принужденность этикета и различіе сана».

Пребываніе государя въ Москвѣ ознаменовалось встрѣчею съ Алексѣемъ Петровичемъ Ермоловымъ. Она не прошла безслѣдно.

Императоръ Николай, какъ уже выше упомянуто, питалъ глубокое, можно сказать, непреодолимое недовѣріе и нерасположеніе къ бывшему проконсулу Грузіи; эти чувства продолжали существовать и въ 1831 г., хотя со времени невольной отставки Ермолова прошло уже болѣе четырехъ лѣтъ. Настроеніе государя вполнѣ отразилось въ перепискѣ его съ княземъ Варшавскимъ. 15-го (27-го) октября императоръ Николай писалъ отцу-командиру: «Здѣсь нашелъ я Ермолова; онъ былъ у меня, ужасно постарѣлъ, растолстѣлъ и обрюзгъ, и какъ кажется, присмирѣлъ. Полагаютъ, что ему хочется проситься вновь на службу, хотя мнѣ онъ про сіе ничего не говорилъ; но казалось и мнѣ, что симъ кончится; ежели такъ, я не откажу, но не мнѣ его приглашать». Нѣсколькими днями позже, 24-го октября (5-го ноября) государь продолжалъ: «Мое ожиданіе сбылось, сегодня Ермоловъ просилъ меня письмомъ принять паки въ службу! Вотъ, до чего дожили, посмотримъ, что изъ сего будетъ; повидимому, присмирѣлъ; не проведетъ, дружокъ!» [1]).

[1]) Въ такихъ же малосочувственныхъ выраженіяхъ императоръ Николай отозвался въ своей перепискѣ съ княземъ Варшавскимъ и о князѣ П. А. Вяземскомъ и А. И. Тургеневѣ: „Довольно странно, что всѣ извѣстные говоруны, какъ-то: князь Вяземскій и А. Тургеневъ, зашаркались и первый усердно служитъ". (Изъ письма императора Николая къ князю Варшавскому отъ 3-го (15-го) ноября 1831 года, изъ Москвы). Камергеръ, коллежскій совѣтникъ князь П. А. Вяземскій въ то время занималъ мѣсто чиновника по особымъ порученіямъ въ министерствѣ финансовъ; въ 1831 году онъ былъ командированъ въ Москву членомъ коммиссіи по устройству выставки россійскихъ произведеній и промышленности въ большомъ королевскомъ дворцѣ.

Къ этимъ неблагопріятнымъ отзывамъ императоръ Николай прибавилъ 3-го (15-го) ноября слѣдующія строки: «Ермоловъ покуда скроменъ и тихъ, посмотримъ, что дальше будетъ, я за нимъ съ любопытствомъ слѣдую и покуда еще не понимаю».

Внѣшнимъ образомъ, государь и императрица Александра Өеодоровна обошлись съ Ермоловымъ въ Москвѣ чрезвычайно милостиво; при различныхъ встрѣчахъ съ ветераномъ 1812 года, Николай Павловичъ удостаивалъ его продолжительными разговорами [1]). Всѣ глаза устремились на Ермолова. Всѣ чаяли его скорое возвышеніе и, какъ пишетъ Погодинъ: «придворные паразиты посыпались къ нему съ визитами» [2]). Тѣмъ не менѣе, ничего особеннаго или чрезвычайнаго не случилось, и назначеніе Ермолова на должность, соотвѣтствующую его способности и опытности, все-таки не послѣдовало. Императоръ Николай принялъ только Ермолова вновь на службу и назначилъ членомъ Государственнаго Совѣта, вслѣдствіе чего Алексѣй Петровичъ долженъ былъ переселиться въ Петербургъ.

Денисъ Давыдовъ сообщаетъ въ своихъ запискахъ слѣдующія подробности относительно обстоятельствъ, обусловившихъ вторичное вступленіе на службу Ермолова. «Государь, ожидавшій, что Ермоловъ, обласканный имъ, вступитъ снова въ службу, былъ крайне недоволенъ тѣмъ, что онъ даже не намекнулъ ему о подобномъ желаніи. Бенкендорфъ, посѣтивъ Ермолова, сказалъ ему, по порученію государя, слѣдующее: «его величеству весьма непріятно то, что вы, будучи столь милостиво приняты имъ, не изъявили до сего времени желанія поступить на службу», на что́ Ермоловъ отвѣчалъ: «государь властенъ приказать мнѣ это; но никакая сила не заставитъ меня служить вмѣстѣ съ Паскевичемъ». Это было передано куда слѣдуетъ. Графъ А. Ѳ. Орловъ, посѣтивъ Ермолова въ то время, какъ онъ собирался въ подмосковную, объявилъ ему о волѣ государя, дабы онъ вступилъ вновь въ ряды войска. Онъ сказалъ ему, что государь даетъ ему слово, что его никогда не сведетъ съ фельдмаршаломъ. Вынужденный написать въ этомъ смыслѣ письмо къ государю, Ермоловъ вскорѣ узналъ изъ приказа о принятіи своемъ на службу.

---

[1]) Денисъ Давыдовъ пишетъ, что Ермоловъ, будучи позванъ къ императорскому столу, едва не навлекъ гнѣва государя, принатіемъ участія въ нѣкоторыхъ польскихъ генералахъ, „которые,—какъ онъ выразился,—поступили какъ благородные граждане“. Государя, начинавшаго возвышать голосъ и намекать на то, что эти любезные ему граждане будутъ сосланы въ Сибирь, Ермоловъ успокоилъ лишь словами: „никто ихъ, конечно, не убѣдитъ, что милосердіе государя никогда не обратится на нихъ“.

[2]) А. П. Ермоловъ. Матеріалы для его біографіи, собранные М. Погодинымъ. Москва. 1864.

Можетъ быть нѣчто подобное дѣйствительно случилось и можетъ быть до нѣкоторой степени согласовано съ содержаніемъ писемъ императора Николая объ Ермоловѣ къ князю Варшавскому [1]).

Намъ остается еще упомянуть объ одномъ распоряженіи, сдѣланномъ императоромъ Николаемъ въ Москвѣ въ 1831 году; оно касалось государственной уставной грамоты императора Александра I.

Когда вспыхнула революція въ Варшавѣ, поляки захватили множество секретныхъ бумагъ, принадлежавшихъ цесаревичу Константину Павловичу и Н. Н. Новосильцову. Въ числѣ послѣднихъ находилась также государственная уставная грамота, разработкою которой нѣкогда занимался Новосильцовъ. Польское революціонное правительство воспользовалось сдѣланной находкой для своихъ цѣлей и напечатало грамоту 18-го (30-го) іюня 1831 года въ Варшавѣ на русскомъ и французскомъ языкахъ съ прибавкою предисловія, написаннаго министромъ иностранныхъ дѣлъ Андреемъ Городискимъ (André Horodyski) [2]). Когда русскія войска вступили въ Варшаву, государственная уставная грамота продавалась въ книжныхъ магазинахъ города; узнавъ объ этомъ, императоръ Николай написалъ князю Варшавскому, 14-го (26-го) сентября 1831 года, слѣдующія замѣчательныя строки:

---

[1]) Когда Ермоловъ находился уже въ Петербургѣ, ему было сдѣлано странное предложеніе. Графъ Чернышевъ спросилъ Алексѣя Петровича, согласился ли бы онъ принять на себя званіе предсѣдателя въ главномъ аудиторіатѣ. Ермоловъ отклонилъ сдѣланное ему лестное предложеніе, сказавъ: „Единственнымъ утѣшеніемъ была для меня всегда привязанность ко мнѣ войска, и я не хочу потерять ее. Готовъ принять всякую должность, какую государю угодно возложить на меня, но только не могу быть наказателемъ“. Такъ пишетъ М. П. Погодинъ.

Денисъ Давыдовъ формулируетъ отказъ Ермолова почти въ тѣхъ же выраженіяхъ: „Единственнымъ для меня утѣшеніемъ была привязанность войска; я не приму этой должности, которая бы возлагала на меня обязанности наказывать“. Государь замѣтилъ на это: „Ермоловъ не такъ это понимаетъ“.

[2]) Государственная уставная грамота напечатана въ приложеніяхъ къ 4-му тому сочиненія: „Императоръ Александръ I. Его жизнь и царствованіе“.

Въ предисловіи Городискій объясняетъ слѣдующимъ образомъ причину появленія въ печати Государственной уставной грамоты:

„Nous laissons à la nation russe le soin d'apprécier les motifs pour lesquels une idée aussi grande, une oeuvre aussi importante est tombée dans l'oubli. Les Polonais désirent ardemment que cette découverte fortuite rappelle au gouvernement russe qu'il serait temps enfin que la nation dont il se fait obéir et qui attend depuis si longtemps l'amélioration de son existence politique, que cette nation composée de tant de millions d'êtres opprimés par le despotisme, commence enfin à goûter les fruits d'une monarchie constitutionelle. Les Polonais s'estimeront heureux, si en portant ce projet à la connaissance du public, ils se trouvent avoir rendu service à ce grand peuple“.

«Чертковъ привезъ мнѣ экземпляръ проекта конституціи для Россіи, найденный у Новосильцова въ бумагахъ; напечатаніе сей бумаги крайне непріятно; на 100 человѣкъ нашихъ молодыхъ офицеровъ, 90 прочтутъ, не поймутъ, или презрятъ, но 10 оставятъ въ памяти, обсудятъ—и, главное, не забудутъ. Это пуще всего меня безпокоитъ. Для того, столь желательно мнѣ, какъ менѣе возможно, продержать гвардію въ Варшавѣ. Вели графу Витту стараться достать елико можно болѣе экземпляровъ этой книжки и уничтожить, а рукопись отыскать и прислать ко мнѣ, равно какъ и оригинальный актъ конституціи польской, который искать должно въ архивѣ сената... Начальникамъ велѣть обращать самое бдительное вниманіе на сужденіе офицеровъ и стараться и словами, и собственнымъ примѣромъ доказывать, коликаго презрѣнія заслуживаютъ тѣ, кои подобнымъ оружіемъ намъ вредить хотятъ».

Князь Варшавскій отвѣчалъ государю 26-го октября (7-го ноября) 1831 года:

«Генералъ графъ Виттъ, которому я, во исполненіе высочайшей воли вашего императорскаго величества, поручилъ сдѣлать розысканіе о такъ называемой русской конституціи, донося мнѣ, что изъ числа 2.000 экземпляровъ, въ Варшавѣ напечатанныхъ, взято революціоннымъ правительствомъ для раздачи всѣмъ министрамъ, членамъ революціоннаго правленія и депутатамъ сейма 150, отправлено помянутымъ правленіемъ къ главнокомандующему арміею мятежниковъ, для употребленія по его усмотрѣнію, 150, распродано частнымъ лицамъ: до занятія нашими войсками Варшавы 102 и въ первые дни по занятіи сего города распродано 18,—доставилъ ко мнѣ рукопись сей книги на французскомъ и русскомъ языкахъ и 1.578 печатныхъ экземпляровъ, нами выкупленныхъ, кромѣ экземпляра, представленнаго вашему императорскому величеству, и экземпляра, врученнаго его императорскому высочеству государю великому князю Михаилу Павловичу. Подносяпри семъ вашему императорскому величеству упомянутую рукопись, всеподданнѣйше доношу, что означенные 1.578 экземпляровъ отправлены мною въ двухъ запечатанныхъ печатью генерала графа Витта ящикахъ, для представленія вашему императорскому величеству къ генералъ-адъютанту графу Чернышеву.

«Что же касается до экземпляровъ, взятыхъ революціоннымъ правительствомъ и распроданныхъ частнымъ лицамъ, то генералъ графъ Виттъ при всемъ усерднѣйшемъ стараніи не успѣлъ еще открыть, у кого оные находятся и по сіе время никакого не оказалось повода, по коему бы можно было полагать, чтобы нѣкоторые изъ тѣхъ экземпляровъ были у гвардейскихъ офицеровъ».

Участь присланныхъ въ Москву ящиковъ съ уставною грамотою вскорѣ опредѣлилась. 23-го ноября (5-го декабря) генералъ-адъютантъ

Адлербергъ сообщилъ московскому коменданту генералу Стаалю, что «государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ, въ присутствіи вашего превосходительства и моемъ, сжечь 1.578 экземпляровъ одного сочиненія, распространеніе коего, по содержанію своему, не можетъ быть допущено. Вслѣдствіе сего покорнѣйше прошу ваше превосходительство назначить на сихъ же дняхъ время и мѣсто къ должному исполненію сей высочайшей воли».

Дальнѣйшій ходъ дѣла виденъ изъ нижеслѣдующаго секретнаго всеподданнѣйшаго рапорта, отъ 27-го ноября (9-го декабря) 1831 года:

«Во исполненіе высочайшаго вашего императорскаго величества повелѣнія, доставленные отъ главнокомандующаго дѣйствующею арміею два запечатанныхъ ящика, сего числа, со всѣми находившимися въ оныхъ 1.578-ю экземплярами, такъ называемой русской конституціи, на арсенальномъ дворѣ въ Кремлѣ сожжены. О чемъ счастіе имѣемъ всеподданнѣйше донести вашему императорскому величеству.

Московскій комендантъ генералъ-маіоръ Стааль.

Генералъ-адъютантъ Адлербергъ»[1]).

Императоръ Николай остался чрезвычайно довольнымъ временемъ, проведеннымъ въ Москвѣ, отдохнувъ здѣсь отъ девятимѣсячнаго мученія, какъ выразился государь въ письмѣ къ князю Варшавскому, прибавивъ, «которое Богъ прекратилъ чрезъ твое лицо». Печальное извѣстіе внезапно прервало пребываніе двора въ первопрестольной столицѣ: 17-го (29-го) ноября княгиня Ловичъ скончалась въ Царскомъ Селѣ въ первую годовщину польской революціи. «Бѣдная сестра княгиня Ловичъ кончила свою страдальческую жизнь»[2]), писалъ государь князю Варшавскому. «Подобно императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, княгиня не могла пережить своего супруга».

Государь выѣхалъ изъ Москвы 25-го ноября (7-го декабря) вмѣстѣ съ императрицею и проводилъ ее до ночлега въ Твери. Здѣсь онъ сѣлъ въ открытыя, какъ всегда въ его поѣздкахъ, сани и проѣхалъ въ сопровожденіи генералъ-адъютанта Бенкендорфа, нигдѣ не останавливаясь, до Царскаго Села. По разсказу Бенкендорфа, «близъ Новгорода холодный проливной дождь пробилъ насъ до костей и остался нашимъ спутникомъ во всю ночь. Нужно было имѣть крѣпкое здоровье, чтобы остаться здоровымъ послѣ этой поливки. Но государь спѣшилъ въ Царское Село для отданія послѣдняго долга скончавшейся княгинѣ Ловичъ. Весь дворъ

---

[1]) Архивъ канцеляріи военнаго министерства.

[2]) Въ томъ же письмѣ, отъ 20-го ноября (2-го декабря) 1831 года къ князю Варшавскому, императоръ Николай пишетъ: „Я ѣду въ среду съ тѣмъ, чтобы быть на похоронахъ. Въ Петербургѣ будемъ съ женой въ субботу 28-го числа; признаюсь, съ сожалѣніемъ оставляю Москву“.

былъ тамъ собранъ, и тѣло ея предали землѣ въ тамошней римско-католической церкви, избранной ею самою для послѣдняго своего обиталища».

Когда императоръ Николай возвратился въ Петербургъ, совершилась уже одна, не лишенная значенія, перемѣна въ личномъ составѣ высшей администраціи. Еще до московской поѣздки, государь сообщилъ князю Меншикову, что графъ Закревскій просится въ отставку, и поручилъ ему спросить графа, кого онъ избралъ бы себѣ въ преемники по управленію министерствомъ. Вскорѣ, 19-го ноября (1-го декабря) 1831 года, дѣйствительно состоялось увольненіе графа Закревскаго въ отставку, въ которой Арсеній Андреевичъ пробылъ до 1848 года, когда, по личной просьбѣ государя, графъ снова вступилъ на служебное поприще. Управляющимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ назначенъ былъ Дмитрій Николаевичъ Блудовъ; должность же финляндскаго генералъ-губернатора занялъ генералъ-адъютантъ князь Меншиковъ.

Въ чемъ же заключалась причина столь внезапнаго и неожиданнаго увольненія столь заслуженнаго государственнаго дѣятеля? Баронъ М. А. Корфъ въ своихъ запискахъ пишетъ, что графъ Закревскій, при назначеніи его министромъ внутреннихъ дѣлъ, принесъ съ собою въ управленіе, несмотря на недостатокъ высшаго образованія, очень много усердія, добросовѣстности и правдивости, и, сверхъ того, очень энергическій характеръ, доходившій, въ незнаніи угодливости сильнымъ, нерѣдко до строптивости. Возстановивъ противъ себя черезъ эту черту всѣхъ пользовавшихся властью, въ особенности предсѣдателя Государственнаго Совѣта и Комитета министровъ графа Кочубея, графъ Арсеній Андреевичъ естественно не могъ долго удержаться на мѣстѣ. Начало его опалѣ положено было проектомъ закона о состояніяхъ, разсматривавшимся въ Государственномъ Совѣтѣ въ 1830 году.

«Я не только,—разсказывалъ Закревскій барону Корфу,—сопротивлялся всѣми силами этому, какъ его называлъ, нелѣпому проекту, но и осмѣлился даже въ Совѣтѣ, въ присутствіи государя, собиравшагося тогда въ Варшаву, сказать, что первымъ условіемъ для изданія новаго закона считаю присутствіе его величества въ столицѣ. — Почему жъ?—спросилъ государь съ весьма раздраженнымъ видомъ.—Потому,—отвѣчалъ я,—что невозможно предвидѣть, какія послѣдствія будетъ имѣть этотъ государственный переворотъ, и я, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, не могу принять на себя отвѣтственности за сохраненіе народнаго спокойствія въ отсутствіе вашего величества.

«Прямаго возраженія не послѣдовало и хотя проектъ былъ отложенъ и потомъ совсѣмъ взятъ назадъ, однако, съ тѣхъ, именно, поръ, государь, видимо, ко мнѣ охолодѣлъ, а Кучубеи, мужчины и женщины, во всѣхъ поколѣніяхъ и во всей ихъ роднѣ, еще болѣе на меня озлобились, по-

*

тому что проектъ, какъ вы знаете, былъ созданіемъ этой ватаги, вмѣстѣ съ Сперанскимъ. Потомъ, при появленіи у насъ впервые холеры, государь командировалъ меня во внутрь Россіи, для мѣстныхъ распоряженій, а позже—назначилъ главнымъ распорядителемъ по всѣмъ мѣрамъ противъ болѣзни въ столицѣ. Здѣсь, увидясь со мною на другой день послѣ несчастныхъ іюньскихъ происшествій на Сѣнной, онъ спросилъ:

— Чему приписать народное волненіе?

— Единственно распоряженіямъ и злоупотребленіямъ полиціи.

— Это что значитъ?

— То, государь, что полиція силою забираетъ и тащитъ въ холерныя больницы и больныхъ и здоровыхъ, а потомъ выпускаютъ только тѣхъ, которые отплатятся.

— Что это за вздоръ,—закричалъ государь, видимо, разгнѣванный,—Кокошкинъ, доволенъ ли ты своею полиціею?

— Доволенъ, государь,—отвѣчалъ оберъ-полиціймейстеръ, тутъ же находившійся.

— Ну и я совершенно тобою доволенъ!

«Съ этимъ словомъ государь отвернулся и ушелъ въ другую комнату. Тутъ я еще болѣе убѣдился, что мой часъ насталъ: такая очная ставка съ подчиненнымъ и такое предпочтеніе его передо мною ясно доказывали, что мнѣ уже не оставаться министромъ. Я хотѣлъ только докончить нѣкоторыя, особо мнѣ данныя порученія, а потомъ откланяться. Между тѣмъ, дѣло нѣсколько оттянулось отъ того, что государь велѣлъ ѣхать въ Финляндію, для наблюденія за расположеніемъ тамъ умовъ, въ случаю революціи въ Польшѣ. Я остался въ Финляндіи до извѣстія объ окончаніи польскаго мятежа и, воротясь въ концѣ октября 1831 года, въ самуѣ минуту отъѣзда государя изъ Петербурга, послалъ просьбу объ отставкѣ, застигшую его еще въ Царскомъ Селѣ. Отставка дана мнѣ была тотчасъ же безъ затрудненій и даже безъ личнаго свиданія».

Въ дополненіе къ этому разсказу слѣдуетъ еще замѣтить, что немилости, въ которую впалъ тогда графъ Закревскій, наиболѣе способствовали слишкомъ крутыя мѣры, принятыя имъ во время объѣзда Россіи по случаю холерной эпидеміи; онѣ вызвали много неудовольствія и справедливыхъ жалобъ [1]).

---

[1]) Баронъ М. А. Корфъ въ своихъ запискахъ приводитъ слѣдующую записку, полученную имъ 4-го (16-го) іюля 1831 года отъ графа Кочубея, изъ Царскаго Села, подтверждающую повсемѣстный ропотъ, вызванный мѣропріятелями графа Закревскаго: „Изъ докладной записки г. министра внутреннихъ дѣлъ вы увидите, что онъ, наконецъ, и самъ почувствовалъ все неудобство мѣръ, прежде имъ къ охраненію отъ холеры предписанныхъ.

Въ эту пору императора Николая не переставала занимать мысль о возможномъ вредномъ вліяніи польскаго общества на молодыхъ представителей нашей арміи среди покоренной ею страны. Тотчасъ послѣ занятія Варшавы, государь не замедлилъ высказать фельдмаршалу, что онъ крайне опасается для офицеровъ, находящихся въ Польшѣ, «заразы нравственной» и писалъ, 14-го (26-го) сентября, изъ Царскаго Села, совѣтуя чаще мѣнять гарнизонъ въ Варшавѣ и обратить самое бдительное вниманіе на сношенія и поведеніе офицеровъ. Къ этому наставленію государь присовокупилъ: «заразы нравственной всего болѣе боюсь». Послѣднія слова были три раза подчеркнуты государемъ.

По прибытіи изъ Москвы, императоръ Николай, въ своей перепискѣ, снова возвратился къ этому жгучему вопросу и 10-го (22-го) декабря сообщилъ князю Варшавскому еще слѣдующія дополнительныя мысли:

«Все, что говоришь о спокойствіи края, мнѣ весьма пріятно [1]), но

Страшно подумать, что по одному московскому тракту скончалось въ карантинахъ до 12.000 душъ. Нѣтъ добрѣе и смирнѣе нашего народа!"

Впрочемъ, неудовольствіе, высказанное императоромъ Николаемъ противъ графа Закревскаго, началось ранѣе 1831 года. Приведемъ здѣсь примѣръ, относящійся къ 1828 году. Во время пребыванія государя въ арміи въ Турціи, главнокомандующій въ Петербургѣ графъ П. А. Толстой представилъ графу Дибичу отзывъ Закревскаго, въ которомъ сообщалось, что министръ внутреннихъ дѣлъ не принимаетъ сношеній съ нимъ помощника начальника штаба по военнымъ поселеніямъ, а требуетъ, чтобы въ этомъ случаѣ былъ соблюдаемъ порядокъ, начертанный въ Общемъ Учрежденіи министерствъ, относительно сношеній министровъ съ одними только главнокомандующими лицами, а не съ подчиненными ихъ.

20-го августа (1-го сентября) 1828 года послѣдовала въ Одессѣ нижеслѣдующая собственноручная резолюція императора Николая:

„Поручить графу Толстому, призвавъ генералъ-адъютанта Закревскаго, къ себѣ, объявить ему, что я съ удивленіемъ и съ крайнимъ неудовольствіемъ узналъ странную прихоть его, и что я подтверждаю и впредь не отступать отъ данныхъ Главному штабу правилъ".

Слово „прихоть" было три раза подчеркнуто государемъ.

[1]) 29-го ноября (11-го декабря) 1831 года, князь Варшавскій писалъ императору Николаю: „Здѣсь вездѣ утихло и успокоилось; въ провинціяхъ гораздо лучше приняли манифестъ вашего императорскаго величества. Варшава издавна была гнѣздо революціонистовъ; надобны годы на ихъ исправленіе. Въ провинціяхъ же даже въ продолженіе самой войны, гдѣ жители въ нѣкоторыхъ мѣстахъ все имущество потеряли, не находилъ я того ожесточенія, каковое встрѣчалось въ другихъ войнахъ и противъ другихъ народовъ. Я думаю, что если уменьшится власть помѣщиковъ надъ крестьянами, какъ я буду имѣть счастіе представить проектъ, то Польша можетъ современемъ быть если не привержена, то, по крайней мѣрѣ, во время войны съ другими націями не опасна.

прошу на сіе не полагаться и вездѣ подтверждать быть осторожнымъ. Я боюсь женщинъ; этотъ адскій народъ ими всегда дѣйствовалъ, и наша молодежь между ихъ соблазна и яда вольныхъ мыслей, точно въ опасномъ положеніи; молю тебя, ради Бога, смотри, что дѣлается, и не принимается ли зараза у насъ? Въ семъ наблюденіи нынѣ состоитъ какъ твоя, такъ и всѣхъ начальниковъ самая первая, важная, священная обязанность. Надо вамъ сохранить Россіи вѣрную армію; въ долгой же стоянкѣ память прежней вражды скоро можетъ исчезнуть и замѣниться чувствомъ соболѣзнованія, потомъ сожалѣнія и, наконецъ, желаніемъ подражанія. Сохрани насъ отъ того Богъ! Но повторяю, въ семъ вижу крайнюю опасность и неотступно прошу усугубить за симъ самое бдительное попеченіе, надзоръ и подтвержденіе всѣмъ начальникамъ. Надо елико можно дѣйствовать оружіемъ презрѣнія и во всѣхъ случаяхъ передъ нашими выставлять всю гнусность мятежническихъ правилъ и указать ужасныя онаго послѣдствія для края и для всѣхъ состояній. Пиши мнѣ, что ты по сему думаешь и замѣчаешь. Но лучшій способъ избѣгать опасности есть удаляться отъ оной, то-есть выслать домой все, безъ чего обойтиться можно».

На предостереженіе императора Николая князь Варшавскій отвѣчалъ 18-го (30-го) декабря:

«Спокойствіе края до сихъ поръ, благодаря Бога, продолжается; ни одного важнаго происшествія не случилось; съ самаго начала я сколь возможно занялся, чтобы войска, а особливо офицеры не испортились въ Варшавѣ, и для того по вашему повелѣнію войска перемѣняются; солдаты стоятъ въ казармахъ. Гренадеры теперь смѣняются; офицеры сего корпуса весьма хорошо вели себя, сохраняя дисциплину и мало гдѣ знакомились. Я займусь, нельзя ли будетъ какими постановленіями предупредить дурныя знакомства; но сіе весьма трудно по деревнямъ исполнить; но я думаю, что на массу офицеровъ знакомства сіи не сдѣлаютъ большаго вліянія, но можетъ быть нѣсколько шалуновъ и будутъ въ ихъ мысляхъ. Я думаю, что сіе еще не такъ опасно, ибо до сихъ поръ почти половина нашей арміи стояла въ Польшѣ; но кромѣ 6-го корпуса, который былъ составленъ изъ поляковъ, всѣ другія войска весьма хорошо дрались и не слышно было приверженности къ революціоннымъ мыслямъ; но еще предпишу всѣмъ начальникамъ обратить на сіе строгое вниманіе. При томъ же, я сколько примѣчаю, то и самые поляки не весьма хорошо насъ принимаютъ; вмѣсто того, я замѣчаю нѣкоторую въ нихъ гордость и удивленіе, что осмѣливаются съ ними строго обходиться и пренебрегать. Словомъ, я не вижу, чтобы сей народъ былъ къ намъ весьма уклончивъ».

Въ отвѣтъ на приведенное письмо, государь благодарилъ отца-командира «за добрыя извѣстія объ краѣ», но прибавилъ: «Весьма

желаю, чтобы надежды твои на счетъ сохраненія добраго духа въ войскахъ сбылись, но самая бдительная осторожность необходима. Для большаго раздѣленія офицеровъ варшавскаго гарнизона отъ жителей, предлагаю тебѣ размѣстить ихъ предпочтительно въ видѣ казармъ, въ домахъ секвестрованныхъ, какъ напримѣръ въ домѣ Паца и Чарторижскаго; такимъ образомъ, всѣ будутъ вмѣстѣ и подъ однимъ надзоромъ, и городу будетъ тогда легче отъ квартированія. Гордость польская не помѣшаетъ имъ всячески стараться пробовать и портить образъ мыслей молодежи, въ чемъ женщины будутъ главнымъ орудіемъ, такъ, какъ всегда бывало. Удивленіе же ихъ, что строго съ ними обходятся, крайне мило и забавно... Прощай, любезный отецъ-командиръ, обнимаю тебя сердечно и поздравляю съ наступающимъ новымъ годомъ; да будетъ онъ миренъ и счастливъ для Россіи, которой нуженъ отдыхъ, но ежели присуждено быть иначе, да будетъ же онъ случаемъ новой славы храбрымъ нашимъ героямъ, подъ предводительствомъ варшавскаго побѣдителя. Да благословитъ тебя Богъ!» [1]).

Закончился столь тревожный всякими событіями 1831-й годъ; для Россіи наступило мирное восемнадцатилѣтіе, продолжавшееся, безъ перерыва, до Венгерской войны 1849 года. Чего не могло бы быть достигнуто для благосостоянія Россіи при столь благопріятной обстановкѣ! Но государь былъ уже не тотъ, какимъ онъ являлся на престолъ въ 1825 году; польская революція довершила пагубное вліяніе, оставленное въ умѣ Николая Павловича событіями 14-го декабря. Отнынѣ императоръ сталъ все болѣе и болѣе склоняться на сторону абсолютизма, погубившаго его отца и столь много повредившаго его брату въ общественномъ уваженіи. Направленіе, данное дальнѣйшимъ ходомъ царствованія императора Николая, привело принца Евгенія Виртембергскаго къ слѣдующимъ размышленіямъ:

«Я сказалъ бы императору Николаю: испытай свое сердце, и ты увидишь, что оно благородно, доброжелательно и склонно ко всему великому; не обманывай самого себя насчетъ собственныхъ чувствъ. Протяни Европѣ братскую руку и не дѣлай ни для кого исключенія. Открой двери твоего государства просвѣщенію и торговлѣ! Ты самъ настолько великодушенъ, человѣколюбивъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ твердъ и рѣшителенъ, что тебѣ предначертано играть блестящую роль во главѣ могущественнѣйшаго государства. Тебѣ слѣдуетъ стать во главѣ всякаго добраго начинанія и презирать крикуновъ; но если ты не тиранъ, то не старайся же к а з а т ь с я имъ! [2]).

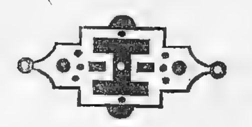
---

[1]) Изъ письма императора Николая къ князю Варшавскому, отъ 26-го декабря 1831 года (7-го января 1832 года).

[2]) Aus dem Leben des Prinzen Eugen von Württemberg. T. 4, 158.

Этими строками заканчиваются воспоминанія принца Евгенія, сочувственныя отношенія котораго къ императору Николаю и къ Россіи не могли быть поколеблены, несмотря на всѣ невзгоды и несправедливости, испытаныя имъ въ разное время на служебномъ поприщѣ. Поэтому за отзывомъ принца слѣдуетъ признать значеніе безпристрастнаго историческаго приговора.

Н. Шильдеръ.

Записки генерала В. И. Левенштерна.

Quand avec des pensées naturellement tristes on a l'imagination gaie, et avec l'esprit malin, le coeur bon, on est à coup sûr de la meilleure espèce de gens.

Авторъ помѣщаемыхъ здѣсь записокъ, баронъ Владиміръ Ивановичъ фонъ-Левенштернъ, родился въ 1777 г. въ за́мкѣ Разиксъ въ Эстляндіи. Онъ происходилъ изъ стариннаго рода лифляндскихъ бароновъ; его дѣдъ, наслѣдовавъ въ Эстляндіи нѣсколько имѣній, въ томъ числѣ вышеупомянутый за́мокъ Разиксъ, продалъ свои лифляндскія помѣстья и переселился въ Эстляндію.

Баронъ Владиміръ Ивановичъ получилъ въ родительскомъ домѣ весьма тщательное первоначальное образованіе подъ руководствомъ приглашенныхъ изъ-за границы гувернеровъ, а затѣмъ былъ помѣщенъ въ дворянское училище (Ritterakademie) въ г. Ревелѣ, гдѣ и окончилъ курсъ наукъ.

17 лѣтъ онъ оставилъ родительскій домъ и, отправившись въ Петербургъ, поступилъ на службу въ л.-гв. Семеновскій полкъ, куда, по обычаю того времени, онъ съ дѣтства былъ записанъ сержантомъ. Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1794 г. онъ перешелъ вахмистромъ въ конную гвардію, а 1-го января 1795 г. былъ переведенъ ротмистромъ въ армію и зачисленъ въ Украинскій полкъ легкой кавалеріи.

Перемѣны, воспослѣдовавшія въ арміи по вступленіи на престолъ Павла I, коснулись молодаго барона Левенштерна въ томъ отношеніи что ему, какъ лицу, отсутствовавшему изъ своего полка въ моментъ восшествія на престолъ императора, пришлось выйти въ отставку. Однако,

благодаря протекціи его дяди, генерала Бенкендорфа, онъ былъ вскорѣ принятъ въ кирасирскій полкъ, съ которымъ совершилъ италіанскій походъ 1799 г., успѣлъ отличиться и заслужить повышеніе.

Въ 1804 г. онъ вышелъ въ отставку, женился и поселился въ имѣніи, занявшись сельскимъ хозяйствомъ. Но его бракъ былъ непродолжителенъ, его жена скончалась въ 1809 г.; томимый тоскою, онъ думалъ найти забвеніе на полѣ битвы. Обстоятельства благопріятствовали этому желанію. Баронъ поступилъ снова на службу въ прежнемъ чинѣ маіора, участвовалъ въ Отечественной войнѣ и совершилъ всю кампанію, вступивъ съ нашими войсками въ Парижъ.

Послѣднія 25 лѣтъ жизни баронъ Владиміръ Ивановичъ провелъ въ отставкѣ, дослужившись до чина генералъ-маіора.

Человѣкъ образованный и начитанный, баронъ былъ пріятный собесѣдникъ и всегда былъ желаннымъ гостемъ въ самыхъ лучшихъ домахъ столицы. Въ скромной квартирѣ, которую онъ занималъ послѣдніе годы жизни на Мойкѣ, всегда можно было встрѣтить министровъ, дипломатовъ, художниковъ, дамъ лучшаго общества. Въ особенно дружественныхъ съ нимъ отношеніяхъ находились гр. Нессельроде, генералы кн. Чернышевъ и Воронцовъ, гр. Паленъ, Ридигеръ и Бергъ. Онъ велъ до конца жизни дѣятельную переписку съ своими многочисленными друзьями въ Россіи и за границей. Баронъ Левенштернъ скончался 21-го января 1858 г., 82-хъ лѣтъ отъ роду; несмотря на преклонный возрастъ, онъ сохранилъ до послѣднихъ дней жизни ясность ума; по словамъ лицъ, близко его знавшихъ, его мощный умъ поддерживалъ его бренное тѣло.

Въ 1858 г., тотчасъ по его кончинѣ, появились въ Гейдельбергѣ «Denkwürdigkeiten eines Livländers aus den Jahren 1790 — 1815»; издатель, Смитъ, лично знакомый съ Левенштерномъ, составилъ эти записки въ 1850 г. со словъ барона Владиміра Ивановича и по предоставленнымъ въ его распоряженіе письмамъ и разнымъ фамильнымъ документамъ; но ихъ отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать съ собственноручными записками барона Левенштерна, съ которыми онѣ сходны по содержанію, и поэтому ошибочно принимались нѣкоторыми (см. словарь Эфрона) за извлеченіе изъ этихъ записокъ. Собственноручныя на французскомъ языкѣ записки барона Владиміра Ивановича Левенштерна не были до сихъ поръ изданы ни полностью, ни въ извлеченіи, онѣ хранятся въ рукописномъ отдѣленіи Императорской Публичной библіотеки и нынѣ впервые появляются въ переводѣ на страницахъ «Русской Старины».

I.

Введеніе.

Происхожденіе.—Рожденіе и воспитаніе.—Графъ Бобринскій.—Морской бой русскихъ со шведами близъ Ревеля. — Побѣда, одержанная адмираломъ Чичаговымъ.

Очень трудно говорить о себѣ и въ особенности о событіяхъ своего времени и заслужить при этомъ всеобщее одобреніе. Слогъ долженъ быть тщательно выработанъ, истина должна быть строго соблюдена, событія, которыя быстро слѣдуютъ одно за другимъ, должны быть изображены крупными штрихами и, несмотря на это, представлять собою стройное цѣлое и быть переданы съ точностью.

Всѣ эти трудности, которыя я вполнѣ сознаю, заставили бы меня отказаться отъ мысли писать мои записки, если бы меня не успокоивала мысль, что я пишу лишь для друзей; только эта мысль можетъ дать мнѣ смѣлость приступить къ исторіи моей частной и политической жизни, богатой событіями и интересной по всему тому хорошему и худому, которое я испыталъ.

Истина всегда полезна, ее надобно говорить непрестанно, хотя бы даже въ томъ случаѣ, когда рискуешь изложить ее не особенно хорошо. Поэтому я буду говорить ее всегда, хотя бы отъ этого страдало мое самолюбіе.

Въ молодости я на многое смотрѣлъ не разсуждая и пользовался жизнью, ни къ чему особенно не стремясь; мои мысли перелетали съ предмета на предметъ такъ же, какъ и мои желанія. Ставъ нынѣ болѣе спокойнымъ, болѣе разсудительнымъ, я никогда не смотрю на предметъ не думая о немъ и не смотрю на него не видя его. Итакъ начнемъ писать; долго живутъ тѣ сочиненія, которыя задуманы съ серьезной цѣлью.

Я появился на свѣтъ при самыхъ счастливыхъ обстоятельствахъ и родился въ одинъ годъ и въ одинъ день съ блаженной памяти императоромъ Александромъ. Всѣ предвѣщали мнѣ счастливую и благополучную жизнь.

Я увидѣлъ свѣтъ въ замкѣ Разиксъ (Rasix) въ Эстляндіи, который принадлежалъ моему отцу, богатому землевладѣльцу этой губерніи, бывшему нѣсколько лѣтъ подъ рядъ предводителемъ дворянства.

За услуги, оказанныя имъ во время войны съ Швеціей, онъ удостоился особаго благоволенія императрицы Екатерины II.

Моя мать была рожденная баронесса Сталь-Гольштейнъ, двоюродная сестра бывшаго шведскаго посланника въ Парижѣ, мужа извѣстной баронессы Сталь-Гольштейнъ (Неккеръ). — Благодаря такому родству эта

необыкновенная женщина, замѣчательная своимъ умомъ, своимъ пылкимъ характеромъ и некрасивой наружностью, приняла меня 30 лѣтъ спустя въ высшей степени любезно.

Я получилъ воспитаніе настолько тщательное, насколько позволяли обстоятельства и мѣстныя условія. Я долженъ отдать справедливость моему отцу, что онъ не пренебрегъ ничѣмъ, не щадя ни денегъ, ни заботъ, чтобы я получилъ самыя разностороннія и основательныя познанія. Моя мать, женщина весьма умная и обладавшая прекраснымъ характеромъ, заботилась преимущественно о моемъ нравственномъ воспитаніи. Чувствительность (la sensibilité) была, по ея мнѣнію, величайшимъ сокровищемъ, какимъ можетъ обладать человѣкъ.

Отецъ, занимавшій въ Эстляндіи весьма значительныя должности и владѣвшій въ то же время большими помѣстьями, былъ слишкомъ обремененъ дѣлами, чтобы входить въ подробности моего воспитанія. Къ тому же, живя открыто для всѣхъ, въ особенности для иностранцевъ, онъ болѣе заботился о томъ, чтобы я пріобрѣлъ хорошія и изящныя манеры, нежели о моихъ успѣхахъ въ наукахъ. Эта часть моего воспитанія была предоставлена всецѣло моимъ наставникамъ, получавшимъ большое вознагражденіе и изъ коихъ одинъ былъ выписанъ изъ Парижа, а другой изъ Лейпцига.

Мой отецъ былъ строгъ и требователенъ въ вопросахъ чести и честности, поэтому съ самаго вступленія моего въ свѣтъ моею первою и самою серьезною заботою было достигнуть почестей не раболѣпствуя. Съ этой цѣлью я старался сближаться по мѣрѣ возможности съ тѣми, кои слыли людьми честными и обладающими достоинствами. Я нерѣдко оставлялъ игры съ товарищами, чтобы прислушаться къ разговору о войнѣ и политикѣ, услышать разсказы о сраженіяхъ, описаніе только-что бывшей осады Очакова и Измаила (1786 г.), вслѣдствіе чего товарищи нерѣдко называли меня педантомъ. Когда мнѣ было 12 лѣтъ, благодаря счастливой случайности я былъ свидѣтелемъ морскаго сраженія, въ которомъ адмиралъ Чичаговъ разбилъ близъ Ревеля шведскій флотъ, коимъ командовалъ герцогъ Зюдерманландскій, потерявшій при этомъ два линейныхъ корабля, изъ коихъ одинъ взлетѣлъ на воздухъ, а другой былъ взятъ непріятелемъ.

Графъ Бобринскій, жившій въ то время въ ссылкѣ въ Ревелѣ за проказы, учиненныя имъ въ Лондонѣ и Парижѣ, часто посѣщалъ домъ моего отца; онъ встрѣтилъ меня 2-го мая на улицѣ, усадилъ въ свои дрожки и повезъ меня въ гавань, гдѣ мы сѣли съ нимъ на маленькую лодку и отправились на батарею, защищавшую входъ въ гавань. На немъ былъ его роскошный мундиръ Конногвардейскаго полка, въ коемъ онъ числился капитаномъ, такъ что никто и не подумалъ воспрепятствовать намъ сойти на батерею; я слѣдовалъ за нимъ съ искренно

дѣтской радостью. Шведскія ядра долетали до насъ; свистъ, который они производили, пролетая надъ нашей головою, приводилъ меня въ восторгъ; нѣкоторыя ядра попали въ стѣну этой старой деревянной батареи, и я замѣтилъ, что окружающіе ни мало не раздѣляли мое радостное настроеніе; нѣкоторые старые воины даже поблѣднѣли. Ихъ ужасъ и еще болѣе величественная картина сраженія произвели на меня глубокое впечатлѣніе; съ тѣхъ поръ я только и мечталъ о сраженіяхъ и ничего такъ не желалъ, какъ еще разъ быть свидѣтелемъ битвы. Это желаніе было впослѣдствіи вполнѣ удовлетворено.

Появленіе шведскаго флота навело ужасъ на жителей Ревеля, изъ коихъ одни выѣхали изъ города, другіе попрятались въ погреба; остальные направились въ гавань, чтобы лицезрѣть единственное въ своемъ родѣ замѣчательное зрѣлище, какое представляетъ собою морское сраженіе. Шведское судно, горѣвшее болѣе двухъ часовъ, взлетѣло на воздухъ съ оглушительнымъ шумомъ и трескомъ; затѣмъ наступила мертвенная тишина и, когда всѣ опомнились отъ ошеломившаго ихъ впечатлѣнія, то на судахъ, въ гавани и на морскомъ берегу раздалось громогласное «ура». Картина была великолѣпная!

Во время сраженія въ городѣ царствовало страшное смятеніе; было извѣстно, что суда еще не получили необходимаго количества пороха, который перевозили наскоро съ величайшей опасностью.

Дѣйствіями на сушѣ руководили генералы Волковъ и Паленъ (отецъ); въ этой мѣстности было немного войска, и казаки, въ то время очень плохо дисциплинированные, грабили предмѣстья, вслѣдствіе чего жители были еще болѣе объяты страхомъ.

Наконецъ, благодаря умѣлымъ дѣйствіямъ адмирала Чичагова и храбрости нашихъ моряковъ, была одержана рѣшительная побѣда.

Я пишу о себѣ и не подражаю тѣмъ лицамъ, которыя, желая писать себѣ панегирики, говорятъ о себѣ подъ вымышленнымъ именемъ. Я не настолько тщеславенъ и глупъ, чтобы превозносить себя безо всякаго повода, но ложный стыдъ также не помѣшаетъ мнѣ сказать о себѣ то, что можетъ послужить къ моей чести, если это правда.

Счастье часто благопріятствовало мнѣ, но нерѣдко оно отвертывалось отъ меня; оно слѣпо. Награждая иногда честнаго человѣка, оно чаще всего воспитываетъ глупца. Я убѣдился слишкомъ поздно въ томъ, что, руководствуясь однимъ разумомъ, нельзя достигнуть цѣли и что самые лучшіе поступки и самые прекрасные планы не приносятъ пользы, если ихъ не стараются выставить и не пускаютъ въ ходъ интригъ для того, чтобы добиться осуществленія этихъ плановъ.

Вращаясь съ юныхъ лѣтъ въ свѣтѣ, я пріобрѣлъ многіе его недостатки. Можно себѣ представить, что́ я долженъ былъ выстрадать, когда убѣдился на опытѣ въ суетности всего того, что́ не основано на нрав-

ственныхъ принципахъ. Прійдя къ этому вполнѣ справедливому, но грустному заключенію, къ сожалѣнію слишкомъ поздно, я все же во́-время опомнился.

II.

Поступленіе въ Семеновскій полкъ и въ ординарцы къ графу Солтыкову.— Графиня Солтыкова.—Князь Платонъ Зубовъ.—Тогдашніе нравы.—Внѣшность и внутреннія качества императрицы Екатерины.— Переходъ въ легкую украинскую кавалерію.

Я кончилъ образованіе въ Ревельской дворянской академіи (academie de la Noblesse), которая пользовалась въ то время большой извѣстностью, и былъ записанъ, по тогдашнему обычаю, какъ ребенокъ изъ хорошей семьи, въ л.-гв. Семеновскій полкъ сержантомъ (1794 г.); къ величайшему моему удовольствію, мнѣ нашили на обшлага три широкихъ галуна, чѣмъ я гордился, какъ Артабанъ.

Мой дядя, достойный и прекрасный генералъ Бенкендорфъ (впослѣдствіи рижскій генералъ-губернаторъ) взялся отвезти меня въ Петербургъ и представилъ командиру полка, графу Николаю Солтыкову (впослѣдствіи князь и фельдмаршалъ); послѣдній по его просьбѣ назначилъ меня состоять ординарцемъ при его особѣ. Это чрезвычайно польстило моему самолюбію, такъ какъ этимъ преимуществомъ, дававшимъ право носить шпоры, пользовалось въ полку всего четыре человѣка. Остальные трое избранныхъ были два графа Толстыхъ и князь Мещерскій.

Графиня Солтыкова, закадычный другъ г-жи Бенкендорфъ, обошлась со мною какъ съ роднымъ. Я былъ удостоенъ ея особымъ расположеніемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ приходилось нерѣдко сносить ея капризы. Эта дама была очень своеобразна и суевѣрна. Она не терпѣла духовъ, никогда не садилась за столъ, если было 13 собесѣдниковъ, немилосердно прогоняла изъ-за стола того, кто имѣлъ неосторожность просыпать соль. Однажды, когда я былъ напомаженъ помадой, которая пахла геліотропомъ, она прогнала меня, сдѣлавъ мнѣ громогласно выговоръ; другой разъ я былъ лишенъ обѣда за то, что пришелъ тринадцатымъ.

Такъ какъ я былъ очень молодъ и легкомысленъ, то я этимъ не особенно огорчался и не сердился на нее; она была признательна мнѣ за это и не лишала меня своего покровительства.

Съ наступленіемъ весны, графъ Солтыковъ, занимавшій прекрасную квартиру въ Зимнемъ дворцѣ, переѣхалъ въ свой красивый загородный домъ, на Петергофской дорогѣ, близъ Тріумфальныхъ воротъ. Я ѣздилъ

туда каждый разъ, какъ того требовало исполненіе моихъ служебныхъ обязанностей, и прогуливался въ саду и паркѣ, пользуясь самымъ разнообразнымъ обществомъ, которое постоянно смѣнялось. Не разъ гр. Солтыковъ, желая послать меня съ какимъ-либо порученіемъ или съ письмомъ ко двору, который находился въ Царскомъ Селѣ, былъ вынужденъ поднять на ноги всѣхъ лакеевъ, чтобы розыскать меня; они находили меня обыкновенно ухаживающимъ за горничной-калмычкой, которая была дурна собою, какъ смертный грѣхъ, но прельщала меня лакомствами, коими всегда были полны ея карманы.

Бѣдняжка; мнѣ было всего 16 лѣтъ! она тратила даромъ свои конфекты. Это была первая женщина, выказавшая ко мнѣ нѣжное участіе, и я безотчетно заинтересовался ею болѣе, нежели другими женщинами, которыя были такъ же хороши собою, какъ она была дурна.

Во время моихъ поѣздокъ въ Царское Село, которыя я совершалъ на отвратительныхъ курьерскихъ телѣгахъ и по отвратительнѣйшей дорогѣ, я имѣлъ счастіе видѣть и восхищаться императрицей Екатериной II. Великіе князья Александръ и Константинъ, никогда не разстававшіеся съ нею, обѣщали уже въ то время все то, чѣмъ они сдѣлались со временемъ; великій князь Александръ былъ прекрасенъ, какъ Аполлонъ, любезенъ, привѣтливъ и добръ, какъ ангелъ.

Мои обязанности давали мнѣ право сопровождать графа Солтыкова къ великимъ князьямъ, и даже на придворные балы, гдѣ я имѣлъ возможность видѣть самыхъ выдающихся личностей при дворѣ Екатерины.

Великій князь Павелъ Петровичъ фигурировалъ при дворѣ на первомъ планѣ, хотя настоящіе царедворцы старались избѣгать его. Всеобщимъ вниманіемъ пользовался въ то время князь Платонъ Зубовъ; самые важные сановники преклонялись передъ этимъ молодымъ человѣкомъ, который держалъ себя гордо и безстрастно и едва удостоивалъ ихъ вниманіемъ. Пріемныя комнаты и залы князя Зубова, графа Солтыкова, бывшаго въ то время предсѣдателемъ военнаго департамента, оберъ-прокурора графа Самойлова и вице-канцлера князя Безбородко были всегда полны народа.

Я имѣлъ случай наблюдать каждый день, какъ голубыя ленты умѣютъ сгибаться и въ случаѣ надобности стушевываться. Но я замѣчалъ, что, дѣлая эти раболѣпные поклоны, люди не утрачивали хорошаго тона и манеръ настоящихъ вельможъ; при дворѣ еще существовали манеры и тонъ вѣка Людовика XIV; въ обращеніи съ вельможами и въ преклоненіи передъ людьми, стоявшими въ то время у власти, не было ничего рѣзкаго, даже люди гордые и низкопоклонные были вѣжливы и соблюдали извѣстныя приличія.

Совершенно вѣрно, что графъ (впослѣдствіи князь) Солтыковъ мылся, полоскалъ зубы и одѣвался въ присутствіи всѣхъ господъ, украшен-

ныхъ лентами, которые почитали за счастье присутствовать при его туатетѣ.

Князь Зубовъ причесывался при нихъ, и ихъ одежда была покрыта пудрою, но они не счищали ее и, проходя по другимъ заламъ, гордились тѣмъ, что могли сказать и даже доказать съ полной очевидностью, что они были у него.

И однако тотъ же гордый и высокомѣрный князь Зубовъ ни передъ кѣмъ не возвышалъ голоса; этого никто бы не потерпѣлъ! Присутствовать при туалетѣ—не противорѣчило тогдашнимъ нравамъ, но относительно всего другаго всѣ требованія вѣжливости и все то, чего требовала честь (point d'honneur), соблюдалось строго.

Мѣсто, занимаемое мною, давало мнѣ возможность наблюдать все своими собственными глазами. Стоя спокойно въ нишѣ у окна, я наблюдалъ за всѣми тогдашними знаменитостями, которыя проходили передъ моими глазами; между прочимъ я видѣлъ графа Ферзена, когда онъ ѣхалъ сражаться съ Костюшкой, который былъ взятъ имъ въ плѣнъ. Я читалъ на лицахъ зависть по поводу выбора, сдѣланнаго императрицею, который графъ Ферзенъ такъ блистательно оправдалъ.

Онъ предполагалъ взять меня съ собою, но графиня Солтыкова не согласилась на это, говоря, что я еще слишкомъ молодъ; правда, мнѣ было всего 16 лѣтъ. Она хотѣла сдѣлать изъ меня изящнаго гвардейскаго офицера, а я горѣлъ желаніемъ участвовать въ серьезномъ сраженіи.

Морское сраженіе, видѣнное мною въ Ревелѣ, воспламенило мое воображеніе, и я никогда не могъ отдѣлаться отъ этого впечатлѣнія. Громъ орудійныхъ выстрѣловъ всегда былъ для меня самой пріятной музыкой. Какое-то предчувствіе вселило во мнѣ увѣренность въ мою счастливую звѣзду, поэтому моя заслуга была не такъ велика; впослѣдствіи я всегда преклонялся передъ тѣми изъ товарищей, которыхъ угнетало предчувствіе противуположнаго свойства и которые тѣмъ не менѣе шли въ сраженіе хладнокровно и съ покорностью судьбѣ.

Эта увѣренность въ моей неуязвимости проистекала еще изъ слѣдующаго обстоятельства: въ тотъ день, когда я долженъ былъ ѣхать въ армію, моя мать призвала деревенскую гадалку, которая, давъ мнѣ проглотить какое-то зелье изъ ствола ружья, увѣряла, что послѣ этого меня не можетъ постигнуть никакая бѣда. Я не особенно вѣрилъ въ дѣйствительную силу этого снадобья, но проглотилъ его, чтобы сдѣлать удовольствіе моей матери.

Невѣдомое для насъ необъяснимо,—сказалъ еще Наполеонъ,—я не хочу быть болѣе вольнодумнымъ, нежели онъ; какъ бы то ни было, я всегда избѣгалъ какъ бы какимъ-то чудомъ самыхъ серьезныхъ опасностей, и воспоминаніе объ этой старой и отвратительной колдуньѣ под-

держивало меня въ тѣ моменты, когда ядра и пули свистѣли надъ моей головою.

Моя мать, женщина очень религіозная, вѣроятно также мало вѣрила ея предсказанію, какъ и я, однако она уговорила меня продѣлать эту кабалистическую процедуру.

Навѣрно никто не былъ такъ часто въ огнѣ, какъ я; между тѣмъ я не только не получилъ никакого серьезнаго поврежденія, но, будучи три или четыре раза легко раненъ, я отдѣлался такъ благополучно, что у меня не было повреждено ни одной кости; пули и даже кирпичъ (какъ напр. подъ Бородинымъ) всегда останавливались въ моихъ мускулахъ, а это было не такъ легко, ибо мяса у меня почти не было. Всѣ хирурги были поражены этимъ обстоятельствомъ.

Я имѣлъ случай видѣть императрицу также за обѣдней въ дворцовой церкви.

Екатерина Великая была велика лишь нравственно; она была не высока ростомъ и по ея лицу было видно, что она была скорѣе красавицей, нежели хорошенькой; величавыя черты ея лица смягчались выраженіемъ глазъ и очаровательной улыбкой. По ея лбу было видно, что она одарена памятью и воображеніемъ; ея губы свидѣтельствовали объ ея откровенномъ и веселомъ характерѣ. Императрица имѣла въ молодости, вѣроятно, очень свѣжій цвѣтъ лица, она много заботилась о своемъ туалетѣ, кланялась по-русски, всегда одинаковымъ образомъ; войдя, она кланялась сперва направо, потомъ налѣво и затѣмъ прямо; вообще всѣ ея дѣйствія казались методичны и разсчитаны.

Она обладала въ высшей степени умѣніемъ слушать и такъ хорошо владѣла собою, что казалось, будто она слышитъ говорящаго даже тогда, когда она думала совсѣмъ о другомъ.

Она умѣла поддерживать этикетъ, не придавая ему характеръ чего-то театральнаго или преувеличеннаго, и не требовала наружныхъ знаковъ поклоненія.

Въ выборѣ людей, коимъ она покровительствовала, часто играли роль счастье и благосклонность; но она умѣла указать каждому надлежащее мѣсто и умѣла оцѣнить истинное достоинство.

Она была очень щедра; многихъ одѣляла деньгами изъ щедрости, какъ человѣкъ великодушный, многимъ благодѣтельствовала, какъ человѣкъ добрый, и многихъ награждала въ видѣ поощренія, какъ человѣкъ, желающій, чтобы ему служили хорошо.

Такъ какъ служба поглощала незначительную часть моего времени, то я употреблялъ все остальное на осмотръ достопримѣчательностей Петербурга, бралъ уроки фехтованія и верховой ѣзды, бывалъ въ нѣкоторыхъ домахъ лучшаго общества и довольно часто посѣщалъ театръ.

Я занималъ въ городѣ вмѣстѣ съ двумя моими соотечественниками

хорошенькую квартирку на Малой Морской; у насъ было общее хозяйство; со мною жили Гельфрейхъ и баронъ Карлъ Будбергъ, служившіе въ одномъ полку со мною. Они уѣхали оба въ отпускъ; я остался одинъ, мною овладѣла тоска по родинѣ, и я рѣшилъ просить графа Солтыкова позволенія съѣздить навѣстить родныхъ. Онъ далъ мнѣ четырехъ-мѣсячный отпускъ, и я уѣхалъ изъ Петербурга.

Я пріѣхалъ очень удачно на Троицынъ день. Моя мать встрѣтила меня со слезами радости; сестры не знали, какъ обласкать меня; отецъ былъ очень доволенъ: я былъ вполнѣ счастливъ. Я возмужалъ, но атмосфера и развратъ большаго города не коснулись меня. Моя мать, съ раннихъ лѣтъ заботившаяся укоренить въ моемъ сердцѣ правила нравственности, радовалась тому, что я вернулся изъ столицы, не утративъ чистоты нравовъ и чувствъ.

Четырехъ-мѣсячный отпускъ пролетѣлъ быстро. 1-го октября я былъ уже въ Петербургѣ.

Имѣя рѣшительное пристрастіе къ кавалерійской службѣ, я перешелъ въ томъ же году гофъ-фурьеромъ въ Конную гвардію, а 1-го января 1795 г. былъ зачисленъ капитаномъ въ легкую украинскую кавалерію (chevaux légers d'Ukraine).

Столь быстрое повышеніе преисполнило меня радостью. Я былъ всецѣло обязанъ этимъ расположенію и могущественному покровительству графа Солтыкова.

Голубой мундиръ (bleu de Prusse) съ красными обшлагами, серебряными пуговицами и аксельбантами былъ сшитъ въ 24 часа, и я присутствовалъ въ немъ 1-го января на придворномъ балу. Я имѣлъ счастье благодарить императрицу, которая милостиво дала мнѣ поцѣловать руку.

Мнѣ шелъ всего 17-й годъ, но я считалъ себя человѣкомъ вполнѣ взрослымъ; по крайней мѣрѣ я усвоилъ манеры взрослаго человѣка, былъ всегда при саблѣ и, потрогивая аксельбанты, старался казаться въ кругу товарищей серьезнымъ и воздержаннымъ.

Какъ полонъ счастья тотъ день, въ который надѣваешь впервые мундиръ. Принцъ де-Линь былъ правъ, говоря, что всѣ наши радости ребяческія; этотъ умный юмористъ насчитывалъ въ своей жизни всего четыре дня истинно счастливыхъ: тотъ день, въ который онъ впервые надѣлъ мундиръ, день его первой битвы, день, въ который ему сказали впервые «я люблю тебя», и тотъ день, когда онъ всталъ съ постели послѣ оспы. Первый и послѣдній изъ этихъ счастливыхъ дней не могли болѣе повториться, но такъ какъ другіе два повторились въ его жизни разъ пятнадцать, то они вскорѣ утратили всю свою прелесть.

III.

Отъѣздъ изъ Петербурга въ Бѣлостокъ.—Кончина сестры.—Князь Репнинъ.—Прибытіе въ полкъ.—Встрѣча съ Суворовымъ.—Увольненіе въ отпускъ.

Пробывъ два мѣсяца въ Петербургѣ, гдѣ экипировался, я отправился къ мѣсту своего служенія. Полкъ, въ который я былъ зачисленъ, состоялъ въ арміи фельдмаршала кн. Суворова и стоялъ (1795 г.) въ окрестностяхъ Варшавы. Я заѣхалъ проѣздомъ навѣстить родныхъ, которые были очень рады видѣть вновь капитана легкой конницы, но радость нашего свиданія была омрачена горестнымъ событіемъ: моя сестра Елена скончалась на моихъ рукахъ, послѣ родовъ; она была замужемъ всего 13 мѣсяцевъ, и ей только-что минуло 18 лѣтъ. Какъ тяжело переносить первое горе; человѣкъ обыкновенно всецѣло предается ему и даже не допускаетъ мысли, что ему слѣдовало бы чѣмъ-нибудь отвлечься отъ него. Я избѣгалъ всякихъ удовольствій и считалъ для себя счастье впредь несбыточной мечтою, такъ какъ я лишился его въ одно мгновеніе. Отецъ обожалъ мою сестру; онъ страшно страдалъ и, заболѣвъ, едва не умеръ. Опасное состояніе, въ которомъ онъ находился, заставило меня выйти изъ того безучастнаго состоянія, въ которомъ я находился; но есть чувства, которыхъ не убиваетъ самое большое горе,—таковы долгъ и честь. Приближалось время, когда я долженъ былъ явиться въ полкъ. Я вырвался изъ объятій родныхъ, которые напутствовали меня своими благословеніями.

Рижскій генералъ-губернаторъ Паленъ, къ которому отецъ далъ мнѣ рекомендательное письмо, принялъ меня какъ роднаго. Желая облегчить мнѣ поѣздку въ Варшаву, онъ поручилъ мнѣ отвезти депеши фельдмаршалу Суворову и далъ мнѣ курьерскую подорожную.

Оставивъ Ригу, я ѣхалъ день и ночь, до Гродно, гдѣ остановился, чтобы передать депеши князю Репнину.

Князь принялъ меня ласково; онъ очень любилъ моего отца, который былъ предводителемъ дворянства въ то время, когда кн. Репнинъ занималъ мѣсто лифляндскаго и эстляндскаго генералъ-губернатора.

Сыновья графа Палена, состоявшіе при штабѣ кн. Репнина, предложили мнѣ помѣститься вмѣстѣ съ ними. Такъ какъ они дежурили у короля польскаго, который находился въ то время въ изгнаніи, то я часто раздѣлялъ съ ними скуку въ королевскомъ салонѣ, но за то пользовался прекраснымъ обѣдомъ.

Я часто имѣлъ случай видѣть послѣдняго короля польскаго и былъ свидѣтелемъ политической агоніи этой страны; князь Репнинъ подав-

лялъ (écraser) короля своей представительной осанкой и тѣмъ превосходствомъ, какое побѣдитель всегда имѣетъ надъ побѣжденнымъ, какова бы ни была разница въ ихъ соціальномъ положеніи. Я восхищался граціей, красотою и кокетливостью польскихъ дамъ, военной выправкой нашихъ войскъ, великолѣпіемъ и роскошью, коими окружалъ себя кн. Репнинъ, въ домѣ котораго самый изысканный французскій тонъ и нравы самыхъ цивилизованныхъ странъ сочетались съ обычаями и утонченностью Востока.

Я отправился въ Бѣлостокъ, гдѣ находился штабъ моего полка, и явился полковому командиру полковнику Анрепу. Впослѣдствіи я неоднократно радовался тому, что я поступилъ въ этотъ полкъ. Полковникъ Анрепъ былъ отцомъ для своихъ офицеровъ. Онъ совѣтовалъ мнѣ ознакомиться со всѣми подробностями службы и обѣщалъ дать мнѣ вскорѣ эскадронъ. Я всегда обѣдалъ за его столомъ; вечеромъ мы играли въ бостонъ; время, проведенное мною въ Бѣлостокѣ, глубоко запечатлѣлось въ моей памяти.

Нѣкоторые штабъ-офицеры выказывали мнѣ особое расположеніе; въ числѣ ихъ назову подполковника Козенца (Cosenz), графа Витгенштейна, графа Мантейфеля и Курселя.

Мой полкъ получилъ приказаніе выступить; мы двинулись къ Плоцку и вошли въ составъ дивизіи, въ которой числились Кіевскій полкъ конныхъ егерей подъ командою полковника Сарса, гренадерскій Фанагорійскій полкъ подъ командою полковника Жеребцова и полкъ казаковъ; главное начальство надъ этимъ отрядомъ принялъ генералъ-лейтенантъ Ласи.

Товарищи приняли меня и отнеслись ко мнѣ какъ нельзя лучше: нѣкоторые старые поручики завидовали мнѣ, но я снискалъ въ концѣ концовъ ихъ расположеніе: въ мою пользу говорили моя молодость и неиспорченность.

Въ лагерѣ велась крупная игра; я умѣлъ играть во всѣ игры и испробовалъ счастье, которое благопріятствовало мнѣ.

Отецъ далъ мнѣ деньги, необходимыя на покупку лошадей; приложивъ къ нимъ то, что я выигралъ въ карты, я могъ купить три прекрасныхъ лошади. Мы часто катались верхомъ; графъ Витгенштейнъ до страсти любилъ верховую ѣзду и хотѣлъ превзойти меня въ ней; мы устраивали состязанія; сѣрая кобыла, купленная мною, оставалась почти всегда побѣдительницей, что было не особенно пріятно для самолюбія графа.

Генералъ Ласи, а затѣмъ фельдмаршалъ Суворовъ произвели смотръ полкамъ. Я былъ несказанно счастливъ видѣть вблизи героя Россіи.

Въ тотъ день, когда онъ пріѣхалъ, я былъ дежурнымъ. Когда я

рапортовалъ ему, меня охватила дрожь. Не давъ мнѣ докончить, онъ спросилъ неожиданно, какой супъ ѣдятъ въ Ревелѣ по четвергамъ?

— Щи,—смѣло отвѣчалъ я.

Онъ видимо былъ доволенъ.

— А по пятницамъ? а по субботамъ? и т. д.

Я перечислилъ все меню эстляндской кухни.

Фельдмаршалъ Суворовъ, будучи въ низшихъ чинахъ, служилъ въ Ревельскомъ гарнизонѣ, и ему было извѣстно, что на моей родинѣ существуетъ обыкновеніе подавать каждый день въ недѣлю извѣстный супъ.

Однажды, въ большую жару, послѣ кавалерійскаго ученія у меня сдѣлалось сильное кровохарканье, кровь у меня такъ и полилась изъ горла. Врачи признали болѣзнь серьезною и предписали мнѣ оставить палатку и поселиться гдѣ-либо въ деревнѣ. Добрый полковникъ Анрепъ навѣстилъ меня и, полагая, что я страдаю легкими, совѣтовалъ мнѣ уѣхать на время изъ арміи и отправиться для поправленія здоровья на родину.

Я воспользовался этимъ позволеніемъ и уѣхалъ. По пути я остановился на двѣ недѣли въ Гродно, чтобы отдохнуть и окрѣпнуть, и поселился снова у молодыхъ графовъ Паленъ. Второй братъ графъ Петръ Паленъ былъ также боленъ, и я пользовался вмѣстѣ съ нимъ у врача князя Репнина.

Старшій, графъ Павелъ Паленъ, отправился въ Петербургъ курьеромъ съ депешами къ императрицѣ; я слѣдовалъ за нимъ болѣе медленно. Я останавливался въ Ковно и Митавѣ, гдѣ обѣдалъ у графа Палена (отца), только-что передъ тѣмъ назначеннаго генералъ-губернаторомъ Курляндіи, которую онъ такъ ловко заставилъ добровольно изъявить покорность Россіи, хотя въ силу вещей это случилось бы неизбѣжно немного ранѣе или немного позднѣе. Палену удалось достигнуть этого безъ потрясенія, за что императрица была признательна ему, осыпала его милостями и щедро наградила.

Я пробылъ нѣсколько дней въ Ригѣ, чтобы посовѣтоваться съ докторомъ Штофрегеномъ, который вполнѣ успокоилъ меня на счетъ состоянія моихъ легкихъ; я провелъ двѣ недѣли самымъ пріятнымъ образомъ у сестры моего отца, баронессы Будбергъ, въ ея хорошенькомъ загородномъ домѣ въ Виддрихѣ и явился неожиданно къ родителямъ, которые думали, что я нахожусь за 2.000 верстъ отъ родительскаго крова.

Они были весьма удивлены и обрадованы. Заботливый уходъ и исландскій мохъ возстановили въ скоромъ времени мое здоровье. Такъ какъ у меня былъ безсрочный отпускъ, то я пробылъ у родныхъ до конца года и съ наслажденіемъ забавлялся охотой, которую я всегда

страстно любилъ. У моего отца было все необходимое для охоты; сосѣди и даже иностранцы пріѣзжали издалека въ Ревель, чтобы охотиться у него, и отецъ оказывалъ всѣмъ столь широкое гостепріимство, что въ его замкѣ жили зачастую на всемъ готовомъ болѣе ста человѣкъ посѣтителей, а въ его конюшняхъ кормилось болѣе ста лошадей.

IV.

Поѣздка въ Дерптъ.—Возвращеніе въ полкъ.—Вступленіе на престолъ императора Павла I.—Исключеніе изъ службы и поступленіе вновь въ кирасирскій полкъ Нумзена.—Жизнь въ Митавѣ.

Отецъ совѣтовалъ мнѣ съѣздить въ Дерптъ, чтобы познакомиться съ нашими родными, жившими въ этомъ городѣ. Я отправился туда съ моимъ братомъ Карломъ, который былъ въ то время адъютантомъ князя Сергѣя Голицына.

Въ началѣ января (1796 г.) въ Дерптъ съѣзжалось все дворянство, чтобы устроить свои дѣла и въ то же время повеселиться. Оживленіе, которое царило въ городѣ вслѣдствіе съѣзда столькихъ лицъ, и ярмарка, открывавшаяся въ то же время, придавали Дерпту видъ столицы.

Я провелъ въ Дерптѣ очаровательныхъ 6 недѣль: обѣды, балы, любительскіе спектакли, игры—все способствовало пріятному препровожденію времени.

Въ Дерптѣ я былъ первый разъ влюбленъ. Молодая дѣвушка, прелестная, какъ амуръ, съумѣла затронуть нѣжныя струны до тѣхъ поръ безмолвнаго моего сердца.

Я не имѣлъ смѣлости признаться ей въ любви, но мое обращеніе, мое ухаживаніе, мои глаза говорили ей о моихъ чувствахъ. Одна болтливая подруга открыла ей мою тайну; я хотѣлъ во что бы то ни стало жениться на ней! Къ счастью, братъ, болѣе меня благоразумный, отговорилъ меня отъ этого намѣренія: какой бы я былъ прекрасный мужъ въ 17 лѣтъ!

Я отправился, чтобы разсѣять свое горе (1796 г.) въ Виддрихъ къ моей доброй тетушкѣ; она приняла меня ласково; вскорѣ разсудокъ взялъ верхъ, и я оставилъ мысль о бракѣ. Впослѣдствіи я узналъ съ удовольствіемъ, что эта молодая и хорошенькая дѣвушка вышла замужъ за князя ***.

Мой братъ, сдѣлавшій все возможное, чтобы помѣшать моей женитьбѣ, не устоялъ передъ искушеніемъ вступить въ бракъ съ молодой и очень богатой наслѣдницей. Правда, онъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ

не по влеченію сердца, а по разсчету. Онъ женился на дочери генералъ-лейтенанта барона Фрейзель; она была сирота и вступила на другой день послѣ брака во владѣніе обширными имѣніями.

Этотъ бракъ, заключенный по разсчету, не былъ особенно счастливъ, и примѣръ брата надолго отвратилъ меня отъ женитьбы.

Въ исходѣ 1796 г. я отправился въ свой полкъ, который стоялъ на зимнихъ квартирахъ въ Подольской губ. и числился въ корпусѣ князя Прозоровскаго.

Проѣздомъ черезъ Ригу я узналъ горестную вѣсть о кончинѣ императрицы Екатерины. Вся Россія была глубоко опечалена.

При вступленіи на престолъ императора Павла всѣми овладѣлъ страхъ.

Новый императоръ ознаменовалъ начало своего царствованія исключеніемъ изъ службы всѣхъ офицеровъ, отсутствовавшихъ изъ своихъ полковъ. Я былъ въ числѣ исключенныхъ, хотя я уже ѣхалъ въ это время въ полкъ. Этотъ указъ, вслѣдствіе котораго я остался въ столь юныхъ лѣтахъ безъ мѣста и безъ занятій, привелъ меня въ уныніе.

Къ счастью, мой дядя, достойный генералъ Бенкендорфъ, назначенный рижскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, написалъ генералу Нумзену, назначенному генералъ-инспекторомъ кавалеріи, прося его вновь принять меня на службу и опредѣлить въ кирасирскій полкъ, коимъ онъ командовалъ. Эта просьба увѣнчалась полнымъ успѣхомъ.

Мой бывшій полкъ былъ переформированъ. Легкая конница и конные егеря, оказавшіе столь видныя услуги въ Турціи и Польшѣ, прекратили свое существованіе. Они были созданы княземъ Потемкинымъ, котораго императоръ Павелъ не любилъ, точно такъ же, какъ и все исходившее отъ этого замѣчательнаго человѣка, столь же колоссальнаго ростомъ, какъ гигантскаго въ своихъ проектахъ. Генералъ Бауръ хотѣлъ взять меня въ свой гусарскій Павлоградскій полкъ, но я предпочелъ поступить въ полкъ генерала Нумзена, пользовавшагося лучшей славой. Генералъ Бауръ получилъ прозвище «le tireur de chevaux de poste»: такъ какъ никто не могъ совершить болѣе головоломныхъ курьерскихъ поѣздокъ, какъ этотъ бывшій адъютантъ князя Потемкина.

Генералъ Нумзенъ, человѣкъ достойный и храбрый, весьма свѣдущій въ своемъ дѣлѣ, ветеранъ Семилѣтней войны, которую онъ совершилъ въ чинѣ полковника въ рядахъ французскаго войска, обошелся со мною какъ съ роднымъ сыномъ; онъ искренно полюбилъ меня, и я обязанъ ему любовью къ военнымъ наукамъ, которыя онъ самъ преподавалъ мнѣ.

Онъ зналъ въ превосходствѣ всѣ подробности военнаго дѣла и тре-

бовалъ, чтобы къ его урокамъ относились съ большимъ вниманіемъ и вполнѣ сознательно.

Главная квартира генерала Нумзена находилась въ Митавѣ (1797 г.). Онъ вызвалъ по одному эскадрону изъ каждаго полка, который онъ былъ посланъ инспектировать, самъ обучалъ офицеровъ, училъ ихъ строевой службѣ, верховой ѣздѣ, училъ ихъ даже подковывать лошадей, ковать желѣзо и т. п.

По новой организаціи его полкъ получилъ названіе кирасировъ Нумзена.

Я прожилъ въ Митавѣ нѣсколько мѣсяцевъ какъ нельзя болѣе пріятно. Утро посвящалось службѣ, ученью, верховой ѣздѣ, а вечера я проводилъ въ прелестномъ избранномъ обществѣ.

Я имѣлъ случай сдѣлать много пріятныхъ знакомствъ на балахъ, которые часто давались въ казино и у мѣстныхъ землевладѣльцевъ.

Я съѣздилъ въ Ревель, но, не заставъ отца, не остановился въ этомъ городѣ и поѣхалъ повидаться съ нимъ на границу Лифляндіи, гдѣ онъ ожидалъ (1797 г.) уже нѣсколько дней пріѣзда короля польскаго. Онъ былъ назначенъ привѣтствовать его и сопровождать въ путешествіи. Императоръ Павелъ, поступая во всемъ противно тому, какъ поступала императрица Екатерина, велѣлъ отдавать ему королевскія почести.

V.

Переводъ полка въ Валкъ.—Генералъ Нумзенъ.—Характеристика общества.—Полученіе эскадрона.—Перемѣна обмундированія и строеваго устава. — Выступленіе въ 1799 г. въ походъ противъ французовъ.—Затрудненія въ обмундированіи.—Освобожденіе завязшаго экипажа Суворова.—Кончина матери.—Увольненіе Нумзена отъ командованія корпусомъ и назначеніе Корсакова.—Генералъ Воиновъ.

Стародубскіе карабинеры, пришедшіе въ Митаву (1797 г.), пробывъ въ пути нѣсколько мѣсяцевъ, были наскоро переформированы въ кирасировъ Нумзена; затѣмъ этотъ полкъ выступилъ изъ Митавы въ Валкъ, небольшой городокъ Лифляндіи, который, казалось, на первый взглядъ, не могъ представить намъ тѣхъ удобствъ, коими мы пользовались въ Митавѣ; но, пробывъ тамъ нѣкоторое время, мы перезнакомились съ окрестными помѣщиками, и я проводилъ время весьма пріятно.

Генералъ Нумзенъ вмѣнилъ мнѣ въ обязанность ежедневно обѣдать у него. Онъ любилъ хорошо поѣсть и въ особенности любилъ хорошее вино. У него бывалъ каждую пятницу большой обѣдъ; за столъ садились

въ 2 часа, а изъ-за стола рѣдко вставали ранѣе полуночи. Приходилось пить до полнаго изнеможенія.

Однажды, когда въ числѣ приглашенныхъ было нѣсколько сосѣднихъ помѣщиковъ, шампанское, выпитое въ большомъ количествѣ, дотого разгорячило всѣмъ головы, что генералъ поссорился съ барономъ Унгернъ-Стернбергомъ, мѣстнымъ землевладѣльцемъ, человѣкомъ весьма благовоспитаннымъ. Всѣ встали изъ-за стола, генералъ приказалъ принести пистолеты. Я счелъ долгомъ не допустить дѣло до дуэли и всталъ между противниками, но генералъ схватилъ меня своей геркулесовской рукою и хотя онъ былъ на костыляхъ, страдая отъ полученныхъ имъ серьезныхъ ранъ, но онъ такъ сильно прижалъ меня къ своему толстому животу, что едва не задушилъ. Однако въ это время его гнѣвъ немного улегся; къ тому же, употребивъ усиліе, генералъ нѣсколько ослабѣлъ; остальные гости схватили барона; поссорившихся успокоили, и они помирились.

Въ тотъ же вечеръ графъ Панинъ, отправлявшійся посланникомъ въ Берлинъ, заѣхалъ повидаться съ генераломъ, который принялъ его лежа въ постелѣ, и хотя онъ былъ выпивши, но онъ бесѣдовалъ съ нимъ далеко за полночь со свойственнымъ ему умомъ и находчивостью. Графъ Панинъ, полагая, что генералъ боленъ, не подозрѣвалъ, что онъ бесѣдовалъ съ человѣкомъ, выпившимъ дюжину бутылокъ шампанскаго. Подобныя оргіи повторялись каждую пятницу. Въ остальные дни этотъ, достойный уваженія, старикъ жилъ весьма умѣренно, пилъ одну воду, слегка подкрашенную виномъ, и работалъ въ своемъ кабинетѣ часовъ 5—6 подъ рядъ.

Два раза въ недѣлю у него собирались офицеры, и онъ объяснялъ имъ военныя дѣйствія союзныхъ войскъ, посланныхъ противъ французскихъ санкюлотовъ. Я никогда не забуду, какъ, держа въ рукахъ газеты, онъ предсказалъ отступленіе Моро, указывая намъ заранѣе на картѣ тѣ пункты, куда долженъ былъ двинуться Моро, чтобы выйти съ честью изъ затруднительнаго положенія, въ которое онъ былъ поставленъ пораженіемъ, понесеннымъ по винѣ эрцгерцога Карла при Журданѣ.

Лѣто и зима прошли довольно однообразно, но не безъ пріятности.

Корпусъ офицеровъ основалъ клубъ; жители принимали участіе въ его собраніяхъ, и зимою въ клубѣ часто танцовали; охота, которую я страстно любилъ, также доставляла мнѣ немало наслажденій.

Въ то время не было въ модѣ порицать правительство и критиковать постоянно всѣ его дѣйствія; общество предоставляло вѣдать дѣла тѣмъ, которые понимали ихъ лучше насъ; мы наблюдали не разсуждая о томъ, какъ и почему дѣлается то-то и то-то, и дѣла шли отъ этого не хуже.

Играя каждый вечеръ въ бостонъ съ полковникомъ Шираемъ, пле-

мянникомъ князя Бездородко, я къ сожалѣнію очень скоро пристрастился къ игрѣ. Мнѣ, какъ говорится, везло, и я много выигрывалъ, что не особенно хорошо для молодыхъ людей, которые со свойственной имъ самонадѣянностью воображаютъ, что счастье должно всегда благопріятствовать имъ, и при первой неудачѣ впадаютъ въ отчаяніе, и въ концѣ концовъ обыкновенно совершенно разоряются.

Я получилъ разрѣшеніе провести Рождественскіе праздники (1798 г.) у моихъ родныхъ. Они всѣ съѣхались въ зáмокъ, къ моей сестрѣ, графинѣ Стенбокъ.

Я встрѣтилъ у нея ту молодую даму, о которой я говорилъ выше. Мы сблизились и обманывали другъ друга на счетъ нашихъ истинныхъ чувствъ. Съ кокетками остается только платить имъ тою же монетою, но нельзя не порицать тѣхъ мужчинъ, которые имѣютъ несчастную привычку бѣгать за всѣми женщинами, не столько для удовлетворенія присущаго имъ желанія нравиться, какъ изъ тщеславнаго желанія увеличить число своихъ побѣдъ. Это смѣшное тщеславіе въ модѣ, но его слѣдовало бы строго преслѣдовать.

Въ это время освободилась вакансія эскадроннаго командира; генералъ Нумзенъ далъ мнѣ эскадронъ; назначеніе мое было утверждено императоромъ, и эскадронъ сталъ называться моимъ именемъ. Трудно представить себѣ, какъ много очаровательнаго въ мысли, что нѣсколько сотъ молодцевъ носятъ ваше имя и болѣе или менѣе гордятся этимъ, смотря потому, насколько они цѣнятъ своего камандира и насколько они ему преданы. Я квартировалъ въ Руценѣ (Rouzen), въ 50 верстахъ отъ Риги.

Мой эскадронъ былъ въ довольно плохомъ состояніи, такъ какъ мой предшественникъ болѣе заботился о томъ, чтобы наполнить свой кошелекъ, нежели о томъ, чтобы имѣть попеченіе о лошадяхъ; мнѣ стоило не мало труда привести его въ хорошее состояніе.

Императоръ Павелъ измѣнилъ обмундированіе войскъ, желая сдѣлать изъ него вмѣсто національнаго войска плохую копію прусской арміи временъ Фридриха II. Обмундированіе солдатъ по новому образцу доставило намъ безконечно много труда и хлопотъ.

Солдаты и въ особенности офицеры вскорѣ были измучены различными перемѣнами въ формѣ, выправкѣ и дисциплинѣ. Вынужденные то и дѣло усвоивать новыя правила и вскорѣ забывать ихъ, офицеры нехотя исполняли получаемыя приказанія, которыя, какъ они были вполнѣ увѣрены, будутъ такъ-же скоро отмѣнены, какъ и предъидущія. Смотря по строгости, небрежности или суетливому усердію начальства, каждый гарнизонъ, каждый полкъ имѣлъ особую выправку.

Лучшіе офицеры оставили службу; я также собирался просить объ увольненіи меня въ отставку, какъ вдругъ былъ получено (1798) прика-

заніе выступить въ походъ противъ Франціи. Это былъ счастливѣйшій моментъ моей жизни!

Намъ приказано было выступить въ 24 часа въ Брестъ-Литовскъ, назначенный сборнымъ пунктомъ войскъ, коими командовалъ князь Сергѣй Голицынъ и который долженъ былъ войти въ составъ арміи фельдмаршала Суворова, избраннаго союзными державами главнокомандующимъ австро-русскихъ войскъ.

Приказаніе выступить въ 24 часа не допускало колебаній, но, отдавая его, забыли, что было слишкомъ мало времени, чтобы превратить русское войско въ прусскую армію. У насъ не было ни мундировъ, ни обуви, однако мы выступили.

Я выѣхалъ 1-го января 1799 г.; по пути, когда мы останавливались на ночлегъ, и на всѣхъ дневкахъ портные и сапожники усердно принимались за работу; благодаря неусыпнымъ трудамъ и заботамъ, мнѣ удалось наконецъ обмундировать эскадронъ. Не успѣли сдѣлать только ботфортовъ; между тѣмъ намъ предстояло пройти въ полной парадной формѣ черезъ Ригу, и всѣмъ намъ было извѣстно, что слово «невозможно» не существуетъ въ словарѣ императора. Тогда я придумалъ, чтобы каждый кирасиръ надѣлъ только по одному высокому сапогу, такъ что когда они шли по обыкновенію, по два въ рядъ, то ноги, находившіяся снаружи, были обуты въ высокіе сапоги, а ноги, находившіяся внутри, были обуты въ полусапожкахъ. Никто не заподозрѣлъ этой хитрости, къ которой прибѣгнулъ весь полкъ; императоръ, получивъ отъ генералъ-губернатора донесеніе объ образцовой выправкѣ нашего корпуса, осыпалъ насъ похвалами; намъ было совѣстно, что онѣ были такъ мало нами заслужены, но при поспѣшности, съ какою все дѣлалось въ то время, коммиссаріатъ не могъ доставить намъ во-время весь нужный матеріалъ.

Надобно еще сказать, что зима 1799 г. была чрезвычайно суровая.

Холодъ былъ ужасный, однако педантизмъ доходилъ до того, что отъ офицеровъ и солдатъ требовали, чтобы они были всегда причесаны и напудрены, въ лосиныхъ брюкахъ и съ открытыми ушами. Офицеры должны были подавать примѣръ. По тѣмъ страданіямъ, какія приходилось переносить, этотъ походъ былъ настоящимъ мученіемъ.

Флигель-адъютанты дѣлали постоянные разъѣзды по большимъ дорогамъ, и горе тому, кто оказывался въ чемъ-либо виновенъ: генералы и офицеры неумолимо исключались изъ службы.

Главнокомандующій князь Голицынъ нагналъ насъ по пути; онъ произвелъ намъ смотръ и велѣлъ идти какъ можно поспѣшнѣе въ Брестъ, гдѣ должна была сосредоточиться вся армія, и откуда нашъ армейскій корпусъ долженъ былъ идти на соединеніе съ арміей фельдмаршала Суворова, который шелъ на Вѣну и въ Италію.

Но въ царствованіе императора Павла, слѣдующій день никогда не походилъ на предъидущій; князь Голицынъ не успѣлъ дойти до Бреста, какъ былъ уволенъ отъ командованія корпусомъ, его смѣнилъ достойный генералъ Нумзенъ, который шелъ все время со своимъ полкомъ. Онъ насъ оставилъ и устроилъ свою главную квартиру въ Брестѣ.

Фельдмаршалъ Суворовъ обогналъ насъ. Его экипажъ увязъ въ снѣгу; я подоспѣлъ со своимъ эскадрономъ и высвободилъ его. Въ то время какъ мои кирасиры работали, Суворовъ кричалъ не переставая изъ своей кареты: «ура, ура, молодцы, рымникскіе карабинеры». Онъ не забылъ, что полкъ Стародубскихъ карабинеровъ рѣшилъ своей молодецкой атакой участь сраженія при Рымникѣ,—сраженія, столь достопамятнаго, что это названіе было прибавлено къ имени Суворова.

Мы прибыли въ мартѣ мѣсяцѣ къ мѣсту своего назначенія. Полковникъ графъ Игельштромъ принялъ командованіе полкомъ. Насъ разставили по квартирамъ по берегу Буга.

Разливъ рѣкъ едва не былъ для насъ пагубнымъ; онѣ вышли изъ береговъ такъ неожиданно и быстро, что мы едва успѣли спасти лошадей и сбрую. Я былъ по плечи въ водѣ и схватилъ лихорадку; генералъ Нумзенъ, узнавъ, что я лежу безъ всякой помощи и ухода, въ плохой крестьянской хижинѣ, разрѣшилъ мнѣ пріѣхать въ главную квартиру.

Я уже начиналъ поправляться, когда получилъ горестное извѣстіе о кончинѣ моей дорогой матери, которую я нѣжно любилъ. Ни одна женщина не была столь оплакиваема своими дѣтьми и друзьями; весь городъ облекся въ трауръ, и всѣ, даже простой народъ, шли за ея гробомъ.

Эта горестная вѣсть такъ повліяла на мое здоровье, что я былъ на краю могилы, у меня сдѣлалась горячка, и я проболѣлъ шесть недѣль.

Въ это время мимо нашей главной квартиры проѣзжалъ король Людовикъ XVIII, направлявшійся въ Митаву.

Генералъ Нумзенъ пригласилъ ко мнѣ главнаго врача короля. Этотъ достойный человѣкъ прописалъ мнѣ лѣкарство, предписалъ извѣстную діэту и возстановилъ мои силы.

Однако я поправлялся весьма медленно: вернувшись къ жизни, я почувствовалъ себя одинокимъ на свѣтѣ. Мнѣ необходимо было развлечься, я хотѣлъ забыться на нѣкоторое время въ шумной жизни главной квартиры. Мое сердце, не изсушенное еще страстью, искало предмета, къ которому оно могло бы привязаться. Напрасная надежда! Я вскорѣ подмѣтилъ, что я давалъ болѣе, нежели получалъ; отъ меня никто не требовалъ глубокаго и возвышеннаго чувства; я чувствовалъ вокругъ себя ужасную пустоту, старался измельчать свои чувства, чтобы подойти подъ общій уровень моихъ веселыхъ и беззаботныхъ товарищей. Всѣ называли меня мечтателемъ; я устыдился той роли, какую

игралъ, и рѣшилъ заняться исключительно службою, но такъ какъ одинокая и монотонная жизнь сдѣлалась мнѣ наконецъ нестерпима, то я мало-по-малу снова втянулся въ общество.

Я былъ утомленъ повтореніемъ однихъ и тѣхъ же впечатлѣній, однѣхъ и тѣхъ же сценъ, однѣхъ и тѣхъ же мыслей.

Я задавалъ себѣ вопросъ: чего жаждало мое сердце? Послѣ смерти моей матери у меня не было болѣе желаній.

Тогда передъ моими умственными взорами промелькнуло честолюбіе; я ухватился за эту мысль съ тою страстностью, съ какою я принимался за осуществленіе всѣхъ моихъ плановъ. Я искалъ въ безпредѣльномъ пространствѣ это невѣдомое благо, мысль о которомъ преслѣдовала меня.

Между тѣмъ настало время выступить; генералъ совершенно неожиданно для него былъ уволенъ, и на его мѣсто назначенъ генералъ Корсаковъ.

Полкъ Нумзена былъ ввѣренъ генералу Воинову.

Положеніе генерала Нумзена было въ высшей степени тягостное. Еще наканунѣ онъ былъ на высшей степени власти и благосостоянія и лишился внезапно всего, что нужно для человѣка, привыкшаго къ достатку и къ широкой дѣятельности!

Большинство лицъ, льстившихъ ему наканунѣ, покинули его; я позналъ чрезъ это людей и научился презирать ихъ.

Къ счастью, нашлись люди, которые примирили меня съ человѣческимъ родомъ. Къ числу этихъ людей принадлежалъ генералъ Воиновъ, который держалъ себя вполнѣ чистосердечно и въ высшей степени деликатно.

Что касается меня, то я выразилъ доброму генералу Нумзену мою признательность и расположеніе, и предложилъ эскадроннымъ командирамъ отказаться отъ всѣхъ претензій, какія мы могли предъявить генералу и вручить ему подписанныя нами квитанціи. Мои товарищи согласились на мое предложеніе, одни—охотно, другіе—нехотя. Мнѣ удалось такимъ образомъ избавить этого превосходнаго старика отъ необходимости уплатить около 10 тысячъ рублей, чѣмъ онъ былъ тронутъ до слезъ.

Генералъ Нумзенъ, датчанинъ по происхожденію, былъ потомкомъ извѣстнаго и вліятельнаго рода. Въ молодыхъ лѣтахъ, онъ поступилъ на службу Франціи, участвовалъ въ Семилѣтней войнѣ, служа подъ начальствомъ маршала де-Брогли. Какъ человѣка усерднаго, весьма дѣятельнаго, трудолюбиваго и обладавшаго прекрасными свойствами характера, его отличали по службѣ.

Императрица предложила ему перейти на русскую службу, въ чинѣ генералъ-лейтенанта; онъ изъявилъ свое согласіе, съ отличіемъ коман-

довалъ армейскимъ корпусомъ въ Финляндіи, во время войны со шведами, и былъ награжденъ орденами: Александромъ Невскимъ и Георгіемъ 3-й ст.

Императрица, всегда щедро награждавшая его, не могла, однако, обогатить Нумзена; его расходы всегда превышали его средства, такъ что онъ находился постоянно въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ и ему приходилось извертываться; не будучи интересаномъ, онъ казался таковымъ, и, когда у него не было денегъ, онъ старался добыть ихъ, не особенно стѣсняясь въ этомъ случаѣ способами. Онъ часто не выдавалъ намъ денегъ, потребныхъ на покупку фуража, и мы были нерѣдко жертвами его расточительности.

Генералъ Нумзенъ былъ настоящій колоссъ, при этомъ чрезмѣрно толстъ; онъ ходилъ на костыляхъ. Однажды я поставилъ его латы въ видѣ лодки и сѣлъ въ нихъ. Онъ вошелъ въ этотъ моментъ и много смѣялся моей выдумкѣ, ибо онъ любилъ шутки и никогда на нихъ не сердился.

Генералъ съ трудомъ садился на лошадь, но, усѣвшись верхомъ на своей прекрасной англійской кобылѣ, которая одна только и могла везти этого Голіафа, онъ былъ превосходный наѣздникъ и вообще прекрасный кавалерійскій офицеръ, и могъ заткнуть за поясъ самаго сильнаго и ловкаго наѣздника.

Я никакъ не могъ отдѣлаться отъ лихорадки; мнѣ пришлось ѣхать за полкомъ въ экипажѣ, но такъ какъ лихорадка все усиливалась, то мои друзья, и въ особенности полковникъ графъ Ламбертъ, уговорили меня остановиться въ Краковѣ.

Я напалъ на прекраснаго врача, который радикально излѣчилъ меня. Доказавъ свои знанія, онъ пожелалъ еще облагодѣтельствовать меня, и, когда я, совершенно оправившись, хотѣлъ отблагодарить его 50 дукатами, то онъ наотрѣзъ отказался взять ихъ и вдобавокъ предложилъ мнѣ въ распоряженіе свой кошелекъ.

Такъ какъ я въ деньгахъ совершенно не нуждался, то я настоялъ на томъ, чтобы онъ взялъ эти 50 дукатовъ.

VI.

Движеніе черезъ Силезію и Моравію.—Празднества въ Прагѣ.—Французскіе эмигранты.—Графиня Донгольская.—Прибытіе въ Регенсбургъ.—Дальнѣйшее движеніе.—Полковникъ баронъ Виммеръ.—Вступленіе въ Аугсбургъ.

Когда я совершенно поправился, я взялъ почтовыхъ лошадей и догналъ мой полкъ въ Ольмюцѣ (1799 г.). Во время моего отсутствія

моимъ эскадрономъ командовалъ графъ Моденъ, сдѣлавшій все возможное, чтобы содержать его въ должномъ порядкѣ.

Пройдя большую часть Силезіи и Моравіи, мы вступили въ Богемію. Въ Коллинѣ я осмотрѣлъ знаменитое поле сраженія, гдѣ Фридрихъ Великій былъ разбитъ маршаломъ Дауномъ.

Я остановился близъ Праги, на землѣ графа Филиппа Кинскаго, бывшаго фаворита Іосифа II, который участвовалъ въ путешествіи въ Херсонъ съ императрицей Екатериной.

Графъ Кинскій принялъ меня весьма любезно и пригласилъ на соколиную охоту; я провелъ у него двое сутокъ, и онъ далъ мнѣ свой экипажъ, чтобы догнать полкъ у воротъ Праги.

Мы прошли чрезъ Прагу въ полной парадной формѣ. Въ этомъ городѣ была главная квартира генерала Корсакова.

Князь Ауерсбергъ далъ большой обѣдъ, на который были приглашены русскіе генералы и нѣкоторые офицеры. Я былъ въ числѣ приглашенныхъ. На этомъ обѣдѣ, за которымъ царствовала обычная въ Австріи пышность и этикетъ, присутствовали всѣ мѣстные сановники; было также много хорошенькихъ женщинъ, которыя любопытствовали взглянуть вблизи на сѣверныхъ варваровъ.

Послѣ обѣда, я отправился осматривать достопримѣчательности города и обратилъ особенное вниманіе на мѣсто, на которомъ погибъ славной смертью маршалъ графъ Шверинъ, павшій со знаменемъ въ рукахъ.

Вечеромъ, я былъ приглашенъ къ графу де-Монбуазье, знатному французскому эмигранту.

Всѣ знатные французы, проживавшіе въ то время (1799 г.) въ Прагѣ, собрались въ салонъ г-жи де-Монбуазье. Три дочери этой дамы, очаровательныя дѣвицы, придавали еще болѣе прелести этому избранному обществу. Гости пѣли, играли, бесѣдовали. Я восхищался любезностью французовъ. Мнѣ никогда еще не приходилось слышать такой пріятной и остроумной бесѣды, я не имѣлъ о ней понятія. Мнѣ приходилось слышать, какъ люди разсуждаютъ о разныхъ предметахъ, но въ обществѣ этихъ французскихъ эмигрантовъ мнѣ впервые довелось слышать увлекательную бесѣду людей, которые умѣли касаться предмета, не углубляясь въ него, вносили веселость въ серьезный разговоръ, умѣли приноравливаться къ тому, кто ихъ слушалъ, умѣли придать интересъ самому сухому предмету, обсуждали его со всѣхъ сторонъ дѣлая видъ, что они касаются его слегка, умѣли вполнѣ естественно переходить отъ одного тона къ другому.

Вторая дочь г-жи де-Монбуазье, Полина, была дѣвушка очаровательная; въ правильныхъ чертахъ ея лица было что-то пикантное; въ ея наружности и умѣ были всѣ данныя для того, чтобы нравиться.

Я едва серьезно не влюбился въ эту очаровательную женщину.

Въ этомъ обществѣ я былъ единственный русскій, меня очень обласкали, всѣ удивились тому, что я былъ не такимъ медвѣженкомъ, какъ думали сначала. О моихъ соотечественникахъ имѣли въ то время самое нелѣпое мнѣніе. Трудно себѣ представить, какіе мнѣ дѣлали нелѣпые вопросы: одна дама спросила меня совершенно серьезно:

— Правда ли, что ваши солдаты ѣдятъ маленькихъ дѣтей?

— Не только маленькихъ,—отвѣчалъ я,—но и большихъ, если они такіе хорошенькія, какъ вы, mesdames.

Этотъ отвѣтъ очень понравился.

Меня просили позвать моего слугу, чтобы посмотрѣть, какой имѣютъ видъ простые русскіе люди; мой Алексѣй, не отличавшійся красотою Антиноя, терпѣливо позволилъ осмотрѣть себя со всѣхъ сторонъ.

Если бы къ намъ пріѣхалъ готтентотъ, его разсматривали бы не съ бо̀льшимъ любопытствомъ, какъ всѣ оглядывали моего денщика-татарина. Надобно сознаться, что со своими калмыцкими глазами онъ походилъ дѣйствительно на людоѣда.

На слѣдующій день, я былъ снова приглашенъ къ графу де-Монбуазье; послѣ великолѣпнаго обѣда, мы совершили прогулку на водѣ и остановились на прелестномъ островѣ, чтобы закусить. Вечеръ мы провели въ театрѣ; день закончился блестящимъ баломъ у князя Сольмскаго, пражскаго архіепископа Къ нему съѣхались всѣ знатныя лица города. Женщины, не стѣсняясь, окружили меня и удостоили меня чести сказать, что я очень любезенъ и хорошо воспитанъ; словомъ, мною интересовались какъ новинкою; ко мнѣ относились какъ къ игрушкѣ; я былъ обязанъ успѣху моей молодости, скромности и неиспорченности и умѣнью говорить по-французски и по-нѣмецки. Это могло бы вскружить мнѣ голову, если бы мы не уѣхали два дня спустя.

Мы остановились (1799 г.) на границѣ Богеміи и Баваріи, чтобы дать нашей пѣхотѣ время подойти; я нашелъ прекрасное помѣщеніе въ за̀мкѣ графа Донгальскаго (Donhalsky).

Онъ былъ женатъ на княжнѣ Яблоновской; въ его домѣ все было на англійскій ладъ, и онъ самъ былъ англоманъ съ головы до ногъ.

Графиня, женщина лѣтъ 30—35, еще довольно красивая, отнеслась ко мнѣ весьма дружелюбно. Она часто бесѣдовала со мною о соблазнахъ, какіе могутъ встрѣтиться молодому человѣку въ свѣтѣ, старалась укрѣпить мои принципы и указать мнѣ средства избѣжать соблазновъ.

— Женщины, — говорила она,—будутъ играть въ вашей жизни большую роль, слѣдовательно, вамъ нужно какъ можно ранѣе выработать себѣ извѣстныя идеи и принципы, коими порядочный человѣкъ долженъ руководствоваться въ своихъ сношеніяхъ съ ними.

Она не совѣтовала мнѣ никогда ухаживать за дѣвушкой, если я не имѣлъ намѣренія жениться на ней, и предоставить моимъ родителямъ избрать мнѣ жену, такъ какъ, любя меня, они не принесутъ моего счастья въ жертву матеріальнымъ выгодамъ и честолюбію, ибо, заключая бракъ на всю жизнь, благоразуміе требуетъ прежде всего, чтобы мы справились, какъ взглянутъ на него лица, заинтересованныя въ этомъ дѣлѣ.

— Хотя наша жизнь коротка,—говорила она,—но всеблагій Создатель ниспосылаетъ много радостей тому, кто умѣетъ найти ихъ и пользоваться ими, когда онѣ выпадаютъ на его долю.

Она убѣждала меня избѣгать интимныхъ связей съ замужними женщинами и никогда не вносить разладъ въ семьи.

Я былъ тронутъ ея совѣтами, но такъ мало былъ расположенъ слѣдовать имъ, что въ то время, какъ она проповѣдывала мнѣ съ такою добротою всѣ эти истины, я только и думалъ о томъ, какъ бы ей понравиться, если бы она допустила это.

Къ счастью, намъ пришлось скоро выступить изъ этой мѣстности. Снова началась моя скитальческая жизнь; воспоминаніе объ осторожной графинѣ изгладилось изъ моей памяти въ тотъ моментъ, какъ я потерялъ изъ вида ея зàмокъ, всѣ мои мысли были заняты моими кирасирами и лошадьми.

Мы перевалили черезъ Богемскія горы и, проѣхавъ не останавливаясь по чуднымъ равнинамъ Баваріи, прибыли въ Регенсбургъ.

Нашъ полкъ сталъ лагеремъ на прелестномъ островкѣ, образуемомъ Дунаемъ въ центрѣ города.

Княгиня Туръ-и-Таксисъ сдѣлала намъ честь пригласить насъ на обѣдъ. Она была такъ же привѣтлива и хороша собою, какъ ея сестра, королева прусская.

Старикъ князь de-la-Tour посѣтилъ нашъ лагерь; я былъ дежурнымъ и объяснилъ ему все, чтò онъ пожелалъ знать. Онъ любезно пригласилъ меня посѣтить его на слѣдующій день въ его загородномъ зàмкѣ близъ Регенсбурга.

Изъ Регенсбурга мы направились въ Аугсбургъ, прекрасный торговый городъ Швабіи. Я осмотрѣлъ его достопримѣчательности, прекрасную городскую ратушу и запасный водоемъ.

Графъ Фуггеръ представилъ меня нѣсколькимъ весьма милымъ дамамъ, съ которыми я ѣздилъ завтракать въ общественный садъ, въ разстояніи четверти версты отъ города, гдѣ можно получить только редисъ, отличное свѣжее масло и пиво.

Я встрѣтилъ тамъ австрійскаго полковника барона Виммера, главнаго поставщика провіанта и фуража (entrepreneur géneral des vivres et fourrages) австро-русской арміи. Это былъ человѣкъ замѣчательный

по своему уму, храбрости и предпріимчивости. У него было огромное состояніе, онъ владѣлъ обширными помѣстьями; правительство было должно ему болѣе 20 милліоновъ. Его магазины были разсѣяны по всей Германіи.

Наши коммиссаріатскіе и провіантскіе чиновники, какъ напр. Трофимовскій, Свѣчинъ и многіе другіе, нажили благодаря ему сотни тысячъ флориновъ; наживая самъ, онъ давалъ и другимъ возможность обогатиться.

У меня было нѣсколько молодыхъ лошадей, которыхъ мнѣ хотѣлось продать; онъ купилъ ихъ за высокую цѣну заглазно, единственно изъ желанія сдѣлать мнѣ одолженіе.

Я помѣстился въ Аугсбургѣ вмѣстѣ съ графомъ Ламбертомъ въ гостиницѣ «Бѣлаго барана». Такъ какъ въ городѣ было нѣсколько игорныхъ домовъ, то мнѣ захотѣлось попытать счастье. Одинъ французскій эмигрантъ, по фамиліи Дюпюи, относившійся ко мнѣ весьма пріязненно, совѣтовалъ мнѣ воздержаться отъ игры, увѣряя, что мнѣ никогда не удастся выиграть; но я былъ настолько самоувѣренъ, что не придалъ этимъ словамъ никакого значенія. Тогда онъ открылъ мнѣ, что онъ самъ былъ членомъ игорнаго дома; несчастное положеніе эмигранта заставляло его чѣмъ-нибудь заработывать хлѣбъ; онъ ручается мнѣ, что игрокамъ приходится бороться не съ однимъ только счастьемъ. Этотъ поступокъ былъ такъ честенъ, что я охотно простилъ ему его двусмысленное положеніе, поблагодарилъ его и послѣдовалъ его совѣту. Я встрѣтился съ нимъ впослѣдствіи въ арміи принца Конде.

Мы имѣли съ графомъ Ламбертомъ въ Аугсбургѣ столкновеніе съ однимъ баварскимъ офицеромъ, котораго мы спустили съ лѣстницы; онъ вызвалъ насъ на дуэль, но самъ не явился въ назначенный часъ. Вскорѣ послѣ этой исторіи мы уѣхали изъ Аугсбурга и догнали нашъ полкъ въ Стокахѣ (Stockach), гдѣ эрцгерцогъ Карлъ только передъ тѣмъ одержалъ побѣду.

VII.

Нейкирхъ.—Лауфенскій водопадъ.—Неудачныя дѣйствія генералъ Корсакова противъ Массены.—Движеніе къ нему на помощь.—Затруднительное положеніе генерала Воинова подъ Винтертуромъ.—Отступленіе къ Эглизау и потомъ къ Шафгаузену.—Стычка близъ Шлатта и Дрейенгофена.—Отступленіе къ Рейтлингену.

Послѣ столь длиннаго перехода надобно было дать отдохнуть лошадямъ; войско было разставлено по квартирамъ. Я помѣстился въ Ней-

кирхѣ (Neukirch), неподалеку отъ прелестнаго Констанцкаго озера и по близости отъ Линдау.

Я часто ѣздилъ въ этотъ городъ,—Венецію Констанцкаго озера, и катался по озеру въ обществѣ очаровательныхъ женщинъ, безъ коихъ я уже почти не могъ проводить время.

Двѣ недѣли пролетѣли, какъ сонъ; наконецъ, было получено приказаніе идти далѣе. Сколько было вздоховъ съ той и съ другой стороны.

Армія направилась къ Шафгаузену; пройдя чрезъ этотъ городъ, мы стали лагеремъ на правомъ берегу Рейна, возлѣ прекраснаго и величественнаго Лауфенскаго водопада.

Я никогда не видѣлъ болѣе живописной картины.

Сидя на обломкѣ скалы, я удивлялся тому, какую грусть навѣваетъ шумъ, производимый паденіемъ воды. Люди любятъ источники потому, что между ними и быстротечностью нашей жизни существуетъ тайное сходство.

Шумъ водопада привлекалъ и въ то же время отталкивалъ меня, онъ возбуждалъ и разрушалъ мои надежды. Пока мы стояли возлѣ этого водопада, я ходилъ любоваться имъ каждый вечеръ. Мы были наканунѣ кровавыхъ событій; размышленіе объ этомъ заставило меня обратиться къ Богу; я просилъ его защитить меня и пощадить мою молодую жизнь.

Въ одну изъ поѣздокъ въ Шафгаузенъ, я пилъ превосходный рейнвейнъ на самомъ берегу рѣки Рейна; мы были съ товарищами въ самомъ веселомъ настроеніи, какъ вдругъ мы услыхали какой-то гулъ, напоминавшій раскаты отдаленнаго грома. Это была пушечная пальба, происходившая въ окрестностяхъ Цюриха. Мы поспѣшно вскочили на лошадей.

Нашъ полкъ получилъ приказаніе перейти Рейнъ у Эглизау (Eglisau) и присоединиться къ 4.000 баварцамъ, чтобы подкрѣпить корпусъ Корсакова, котораго атаковалъ генералъ Массена.

Генералъ Воиновъ собралъ эскадронныхъ командировъ, далъ намъ инструкціи для предстоявшаго ночнаго марша, и мы весело двинулись въ путь. На слѣдующій день пушечная пальба возобновилась съ большой силою. Массена разбилъ Корсакова на всѣхъ пунктахъ; намъ было приказано идти рысью, чтобы поддержать и прикрыть отступленіе.

Генералъ Корсаковъ попался намъ на встрѣчу со всѣмъ своимъ штабомъ. Самонадѣянный видъ, который онъ имѣлъ до этого пораженія, исчезъ; генералъ былъ блѣденъ и разстроенъ. Его сопровождали гусары Лекоргина [le général Lekorhine (?)]; этотъ великолѣпный полкъ подвергался въ теченіе нѣсколькихъ часовъ убійственному огню и жестоко пострадалъ; у командира храбраго генерала Лекоргина оторвало ядромъ ногу.

*

Мы продолжали идти впередъ; артиллерія и военный обозъ поспѣшно отступали, тогда какъ мы горѣли желаніемъ сразиться съ непріятелемъ.

Наконецъ, мы увидѣли его, но такъ какъ уже стемнѣло, то мы остановились, успѣвъ однако захватить нѣсколько человѣкъ въ плѣнъ; мы ограничились тѣмъ, что наблюдали за дорогами, которыя шли въ разныхъ направленіяхъ, и сдерживали движеніе непріятеля.

Мы развели костры и разнуздали половину лошадей въ каждомъ эскадронѣ. Это былъ нашъ первый бивуакъ.

Я не легъ спать; ожиданіе слѣдующаго дня поглощало меня всецѣло.

Какъ передать всѣ мысли, тѣснившіяся въ моей головѣ, когда я сидѣлъ возлѣ костра, окруженный моими молодцами кирасирами.

Я наслаждался, но чѣмъ именно, я не могъ бы точно сказать. Душа вѣчно жаждетъ новаго; едва достигнувъ желаемаго, она уже предъявляетъ новыя требованія. Весь міръ не можетъ ее удовлетворить. Ее можетъ удовлетворить лишь безконечное; тѣмъ не менѣе я былъ счастливъ, я предвкушалъ съ наслажденіемъ завтрашнюю битву съ врагомъ человѣческаго рода; чувство гордости заставляло усиленно биться мое сердце при мысли, что быть можетъ на завтра мнѣ суждено отличиться! Какъ безуменъ человѣкъ, придавая столь большое значеніе такимъ бреннымъ вещамъ. Но мои радужныя мысли омрачались время отъ времени тягостнымъ чувствомъ, когда разсудокъ напоминалъ мнѣ, что я могу ежеминутно быть убитымъ. Звукъ трубы вывелъ меня изъ этого страннаго и тягостнаго настроенія, я мигомъ овладѣлъ собою и сталъ въ главѣ моихъ дорогихъ кирасиръ.

Войско построилось въ боевой порядокъ; мы двинулись къ непріятелю, который перешелъ тотчасъ въ отступленіе, привѣтствовавъ насъ однако нѣсколькими пушечными выстрѣлами.

Генералъ Корсаковъ, узнавъ, что нѣсколько пѣхотныхъ полковъ и одинъ артиллерійскій паркъ были отрѣзаны отъ его арміи и поспѣшно отступили къ Винтертуру, приказалъ генералу Воинову отыскать ихъ и далъ ему въ подкрѣпленіе полкъ донскихъ казаковъ Астахова и полкъ уральскихъ казаковъ Бородина. Эти остатки корпуса Корсакова направились къ Дрейенгофену, чтобы перейти въ этомъ мѣстѣ Рейнъ. Пылкій генералъ Воиновъ хотѣлъ облегчить ихъ поспѣшное отступленіе, произведя на непріятеля энергичную атаку. Онъ шелъ вдоль линіи французскихъ войскъ, въ надеждѣ соединиться съ нашими, но, достигнувъ Винтертура, былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ.

Непріятель, не подозрѣвавшій о нашемъ приближеніи, былъ удивленъ не менѣе насъ. Такъ какъ онъ не атаковалъ насъ, то мы взяли на себя иниціативу и повели атаку столь энергично, что захватили даже нѣсколько плѣнныхъ, но, несмотря на блестящее начало, мы были вынуждены нѣсколько минутъ спустя переправиться черезъ рѣку Туръ (la

Thur) вплавь, чтобы избѣжать столкновенія съ болѣе превосходными силами. Единственнымъ нашимъ спасеніемъ было выйти на дорогу, ведшую къ Эглизау по проселочнымъ дорогамъ, которыя были почти непроходимы.

Мы пронеслись рысью по деревнѣ, которая была переполнена французскими войсками. Они смотрѣли на насъ изъ оконъ: не знаю, чему приписать—изумленію или страху, обуявшему непріятеля, но онъ сталъ стрѣлять только по 5-му эскадрону. Я командовалъ четвертымъ; у меня была ранена всего одна лошадь, да двѣ лошади утонули.

Большая дорога была уже занята французами; поэтому намъ не оставалось никакой надежды присоединиться къ главнымъ силамъ арміи, находившимся въ Эглизау. Генералъ Воиновъ рѣшился кинуться въ лѣсъ, гдѣ не было иной дороги кромѣ узкой лѣсной тропы. Ему пришлось вскорѣ раскаяться въ этомъ движеніи, ибо лишь только половина его полка проникла въ лѣсъ, какъ люди, шедшіе въ головѣ колонны, очутились на краю пропасти, которую невозможно было перейти, и были вынуждены остановиться. Не было достаточно мѣста, чтобы повернуть лошадей одну за другой. Насъ нагоняла французская пѣхота; положеніе становилось все болѣе и болѣе критическимъ. Хладнокровіе генерала Воинова и храбрость солдатъ спасли насъ.

5-й и 4-й эскадроны тотчасъ построились въ боевой порядокъ и стали угрожать непріятелю, между тѣмъ какъ остальные три эскадрона вышли изъ лѣса. Это движеніе было поддержано казаками; наконецъ, блестящая атака, произведенная 5-мъ эскадрономъ подъ командою графа Ламберта и 4-мъ эскадрономъ подъ моею командою, дала намъ окончательно возможность выйти изъ бѣдственнаго положенія, въ которомъ мы очутились.

Продолжая сражаться, мы достигли до моста Эглизау въ тотъ моментъ, когда генералъ Корсаковъ отдалъ приказаніе взорвать его. Если бы мы пришли четвертью часа позже, то намъ не осталось бы инаго выбора, какъ сдаться въ плѣнъ или утонуть въ Рейнѣ.

Доблестный генералъ Воиновъ уже объявилъ намъ, что если мостъ въ Эглизау будетъ взорванъ, то онъ бросится вплавь; это значило идти на вѣрную смерть, такъ какъ вслѣдствіе близости водопада теченіе рѣки въ этомъ мѣстѣ столь быстро, что не было примѣра, чтобы черезъ нее могла переплыть даже свинья, хотя изъ всѣхъ животныхъ она считается самымъ лучшимъ пловцомъ.

Мостъ былъ взорванъ, лишь только мы успѣли перейти черезъ него, и мы расположились лагеремъ въ виноградникахъ, покрывающихъ правый берегъ Рейна. Въ двухъ шагахъ оттуда находился складъ овса. Мнѣ было поручено принять фуражъ для нашего и для двухъ

казачьихъ полковъ, и я воспользовался этимъ, чтобы дать моему эскадрону двойной раціонъ.

Когда люди и лошади подкрѣпились, намъ было приказано отступить къ Шафгаузену и стать лагеремъ за тетъ-де-пономъ, сооруженнымъ австрійцами по близости отъ монастыря du Paradis.

Вскорѣ остатки арміи Корсакова сосредоточились на правомъ берегу Рейна; генералъ Воиновъ принялъ командованіе передовыми постами нашего лѣваго фланга. Онъ перешелъ обратно Рейнъ у Дрейенгофена и занялъ позицію на лѣвомъ берегу передъ этимъ городомъ. Я былъ усиленъ егерями Титова и полкомъ казаковъ. Ни одного дня не проходило безъ стычки между нашими солдатами и французами.

Непріятель исчезъ въ тотъ моментъ, когда мы менѣе всего этого ожидали, и кн. Алексѣй Горчаковъ послалъ меня съ моимъ эскадрономъ и сотнею казаковъ отыскать его.

Я былъ впервые предоставленъ своимъ собственнымъ силамъ и вынужденъ дѣйствовать по своему собственному вдохновенію.

Признаюсь, задача оказалась не столь легкою, какъ я воображалъ; когда приходится дѣйствовать по своему собственному усмотрѣнію, а не руководствоваться волею другаго, то видишь вещи совершенно иначе и иначе судишь о нихъ.

Я прошелъ три версты, не встрѣтивъ непріятеля, наконецъ примѣтилъ его у переправы черезъ р. Туръ. Парижскіе гусары, красные, какъ кровь, шли мнѣ на встрѣчу. Мои молодцы кирасиры не посрамили своего юнаго командира, горѣвшаго желаніемъ совершить какой-нибудь славный подвигъ. Гусары были опрокинуты рымникскими храбрецами, и мнѣ посчастливилось взять въ плѣнъ французскаго полковника, за что я получилъ похвалу отъ князя Горчакова и здоровый ударъ саблею по головѣ.

Я былъ счастливъ; мнѣ удалось отыскать непріятеля, скрывавшагося отъ насъ съ цѣлью, чтобы атаковать Суворова, и я опредѣлилъ его силы и движеніе, не натворивъ никакихъ глупостей; я возвратился поздно ночью въ лагерь, гдѣ всѣ поздравляли меня.

Весь день шелъ сильный дождь, я промокъ до костей; нашъ обозъ находился въ трехъ переходахъ отъ нашего лагеря, я не могъ смѣнить бѣлья и платья, поэтому былъ вынужденъ раздѣться догола, чтобы высушить одежду у костра, и прикрылся пока солдатской шинелью.

Когда человѣкъ молодъ, онъ все можетъ перенести. Былъ ноябрь мѣсяцъ, ночи были чрезвычайно холодныя, между тѣмъ я не схватилъ даже насморка! Я выпилъ изрядное количество пунша, улегся, хорошо укрывшись на сѣно, и всталъ по утру здравъ и невредимъ.

Полученная мною рана не мѣшала мнѣ нести службу; когда мой

эскадронъ стоялъ въ караулѣ на аванъ-постахъ, то я старался охранять монастырь св. Екатерины, находившійся во ввѣренномъ мнѣ районѣ.

Я послалъ аббатиссѣ стражу для ея охраны, а она, въ благодарность за мое вниманіе, присылала мнѣ ежедневно на бивуакъ обильный обѣдъ, превосходный кофе, ликеры и всевозможныя лакомства.

Я былъ весьма огорченъ тѣмъ, что во время жаркой стычки, которую мы имѣли съ непріятелемъ и вслѣдствіе которой мы были вынуждены оставить лѣвый берегъ Рейна, монастырь св. Екатерины былъ занятъ санкюлотами.

Это сраженіе происходило близъ Шлатта и Дрейенгофена. Произведя атаку на непріятеля, мнѣ удалось овладѣть батарей, состоявшей изъ 4-хъ орудій. При этомъ у меня было убито нѣсколько солдатъ; генералъ Воиновъ немного побранилъ меня за то, что я дѣйствовалъ не достаточно осмотрительно, но все же нашелъ возможнымъ наградить меня, производствомъ въ маіоры. Въ царствованіе императора Павла, не давали георгіевскаго креста, который я бы могъ получить за это дѣло.

Это кровопролитное сраженіе, въ которомъ счастье вначалѣ благопріятствовало русскимъ, окончилось побѣдою непріятеля.

Мостъ, находившійся на Рейнѣ у Дрейенгофена, былъ сожженъ, и наша армія, оставивъ окончательно лѣвый берегъ рѣки, расположилась близъ Шафгаузена.

Отличительною чертою характера генерала Корсакова было держать себя надменно и самонадѣянно до сраженія и быть малодушнымъ по окончаніи его. Войсками, сражавшимися противъ насъ, командовали генералы Лоржъ (Lorge) и Удино. Я разговаривалъ съ послѣднимъ у предмостнаго укрѣпленія Дрейенгофена въ то время, когда онъ уже былъ подожженъ. Мы находились отъ него всего въ нѣсколькихъ саженяхъ.

Булингенскій тетъ-де-понъ былъ еще въ нашихъ рукахъ; генералъ Менаръ (Mesnard), дважды атаковавшій его, былъ отброшенъ нашими храбрыми гренадерами Екатеринославскаго полка, которые потеряли своего командира, генерала Сакена, въ Цюрихѣ, гдѣ онъ былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ.

Массена отступилъ къ Trullikon'у, и русская армія заняла снова Шафгаузенъ.

Лоржъ и Удино атаковали съ успѣхомъ Дрейенгофенъ. Генералы Соне (Sonet) и Газанъ (Gazan) атаковали Штейна и корпусъ принца Конде въ Констанцѣ. Мортье находился въ резервѣ.

Корсаковъ, боявшійся упрековъ со стороны Суворова, двинулся съ 10 батальонами и 22 эскадронами противъ непріятеля, сдѣ-

лавъ это вѣроятно болѣе для очистки совѣсти, нежели въ надеждѣ на успѣхъ.

Всѣ дѣйствія этого генерала отличались необдуманностью. Пѣхота прошла мостъ и лѣсъ, не ожидая кавалеріи, и была отброшена прежде, нежели послѣдняя могла поддержать ее.

Однако, наша пѣхота вступила вслѣдъ затѣмъ стремительно въ бой, и ей удалось даже отбросить непріятеля до Андельфингена, но, когда Массена сталъ лично во главѣ своего резерва—состоящаго изъ гренадеръ, то русская пѣхота была вынуждена отступить.

Мы оставили Буллингенскій тетъ-де-понъ; это было ошибкою съ нашей стороны, такъ какъ это лишило насъ возможности перейти снова въ наступленіе, отъ чего не было никакой причины отказываться.

Полагали, что генералъ Корсаковъ отступилъ по настоянію эрцгерцога Карла, который не сомнѣвался въ храбрости русскихъ и въ томъ, что они въ состояніи защитить свою позицію, но не былъ увѣренъ въ желаніи нашего генерала удержаться на этой позиціи. Зная несогласіе, существовавшее ранѣе между этими двумя начальствующими лицами, можно считать это объясненіе весьма вѣроятнымъ.

Какъ только мы оставили лѣвый берегъ Рейна, всѣ непріятельскія дѣйствія прекратились. Австрійскій генералъ Нанендорфъ прибылъ изъ Мангейма, смѣнилъ наши посты, и мы ушли ночью, предавъ огню нашъ бивуакъ къ великому негодованію австрійцевъ, которые видѣли въ этомъ остатокъ варварства.

Погода была отвратительная, проливной дождь промочилъ насъ до костей, и такъ какъ ночью подморозило, то наша одежда покрылась кристаллами снѣга, и мы походили на обсахаренный миндаль.

Мы прибыли наконецъ въ окрестности Штокаха (Stockach), но всѣ деревни были переполнены солдатами, и намъ пришлось снова стать бивуакомъ.

Я былъ совершенно измученъ. Для того чтобы согрѣться, я зашелъ въ хижину одного крестьянина, у котораго были виноградники. Послѣ многихъ просьбъ съ моей стороны старушка-крестьянка открыла мнѣ двери. Ея мужъ уже спалъ; я раздѣлся, заставилъ его встать съ постели и легъ на нагрѣтое мѣсто; меня прикрыли всевозможнымъ тряпьемъ. Хозяйка напоила меня плохимъ кофе съ цикоріемъ, и я крѣпко уснулъ.

Я никогда не спалъ такъ хорошо и не ощущалъ такого физическаго благосостоянія. Проснувшись на слѣдующій день совершенно бодрымъ и здоровымъ, я ужаснулся при видѣ того отвратительнаго ложа, которое послѣ перенесенныхъ мною наканунѣ страданій казалось мнѣ восхитительнымъ: оно было грязно.

Я поспѣшно соскочилъ съ постели, наскоро одѣлся и, щедро отблаго-

даривъ этихъ добрыхъ людей, отправился къ моимъ кирасирамъ, которые разложили большіе костры, зарѣзали нѣсколько коровъ и съумѣли обогрѣться и добыть себѣ пищу.

Между тѣмъ дошедшее до насъ извѣстіе объ отступленіи Суворова и о переходѣ имъ С.-Готарда серьезно встревожило насъ. Было необходимо обезпечить сношеніе съ этимъ героемъ; это было возложено на меня; мнѣ дали двѣ сотни казаковъ, съ коими я отправился на поиски Суворова.

Я прошелъ по берегу прекраснаго Констанцкаго озера, миновалъ Линдау и Брегенцъ и, вступивъ въ Граубинденскій кантонъ, встрѣтилъ передовыхъ казаковъ Суворова.

Извѣстія, которыя мнѣ приходилось сообщить этому великому человѣку, только-что преодолѣвшему передъ тѣмъ величайшія препятствія, были далеко не утѣшительны, но онъ не упалъ духомъ; онъ только и думалъ о томъ, какъ бы скорѣе соединиться съ Корсаковымъ, слить его армію со своею и заставить его забыть неудачи, испытанныя въ Цюрихѣ.

Я догналъ свой эскадронъ въ Швабіи, въ Кенигсекскомъ замкѣ. Намъ подали прекрасный обѣдъ; тутъ впервые съ начала кампаніи я провелъ ночь въ чистой и удобной постелѣ.

Нѣсколько дней спустя я остановился въ Бухаускомъ капитулѣ [1]) (Chapitre de Buchau) на озерѣ Федеръ (Federsee). Настоятельницею этого монастыря была графиня Стадіонъ; всѣ канониссы принадлежали къ знатнѣйшимъ фамиліямъ имперіи.

Меня приняли весьма радушно. Это аббатство походило на маленькій дворъ, тутъ было все: и камергеры, и маршалы.

Канцлеръ этого капитула былъ человѣкъ умный, но пропитанный доктринами современной философіи, коихъ онъ не только былъ ревностнымъ послѣдователемъ, но которыя старательно проповѣдывалъ. Я цѣнилъ его знанія и искалъ случая бесѣдовать съ нимъ; онъ взялся просвѣтить меня. Мы читали вмѣстѣ съ нимъ сдѣланныя имъ выписки изъ Гельвеція, Вольтера, д'Аламберта, Бюффона, Ж. Ж. Руссо, барона Гольбаха и Гримма.

Онъ объяснялъ мнѣ различныя теоріи мірозданія, дѣлая изъ нихъ выводы, противорѣчившіе моимъ религіознымъ взглядамъ; я слушалъ его со вниманіемъ, но мои вѣрованія не были имъ поколеблены.

Совершивъ въ теченіе нѣсколькихъ дней переходъ по весьма плодородной мѣстности, я расположился съ войскомъ на квартирахъ въ окрестностяхъ Рейтлингена, недалеко отъ истоковъ Дуная.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Капитулъ у католиковъ - мѣсто, гдѣ происходятъ собранія монастырскаго духовенства, также духовныхъ орденовъ.

Два рескрипта о Н. И. Новиковѣ.

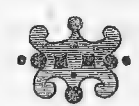
Рескриптъ Екатерины II—генералу Лопухину.

23-го января 1786 г.

Господинъ генералъ-маіоръ и Московскій губернаторъ Лопухинъ. Содержателя типографіи въ Москвѣ Николая Новикова прикажите призвавъ въ губернское правленіе изъяснить ему, что учрежденіе типографіи обыкновенно предполагается для изданія книгъ обществу прямо полезныхъ и нужныхъ, а отнюдь не для того, дабы пособствовать изданію сочиненій, наполненныхъ новымъ расколомъ для обмана и уловленія невѣждъ; изъ его же Новикова типографіи вышло немалое количество книгъ сему подобныхъ и потому допросить его о причинахъ, побудившихъ его къ изданію тѣхъ сочиненій и въ какомъ намѣреніи то дѣлано было и что онъ объявитъ, намъ донесите. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны.

Тоже отъ 11-го февраля 1786 г.

Господинъ генералъ-маіоръ и Московскій губернаторъ Лопухинъ. По разсмотрѣніи донесенія вашего отъ 30-го января и приложеннаго къ тому допроса содержателя московской типографіи Николая Новикова повелѣваемъ: книги, изданныя въ той типографіи, кои еще неокончены свидѣтельствованіемъ порученнымъ отъ насъ указомъ отъ 23-го декабря 1785 г. преосвященному архіепископу московскому, запечатать отъ управы Благочинія въ помянутой типографіи и книжной лавкѣ и продажу ихъ запретить, доколѣ по совершеніи того осмотра послѣдуетъ дальнѣйшее наше повелѣніе.

Внутреннія причины паденія Польши.

(Переводъ съ польской рукописи) [1].

Важнѣйшимъ сословіемъ въ Польшѣ было сословіе шляхетское. Званіе шляхетства получалось преимущественно за отличіе на полѣ брани. Разъ признанное, шляхетство переходило на потомство.

Шляхта вела борьбу съ врагами страны, она составляла дворъ короля и вмѣстѣ съ королемъ правила страною. Пока вообще брали верхъ въ шляхтѣ добродѣтели: храбрость, вѣра и любовь къ ближнему, до тѣхъ поръ она была дѣйствительной поддержкой и помощью въ правленіи Пястовъ; когда же отъ вѣры

---

[1]) Авторъ предлагаемой вниманію читателей статьи, безпристрастный изслѣдователь историческихъ судебъ своего отечества, не могъ напечатать своего труда на польскомъ языкѣ, и отдавая свою рукопись въ наше распоряженіе, пожелалъ остаться неизвѣстнымъ. Мы печатаемъ это безпристрастное и правдивое историческое изслѣдованіе внутреннихъ причинъ паденія Польши въ дословномъ переводѣ съ польскаго на русскій языкъ.

Источниками служили слѣдующія сочиненія: 1) Исторія Польши, Шуйскаго. 2) Четырехлѣтній сеймъ, кс. Калинки. 3) Записки стараго шляхтича, Ржевускаго. 4) Замѣтки, до настоящаго времени не появившіяся въ печати и составляющія собственность шляхетской семьи, прадѣдъ которой былъ камергеръ короля Станислава-Августа. 5) Записки Китовича. 6) О престолонаслѣдіи въ Польшѣ, Северина Ржевускаго. 7) Размышленія надъ грамотой, изданной за подписью господина Ржевускаго, Потоцкаго. 8) О междуцарствіяхъ въ Польшѣ и объ избраніи королей, Ѳомы Езерскаго. (Въ сочиненіи онъ названъ Францемъ). 9) Патріотическія письма Выбицкаго. 10) Замѣчанія къ сочиненію, которое вышло въ Варшавѣ съ именемъ Северина Ржевускаго о престолонаслѣдіи въ Польшѣ, Гугона Коллонтая. 11) Considérations par Russeau. 12) Историческая хронологія Польскаго Королевства, Си-

осталась только форма, храбрость перешла въ кастовую гордыню, а любовь къ ближнему ограничилась исключительно родственными интересами, наступилъ разладъ съ королемъ, пренебреженіе къ интересамъ государства и забота только о собственномъ величіи, основанномъ не на разумѣ и честности, а на импонированіи величіемъ гордости и состоянія, пріобрѣтеннаго какими бы то ни было средствами. Справедливо можно сказать, что современный американскій принципъ «человѣкъ стоитъ столько, сколько у него денегъ», издавна былъ извѣстенъ въ Польшѣ. А когда, вмѣсто честности въ характерѣ, народилось достославное «liberum veto» и извѣстныя «вольныя шляхетскія права», выработался деспотизмъ шляхты, всякій въ своемъ помѣстьѣ хотѣлъ быть и, хоть не de jure, то de facto, почти былъ королемъ. Не удивительно, что воспитанные на такихъ началахъ потомки, занявъ высшія должности, всегда подозрѣвали короля, какъ врага «вольныхъ шляхетскихъ правъ», стремящагося къ неограниченной власти. Этимъ и вызвано раздвоеніе въ государствѣ. А такъ какъ въ машинѣ всякая неладица ведетъ къ распаденію, то и польское королевство должно было распадаться и распадалось.

Китовичъ въ своихъ запискахъ, изданныхъ въ Познани въ 1840 г., говоритъ: «въ Польшѣ два народа: одинъ—мелкопомѣстная шляхта, мѣщане и крестьяне, другой—властные паны и состоятельная шляхта». Мелкой шляхтой называли бѣдное шляхетское сословіе. Эти люди владѣли отдѣльными деревнями съ фольварками, или отдѣльными поселками, состоявшими изъ нѣсколькихъ дворовъ, или же кромѣ «шляхетскаго сокровища» (герба) не имѣли ничего; бывало также, что болѣе десятка расплодившихся шляхтичей владѣли одной деревней, пожалованной ихъ предку которымъ-либо изъ польскихъ королей. Вслѣдствіе незначитель-

---

меона Конопацкаго. 13) Полякъ въ czui (?), подшитой правдой. Варшава 1791 г.

Примѣчанія переводчика:

1) Во всей польской рукописи внушаетъ сомнѣніе только одно слово, вѣроятно архаическое: въ 13-мъ пунктѣ источниковъ, которыми руководствовался авторъ въ своемъ сочиненіи, брошюра 1791 года носитъ заглавіе: „Polak w czui, prawdą podszytej". Что означаетъ подчеркнутое слово—трудно угадать по смыслу, хотя это слово встрѣчается разъ и въ сочиненіи. Если тутъ говорится о какой-нибудь одеждѣ, то, быть можетъ, это слово имѣетъ одинъ корень съ русскимъ „чуйка".

2) Фамилія польскаго генерала иностранца Coccei'a написана нами латинскими буквами, такъ какъ она непохожа ни на французскую, ни на нѣмецкую, и мы опасались ошибиться, передавая ее въ русскомъ начертаніи.

3) на страницѣ 309-й перевода, авторъ называетъ нѣсколько отнятыхъ у Польши воеводствъ „Западной Пруссіи" (Prussy Zachodnie); нужно думать, что это описка. N. N.

ности ихъ имѣній, они были названы «шляхтой загоновой» или «шарачками», отъ льняной сѣрой (szarej) одежды домашняго издѣлія, которую они носили.

Мелкая шляхта, не будучи въ состояніи содержать своихъ дѣтей или не желая дробить и безъ того скудное достояніе, обыкновенно высылала своихъ сыновей, научивъ ихъ съ грѣхомъ пополамъ читать и писать, а по большей части и совсѣмъ не научивъ,—въ усадьбы богатыхъ пановъ, чтобы тамъ они наживались и обезпечивали себѣ хлѣбъ. Въ большинствѣ случаевъ такая служба вначалѣ была безплатною. Вновь прибывшій исполнялъ обязанности комнатнаго служителя, или теперешняго лакея: чистилъ пану одежду, оружіе, прислуживалъ за столомъ, входилъ въ составъ воинской дружины пана и т. п. За юношескія шалости и прихоти его сѣкли, разложивъ на коврѣ, такъ какъ бить шляхтича на голой землѣ считалось оскорбленіемъ. Его содержаніе составляли подарки, получаемые отъ пана или болѣе состоятельныхъ товарищей, въ видѣ кунтуша, пояса, нѣсколькихъ червонцевъ, сабли, пистолета, булавки, коня и т. п. За малѣйшую дерзость въ отношеніи пана его прогоняли, били или бросали въ казематъ. Проявлять свое «я» передъ властнымъ паномъ не дозволялось бѣдному, состоящему на службѣ шляхтичу. Если такой «шляхтенокъ» служилъ своему пану вѣрно и покорно, онъ со временемъ могъ попасть въ смотрители тюрьмы конюшни и конскаго завода и даже въ начальники панской дружины,, въ экономы на фольваркѣ или въ деревнѣ, или въ уполномоченные пана по хозяйственнымъ дѣламъ. Довольно часто случалось, что неимущій шляхтичъ, поступивъ совершеннымъ бѣднякомъ на службу къ магнату, пріобрѣталъ расположеніе пана и получалъ въ пожизненное владѣніе или въ собственность одну или нѣсколько деревень съ угодьями и изъ бѣдняка обращался въ корень состоятельнаго рода. При тогдашнихъ понятіяхъ, служба у магнатовъ не была оскорбительной для шляхтича, напротивъ, бѣдный шляхтичъ считалъ высокой честью для себя, если могъ помѣстить своего сына въ усадьбѣ властнаго пана.

Въ виду того, что большая часть шляхты была бѣдна и нуждалась въ поддержкѣ со стороны богатыхъ, состоятельные паны легко овладѣли неимущими; послѣдніе стали «покорными слугами» своихъ властелиновъ. Благодаря этому въ неимущей шляхтѣ выработались такіе взгляды, какихъ требовала аристократія; выработалось и преобладаніе аристократіи въ сеймикахъ и сеймахъ,—преобладаніе тѣхъ аспирацій, которыя она считала выгодными для себя. Другими словами, бѣдная шляхта, имѣя такое же, какъ и вельможи, право на«позволяю» или «не позволяю», помимо воли стала ширмою для орудованія вельможъ.

Другимъ народомъ въ Польшѣ были властные паны-аристократы.

Эти люди составляли дворъ короля, занимали высшія должности, извлекая изъ нихъ большія выгоды. Свое начало одни изъ нихъ вели изъ баснословной и темной древности, другіе же, люди новые, отъ королевскихъ пожалованій и щедротъ, за которыя они рѣдко отплачивали своему монарху «добромъ за добро». Великіе роды пошли преимущественно отъ епископовъ. Епископы были надѣлены большими помѣстьями, и доказательствомъ этому служитъ то, что въ XVI, XVII и XVIII столѣтіяхъ двѣ трети всего пространства края были собственностью костела. Экономный епископъ накоплялъ огромныя сокровища и завѣщалъ ихъ потомкамъ; болѣе вліятельный испрашивалъ у иностранныхъ монарховъ для своихъ родственниковъ дипломы на званіе князей, графовъ и маркизовъ, а эти титулы совсѣмъ не были извѣстны въ польскомъ законодательствѣ, такъ какъ оно признавало принципъ шляхетскаго равенства: общимъ принципомъ было то, что «всякій польскій шляхтичъ рождается отъ короны», т. е. путь къ престолу открытъ передъ нимъ. Такое убѣжденіе породило фальшивое понятіе о собственномъ величіи и безграничную гордость. Если прибавить къ этому вліяніе на неимущую шляхту, которая естественно нуждалась въ покровительствѣ и помощи вельможъ и, добившись ихъ, становилась «покорными слугами» своихъ благодѣтелей, если прибавить великія богатства въ золотѣ, драгоцѣнныхъ вещахъ, серебрѣ и земельныя пространства, бывшія во владѣніи вельможъ (были роды, собственность которыхъ составляла половину воеводства, напр., помѣстье Станислава-Феликса Потоцкаго),—то легко понять, каково было вліяніе вельможъ на судьбы страны. Аристократія очень полезна для страны, такъ какъ, имѣя болѣе легкій доступъ къ королю, она является посредницей между народомъ и трономъ. И счастлива та страна, въ которой аристократія понимаетъ и вполнѣ добросовѣстно относится къ своимъ аристократическимъ обязанностямъ. Однако для укорененія этихъ обязанностей необходима нравственная и физическая сила трона. Въ виду того, что въ Польшѣ тронъ замѣщался по выбору, и въ короли избирали того, кто сулилъ наиболѣе вольныхъ правъ шляхтѣ и скрѣплялъ свое обѣщаніе присягою,—у властныхъ пановъ должно было выработаться преувеличенное понятіе о собственномъ «я». Здѣсь брали свое начало теченія, дѣйствовавшія въ пользу или во вредъ краю. Аристократъ, будучи убѣжденъ, что онъ повліялъ на избраніе того или инаго короля, считалъ себя благодѣтелемъ его и не признавалъ надъ собой никакой сдерживающей власти трона. Подобно тому, какъ всякое принужденіе онъ считалъ невыносимымъ деспотизмомъ, такъ и всякое, состоявшееся безъ его участія постановленіе о судьбахъ страны признавалъ нарушеніемъ его правъ и злодѣйствомъ. Крупнымъ нравственнымъ недостаткомъ пановъ-

вельможъ было отсутствіе умственнаго образованія [1]). Установилось убѣжденіе, что шляхтичъ созданъ для сабли, а не для пера. При отсутствіи образованія, стремленіе къ высшимъ должностямъ должно имѣть прискорбныя послѣдствія. Исторія свидѣтельствуетъ, что никогда панъ-вельможа не былъ ни повѣтовымъ кравчимъ, ни земскимъ судьею и вообще не занималъ ни одной изъ второстепенныхъ должностей, такъ какъ для него онѣ были слишкомъ мелки. Онъ охотно соглашался служить странѣ, но только на высокой должности, къ которой чувствовалъ себя подготовленнымъ съ дѣтства. Въ виду прирожденныхъ ему способностей, онъ не признавалъ надъ собою закона, такъ какъ предосудительно было и подумать, что кто-нибудь изъ подобныхъ шляхтичей могъ провиниться передъ закономъ. Величайшія безправія и преступленія, учиняемыя надъ людьми, поставленными ниже, нисколько не отягчали ихъ совѣсти. Наша исторія приводитъ милліоны подобныхъ примѣровъ.

Несмотря на это, они наиболѣе болтали о шляхетскомъ «братскомъ равенствѣ», хотя въ сущности не признавали его, если не считать періодовъ, предшествовавшихъ сеймикамъ или «элекціи»,—при бочкѣ вина или меда. Въ то время на массы неимущей шляхты, жаждущей и ищущей протекціи властнаго пана, магнатъ-аристократъ имѣлъ несравненно больше вліянія, чѣмъ правительство. Собрать на сеймикахъ такія массы, въ которыхъ каждый имѣлъ право «veto», магнаты старались ревностно. Тогда, дѣйствительно, бывало шляхетское братское равенство. Панъ-вельможа окончательно спивался со шляхтенкомъ и на свой счетъ кормилъ эту, весьма многочисленную, армію. Въ результатѣ эта бѣдная и невѣжественная шляхта, очарованная любезностью магната, видѣла только въ немъ и въ его помощи спасеніе страны и не разъ безсознательно голосовала во вредъ ей. «Должно быть такъ, какъ панъ-гетманъ хочетъ, какъ панъ-воевода велитъ!»—такова была вся ея политическая премудрость. И ужъ вѣрно служили эти люди тому, съ чьего блюда ѣли. (Калинка. «Четырехлѣтній сеймъ», т. I, стр. 136). Поэтому не удивительно, что всѣ важнѣйшія постановленія сейма, основанныя на lauda'хъ въ сеймикахъ, всегда бывали такими, какихъ хотѣла аристократія.

Не слѣдуетъ осуждать всю массу польскаго магнатства, такъ какъ въ ней были люди, отличавшіеся твердостью духа, мужествомъ и разумомъ. Были такіе, которые дивили весь міръ своими подвигами, были

---

[1]) Только какъ исключенія, воспитывались нѣкоторые за границей, ибо въ странѣ не было высшихъ учебныхъ заведеній. Одни изъ нихъ извлекали пользу изъ пребыванія за границей и возвращались на родину проникнутые прекрасными и возвышенными принципами, другіе привозили изъ-за границы необузданную деморализацію, и послѣднихъ было болѣе.

такіе, которые для спасенія отчизны отдавали огромныя земельныя пространства и послѣдній грошъ своего достоянія. Но это были только исключенія. Большинство же, спеленутое въ грязные свивальники своей гордыни, только того желало и только то дѣлало, что̀ ему повелѣвала эта гордыня, независимо отъ пользы или вреда для края. Поэтому не разъ видывали пана-вельможу, который, безъ всякаго полномочія со стороны своего правительства, посѣщалъ иностранные дворы и тамъ готовъ былъ вступать въ соглашенія, рѣшающія участь государства, словно бы именно онъ возсѣдалъ на престолѣ, или судьбы страны находились исключительно въ его рукахъ и зависѣли отъ его воли. Словомъ, каждому изъ такихъ пановъ казалось, что онъ одинъ, какъ миѳологическій Атласъ, держитъ на своихъ плечахъ всю страну, и что только онъ, подобно Юпитеру, однимъ мановеніемъ своей всесильной десницы можетъ спасти или предать уничтоженію эту страну. Тяжело, и, однако, нужно признать это.

Извѣстно, какъ могущественна была Польша, какія тяжкія превратности она переживала и какъ благополучно выходила изъ нихъ. А вѣдь послѣднее случалось всегда благодаря геройству единицы, которая своимъ огнемъ воспламеняла общество. Отсюда и росли слава и могущество; однако могущество это и слава не имѣли никакой связи съ внутреннимъ государственнымъ строемъ. Господь Богъ надѣлилъ насъ великимъ качествомъ—геройствомъ, но не даровалъ намъ другаго качества: политическаго благоразумія и повиновенія своимъ властямъ; самъ же народъ потерялъ въ себѣ совѣсть. А народъ, въ которомъ не царствуетъ совѣсть, послушаніе и возможность награждать или наказывать, иначе сказать—сильное правительство, не можетъ существовать самостоятельно. Ни одно государство не имѣло, не имѣетъ и не будетъ имѣть такой свободы единицъ, какую имѣла Польша. Польскій шляхтичъ чувствовалъ себя полнымъ самодержцемъ въ своемъ помѣстьи, неограниченно правилъ своими подданными, и никто—ни король, ни сеймъ—не имѣли права вмѣшиваться въ дѣла его правленія. И еслибъ когда-либо король или сеймъ дерзнулъ вмѣшаться въ отношенія шляхтича къ его подданнымъ, въ этомъ усмотрѣли бы большое злоупотребленіе и несправедливость вопіющую, посягающую на естественныя права польскаго шляхтича. Правительство и короля этотъ шляхтичъ уважалъ, но не боялся ихъ, такъ какъ король, ограниченный правами олигарховъ, не могъ причинить ему никакого зла, а правительство составлялъ онъ самъ, имѣя право на рѣшающій голосъ, и все, что̀ ему не нравилось, онъ могъ отвергнуть. Правда, существовали законы, но что толку изъ того, если никто ихъ не выполняетъ! Пока правительство было посильнѣе—и законъ принимался въ уваженіе, и страна укрѣплялась и расширялась, а когда правительство ослабло—и

закономъ стали пренебрегать, край приходилъ въ упадокъ. Хотя было введено много узаконеній [1]), усугубленныхъ страхомъ наказанія, но никто не слѣдовалъ имъ, такъ какъ король, первый стражъ закона, былъ безсиленъ. Ограничусь нѣсколькими примѣрами изъ Калинки («Четырехлѣтній сеймъ»). Казнохранителя считали главной причиной бѣдности страны. Всякіе контракты заключались казнохранителями по ихъ собственному усмотрѣнію, хоть бы во вредъ странѣ, безъ вмѣшательства со стороны короля и правительства. Они завѣдывали казною безъ всякаго контроля и хотя обязаны были представлять отчеты сейму, но при помощи своей партіи изъ бѣднѣйшей шляхты легко могли расторгнуть сеймъ въ силу принципа «liberum veto». Значитъ, они дѣлали, что̀ имъ было угодно. Король же, хоть бы и зналъ о величайшихъ злоупотребленіяхъ, не имѣлъ никакого права наказывать виновныхъ и даже требовать возвращенія взятаго. Вслѣдствіе этого частные шляхетскіе роды гордились, если никто изъ ихъ членовъ не бывалъ казнохранителемъ, такъ какъ это избавляло ихъ отъ упрека, что состояніе ихъ возросло въ ущербъ казнѣ.

Въ завѣдываніи канцлеровъ находились города и королевскія помѣстья. Они оказывали вліяніе на замѣщеніе должностей, они судили дѣла шляхты съ мѣщанами, они имѣли право отказать въ приложеніи канцелярской печати къ грамотѣ о королевской милости. Словомъ, они имѣли большое значеніе, оказывали большое вліяніе,—но въ свою пользу. То же самое было и на другихъ должностяхъ. Каждый изъ сановниковъ былъ очень вліятеленъ, но всегда дѣйствовалъ не во благо краю, а «pro domo sua». Что же сказать о власти гетмана, который имѣлъ право давать офицерскіе чины и размѣщать войска, гдѣ ему заблагоразсудится. Если гетманъ хотѣлъ овладѣть сеймикомъ, онъ вводилъ туда войска, и сеймикъ постановлялъ, что приказывалъ панъ-гетманъ. Что же сказать о другихъ злоупотребленіяхъ! Было, напримѣръ, время при Августѣ III, когда народная армія на границѣ Украйны представляла собою скопище контрабандистовъ, которое приносило гетманамъ около милліона дохода,—разумѣется, въ ущербъ казнѣ. Король, хоть бы питавшій наилучшія намѣренія, не могъ пресѣчь зло, такъ какъ не имѣлъ власти для этого, а за отсутствіемъ верховной власти не было никакого коллективнаго взгляда въ дѣлахъ общественной службы и никакого

[1]) До XVII вѣка всѣ законы заключались въ двухъ томахъ, но такъ какъ ихъ исполняли—страна была сильна; съ XVII же вѣка—съ 1611 до 1784 г.—т. е. въ теченіе полутора столѣтія, на тридцати сеймахъ было утверждено столько законовъ, что понадобилось цѣлыхъ шесть объемистыхъ томовъ, чтобы включить ихъ, и однако эти законы не спасли страны, вслѣдствіе всеобщей развращенности гражданъ.

единства во благо краю. Все откладывалось до сейма, а когда онъ наступалъ, легко было отмѣнить его.

Бросимъ бѣглый и безпристрастный взглядъ на польскія судебныя установленія.

Чувство независимости и произвола, которое овладѣло всей аристократіей и шляхтой, должно было передаться и судебному вѣдомству. Судъ—это расправа во имя справедливости за нарушеніе закона. Судебное вѣдомство не можетъ быть отдѣлено отъ верховнаго правительства, т. е. отъ короля. Въ противномъ случаѣ упадаетъ и авторитетъ судовъ и авторитетъ короля. Когда знаменитый государственный канцлеръ Янъ Замойскій, во времена короля Стефана Баторія, видя переутомленіе короля при разборѣ судебныхъ дѣлъ, учредилъ особый трибуналъ юстиціи,—произволъ шляхты немедленно же овладѣлъ этимъ храмомъ правосудія. Ни король Августъ III, ни его преемники, несмотря на свои ревностныя старанія, уже не могли возстановить прежнія королевскія права относительно судебнаго вѣдомства. А это лишеніе короля права на надзоръ должно было вызвать пренебрежительное отношеніе судей къ ихъ обязанностямъ. Хотя общество роптало на бездѣйствіе судовъ, но не было силы и средствъ, чтобы принудить ихъ къ труду. Еще хуже, чѣмъ праздность, были въ судахъ пристрастіе и безсовѣстность; старосты, имѣвшіе «jus gladii», пользовались этимъ страшнымъ правомъ въ собственныхъ интересахъ, а не для общественнаго спокойствія, судьи же заправляли имѣніями мелкой шляхты не по закону, а по собственной волѣ. Если же такой судья еще пользовался могущественной протекціей магната, онъ могъ равнодушно относиться къ осуждающему его общественному голосу и нимало не опасаться юридической отвѣтственности. Поэтому польскіе суды ксендзъ Калинка называетъ «школой беззаконія и разгула». А еще до него Сташицъ сказалъ, что «трибуналы не знаменовали правосудія, а только свидѣтельствовали, кто въ данномъ году былъ сильнѣе». И епископъ Красицкій въ «Панѣ Додосинскомъ» приводитъ слишкомъ много примѣровъ судейскаго безправія. Ржевускій въ «Запискахъ стараго шляхтича» (стр. 63) передаетъ, что въ Люблинскомъ трибуналѣ былъ образъ Іисуса Христа съ отвороченнымъ назадъ ликомъ. Причиною этого, какъ гласитъ преданіе, былъ слѣдующій фактъ. Нѣкая вдова шляхтянка терпѣла гоненіе отъ какого-то магната. Дѣло поступило въ трибуналъ, и хотя правда была на сторонѣ шляхтянки, магнатъ выигралъ его. Приведенная въ отчаяніе шляхтянка будто бы сказала: «если бы меня судили черти, приговоръ былъ бы справедливѣе». По окончаніи суда, когда судьи и свѣтскіе и духовные разошлись, а остались только низшіе чиновники, подъѣхало нѣсколько каретъ, изъ нихъ высадились черти и,

перейдя въ залу засѣданій, въ присутствіи находившихся тамъ чиновниковъ, начали разбирать дѣло этой шляхтянки и рѣшили его безусловно въ ея пользу. Тогда Спаситель на крестѣ отвернулъ свой ликъ, и въ такомъ положеніи онъ останется, пока народъ не избавится отъ продажности судовъ, чревоугодія ксендзовъ и пьянства шляхты.

Итакъ бѣдный шляхтичъ тщетно искалъ правосудія, такъ какъ воля магната составляла законъ. Говоря это, я не осуждаю весь судебный персоналъ и не заподозриваю его въ злонамѣренности, такъ какъ и въ немъ были люди честные; слагаю вину на духъ общества и на обстоятельства. Польское законодательство вмѣняло судьямъ въ обязанность знакомство съ законами страны, но въ цѣлой Польшѣ не было школы правовѣдѣнія, и люди только на практикѣ знакомились съ закономъ. Къ тому же, поступленію на должность судьи не предшествовали никакіе экзамены, и его рѣшала только протекція магната. Въ польскомъ кодексѣ не было параграфа объ исполненіи приговора. Въ гражданскихъ дѣлахъ его исполняла выигравшая сторона, а если противникъ былъ сильнѣе, онъ самъ, даже безъ суда, приводилъ въ исполненіе приговоръ, имъ самимъ постановленный; если же онъ былъ слабѣе, то и отъ приговора по суду не было никакого толка, такъ какъ правительство (король) не имѣло право вмѣшиваться въ судебныя дѣла. Такимъ образомъ ни произволъ болѣе сильнаго, ни право болѣе слабаго не имѣли ни узды, ни защиты.

Въ дѣлахъ уголовныхъ законъ предписывалъ старостамъ принимать экзекуціонныя мѣры лишь въ томъ случаѣ, если дѣло шло о государственномъ преступленіи. Въ исполненіе же приговоровъ по дѣламъ о преступленіяхъ, хоть бы самыхъ тяжкихъ, противъ частныхъ лицъ старосты не обязаны были вмѣшиваться. При такихъ условіяхъ сколько справедливѣйшихъ приговоровъ должно было остаться безъ исполненія, сколько обидъ безъ удовлетворенія, и какимъ поощреніемъ это было къ дерзкому произволу! Неудивительно, что общеевропейскимъ мнѣніемъ, по словамъ Эссена, было, что «трибуналы въ Польшѣ—предметъ для смѣха и подтруниванія въ Европѣ» («Nachrichten über Polen»). А Сташицъ говоритъ: «Боже упаси, чтобы какой-нибудь неимущій шляхтичъ дерзнулъ стать при законѣ или противиться которому-либо изъ этихъ гордецовъ (магнатовъ)! Счастливъ онъ былъ, если его не разрубали на мѣстѣ! Съ той минуты ни въ дорогѣ, ни дома онъ не могъ быть спокоенъ за свою жизнь. Вскорѣ онъ получалъ со стороны магната оффиціальное увѣдомленіе, что владѣетъ чужой деревней. И такъ все должно было пресмыкаться передъ торжествующей гордыней».

Законодательной конституціей при Сигизмундѣ I, въ 1532 г., было обнародовано, что дозволительно «насиліе отражать насиліемъ». Тутъ уже явственно выступаютъ сила и наглость олигарховъ. На практикѣ

которая выработалась во времена безправія, не только нужно, но и необходимо было отражать силу силой, а у кого этой силы не было, тому приходилось терпѣть все. И вотъ терпѣлъ крестьянинъ, которымъ совершенно пренебрегали въ судахъ, не принимая его жалобъ. Терпѣлъ еврей, если не могъ откупиться. Долженъ былъ терпѣть мѣщанинъ, если не былъ въ состояніи выпросить себѣ помощь у ассесорствъ или воеводы. Терпѣлъ неимущій шляхтичъ, если былъ строптивъ передъ состоятельнымъ. Властный же панъ или шляхтичъ, пользовавшійся покровительствомъ аристократа, могъ безнаказанно позволять себѣ всякія безчинства, въ увѣренности, что никто не дерзнетъ привлечь его къ отвѣтственности. При такихъ условіяхъ совѣсть должна была заглохнуть, давая мѣсто горделивому понятію о собственномъ всемогуществѣ, въ рамкахъ котораго не одинъ магнатъ чувствовалъ себя и законодателемъ, и правительствомъ. На такія понятія о справедливости и законности страна не можетъ опираться и должна пасть!

Никто не станетъ отрицать, что какъ нѣтъ для страны ничего лучшаго, чѣмъ аристократія, блещущая добродѣтелями, качествами характера и разумомъ, такъ нѣтъ ничего пагубнѣе, чѣмъ аристократическое правительство по вырожденіи аристократіи. Въ послѣднемъ случаѣ правитъ не законъ, а произволъ, не желаніе блага странѣ, а алчность, не вѣрно понятая амбиція, а смѣшное и достойное презрѣнія чванство. Такое правленіе, уже по одному только закону природы о преобладаніи зла надъ добромъ, должно погубить край. Увы, такъ было и въ Польшѣ! Пока сосѣднія государства были слабѣе, это безправіе у насъ сходило съ рукъ безнаказанно. Польша импонировала мужествомъ, восхищала Европу своими молодеческими побѣдами, за которыя получала выраженія признательности и восторга. Добивались ея расположенія и считали ее какъ бы китайской стѣной, отдѣляющей Европу отъ чрезвычайно могущественнаго въ то время магометанскаго царства. Когда же сосѣднія государства, шествуя по пути логическаго законодательства, опирающагося о силу трона, въ естественномъ порядкѣ вещей окрѣпли и стали мощными, Польша со своимъ заплѣснѣвшимъ безправіемъ не могла остаться среди нихъ. По подстрекательству Фридриха Великаго, короля Пруссіи, и несмотря на протесты со стороны Россіи, въ Ниссѣ, на свиданіи австрійскаго императора Іосифа II съ тѣмъ же Фридрихомъ Великимъ, въ 1769 г. былъ постановленъ первый раздѣлъ Польши. Россія отвергла этотъ проектъ. Тогда Фридрихъ Великій, чтобы достигнуть разъ намѣченной цѣли и обогатиться польской землею, въ 1770 г. подстрекнулъ Іосифа II занять Спижъ и Новотарчину, чтобы дать поводъ къ переступленію польскихъ границъ и тѣмъ самымъ убѣдить Россію, что Австрія первая даетъ примѣръ раздѣла Польши, который и былъ провозглашенъ въ 1773 г. Россія, занятая войной съ Турціей,

была бы вынуждена, желая и впредь противиться волѣ двухъ сосѣдовъ, вести войну и съ ними; чтобы избѣжать этого, она подписала актъ раздѣла (Шуйскій «Исторія», т. II, стр. 360, 361). Что она не сочувствовала ему—это, кромѣ историческаго факта, можетъ доказывать также чисто матеріальная сторона дѣла. Въ то время какъ Пруссія и Австрія взяли богатыя и заселенныя области, Россіи досталась область безлюдная и сравнительно бѣдная. Наибольшую долю при раздѣлѣ получила Австрія: эту долю составляла Червонная Русь съ частью Малой Польши и Подоліи и Краковскія копи, что̀ въ совокупности названо Галиціей. Пруссаки захватили воеводства вальборское, поморское, хелминское и Вармію, т. е. почти всю западную (?) Пруссію, кромѣ Данцига и Торна, да еще часть Великой Польши, Россія же—воеводства мстиславское, витебское и заднѣпровскій участокъ. При Польшѣ осталось еще 9.630 кв. миль и около 8.000.000 населенія. Самъ по себѣ фактъ раздѣла свидѣтельствуетъ, какъ безсильна была Польша, если ни предотвратить его, ни воспротивиться ему она не была въ состояніи.

Послѣ того какъ была утрачена треть государства, слѣдовало не щадить силъ, чтобы удержать за собою и сберечь то, что̀ осталось. Между тѣмъ раздоры не прекращались, вина сваливалась на сосѣдей, на собственнаго короля, и никто не хотѣлъ признать дѣйствительную причину, заключавшуюся въ произволѣ шляхты. А такъ какъ не врачевали того, что̀ было наиболѣе поражено недугомъ, то неудивительно, что болѣзнь должна была истощить силы и убить тѣло Рѣчи Посполитой. Общій голосъ поляковъ осуждаетъ короля Станислава Понятовскаго и слагаетъ на него всю вину. Это было бы справедливо, если бъ этотъ король пользовался хоть половиною тѣхъ правъ, какія имѣли и имѣютъ короли въ другихъ государствахъ. Если бы, пользуясь этими правами, онъ злоупотребилъ ими и предалъ страну измѣною, онъ дѣйствительно заслуживалъ бы осужденія, но у насъ король имѣлъ только титулъ, подданныхъ же у него не было, такъ какъ магнатство всегда вело борьбу противъ короля.

Въ 1787 г. гетманъ Браницкій, Феликсъ Потоцкій, гетманъ Ржевускій, Сапѣга, Валевскій и другіе послали россійской императрицѣ Екатеринѣ проектъ конфедераціи, имѣвшей цѣлью ниспровергнуть въ Польшѣ тогдашнее правительство и создать новое, въ которомъ они, Браницкій и Потоцкій, играли бы первенствующую роль. Они просили у императрицы денегъ и войскъ для осуществленія своего проекта. Они предлагали, чтобы конфедерація была устроена въ провинціи, а не въ Варшавѣ, такъ какъ король, собравъ въ своихъ рукахъ всѣ средства (если бы конфедерація была въ Варшавѣ), станетъ думать объ интересахъ не Россіи, а своихъ собственныхъ. Они же, какъ лица ча-

стныя, будутъ чувствовать признательность къ императрицѣ и станутъ дѣйствовать въ ея пользу. За исполненіе просьбы они обѣщали помощь въ войнѣ съ Турціей («Четырехлѣтній сеймъ» Калинки). По истинѣ, нужно было большое великодушіе со стороны Екатерины, чтобы не воспользоваться этимъ предательствомъ поляковъ. Императрица отвергнула этотъ проэктъ, сказавъ, что не хочетъ въ чужомъ государствѣ дѣйствовать во вредъ королю, такъ какъ это походило бы на бунтъ противъ короля, и добавила, что «нужно сохранить все, что̀ касается вѣрности царствующему Станиславу-Августу» (слова Екатерины). Она издала рескриптъ на имя Штакельберга, чтобы онъ склонялъ поляковъ къ полному спокойствію, а князю Потемкину повелѣла совсѣмъ не принимать польскихъ волонтеровъ въ русскую армію.

Король—первый, естественный защитникъ государства; охрана государства—армія: значитъ, король долженъ имѣть власть надъ арміей. Безъ этого король не имѣлъ бы подобающаго авторитета ни внѣ, ни внутри страны. Говорю «внѣ», такъ какъ король безъ арміи—это красивая, малеванная фигурка, которою восторгаются, но которой не боятся, такъ какъ она ничего не можетъ сдѣлать; «внутри» потому, что король безъ арміи не въ состояніи оберегать порядокъ, безопасность и справедливость въ странѣ. Между тѣмъ въ Польшѣ уже съ XVII столѣтія не король, а гетманы имѣли власть надъ войскомъ. Гетманъ имѣлъ рѣшающій голосъ въ государственныхъ дѣлахъ; при немъ было рѣшающее «liberum veto». И этой гетманской власти не могъ преодолѣть ни одинъ польскій король: начиная отъ Владислава IV, всѣ они по очереди должны были покориться ей. А Августъ II сказалъ: «Если бъ я зналъ, что такое въ Польшѣ гетманская власть, я добивался бы гетманства, а не короны».

Послѣ перваго раздѣла Польши, важнѣйшія особы, вмѣсто того, чтобы думать о защитѣ и обезпеченіи страны, вступаютъ въ уговоръ (гетманъ Браницкій съ генераломъ подольскаго края Потоцкимъ), чтобы совершенно ограничить королевскую власть и даже устроить такъ, чтобы государство могло обойтись безъ короля, а представителями власти являлись поочередно вельможи изъ каждаго воеводства. Браницкій получилъ бы исключительную власть надъ арміей и за то долженъ былъ силою обезпечить престолонаслѣдіе родственнику генерала Потоцкаго, зятю Чарторыйскихъ,—принцу Вюртембергскому.

Когда въ 1788 г. коронное генеральство оказалось вакантнымъ, и король хотѣлъ дать его очень даровитому князю Іосифу Понятовскому, семья Потоцкихъ, завидуя королевской семьѣ, посягнула на это достоинство, и Феликсъ Потоцкій, 19-лѣтній юнецъ, поставилъ свою кандидатуру; когда же король не захотѣлъ согласиться на нее, Потоцкіе обратились къ русскому послу Штакельбергу и заявили ему, что «долж-

ность, имѣющую столь важное значеніе, должно занимать лицо, преданное къ Россіи (Калинка)». Посолъ упросилъ короля; и это званіе досталось Феликсу. Вскорѣ послѣ того, когда общественное мнѣніе перешло на сторону Пруссіи, этотъ же самый Феликсъ Потоцкій осмѣивалъ тѣхъ, кто стоялъ за Россію, а во время сейма участвовалъ въ обѣдахъ, даваемыхъ маршаломъ сейма Александровичемъ. Ихъ называли прихлебателями Россіи за то, что они обѣдали у своего короля; сторонниковъ же Пруссіи, которые собирались у Чарторыйскихъ, называли патріотами, и на лѣстницѣ дворца Чарторыйскихъ дѣвицы осыпали ихъ цвѣтами.

Этотъ духъ противодѣйствія и оппозиціи королю былъ прирожденъ олигархамъ. Сапѣга говаривалъ: «Я не считалъ бы себя настоящимъ Сапѣгою, если бы не чувствовалъ охоты къ борьбѣ съ королемъ». Этою-то борьбою и достигнуто то, что, вмѣсто того, чтобы собирать силы при тронѣ и укрѣплять его, короля лишили права давать офицерскіе чины, устранили отъ завѣдыванія иностранными дѣлами, отняли у него всякое вліяніе на управленіе арміей и ея организацію. Армія должна была присягать на вѣрность не королю, а гетману, такъ какъ гетманъ былъ стражемъ «вольности». Защита отъ внѣшнихъ враговъ была для него дѣломъ второстепеннымъ. Главной задачей гетмана было держать въ осадномъ положеніи короля и присматривать за нимъ, такъ какъ его считали первымъ врагомъ шляхетской вольности. Принципомъ Ржевускаго было: не давать трону никакой власти, такъ какъ это было бы ослабленіемъ Рѣчи Посполитой, а кто хотѣлъ бы придать власть королю, того слѣдуетъ считать врагомъ государства; мѣщанъ не допускать къ правленію, такъ какъ при ихъ помощи король могъ бы урѣзать вольность и наложить ярмо на шляхту; того, кто хотѣлъ бы упразднить «liberum veto», должно признавать врагомъ отчизны; относительно крестьянъ правительство не имѣетъ права дѣлать какія бы то ни было постановленія, такъ какъ они крѣпостные шляхты и въ ихъ отношенія къ пану никто не долженъ вмѣшиваться. Такимъ образомъ: 1) liberum veto, 2) безсиліе королей, 3) неприкосновенность шляхетской вольности, 4) полное устраненіе городовъ отъ дѣлъ правленія и 5) подневольное состояніе крестьянъ — были непремѣнными условіями существованія Польши, по мнѣнію олигарховъ. Стражъ этихъ условій, гетманъ,—важнѣйшая особа въ странѣ и узда королевской воли. Дерзость его дошла до такой степени, что когда нѣкій вертопрахъ поддѣлалъ письмо отца и обманомъ увезъ изъ монастыря барышню, а отецъ обратился за помощью къ королю, при чемъ король, желая спасти несчастную, потребовалъ у польнаго гетмана вооруженной силы, то гетманъ не только не далъ военной помощи, но даже не отвѣтилъ на требованіе короля.

За оказаніемъ поддержки вышеупомянутымъ принципамъ Ржевускій обратился къ Россіи, но Екатерина съ презрѣніемъ отвергнула его

планы. Послѣ этого онъ обратился къ Австріи и за содѣйствіе таковой гетманской власти обѣщалъ императору Іосифу II неограниченное вліяніе въ Польшѣ, но, отвергнутый и тутъ, онъ обратился къ Пруссіи. Объ этомъ будетъ рѣчь въ свое время.

Въ военномъ отношеніи Польша стояла ниже критики. Въ то время когда Россія имѣла армію въ 300.000 чел., а Австрія и Пруссія по 200.000,—въ Польшѣ было всего 16.000, да и то какихъ?! Въ литовской арміи въ 1776 г. найдено всего 3.928 солдатъ, но за то 1.172 офицера. Въ брошюркѣ «Полякъ въ czui (?) правдой подшитой» (Варшава, 1791 г.) приведенъ рапортъ коннаго полка, состоящаго изъ шести взводовъ. По рапорту долженъ былъ быть комплектъ въ 120 человѣкъ и 120 лошадей, а между тѣмъ недоставало до комплекта 50 солдатъ и лошадей 119. Итого для отправленія службы состоитъ на-лицо: офицеровъ въ комплектѣ 25, унтеръ-офицеровъ 4, солдатъ 41, лошадь 1, сѣдло 1. Такимъ образомъ въ кавалерійскомъ полку была одна лошадь и одно сѣдло, солдатъ 41, но комплектъ офицеровъ былъ полонъ: ихъ было налицо 25.

Значитъ, войска почти не было, а то, которое имѣлось, находилось въ жалкомъ состояніи. Оружія—почти никакого, матеріальное содержаніе—какъ нельзя быть хуже; вѣрнѣе сказать, войско совершенно не прокармливалось, такъ какъ солдатъ вмѣсто пищи получалъ жалованье. За то у него не было ни гроша, ассигнованнаго на оружіе, мундиръ, обувь, бѣлье, порохъ, пули и т. д. При отсутствіи же взысканія податей въ порядкѣ экзекуціи, жалованье получалось солдатомъ нерегулярно, рѣдко помѣсячно, иногда по четвертямъ года или по полугодіямъ, а зачастую еще рѣже. Получивъ жалованье, солдатъ скоро прокучивалъ все и, значитъ, жилъ въ кредитъ, когда въ кредитѣ ему отказывали, бралъ, что только могъ. Да и что же ему было дѣлать! Когда будетъ получено жалованье, онъ не зналъ, а житейскія потребности у него были. Хотя самъ Станиславъ-Августъ не былъ воиномъ, однако всѣ признаютъ, что благодаря его заботамъ, войска, довольно малочисленныя, были приведены въ надлежащій порядокъ.

Барская конфедерація уничтожила почти всю армію; въ отдѣльныхъ полкахъ не было болѣе 50—90 человѣкъ, крайне дурно одѣтыхъ и вооруженныхъ. Король Станиславъ-Августъ израсходовалъ изъ собственныхъ средствъ на плавильню въ Козеницахъ, на укрѣпленіе Каменца и на арсеналъ свыше 700.000 злотыхъ. Кромѣ того онъ подарилъ странѣ 200 пушекъ и на собственный счетъ построилъ казармы въ Варшавѣ. Желая привести армію въ сносное состояніе, онъ просилъ своихъ подданныхъ вельможъ о содѣйствіи, а когда они отказали, обратился къ русскому посланнику Штакельбергу, за исходатайствованіемъ у Россіи ограниченія гетманской власти. Штакельбергъ въ 1776 г. поѣхалъ въ

Петербургъ, гдѣ въ то время гетманъ Ржевускій и Игнатій Потоцкій трудились надъ исходатайствованіемъ ограниченія королевской власти. Однако Штакельбергъ, очертивъ дѣйствительно жалкое положеніе короля, а при такихъ условіяхъ и скорбную будущность Рѣчи Посполитой, склонилъ императрицу стать на сторонѣ праваго, именно привезъ уполномочіе на созваніе конфедеративнаго съѣзда. Этотъ сеймъ, подъ покровительствомъ Россіи, постановилъ, чтобы войска были отданы въ управленіе департамента; гетманъ долженъ быть только предсѣдательствующимъ въ департаментѣ, обязанъ подписывать то, что будетъ постановлено большинствомъ голосъ. «Liberum veto» не будетъ тутъ мѣста. Отмѣнена присяга войскъ на вѣрность гетманамъ, предписанная арміи Браницкимъ. Производство во всѣ офицерскіе чины было передано королю, а по всѣмъ дѣламъ, касавшимся обмундированія, вооруженія, обученія и пропитанія войскъ, департаментъ долженъ былъ сноситься съ королемъ и состоявшіяся резолюціи представлять на утвержденіе государственнаго совѣта. Этотъ замѣчательный шагъ впередъ, сдѣланный исключительно по указанію Екатерины, оказалъ рѣшительное дѣйствіе на сокрушеніе гетманской власти и развязалъ руки королю для усовершенствованія арміи.

Въ 1778 г. король ввелъ въ силу постановленіе, что все касающееся пополненія и снабженія войскъ должно быть рѣшаемо даже на вольныхъ сеймахъ большинствомъ голосовъ, что тутъ нѣтъ мѣста «veto», а всякіе остатки казенныхъ суммъ должны быть обращаемы на армію, по соглашенію короля и департамента. Такимъ образомъ послѣ каждаго сейма прибывало отъ 500 до 700 солдатъ. Была обезпечена регулярная уплата увеличеннаго жалованья, и тѣмъ самымъ добросовѣстныхъ офицеровъ склонили остаться на службѣ. Немалымъ поощреніемъ для нихъ было и то, что въ 1783 г. была запрещена продажа офицерскихъ чиновъ. Прежде былъ такой обычай, что, напр., полковникъ, желающій оставить службу, имѣлъ право продать свой чинъ за наличныя деньги или имѣніе, какъ заблагоразсудится. Такимъ образомъ нерѣдко личность, не имѣющая никакого понятія о военной службѣ, покупала этотъ чинъ и своею некомпетентностью не только причиняла вредъ странѣ, но и выставляла себя на посмѣшище даже простымъ солдатамъ. Старанія короля привели къ тому, что уже въ 1776 г. въ комплектѣ войскъ насчитывалось: пѣхоты 10.335, а кавалеріи 8.200, прекрасно вооруженныхъ и обученныхъ. Далѣе, въ виду того, что ежегодно распускалось по домамъ извѣстное количество солдатъ, а на ихъ мѣсто набирались рекруты, можно было имѣть при надобности около 30.000 регулярнаго и обученнаго войска. За все это, сдѣланное подъ вліяніемъ Штакельберга, слѣдуетъ быть благодарнымъ Россіи; жаль, что мы сами не сознавали этой потребности! Король жаждалъ идти далѣе. Въ то время Польша имѣла хорошихъ ге-

нераловъ: Брюля, Coeczi'a (?), Гольца, но они были иностранцами. Нуженъ былъ кто-нибудь свой, чтобы на родной нивѣ онъ добросовѣстнѣе трудился для собственной отчизны. Король Станиславъ-Августъ нашелъ такого человѣка въ лицѣ Комаржевскаго, который подъ начальствомъ Фридриха Великаго, короля прусскаго, дослужился до почестей и славы. Ему король довѣрилъ урегулированіе арміи. Страна не ошиблась въ выборѣ короля. Комаржевскій не только добросовѣстно, но и геніально справился съ своею задачей. Онъ любилъ родину и желалъ ей добра. Въ виду того, что тогдашнее европейское общественное мнѣніе считало прусскую армію наиболѣе совершенною, Комаржевскій организовалъ польскую армію по образцу прусской. Къ этому склоняло его не столько европейское общественное мнѣніе, сколько извѣстное ему, какъ подполковнику прусской службы, нерасположеніе Пруссіи къ Польшѣ и ея желаніе обогатиться новымъ захватомъ польскихъ областей. И вотъ онъ образовалъ по прусскому образцу не только пѣхоту, но и кавалерію, а такъ какъ трудно было держать въ повиновеніи волонтеровъ изъ шляхты, «пановъ-товарищей», то онъ постепенно уменьшалъ ихъ число, чѣмъ вызывалъ неудовольствіе въ нелюбящей субординаціи шляхтѣ. Не имѣя же достаточнаго числа способныхъ офицеровъ въ лицѣ коренныхъ жителей страны, онъ заполнялъ недохваты иноземцами изъ прусской и саксонской армій,—словомъ, старался создать армію, которая была бы въ состояніи дать отпоръ болѣе сильному противнику. И въсамомъ дѣлѣ насколько ему позволили время и силы, онъ сдѣлалъ это такъ, что и сеймъ выразилъ ему одобреніе и сосѣднія государства признали его заслуги, а Эссенъ, англійскій посолъ, говоритъ: «съ того времени, какъ войско избавлено отъ прожорливости гетмановъ, оно несравненно лучше организовано и обучено, стало болѣе дисциплинированнымъ и получаетъ плату регулярно».

Однако магнатство позавидовало значенію Комаржевскаго, тѣмъ болѣе, что король, видя въ немъ личность, желающую добра странѣ, неоднократно довѣрялъ ему миссіи къ иностраннымъ дворамъ. И вотъ Браницкій, Потоцкіе, Чарторыйскіе и комп. рѣшили запятнать и погубить эту почтенную и полезную личность. Они придумали гнусный планъ клеветы, будто Комаржевскій хотѣлъ лишить жизни генерала подольскаго края Феликса Потоцкаго. Слѣдствіе, начатое вопреки вліянія магнатства, покрыло клеветниковъ позоромъ. По этой причинѣ главная иниціаторша клеветы, княгиня Любомирская, выѣхала въ Парижъ и уже болѣе не возвращалась въ отечество. Король въ возмездіе за несправедливыя нравственныя страданія Комаржевскаго произвелъ его въ генералълейтенанты съ жалованьемъ въ 18.000 злотыхъ. Но и эта резонная награда возмутила магнатство, признавшее невозможнымъ, чтобы «человѣкъ чужой и свѣжаго шляхетства» имѣлъ столь высокій чинъ (Ка-

линка, т. I, стр. 166). Комаржевскій, видя, что съ предразсудками магнатовъ ему не совладать, къ большому огорченію арміи, подалъ въ отставку и выѣхалъ за границу—навсегда! Въ его лицѣ страна потеряла энергичнаго преобразователя застарѣлыхъ убѣжденій, а это случилось благодаря магнатству и подъ вліяніемъ Пруссіи.

Это — воспоминанія скорбныя, однако, необходимыя при современныхъ условіяхъ. Отъ чистаго сердца слѣдуетъ признать, что по странному стеченію обстоятельствъ, въ нашей безпредѣльной неурядицѣ все, что сдѣлано у насъ хорошаго, сдѣлано подъ вліяніемъ иностранныхъ дворовъ, и по большей части—Россіи. Чтобы смирить дурныя намѣренія Браницкаго, нужно было суровое запрещеніе Екатерины; чтобы склонить Феликса Потоцкаго къ единодушнымъ дѣйствіямъ съ королемъ, понадобилось предложеніе Екатерины; чтобы кн. Чарторыйскаго, сторонника Австріи, приблизить къ королю, нужно было строгое замѣчаніе австрійскаго канцлера, данное при посредничествѣ Россіи («Четырехлѣтній сеймъ», Калинка). Можно бы привести сотни другихъ примѣровъ, и все-таки всѣ старанія, при внутренней распущенности, не повели ни къ чему!

Кто питалъ и растравлялъ гордыню, хоть бы это былъ злѣйшій врагъ, считался хорошимъ, а кто искренно желалъ добра, напрямикъ стремился къ цѣли, говоря правду, и освѣщалъ скорбное будущее, тотъ былъ врагомъ страны!

Россія была доброжелательна къ намъ, хотѣла, чтобы Польша осталась Польшей. Императрица Екатерина не забавлялась салонной любезностью съ поляками, какъ это дѣлали пруссаки, и, не питая злыхъ намѣреній въ отношеніи Польши, говорила правду и ее-то бросала въ глаза польскимъ панамъ. Пруссія же, жаждавшая новыхъ областей и польскихъ городовъ, льстила ихъ прирожденнымъ страстямъ, зная, что это приведетъ нашу страну къ паденію. И вотъ салонное лицемѣріе Пруссіи вызвало то, что поляки перестали вѣрить доброжелательной Россіи, а сочувствовали и вѣрили Пруссіи. Когда былъ возбужденъ проектъ объ увеличеніи войска, и король потребовалъ, чтобы землевладѣльцы дали знать, какую именно часть состоянія они посвящаютъ на эту цѣль, дабы увеличить войско, соображаясь со средствами, то требованіе это не понравилось шляхтѣ, утверждавшей, что лишь бы было сдѣлано постановленіе относительно войска, а средства найдутся. И, по наущенію прусскаго посла (Калинка, «Четырехлѣтній сеймъ»), единогласно было рѣшено увеличить армію до 100.000 человѣкъ. Во всей Европѣ это страшное постановленіе бросило очень дурной свѣтъ на резолюцію сейма, такъ какъ страна не была въ силахъ выставить и содержать столь многочисленную армію. Польша послѣ различныхъ эпидемій—холеры, тифа, оспы, скарлатины и т. д., которыя въ нѣкоторыхъ

мѣстностяхъ обезлюдили цѣлыя деревни, имѣла въ то время 7.000.000 населенія. Если исключить изъ этого числа дѣтей, стариковъ, женщинъ, ксендзовъ, монаховъ и неспособныхъ къ военной службѣ, то остался бы всего милліонъ людей, способныхъ къ ней. Изъ послѣднихъ приходилось бы брать въ армію десятаго, а отъ того сильно бы пострадало сельское хозяйство, составлявшее едва-ли не важнѣйшій источникъ доходовъ страны. Содержаніе такой арміи стоило бы около 50.000.000 злотыхъ, а между тѣмъ всей монеты, обращавшейся въ странѣ, было на 100.000.000. Значитъ, не было никакого соотношенія между циркулировавшей монетой, составлявшей имущество страны, и расходомъ на армію. Тогдашніе источники доходовъ приносили 18 мил. злотыхъ, а на одну только армію нужно было 50 мил. Во всей странѣ было 20.000 деревень, нужно было брать по пяти рекрутовъ изъ каждой; достигнуть этого было бы трудно даже въ случаѣ всеобщей революціи, а чего же ожидать, когда дѣло шло о регулярномъ войскѣ! Поэтому о постановленіи сейма Штакельбергъ справедливо сказалъ: «это дѣти, которыя сегодня забавляются, но наступитъ горькое раскаяніе, когда нужно будетъ платить». А англійскій посолъ говорилъ въ своей депешѣ: «и половины нужной суммы не соберутъ; это можетъ дать понятіе о польской политикѣ».

При томъ, откуда взять сразу нѣсколько тысячъ способныхъ офицеровъ для 100.000-й арміи, если для 18.000-ой Комаржевскому приходилось искать ихъ за границей?! Откуда взять ручное оружіе и пушки, если въ странѣ не было ихъ? Откуда, наконецъ, взять рекрутовъ, если обязательной воинской повинности не было? Надъ этими существенными вопросами отнюдь не задумывались; современникамъ казалось, что самое постановленіе возмѣститъ армію. За то подавались голоса и постановлялось, чтобы эта большая армія, словно бы она существовала, была изъята изъ вѣдѣнія Совѣта и короля. Было предположено при посредничествѣ Пруссіи просить Екатерину о поддержкѣ этихъ плановъ, но Пруссіи казалось неумѣстнымъ посредничество въ столь безсмысленныхъ требованіяхъ. Прусское государство, управляемое разумно и зарившееся на новый захватъ у Польши, не могло протежировать наивнымъ требованіямъ поляковъ, такъ какъ это обнаружило бы его хищническое стремленіе, которое оно не хотѣло проявлять преждевременно. Въ виду этого Бухольцъ, прусскій посолъ, зная душевное настроеніе поляковъ, столь скорое на порожденіе безсмыслицъ, доложилъ своему монарху, Фридриху II, что такое содѣйствіе не своевременно: «нужно ждать, чтобы поляки сдѣлали какую-нибудь глупость; дабы эта глупость позволила намъ явно вмѣшаться въ ихъ дѣла, а для этого нужно, чтобы наши войска стояли вблизи польской границы» (Калинка). И вотъ

прусскій дворъ отказалъ полякамъ на просьбу о посредничествѣ въ Петербургѣ.

Чтобы заручиться средствами на содержаніе увеличиваемой до ста тысячъ арміи, необходимо было утверждать новыя подати. Съ этой цѣлью примасъ Понятовскій, снесшись съ епископами, объявилъ въ сеймѣ 12-го марта 1789 г., что все духовенство обязуется вносить вдвое болѣе того, что будетъ уплачивать шляхта, и даже пошло дальше въ своей готовности на пожертвованія: обязалось представить 35% своихъ доходовъ. Король, со своей стороны, пожертвовалъ чистую прибыль съ городовъ Гродно и Бреста, что составляло свыше 200.000 злотыхъ въ годъ; шляхта же обязалась давать 10% чистаго дохода съ имѣній, но съ условіемъ, чтобы это называлось не податью, а «добровольнымъ вѣчнымъ приношеніемъ землевладѣльцевъ». Условіе «по доброй волѣ землевладѣльцевъ» вскорѣ доказало, что эта «добрая воля» была только на словахъ, а не на дѣлѣ. Черезъ двѣ недѣли послѣ постановленія о жертвованіи «десятаго гроша» депутатъ Стройновскій увѣдомилъ сеймъ, что хотя ясно оговорено, чтобы эту подать уплачивала шляхта, а не крѣпостные крестьяне, однако во многихъ деревняхъ помѣщики взыскиваютъ ее со своихъ крѣпостныхъ. Король и нѣкоторые изъ пановъ требовали строгаго закона и наказанія виновныхъ, но—тщетно! Шляхта, движимая собственными интересами, не позволила этого. Вмѣсто того, чтобы добросовѣстно исполнять свое обязательство относительно пожертвованія на войско, она платила не 10%, а едва 3%, такъ что весь сборъ съ государства на армію, вмѣсто 50 м., принесъ едва 6 мил. злотыхъ, тогда какъ на личныя удовольствія шляхта ежегодно тратила за границей 100 мил. злотыхъ (Калинка «Четырехлѣтній сеймъ»). Но трудно понять, почему былъ констатированъ столь малый доходъ. Шляхта по мѣрѣ возможности скрывала свои доходы, да и признанные оцѣнивала очень низко. Были обнаружены имѣнія, которыя при ревизіи утаили по нѣскольку фольварковъ, были пивоваренные заводы, которые опредѣлили число изготовляемыхъ ими бочекъ пива на нѣсколько тысячъ меньше, чѣмъ оно было въ дѣйствительности. Хлѣбъ, гдѣ онъ былъ наиболѣе дорогъ и продавался легко, оцѣнивался такъ: копа пшеницы 8 злотыхъ, ржи 4 злота. Доходы со скота были совершенно откинуты на томъ основаніи, что они перемѣнчивы. Дѣло дошло до того, что люди, о которыхъ было достовѣрно извѣстно, что они имѣютъ 50.000 годоваго дохода, уплачивали вмѣсто 5.000 злотыхъ только 900, а тѣ, у кого было 40.000 дохода, записывали, что получаютъ 10.000, и вмѣсто 4.000 платили 1.000. Кто имѣлъ 12.000 дохода, вмѣсто 1.200 платилъ 200 злотыхъ.

Значитъ, кромѣ отсутствія патріотизма въ тогдашней шляхтѣ было еще притупленіе совѣсти: вѣдь каждый шляхтичъ передъ опредѣле-

ніемъ дохода приносилъ присягу, что покажетъ правду и опредѣлитъ истую цифру. А какія ложныя свѣдѣнія давалъ онъ! Поэтому-то Сташицъ обратился къ сейму съ слѣдующими словами: «перестанемъ употреблять присягу, такъ какъ она въ Польшѣ уже не откроетъ правды, а душу загубитъ. Она свидѣтельствуетъ, какъ извращены у насъ нравы, какъ упала религія, между тѣмъ какъ остались только обряды». И тутъ были благородныя исключенія. Іоахимъ Потоцкій подарилъ странѣ 300 солдатъ, обмундированныхъ и вооруженныхъ на его счетъ. Радзивиллъ обязался подарить государству 2.000 солдатъ. Янъ Потоцкій обезпечилъ своими имѣніями пожертвованіе въ 10.000 злотыхъ. Но это—благородныя исключенія, и только исключенія, которыя должны были затеряться во всеобщей недобросовѣстности.

16-го сентября 1789 г. сеймъ затронулъ вопросъ о другомъ податномъ сборѣ—налогѣ на табакъ. Проектъ былъ мотивированъ примѣромъ Франціи, которая получала изъ этого источника выше 30 мил. франковъ дохода. Во Франціи было въ то время 24 милліона населенія, въ Польшѣ же, если считать и дѣтей, до 8 мил., но табакъ въ несравненно большемъ количествѣ употреблялся въ Польшѣ, чѣмъ во Франціи. Доходъ изъ этого источника былъ разсчитанъ приблизительно на 20 мил. злотыхъ, и его было рѣшено обратить на армію. И тутъ, однако, оказалась препятствіемъ несообразительность сдѣлавшихъ постановленіе. У Франціи были собственныя табачныя фабрики и строго соблюдавшійся законъ о взысканіи податей, въ Польшѣ же не было ни одной фабрики: былъ только домашній промыселъ. Права на принудительное взысканіе она не имѣла. Для введенія табачной промышленности, которая могла бы доставить странѣ 20 мил. злотыхъ, нужно было, чтобы казна ассигновала одинъ мил. злотыхъ, а она была пуста, и, значитъ, проектъ, способный при разумномъ правленіи доставить желательный доходъ, въ Польшѣ долженъ былъ упасть и упалъ.

Затѣмъ былъ затронутъ другой вопросъ. Въ Польшѣ казна взимала налогъ съ убоя, шкуры же въ сырцѣ вывозились за границу и, выдѣланныя тамъ, возвращались въ край, какъ товаръ гораздо большей стоимости. Шкуръ ежегодно вывозилось въ Пруссію отъ 400.000 до 800.000 штукъ, и продавались онѣ по 10 злотыхъ за каждую. По выдѣлкѣ же ихъ въ Пруссіи, нужно было платить до 120 злотыхъ за штуку. И вотъ сеймъ, желая предотвратить заграничную эксплоатацію и имѣть доходъ съ собственнаго продукта страны, постановилъ взимать съ мясниковъ, вмѣсто практиковавшагося дотолѣ налога съ убоя, плату въ натурѣ, самыми шкурами, и выдѣлывать ихъ въ Польшѣ Благодаря этому ежегодный доходъ казны увеличился бы на 12—18 мил. На первый взглядъ это—постановленіе разумное, но, глубже вникнувъ въ него, мы ясно поймемъ, какъ вредна торопливость въ дѣлѣ, кото-

раго не знаютъ основательно. Дабы получить желаемый доходъ, нужно было содержать цѣлыя сотни чиновниковъ для пріема шкуръ и наблюденія, чтобы онѣ были сняты безъ поврежденій, а при всеобщей недобросовѣстности трудно было найти такихъ чиновниковъ. Нужно было построить много сушиленъ, такъ какъ ихъ не было; нужны были дубильщики: и ихъ страна не имѣла въ достаточномъ количествѣ. При томъ, для устройства необходимыхъ сушиленъ и привлеченія способныхъ дубильщиковъ нуженъ былъ милліонъ злотыхъ, а пустая казна не была въ состояніи доставить эту сумму. Надъ этимъ однако не задумывались, и хотя на дурные результаты такого постановленія указывали сейму король, Чацкій, Малаховскій и др., это нисколько не помогло, и постановленіе было сдѣлано! Дурныя послѣдствія обнаружились немедленно же. Въ тотъ самый день, когда вступилъ въ силу приговоръ сейма, 1-го января 1790 г., мясники доставили 500 недавно снятыхъ шкуръ, а такъ какъ не было ни сушильни, ни прислуги для развѣшиванія, то всѣ онѣ испортились, и ихъ пришлось выбросить въ Вислу. Коммиссія, при такихъ условіяхъ, вынуждена была продавать шкуры евреямъ, которые по-прежнему вывозили ихъ въ Пруссію. Кончилось тѣмъ, что казна, получавшая раньше 9 милліоновъ злотыхъ съ убоя, послѣ постановленія относительно шкуръ имѣла всего 3 милліона дохода. Спустя годъ, этотъ законъ былъ отмѣненъ, а жаль, такъ какъ при болѣе энергичномъ правительствѣ онъ могъ бы значительно увеличить доходъ казны!

Несмотря на эти нелѣпости, гетманская партія, враждебная королю, не переставала требовать въ сеймѣ стотысячной арміи, а къ финансовому вопросу о содержаніи этой арміи относилась очень равнодушно. Королевская партія, подъ вліяніемъ Штакельберга, потребовала у военной коммиссіи разъясненій, касающихся состоянія арміи. Рапорты были весьма неудовлетворительны! Несмотря на повелѣніе сейма, чтобы въ данномъ году (1789-мъ) было совершено три набора: въ январѣ, апрѣлѣ, и іюнѣ,—оказалось, что первый наборъ былъ невполнѣ оконченъ, второй доведенъ едва до половины, а третьяго совсѣмъ не начинали. Какъ разъясняютъ многіе изъ ротмистровъ въ своихъ рапортахъ, это произошло потому, что хотя въ назначенное время они скомплектовали свои части, но, не получая денегъ на ихъ содержаніе, прокармливаютъ ихъ на свой счетъ; другіе же, не имѣя собственныхъ средствъ, должны были распустить солдатъ или совсѣмъ не вербовали ихъ. Всего было собрано едва 35.000 солдатъ, но Китовичъ въ своихъ «Запискахъ» (т. I, стр. 27) характеризовалъ ихъ такъ: «Я видѣлъ солдатъ, которые уже по 3 мѣсяца были на службѣ, а еще ходили босикомъ, безъ оружія и мундировъ,—только въ кителяхъ». При такихъ условіяхъ нельзя было мечтать ни о дисциплинѣ и обученіи, ни о разверсткѣ на полки и

бригады. Ротмистры и полковники, всякій разъ какъ просили денегъ на содержаніе войскъ, отсылались назадъ съ пустыми руками. Не было никого, кто устранилъ бы эту неурядицу и этотъ хаосъ. Король не могъ сдѣлать это, такъ какъ подданные наконецъ добились того, что армія и казна были изъяты изъ вѣдѣнія короля. Сеймъ, правда, завѣдывалъ ими, но что толку отъ того, если свои постановленія онъ только записывалъ, а въ исполненіе ихъ не приводилъ, если на пустяки тратилъ цѣлые мѣсяцы, а важныя дѣла рѣшалъ, не задумываясь, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Такъ, напр., въ теченіе семи часовъ было постановлено конфисковать помѣстья краковскаго епископства, существовавшаго семь столѣтій; въ теченіе одного часа увеличили армію съ 18 до 100 тысячъ, не имѣя понятія объ условіяхъ, необходимыхъ для столь важнаго шага; въ теченіе трехъ четвертей часа согласились на заключеніе союза съ Пруссіей, не разсчитавъ его тяжкихъ и скорбныхъ послѣдствій.

Въ ноябрѣ разсуждавшія въ сеймѣ головы, видя страшную неладицу, какъ будто бы нѣсколько отрезвѣли и пришли къ убѣжденію, что стотысячной арміи имъ не собрать и не организовать, тѣмъ болѣе, что не было установленнаго закономъ воинскаго набора. Вербовка была просто грабежемъ; военный отрядъ налеталъ на деревню, королевскую или костельную (рѣдко на шляхетскую, такъ какъ это считалось бы нарушеніемъ шляхетскихъ вольностей и нарушеніемъ собственности, которою былъ хлопъ), силою хваталъ парней и зачислялъ ихъ въ войска; но и отъ того было мало толку, такъ какъ изъ одной лишь Великой Польши въ теченіе года бѣжало въ Пруссію отъ набора 10 тысячъ крестьянъ. Поэтому было постановлено собрать временно 65 тысячную армію, съ расходомъ въ 40 милл. злотыхъ. 4-го декабря былъ утвержденъ законъ, уполномочивавшій вербовать одного человѣка на сто шляхетскихъ дворовъ и на пятьдесятъ костельныхъ и королевскихъ. Срокъ службы былъ опредѣленъ на шесть лѣтъ.

Это былъ законъ прекрасный, но иное дѣло утверждать законы и иное—соблюдать ихъ. На утвержденіе законовъ много было готовности, но соблюдать ихъ не было у насъ охоты. И вотъ, прискорбно читать мнѣнія иностранцевъ, пребывавшихъ въ Варшавѣ въ концѣ XVIII вѣка: они говорятъ напрямикъ, что замѣтили въ полякахъ полное отсутствіе чувства собственнаго достоинства, нравственности и даже ординарнѣйшей порядочности. И въ самомъ дѣлѣ было такъ. Король не могъ вывести общество изъ упадка, такъ какъ былъ лишенъ власти; хоть онъ и воодушевлялъ словомъ, хоть поощрялъ примѣромъ къ жертвамъ въ пользу страны, отдавъ всѣ свои драгоцѣнности, даже перстни и часы, казнѣ для спасенія государства, но его не слушали и ему не подражали.

Когда на нужды арміи «подымный» налогъ былъ увеличенъ до пяти злотыхъ, шляхта, чтобы обойти этотъ законъ, соединяла нѣсколько печныхъ трубъ съ одной наружной (этимъ и объясняется происхожденіе непомѣрно широкихъ трубъ, которыя и въ настоящее время встрѣчаются по деревнямъ въ старинныхъ усадьбахъ), лишь бы не дать пяти злотыхъ на спасеніе отчизны. На собственные же капризы, на дорогія яства и заморскія «фрикассе», на дорогія и старыя вина, на дружины тѣлохранителей, капеллы, богатыя ливреи, на поваровъ, выписываемыхъ изъ Франціи, на позолоченныя кареты,—на все это шляхта швыряла деньги тысячами и сотнями тысячъ, и только для бѣдной отчизны не было пяти злотыхъ! А вѣдь она кричала, что любитъ свою родину! Возможна ли любовь безъ жертвъ? Мы далеко ищемъ причины паденія государства, а не хотимъ видѣть и вѣрить, что она въ насъ самихъ. Были голоса, призывавшіе къ порядку и сознанію своихъ заблужденій, но никто не внималъ имъ!

Животрепещущимъ вопросомъ было улучшеніе доли крестьянъ. Хлопъ, какъ крѣпостной, былъ собственностью того, въ чьей деревнѣ онъ жилъ. У него не было ни воли, ни собственнаго дома—это было панское, а онъ былъ рабомъ своего пана. Въ отношенія крѣпостнаго и пана никто—ни правительство, ни король—не имѣлъ права вмѣшиваться. Хлопъ не могъ протестовать противъ причиненной ему обиды или жаловаться на нее. Поэтому неудивительно, что обращеніе съ хлопомъ было просто безчеловѣчно; и таковымъ было оно въ имѣніяхъ и шляхты, и духовенства. Въ естественномъ порядкѣ вещей, развилась въ этомъ угнетаемомъ простонародьи крайняя деморализація: о нравственности хлопа не заботился никто—ни панъ, ни ксендзъ. Уже сто лѣтъ не было прироста населенія въ Польшѣ, такъ какъ крестьянскія дѣти хоть и рождались на свѣтъ, но умирали отъ нужды, неряшества и отсутствія опеки надъ ними. Хлопъ ясно сознавалъ причиняемую ему кривду; поэтому хоть онъ и кланялся пану, но ненавидѣлъ его, духовныхъ лицъ почиталъ, но не довѣрялъ имъ. Эти ненависть и недовѣрчивость донынѣ остались въ простомъ народѣ и не скоро исчезнутъ, такъ какъ память о пережитыхъ обидахъ переходитъ въ поколѣнія. Панщина вызвала то, что шляхтичъ и хлопъ разлѣнились и спились съ круга; что Польша, въ то время плодороднѣйшая страна на свѣтѣ, продуктировала меньше хлѣба, чѣмъ, напримѣръ, Англія, которая по пространству равнялась польскому воеводству; что едва одна треть всего пространства Польши воздѣлывалась; что эта $^{1}/_{3}$ не производила и доли того, что она давала бы, если бъ культивировалась надлежаще; что на одну квадратную милю насчитывалось въ Польшѣ 700 человѣкъ, тогда какъ въ другихъ государствахъ населеніе на томъ же пространствѣ доходило до 5.000; что эта миля въ Польшѣ приносила податнаго сбора 1.200 зл., а въ дру-

гихъ государствахъ—отъ 60 до 120 тысячъ дохода. У насъ были люди, разсуждающіе трезво и желающіе счастья странѣ; они били въ набатъ и разъясняли въ цифрахъ, какія бѣдствія причиняетъ панщина. Иные писали брошюры, но никто не хотѣлъ читать ихъ, а если и читалъ, то не вѣрилъ имъ. Замойскій совѣтовалъ облегчить долю хлопа и обезпечить его отъ обидъ со стороны помѣщика. Сташицъ доказывалъ, что «панщина причинила Рѣчи Посполитой больше зла, чѣмъ всѣ ея враги въ совокупности»; онъ восклицалъ: «упразднимъ панщину, и черезъ 20 лѣтъ наша родина преобразится; у нея не будетъ недостатка ни въ людяхъ, ни въ деньгахъ, ни въ средствахъ защиты. А если упразднить ее у насъ еще нѣтъ смѣлости, то замѣнимъ ее на чиншъ или окружную работу, но признаемъ за хлопомъ право на владѣніе землею, какъ собственностью!» Сташицъ предусматривалъ скорбныя послѣдствія угнетеннаго состоянія этого важнѣйшаго общественнаго слоя и не поколебался произнести публично слѣдующія памятныя слова: «Паденіе Польши будетъ карою за угнетеніе хлопа!» Однако ни Замойскаго, котораго закричали, ни Сташица, какъ мѣщанина, не слушали. Французскаго писателя Руссо чуть не обожали тогдашніе поляки, и въ польскомъ обществѣ онъ слылъ ревностнымъ польскимъ патріотомъ; однако этотъ самый Руссо осмѣивалъ режимъ въ Польшѣ, а о первомъ раздѣлѣ онъ говоритъ въ письмѣ къ Фридриху II: «По слухамъ, раздѣлъ Польши—твое дѣло, государь; вѣрю этому, такъ какъ это мысль геніальная». Въ своемъ же сочиненіи, «Considérations», ch. III, онъ обращается къ полякамъ со слѣдующими словами: «Вы не въ состояніи предотвратить поглощеніе васъ сосѣдями; какія бы средства вы ни употребляли, Польша будетъ сто разъ раздавлена». Это и не удивительно, такъ какъ неурядица и безправье губятъ не только семейства, но и государства, и именно они были важнымъ факторомъ въ паденіи Польши.

Мѣщанское сословіе хотя и въ меньшей степени, но тоже нуждалось въ улучшеніи своей доли. Мѣщане не допускались въ государственный совѣтъ. Имъ дозволялось учиться, но только для себя самихъ, а не для государства; до высшихъ степеней мѣщанинъ не могъ дослужиться ни въ арміи, ни въ духовенствѣ, такъ какъ онѣ были монополіей шляхты. Города были собственностью тѣхъ, въ чьихъ владѣніяхъ они были расположены; поэтому владѣлецъ угнеталъ и мѣщанина почти какъ хлопа, а такъ какъ это было сословіе сравнительно богатое въ странѣ, то оно деньгами откупалось отъ гнета, исправно вносило подати въ казну и желало добра государству. Напримѣръ, варшавскіе мѣщане вносили въ казну, въ видѣ различныхъ налоговъ 3.141.000 злотыхъ, а когда было утверждено повышеніе подымнаго сбора, дававшаго съ одной только Варшавы 140.000 зл., жители столицы, мѣщане, добровольно обязались уплачивать въ годъ 400.000 зл.; кромѣ того, всѣ

города объявили, что будутъ платить 20% съ оборотнаго капитала, лишь бы придти съ помощью отчизнѣ. Мѣщане требовали только, чтобы сеймъ призналъ ихъ гражданами государства, далъ имъ права, которыми они пользовались въ прежней Польшѣ, чтобы въ арміи они могли дослуживаться до офицерскихъ чиновъ, а въ духовенствѣ до высшихъ степеней; чтобы имъ дозволили пріобрѣтать имѣнія, подчинили ихъ юрисдикціи сословной или королевской и уволили ихъ отъ юрисдикціи старостъ и маршала, которые имъ, мѣщанамъ, дали таки себя знать.

Признать эти льготы мѣщанамъ не дозволила шляхта, опасаясь, чтобы король съ помощью мѣщанъ не отмѣнилъ «самой природою данныхъ шляхетскихъ привилегій и вольностей». Депутація, состоявшая изъ мѣщанъ, представителей всѣхъ городовъ, обратилась прежде всего къ королю, но онъ совсѣмъ не былъ въ состояніи помочь имъ, такъ какъ не имѣлъ правъ; затѣмъ обратились къ канцлеру Малаховскому, но этотъ принялъ депутацію холодно, сказавъ, что онъ канцлеръ при тронѣ, а дома—Малаховскій, и спровадилъ ее ни съ чѣмъ; обращалась она и къ другимъ министрамъ со своими справедливыми требованіями, но всюду должна была наслушаться горькихъ упрековъ, заявленій, что требовать для себя привилегій, которыя подобаютъ только шляхтѣ,—«дерзость». Назвать дерзостью справедливыя требованія важной части общества, отзывчивой на нужды страны и любящей ее,—на это были способны развѣ только польскіе министры конца XVIII столѣтія. Стало быть, и этотъ многоважный вопросъ пошелъ «ad acta».

Люди здравомыслящіе затронули и другой, не менѣе важный вопросъ—о престолонаслѣдіи. Въ Польшѣ каждый изъ королей былъ избираемъ шляхтою. Шляхта обыкновенно выбирала того изъ кандидатовъ, который давалъ ей наиболѣе привилегій. И на элекціяхъ не обходилось безъ интригъ иностранныхъ дворовъ, и, сказать по справедливости, Польша самостоятельно, безъ чуждыхъ вліяній, избрала только двухъ королей: Собѣскаго и Вишневецкаго. Дабы избѣжать иностранныхъ вліяній, лица, видѣвшія положеніе вещей яснѣе, высказали мнѣніе, что слѣдуетъ сдѣлать престолъ наслѣдственнымъ. Выбицкій въ «Патріотическихъ письмахъ» (1780 г.) говоритъ прямо, что «Польша не спасетъ себя отъ гибели, если не откажется отъ привилегіи выбирать себѣ короля». За это однако Выбицкаго едва не убили. Впослѣдствіи отдѣльныя лица начали выступать смѣлѣе съ рѣчью о престолонаслѣдіи, что дало поводъ Северину Ржевускому написать небольшое сочиненіе «О престолонаслѣдіи въ Польшѣ», въ которомъ онъ съ ужасомъ и съ опасеніемъ за шляхетскія вольности оспариваетъ, на основаніи нелогическихъ аргументовъ, голоса за наслѣдственность. Онъ говоритъ, что послѣдняя приведетъ страну къ деспотизму, такъ какъ наслѣдственный король, подъ предлогомъ благоустройства, привлечетъ всѣ власти подъ

свое начало, возмутитъ крестьянство, чтобы наложить ярмо на шляхетское сословіе, установитъ новые налоги, чтобы разорить шляхту, перессоритъ властные роды, чтобы они не могли защищать шляхетскія вольности, овладѣетъ войскомъ, чтобы употребить его противъ шляхты. А сынъ такого короля, принявъ дѣло, уже на половину готовое, навѣрно доведетъ до конца. Шляхтичъ же лишь тогда примѣтитъ перемѣну въ правительствѣ и своемъ сословіи, когда его собственный крѣпостной начнетъ привлекать его къ суду! Далѣе онъ пугаетъ общество картиной деспотизма Тиверія и Траяна и патетически восклицаетъ: «Развѣ въ польскомъ мірѣ еще не было достаточно Траяновъ, чтобы тоскливо мечтать о королѣ!» Затѣмъ пугаетъ сосѣдними державами, которыя, по его мнѣнію, никогда не согласятся на наслѣдственность престола въ Польшѣ, потому именно, что наслѣдственный король могъ бы собрать армію числомъ около 200.000 челов. и тогда сталъ бы страшенъ сосѣдямъ. Въ заключеніе онъ совѣтовалъ организовать правительство безъ короля, съ тѣмъ чтобы управляло только магнатство. Эти слова, произнесенныя съ горячностью и льстившія гордости шляхты, при томъ подкрѣпленныя обаяніемъ гетманскаго званія и авторитетомъ магната, который никогда не благоволилъ къ королю, вызвали очень сильное впечатлѣніе въ обществѣ. Да и можно ли было не вѣрить, когда говорилъ такой мужъ, противникъ короля, движимый будто бы чистѣйшей любовью къ родинѣ,—и говорилъ въ защиту шляхетскихъ вольностей! И вотъ Браницкій былъ такъ восхищенъ этой брошюрой, что велѣлъ немедленно же перепечатать ее въ Варшавѣ и разослать по всей странѣ.

На эту брошюру отвѣтили сторонники наслѣдственности престола, люди высокообразованные, какъ напримѣръ, Гугонъ Коллонтай, епископъ Красинскій, Игнатій Потоцкій, Ѳаддей Морскій, Іакинфъ Езерскій и Францъ Езерскій.

Потоцкій въ своей брошюрѣ «Размышленія надъ граматой, изданной за подписью господина Ржевускаго» притворяется, будто не вѣритъ, что Ржевускій могъ быть ея авторомъ; онъ полагаетъ, что кто-то другой прикрылся его фирмой, такъ какъ немыслимо, чтобы гетманъ, столь высокій сановникъ, былъ такъ близорукъ. Въ заключеніе онъ донимаетъ колкостями Ржевускаго, говоря, что если, и въ самомъ дѣлѣ, авторъ брошюры—онъ самъ, то написалъ ее съ той мыслью, чтобы сохранить избирательный престолъ для главнокомандующаго русской арміи Потемкина. А слѣдуетъ замѣтить, что Потемкинъ нещадно бранилъ Ржевускаго за его злонамѣренность въ отношеніи короля, называлъ его пьяницей, буяномъ, непатріотомъ, тиранномъ, страшнѣйшимъ деспотомъ и т. д.

Коллонтай доказываетъ, что авторъ брошюры неосновательно смѣшалъ понятія о наслѣдственной монархіи и о неограниченной, такъ

какъ, не будучи наслѣдственнымъ государемъ, можно править самодержавно, какъ правили Марій, Сулла и Цезарь; и наоборотъ, располагая наслѣдственной властью, можно править при условіяхъ строгой ограниченности, какъ напримѣръ, въ Голландіи. Далѣе онъ говоритъ, что не народъ боится наслѣдственности престола въ Польшѣ, а олигархи, которымъ наслѣдственный престолъ не позволитъ нарушать общественныя права по собственному усмотрѣнію. Видя, что престолъ, въ данное время избирательный, имѣетъ связь съ усиленіемъ гетманской власти, онъ говоритъ: «Отдѣлайтесь отъ королей, выберите себѣ магнатовъ въ начальники областей, и если такъ легко состоялся шокировавшій всю Европу раздѣлъ Польши, то еще легче будетъ захватывать разрушенныя области подъ власть чуждыхъ державъ». (Замѣчанія къ сочиненію, которое вышло въ Варшавѣ съ именемъ Северина Ржевускаго «О престолонаслѣдіи въ Польшѣ», 1790 г.).

Францъ Езерскій въ своемъ замѣчательномъ разсужденіи: «О междуцарствіяхъ въ Польшѣ и объ избраніи королей» доказываетъ, что девять междуцарствій въ Польшѣ со временъ Сигизмунда-Августа были страшнымъ бѣдствіемъ для народа, что избраніе королей вызываетъ всегда неурядицу, послѣдствіемъ которой была постоянная потеря областей и вмѣстѣ съ тѣмъ независимости государства. Въ заключеніе онъ говоритъ: «Достаточно еще одной элекціи, самое большое—двухъ, чтобы всей Польши окончательно не стало».

Однако, при застарѣлости предразсудковъ, эти трезвыя мнѣнія оказывались совершенно недѣйствительными. Радзивиллъ, «Пане-Коханку», уже на смертномъ одрѣ говорилъ окружающимъ: «Никто не можетъ болѣе, чѣмъ я, ненавидѣть вольную элекцію, такъ какъ изъ-за нея родъ мой пришелъ въ упадокъ. Однако, какъ добрый полякъ, откладываю въ сторону частные интересы—и наслѣдственности престола не желаю». Сухоржевскій, калишскій депутатъ, защищая элекцію въ сеймѣ, сказалъ: «Не убоюсь признаться вамъ: не хочу существованія Польши, не хочу имени поляка, если мнѣ быть невольникомъ короля!» А епископъ Коссаковскій прочиталъ въ сеймѣ меморіалъ, въ которомъ, ссылаясь на польскіе законы, выражаетъ мнѣніе, что «врагомъ отчизны слѣдуетъ считать того, кто дерзнетъ предлагать наслѣдственность престола». Самъ король Станиславъ-Августъ, бездѣтный, совѣтовалъ наслѣдственность. Въ 1790 г. онъ произнесъ въ сеймѣ слѣдующія слова: «Вѣдь моя жизнь, исполненная огорченій, оскорбленій и печалей, вѣроятно уже не будетъ продолжительна. Послѣ моей смерти осиротѣетъ престолъ и на него будутъ посягать люди, проникнутые амбиціей, а такъ какъ единодушія не будетъ, то должна произойти домашняя война. Признавъ наслѣдственность престола, въ настоящее время можно еще предотвратить бѣдствіе».

Эти добросовѣстные голоса подверглись различнымъ экспериментамъ;

ихъ фильтровали, взвѣшивали и въ заключеніе отвергли, чтобы только не нарушать шляхетскихъ вольностей. Шляхта предпочитала загубить край, только бы не допустить хотя одной привилегіи для спасенія отчизны! Это горькое признаніе, но оно справедливо. Голосовъ, призывавшихъ къ усовершенствованіямъ въ странѣ, не слушали, а управиться со зломъ было некому. Польское общество сгнило окончательно.

Крѣпкая организація государства, опирающаяся о сильный престолъ, переносится на подданныхъ, удѣляя имъ свою твердость и крѣпость, и внѣдряетъ въ народъ необходимыя доблести. У насъ было иначе. По мѣрѣ того, какъ ослабѣвала государственная организація съ XVI столѣтія, доблести убывали, а пороки все возрастали. Безнаказанное магнатство портило правительство, а правительство не имѣло способа оградить его самого отъ порчи. Это было взаимное пагубное воздѣйствіе, такъ какъ отсутствіе дисциплины въ народѣ должно повлечь за собою деморализацію. И хотя доблести въ единичныхъ родахъ, хотя страстныя желанія единицъ спасти отчизну вспыхивали отъ воспоминаній о былыхъ геройствахъ, однако доблести массы, талантливости и позывъ къ службѣ сообща—исчезали по мѣрѣ ослабленія правительства, а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезала и сила государства. Не король, не Россія, а общественное безначаліе погубило Польшу, расшатало совѣсть и испортило народъ. Въ древнихъ римлянахъ плѣняютъ насъ героизмъ и самоотверженіе, проявляемые въ общественныхъ дѣлахъ, а вѣдь древній римлянинъ не отличался бо̀льшимъ мужествомъ, чѣмъ теперешній италіанецъ. Въ повседневномъ быту онъ былъ холоденъ и разсчетливъ; но, пройдя черезъ суровую школу римскихъ легіоновъ, научившись въ сплоченныхъ кадрахъ службѣ, дисциплинѣ и уваженію къ власти, онъ измѣнялъ свою натуру и обращался въ непобѣдимаго воина.

Народную гордость слѣдуетъ цѣнить, и ей подобаетъ честь, но—гордости, вѣрно понятой. Въ Польшѣ же была гордость абсолютная и эгоистическая; такую гордость должно осудить. И испанскій народъ славился своею гордостью, но такъ какъ она основывалась на любви къ престолу, въ которой взростали цѣлыя поколѣнія, то Испанія, эта малолюдная страна, и произвела столь блистательные перевороты въ исторіи міра. По принципу преданности трону, она научилась повиновенію и дисциплинѣ. Этого уваженія къ правительству и повиновенія властямъ не было въ Польшѣ, и это было главною причиною ея паденія.

Памяти Д. В. Григоровича.

(Пребыванiе его въ Главномъ Инженерномъ училищѣ).

Главное Инженерное училище, въ которое поступилъ Д. В. Григоровичъ въ тридцатыхъ годахъ (1836 г.), созданное великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ (1819 г.), имѣло совсѣмъ отличный характеръ отъ прочихъ того времени военно-учебныхъ заведенiй: составъ училища былъ небольшой (126 чел.), каждый поступавшiй въ училище былъ не моложе 14 лѣтъ, назывался кондукторомъ и присягалъ на вѣрность службы. Вся внутренняя и внѣшняя обстановка (пища, содержанiе, обмундированiе и проч.) были совсѣмъ иныя, чѣмъ въ кадетскихъ корпусахъ. Молодые люди, считавшiеся на службѣ и пользовавшiеся нѣкоторыми правами (относительно пенсiи) и избавленные отъ тѣхъ взысканiй, которыя существовали въ кадетскихъ корпусахъ, щеголяли своимъ мундиромъ и считали свое званiе кондуктора выше имени кадета. Многимъ кондукторамъ были извѣстны кадетскiе порядки, права ротныхъ командировъ въ корпусахъ наказывать тѣлесно воспитанниковъ, и не забыты были въ военно-учебныхъ заведенiяхъ наставленiя бывшаго директора 1-го кадетскаго корпуса ген. Клингера, говорившаго неоднократно: «Die Russen muss man mehr schlagen und veniger lehren».

Въ Инженерномъ училищѣ существовали, большею частiю, взысканiя строевыя, хотя, тѣмъ не менѣе, не мягкiя, а скорѣе суровыя; но требованiя и взысканiя были одинаковыя какъ съ кондуктора, такъ и съ офицера, находившагося въ офицерскомъ классѣ; и кондуктора, отпустившаго длинные волосы, и за длинную шевелюру офицера, стригли «подъ гребенку»; и кондуктора, замѣченнаго въ куренiи табаку, и офицера, курившаго въ классной комнатѣ или на дежурствѣ, сажали

подъ арестъ или высылали на службу. Еще строже взыскивали за нарушеніе дисциплины, несоблюденіе формы одежды, головнаго убора, за хожденіе въ фуражкахъ по улицѣ, или въ калошахъ и пр. Тѣмъ не менѣе, въ небольшой семьѣ кондукторовъ, замкнутыхъ по недѣлямъ вмѣстѣ, не получавшихъ газетъ, почти не знакомыхъ съ внѣшнимъ міромъ, дѣлившихъ между собою и горе и радости, представлявшихъ собою отдѣльный мірокъ, были и свои традиціонные уставы, обычаи и пожалуй законы. Хотя всѣ эти постановленія иногда были сильнѣе драконовскихъ, но въ сущности заключали въ себѣ много хорошаго, ослабляя въ привычкахъ молодыхъ людей остатки дурнаго домашняго воспитанія. Сближеніе между товарищами было такъ велико, и эта связь такое имѣла вліяніе на всю жизнь бывшихъ кондукторовъ Инженернаго училища, что никакія ни счастливыя, ни несчастныя обстоятельства не разрушали этой связи. Съ шестидесятыхъ годовъ, къ сожалѣнію, все измѣнилось. Но во внутренней жизни училища долго еще были и свои достоинства, и свои недостатки, можетъ быть, слѣды тогдашняго общественнаго настроенія—преобладаніе старшаго надъ младшимъ: въ училищѣ были старшіе I и II класса и были младшіе — III и IV класса кондукторы; значеніе старшихъ было такъ велико и надзоръ надъ младшими былъ такъ серьезенъ и строгъ, что проявленіе въ кондукторахъ младшаго класса нарушенія мѣстныхъ традиціонныхъ обычаевъ или моды, безнравственныхъ привычекъ, отсутствіе честности, хвастовство, и обманъ и проч., позорящіе человѣка, въ особенности кондуктора Инженернаго училища, наказывались товарищами старшаго класса, или внушеніями всякаго рода, или неисправимому предлагалось выйти въ отставку, и все это дѣлалось келейно, никто изъ начальства этого не зналъ. Къ сожалѣнію, самосудъ, эта домашняя расправа прививалась и въ семьѣ другихъ двухъ младшихъ классовъ, и тамъ былъ самосудъ и были старшіе и младшіе—первые были кондукторы III класса, послѣдніе были IV класса (обитатели «Камчатки»), такъ называемые «рябцы». Участь этихъ илотовъ была почти та же самая, какая существовала въ то время во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ школахъ, пансіонахъ, гимназіяхъ, училищахъ, бурсахъ и пр.; вездѣ, вновь поступавшіе подвергались всякаго рода насмѣшкамъ, оскорбленіямъ и побоямъ. Трудно сказать, были ли эти недостатки послѣдствіями дурнаго тогдашняго воспитанія, или грубости нравовъ извѣстнаго времени, наконецъ, были ли они порокомъ не человѣка, а вѣка (non vitia hominis, sed vitia saeculi), только они существовали въ Инженерномъ училищѣ въ то время, когда Д. В. Григоровичъ поступилъ въ него по экзамену.

Въ своихъ воспоминаніяхъ [1]) Д. В. Григоровичъ о первомъ годѣ

---

[1]) Изд. А. Ф. Маркса, XII, стр. 227.

своего поступленія въ Главное Инженерное училище не могъ забыть этого тяжелаго для него времени; уже старикомъ пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ:... «что онъ рѣшительно не можетъ понять, какъ онъ, мальчикъ по природѣ въ высшей степени нервный, впечатлительный, робкій, мягкій, какъ воскъ, съ развитіемъ запоздалымъ—могъ пережить въ той атмосферѣ, гдѣ товарищи его были суровѣе, безпощаднѣе, чѣмъ само начальство».

Къ этимъ чувствамъ, которыя испытывалъ Д. В. въ первый годъ его пребыванія въ Инженерномъ училищѣ, и мнѣнію его о томъ обществѣ, гдѣ онъ началъ служить и жить, можно только прибавить, что Григоровичъ, ни по своему воспитанію, ни по своимъ душевнымъ качествамъ и слабостямъ, по крайней мѣрѣ въ ту пору, какъ мы его знали, совсѣмъ не былъ подготовленъ къ той средѣ общества—своеобычной и суровой, въ которую онъ поступилъ.

Нравственныя страданія начались за долго до поступленія Д. В. въ Инженерное училище, съ того дня, какъ старушка-мать привезла его въ пансіонъ инж.-капитана Костомарова, для приготовленія къ экзамену въ Инженерное училище. «Первый мой визитъ,—говоритъ Д. В.,—къ Костомарову произвелъ на меня удручающее впечатлѣніе». Онъ увидѣлъ передъ собою пожилаго, высокаго офицера съ большими черными усами; съ серьезнымъ, даже, сколько ему тогда показалось, суровымъ лицомъ, его испугали бывшіе у Костомарова воспитанники (то были: Достоевскій, Паукеръ, Звѣревъ, Готовскій и др.) и еще болѣе, чѣмъ самъ капитанъ. Каждый день пріемнаго экзамена производилъ на Григоровича особенныя страданія, которыхъ конца онъ не могъ дождаться. Наконецъ, онъ былъ принятъ, и снова начались для него испытанія:. Достаточно вспомнить, что Григоровича прежде, чѣмъ онъ поступилъ въ Инженерное училище, какъ избраннаго по экзамену для пріема, въ числѣ 15-ть такихъ же кандидатовъ, повели сначала въ лазаретъ для осмотра, потомъ въ какую-то комнату, гдѣ всѣхъ раздѣли донага («гдѣ онъ корчился, какъ дѣвочка, едва удерживаясь отъ слезъ»). Затѣмъ, начались его страданія со вступленіемъ въ училище: нарушилось его спокойствіе, явилась тревога во всемъ; утромъ и вечеромъ барабанный бой, утромъ и вечеромъ классы, въ промежуткѣ строевыя занятія: «стойка», «выправка», маршировка, хожденіе въ три пріема, держаніе ноги на-вѣсу, и отпусканіе по командѣ; вѣчный крикъ, команда «смирно», даже тогда, когда всѣ стояли во фронтѣ, молча, какъ вбитые въ землю и проч. и, въ довершеніе тяжелыхъ впечатлѣній Григоровича, начались назойливыя приставанія, разспросы такъ называемыхъ «старыхъ» кондукторовъ, которыхъ забавляла его чувствительность, по ихъ понятіямъ женственность; насмѣшки ихъ переходили въ грубость и могли кончиться очень печально для Григоровича, «рябца», если бы не выручилъ его изъ

бѣды, случайно проходившій мимо, старшаго класса Радецкій [1]) (Θ. Θ.), и, узнавъ причину слезъ Григоровича, своими внушеніями не прекратилъ совсѣмъ преслѣдованія его товарищами.

Благодаря богатымъ способностямъ и хорошему домашнему воспитанію, Григоровичъ въ первый годъ пребыванія въ Инженерномъ училищѣ учился прекрасно, хотя уже тогда у него были любимые и нелюбимые научные предметы и лекціи симпатичныя и антипатичныя. Ему нравились словесныя науки: исторія, географія, русская и иностранная словесность, и др., и сильно не долюбливалъ онъ математики, однѣ лекціи которой производили на него тяжелое впечатлѣніе. «Лишь только что-либо касалось,—говоритъ Григоровичъ,—математической выкладки, вычисленія, мозгъ мой словно вдругъ застилался туманомъ, чѣмъ-то придавливался. При одномъ появленіи преподавателя математики Л. М. Кирпичева, сердце мое замирало». Лекціи же литературы онъ прослушивалъ всегда съ напряженнымъ вниманіемъ, составлялъ по нимъ записки и особенно заслушивался литературнымъ сообщеніямъ г. Прокоповича, друга Н. В. Гоголя. Литературныя ли лекціи г. г. Прокоповича и послѣ него Плаксина были для Григоровича тѣми благодѣтельными сѣменами, которыя нашли обильную и плодотворную почву въ душѣ высокоталантливаго Д. В., или его природное влеченіе къ литературѣ, только уже въ первый годъ его классныхъ занятій онъ началъ предпочитать словесныя науки и равнодушно относиться къ наукамъ спеціальнымъ. Обычное нерасположеніе Григоровича къ этимъ послѣднимъ наукамъ увеличивалось съ возраставшей антипатіей его къ фортификаціи. Онъ не могъ спокойно переносить непріятныя для него насмѣшки преподавателя фортификаціи инж.-поручика Густава К., который не стѣснялся смѣяться надъ отвѣтами Григоровича, когда они были неудовлетворительными, и особенно, когда Григоровичъ позволялъ себѣ замѣнять иностранныя техническія названія простыми русскими словами, такъ вмѣсто слова «туръ», или «габіонъ» называлъ плетеная корзина, «бруствѣръ» называлъ: грудная защита (по-старинному: перси), «потерны», «сортіп»—проходами, «брульонъ»—черновой рисунокъ, «банкетъ»—приступокъ, пѣшеходня и др., все это вызывало грубыя насмѣшки Густава К. надъ Григоровичемъ и доводило его до слезъ.

Въ Инженерномъ училищѣ было много такихъ личностей, которыя проникались особеннымъ пристрастіемъ къ какому-либо предмету, увлекались его изученіемъ и, по выходѣ изъ Инженернаго училища, своими почтенными трудами достигали почестей и славы, только не на инженерномъ поприщѣ [2]). Точно также и Григоровичъ съ особенною любовію

[1]) Впослѣдствіи герой Шибки.

[2]) Достоевскій, Сѣченовъ, Трутовскій, Рехневскій, фонъ-Кауфманъ, Герсевановъ, Лееръ, Струве, Яблочковъ и мн. др.

занимался словесными науками, преимущественно литературою, относясь совершенно равнодушно къ остальнымъ наукамъ, какъ бы предчувствуя, что будетъ занимать его въ будущемъ, и, что, какъ онъ говоритъ, составитъ счастіе всей его жизни.

Рядъ впечатлѣній, испытанныхъ Д. В. Григоровичемъ въ первый годъ его пребыванія въ Инженерномъ училищѣ, не дѣлали его грубѣе, равнодушнѣе ко всему, что его прежде занимало и тревожило. Потеря нѣкоторыхъ имъ любимыхъ товарищей, высланныхъ юнкерами въ саперные батальоны, по поводу владыкинской исторіи, желавшихъ, по ихъ понятіямъ, искоренить въ ротѣ наушничество, не уменьшила природныхъ особенностей Григоровича. Его мучилъ недостатокъ искренности въ человѣкѣ, къ которому онъ преданъ былъ душою, съ кѣмъ онъ хотѣлъ раздѣлять минуты своего досуга, въ комъ онъ могъ еще найти сочувствіе къ своимъ мечтамъ, кого онъ уважалъ и любилъ, какъ наприм. Ѳ. М. Достоевскій. Это былъ человѣкомъ совсѣмъ другаго характера, иначе держалъ себя и спокойнѣе смотрѣлъ на все окружающее, чѣмъ Григоровичъ, который говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что Ѳ. М. выказывалъ черты несообщительности, сторонился, не принималъ участія въ играхъ, сидѣлъ, углубившись въ книгу, и искалъ уединеннаго мѣста. «Съ неумѣренною пылкостію моего темперамента,—говоритъ Григоровичъ,—и, вмѣстѣ съ тѣмъ, крайнею мягкостію и податливостію характера, я не ограничился привязанностію къ Достоевскому, но подчинился его вліянію». Не только съ этимъ можно согласиться, но и даже съ тѣмъ, что на Григоровича имѣли большое вліяніе начитанность Достоевскаго, знаніе имъ трудовъ многихъ русскихъ и иностранныхъ писателей, и все, что говорилъ Ѳ. М., для Григоровича, по его словамъ, «было откровеніемъ, назиданіемъ, оказавшимъ благодѣтельное дѣйствіе на всю его будущую литературную дѣятельность». Но надобно припомнить, что эти два человѣка съ дѣтства были двѣ совершенно разнородныя силы, анодъ и катодъ, положительныя и отрицательныя, такъ что то, что нравилось и занимало одного, не могло нравиться другому, что привлекало Григоровича (игры «загонки», танцы, пѣсни, живыя картины и пр.), Достоевскому казалось скучнымъ. На то, что особенно сердило Григоровича: барабанный бой, вытягиваніе носка на маршировкѣ и стояніе, какъ онъ говоритъ въ журавлиной позѣ на одной ногѣ, пока не скомандуютъ ее опустить—Достоевскій смотрѣлъ равнодушно, усердно вытягивалъ носокъ, учился подходить на ординарцы, хотя сознавалъ, что по его тѣлосложенію, болѣзненной структурѣ и по его блѣдному лицу, онъ уже по природѣ не былъ красавцемъ, чтобъ быть представителемъ строеваго кондуктора. Григоровича сердили нерѣдко фразы инструктора солдатика Образцоваго полка, говорившаго: когда маршируете, то такъ, чтобы «носокъ

вашъ игралъ», когда идетъ по фронту начальство справа, то держите лѣвое ухо вострѣе и смотрите начальству «глазъ въ глазъ»,—однимъ словомъ, ему не нравились многія обычныя солдатскія выраженія: «уберите третье ребро, или подавайтесь всѣми средствіями впередъ, не упираясь на оныя» и т. п. Ѳ. М. Достоевскаго наставленія эти не только не сердили, но казались любопытными по своей оригинальности. Походъ изъ Петербурга, лѣтомъ, въ лагерь Григоровичу не нравился, его утомляли и аммуниція, и ружье съ «полунагалищемъ» (чехломъ на куркѣ) и тѣсакъ, шанцовой инструментъ, бившій по ногамъ, и киверъ (всегда наполняемый книгами, апельсинами и пр.), наконецъ ранецъ, тоже набитый не соломой, а «бонбоніерками» и пирожками. Достоевскій, какъ «слабый по фронту», назначался въ «квартирьеры», т. е. въ то число (четырехъ человѣкъ) кондукторовъ, которыхъ посылали съ офицеромъ за день до выступленія роты изъ Петербурга въ Петергофъ, для занятія избъ и сараевъ для ночлега роты, въ дер. «Старая Кикинка».

Какъ зимою, такъ и лѣтомъ, въ лагерѣ, образъ жизни и привычки Григоровича и Достоевскаго не мѣняли своего обычнаго характера. Первый любилъ удовольствія, прогулки, игры, купанья, его занимали фонтаны, штурмы на каскады, а владѣя прекрасно французскимъ языкомъ, онъ легко знакомился съ дѣтьми нашихъ аристократовъ и богатыхъ людей, съ подпрапорщиками и пажами. Втораго, Достоевскаго, ничто подобное не занимало, по-прежнему его можно было найти или одного въ уголкѣ шатра, съ книгою или письмомъ, всегда задумчивымъ и еслиговорившимъ, то тихо и особенно продолжительно. Григоровичъ, когда перешелъ въ слѣдующій (III) классъ, и когда вышелъ изъ разряда «рябцовъ», сдѣлался неузнаваемъ: къ природной мягкости присоединилось особое добродушіе, онъ сдѣлался душою общества, и дѣйствительно это была личность милая и сердечная, которая увлекала товарищей своею дружбою и въ особенности своими интересными разсказами, дышавшими неподдѣльною искренностію, веселостію и остроуміемъ. По воспоминаніямъ его товарищей, современниковъ, Григоровичъ, лѣтомъ, сидя на завалинкѣ шатра, декламировалъ изъ «Горя отъ ума», «Цыганъ» или наизусть читалъ цѣлыя строфы изъ сочиненій: Державина, Озерова и др. Любимымъ чтеніемъ Григоровича лѣтомъ были переводы де-Шаплета (его времени дежурнаго офицера), романы Вальтеръ - Скотта, или сочиненія миссъ Эджевортъ, Фенимора Купера, Ламартина и др. Въ рукахъ Достоевскаго никогда не было романовъ, и зимой и лѣтомъ можно было видѣть или рукописи, которыхъ никто не касался или книги серьезнаго содержанія, между прочимъ: Масильона, Монтескье, Zschokke: Die Stunden der Andacht, или Knigge: Über den Umgand mit Menschen и т. п.

Не могу забыть того времени, когда въ молодости, будучи дежур-

нымъ офицеромъ въ Главномъ Инженерномъ училищѣ, мнѣ приходилось часто видѣться и говорить со многими молодыми людьми, кондукторами училища. До сихъ поръ въ моей памяти сохранились имена многихъ изъ этихъ юношей, не только занимавшихъ меня своими разговорами и тѣмъ сокращавшихъ часы суровой тогдашней службы, но и привлекавшихъ меня къ себѣ своею чистосердечною и откровенною бесѣдою. Въ то время не всякое начальство могло вызывать юношей-кондукторовъ къ бесѣдѣ съ нимъ; мнѣ можетъ-быть удалось воспользоваться этимъ правомъ, отчасти потому, что между нами была небольшая разница въ лѣтахъ, а можетъ быть они довѣряли моей скромности и ласковому, не служебному отношенію съ ними. Молодежь нерѣдко увлекалась своимъ характеромъ, наклонностями и откровенно передавала мнѣ свои впечатлѣнія, и такимъ образомъ представляла мнѣ случай быть нравственно для нея полезнымъ. Это я узналъ впослѣдствіи, когда спустя десятки лѣтъ, мнѣ приходилось нерѣдко слышать отъ людей пожилыхъ, заслуженныхъ благодарность за все доброе, мною имъ оказанное, во время ихъ пребыванія въ Инженерномъ училищѣ. Припоминая это прошлое даже давноминувшее, мнѣ ясно представляются многія личности, бывшіе воспитанники училища, у меня сохранились въ памяти нѣкоторые предметы нашихъ разговоровъ, общая ихъ характеристика, и, какъ теперь, помню мои частыя бесѣды съ Достоевскимъ, Григоровичемъ и др. Какъ теперь слышу тихую, спокойную рѣчь Достоевскаго, передаваемую имъ послѣдовательно остановками, прерываемую имъ, повидимому, съ намѣреніемъ или для облегченія груди или же размышленія. Бесѣда Достоевскаго была для меня интересною по изобилію его начитанности и мастерскому ея изложенію. Совсѣмъ другой характеръ имѣла рѣчь Григоровича: какъ теперь слышится его звонкій голосъ, его одушевленные, живые разсказы, пополняемые хотя мелкими, но яркими блестками остроумія. Не мудрено, что онъ своими разсказами привлекалъ многихъ слушателей изъ своихъ товарищей, даже самыхъ угрюмыхъ. Весьма часто, не чувствительно переходя отъ одного предмета къ другому, отъ минутныхъ впечатлѣній къ мечтамъ о будущности, Григоровичъ то забывалъ о своемъ служебномъ положеніи, объ училищѣ, той средѣ, куда судьба его занесла, и радъ былъ случаю поговорить съ кѣмъ-нибудь, чтобъ подѣлиться своими впечатлѣніями, своими розовыми надеждами; то, чувствуя тягость своей зависимости, Григоровичъ представлялъ себя только тогда совершенно счастливымъ человѣкомъ, когда онъ будетъ на свободѣ, за предѣлами классной жизни, внѣ той школы, которая утомляла его своими уставами, казенщиной, притуплявшей въ немъ всякую энергію. Онъ представлялъ себя художникомъ, артистомъ мысли, чувства, вся жизнь котораго посвящена изящному, искусству, его не изсякаемому источнику

очарованія, свѣжести и красоты. Онъ заранѣе радовался успѣхамъ своихъ трудовъ, представляя себя любящимъ общество академикомъ, профессоромъ, лауреатомъ—забывая, что еще нѣсколько минутъ и команда: строиться «на ученье», или барабанный бой къ вечерней зорѣ разрушатъ его иллюзіи.

Въ памяти знавшихъ Григоровича въ Инженерномъ училищѣ сохранилась замѣчательная его любовь къ рисованію, особенная любовь къ изящному; была ли эта способность въ немъ врожденная, природный талантъ, или явилась и развилась въ училищѣ, частію большою практикою пріобрѣтаемою, или посѣщеніемъ Эрмитажа, музеевъ и Академіи художествъ,—трудно сказать. Впослѣдствіи, большую часть жизни своей посвящая труды свои литературѣ, Григоровичъ, въ то же время и можно сказать со страстію занимался также изящнымъ искусствомъ, изучая монументальные памятники живописи, скульптуры, ваянія, и пр. Теперь, когда имя его сохранилось въ почтенномъ Обществѣ, поощренія художниковъ, можно припомнить то, что Григоровичъ часто говорилъ, что онъ многимъ обязанъ первому и симпатичному учителю рисованія и черченія, преподавателю этихъ предметовъ въ Инженерномъ училищѣ, инженеръ-капитану Ал. Петр. Реймерсу.

Кромѣ того, что г. Реймерсъ былъ страстный любитель и знатокъ живописи и пластическаго искусства, это была личность особенно интересная. Воспитанникъ того же училища, первыхъ годовъ по его основаніи, человѣкъ хорошо образованный и отличной души, онъ былъ извѣстенъ въ инженерномъ мірѣ по одному прискорбному случаю. Онъ пострадалъ за то, что не исполнилъ лично ему даннаго приказанія начальства. Въ видахъ сбереженія мундировъ, ежедневно носимыхъ кондукторами, построены были сѣрыя куртки съ кожаными локотниками, и приказано было ихъ надѣть, и, когда послѣ нѣсколько разъ повторенныхъ приказаній младшаго и затѣмъ старшаго начальства (графа Оппермана), кондукторы приказаній не исполнили, увѣдомили объ этомъ генералъ-инспектора по инженерной части, великаго князя Николая Павловича, проживавшаго тогда въ Аничковскомъ дворцѣ. Великій князь скоро пріѣхалъ. Кондукторская рота была въ сборѣ, въ павильонѣ (гдѣ она была первоначально помѣщена). Послѣ выраженнаго великимъ княземъ ротѣ неудовольствія, и, когда на его приказаніе надѣть куртки не послѣдовало исполненіе, великій князь обратился къ право-фланговому, это былъ кондукторъ Реймерсъ.

— Сейчасъ надѣть куртку!—сказалъ великій князь.

— Простите, ваше высочество, мы не промѣняемъ нашего мундира на куртку фурштата!—отвѣтилъ Реймерсъ.

— Такъ ты надѣнешь лямку солдата!—сказалъ великій князь и оставилъ училище.

Къ счастію, гнѣвъ великаго князя скоро прошелъ. Реймерсъ кончилъ курсъ наукъ и вышелъ въ офицеры, но только прапорщикомъ, котораго долго не производили въ слѣдующіе чины. На его счастіе, когда онъ былъ въ Инженерномъ училищѣ уже преподавателемъ ситуаціи, рисованія и перспективы и когда перемѣнилось начальство, измѣнился и составъ училища, прошлое было забыто, кондукторы попрежнему носили мундиры, одинъ только виновникъ ихъ сохраненія въ училищѣ оставался въ одномъ чинѣ,—пріѣзжаетъ въ Инженерный за́мокъ императоръ Николай Павловичъ. Государь, обойдя офицерскіе классы, вошелъ въ верхній кондукторскій классъ, гдѣ читалъ лекцію о перспективѣ и теоріи тѣней прапорщикъ Реймерсъ. Государь полюбовался рисунками кондукторовъ, сѣлъ на первую скамейку подлѣ кондуктора, прослушалъ всю лекцію, всталъ и взволнованнымъ голосомъ сказалъ:

— Реймерсъ, поди ко мнѣ, и когда Реймерсъ подошелъ, государь обнялъ его со слезами на глазахъ и нѣсколько разъ повторилъ: Прошлое забываю; мы по-прежнему остаемся друзьями!

Вечеромъ въ тотъ же день, изъ капитула орденовъ присланъ былъ пакетъ съ орденомъ св. Владиміра 4-й степени на имя инженеръ-подпоручика Реймерса.

Съ каждымъ годомъ, можетъ быть и съ каждымъ мѣсяцемъ развивалась въ Григоровичѣ любовь къ рисованію, къ живописи; онъ все менѣе и менѣе занимался научными предметами. По его словамъ, онъ «годъ отъ году неохотнѣе, хуже учился», его увлекали съ одной стороны, чтеніе, съ другой, любовь къ художеству. Въ праздничные дни, не сообщая никому, Григоровичъ сталъ ходить въ Академію художествъ, началъ брать уроки рисованія и живописи у художника Тамаринскаго, а знакомство съ его товарищами-коллегами, ихъ «независимость,— какъ онъ говоритъ—свобода жизни, при занятіяхъ любимымъ предметомъ», о чемъ, возвращаясь въ училище, онъ разсказывалъ только друзьямъ своимъ, давали ему сильно чувствовать строгую зависимость въ стѣнахъ Михайловскаго за́мка. Скрывая свои мечты отъ своей старушки-матери, Григоровичъ ждалъ съ нетерпѣніемъ времени свободы, «хотѣлось скорѣе вырваться на волю»... Мечты его осуществились скоро, только по поводу прискорбнаго случая.

Въ своей автобіографіи Д. В. Григоровичъ подробно описалъ этотъ случай, какъ, гуляя по Большой Морской, заглядѣвшись на эстампы, выставленные въ окнахъ одного магазина съ картинами, онъ не замѣтилъ проѣзжавшаго мимо великаго князя Михаила Павловича и не отдалъ ему воинской чести, и, еще хуже, будучи позваннымъ къ великому князю, Григоровичъ, подъ вліяніемъ овладѣвшаго имъ страха, бросился въ ближайшій магазинъ, оттуда на Мойку, и не заѣзжая домой, прі-

ѣхалъ въ училище. Вернувшіеся вскорѣ за нимъ его товарищи Подымовъ и Донцовъ, бывшіе свидѣтели горестнаго случая съ Григоровичемъ, старались его успокоить, и самое взысканіе, послѣдовавшее за этотъ проступокъ, ограничилось кратковременнымъ арестомъ, но этотъ случай такъ сильно подѣйствовалъ на нервнаго Григоровича, что онъ заболѣлъ и изъ лазарета увѣдомилъ свою старушку-мать о своемъ несчастіи, и просилъ ее взять его изъ училища. Никто не могъ измѣнить его намѣренія: ни убѣжденія и уговоры начальства (Шарнгорста, барона Розена и Дальвица), ни просьбы его матери и друзей его: Достоевскаго, Бекетова и Витковскаго, не могли убѣдить его остаться въ училищѣ; прошеніе объ увольненіи было подано, и онъ былъ уволенъ изъ училища по болѣзни. Такъ кончилъ службу въ инженерномъ корпусѣ одинъ изъ весьма талантливыхъ и рѣдкихъ душевныхъ качествъ воспитанниковъ Главнаго Инженернаго училища, прославившій впослѣдствіи колыбель своего начальнаго воспитанія своими прекрасными учеными и литературными трудами.

Желательно, чтобы почтенное имя Д. В. Григоровича, нашего народнаго писателя, автора «Антона Горемыки», «Рыбаковъ», «Смедовской долины» и многихъ другихъ, осталось въ памяти Петербурга на стѣнѣ дома (Екатерининскій каналъ, д. № 77), гдѣ долгое время жилъ и умеръ Д. В. Григоровичъ.

Ал. Савельевъ.

Переправа императора Николая I черезъ Нѣманъ въ 1846 году [1]).

Приказъ по 5-й пѣхотной дивизіи 2-го декабря 1846 г. № 187, г. Вильно.

Командиръ 2-го баталіона Вологодскаго пѣхотнаго полка, содержащаго нынѣ караулы въ г. Ковно, маіоръ Домбровскій, рапортомъ отъ 28-го минувшаго ноября за № 452, по эстафетѣ донесъ мнѣ, что 27-го числа того мѣсяца, въ 12 часовъ полудня прибылъ туда изъ С.-Петербурга фельдъегерь съ извѣщеніемъ, что его величество государь императоръ изволитъ проѣзжать черезъ г. Ковно за границу въ царство Польское.

Вслѣдствіе сего маіоръ Домбровскій, съ приготовленнымъ отъ 2-й гренадерской роты почетнымъ карауломъ, ожидалъ высочайшаго прибытія. Въ часъ по полуночи 28-го числа августѣйшій монархъ, въ сопровожденіи графа Орлова, изволилъ прибыть въ Ковно и намѣренъ былъ отправиться въ то же время въ дальнѣйшій путь, но при переправѣ черезъ рѣку Нѣманъ, его величество подвергся очевидной опасности, экипажъ сталъ тонуть. Маіоръ Домбровскій, увидѣвъ это, тотчасъ бросился въ воду съ бывшими при немъ офицерами ввѣреннаго ему баталіона, и, хотя были увлекаемы быстрымъ теченіемъ воды и плывущими кругами льда, не допустивъ однакожъ его величеству выскочить изъ коляски, но употребивши всѣ свои силы, маіоръ Домбровскій на собственныхъ плечахъ вынесъ на берегъ августѣйшаго Монарха.

Гг. офицеры того баталіона, при семъ случаѣ находившіеся, послѣдуя достопохвальному примѣру маіора Домбровскаго, бросившись въ воду, вытаскивали коляску на берегъ, а именно: капитанъ Петри, поручикъ Кардиналовскій 1-й и прапорщикъ Печинскій, усердіемъ которыхъ и

[1]) Въ февральской книжкѣ „Русской Старины“ нынѣшняго года въ „Запискахъ барона Корфа“ (стр. 329 и 330), упоминается о той опасности, которой подвергся императоръ Николай при переправѣ черезъ р. Нѣманъ. Помѣщаемъ здѣсь болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ происшествіи. При этомъ считаемъ не лишнимъ замѣтить, что въ г. Ковно, на берегу р. Нѣмана, въ память этого событія, выстроена церковь во имя св. Николая чудотворца, и въ ней находится вызолоченная мѣдная доска, на коей описанъ этотъ случай и подвигъ маіора Іосифа Домбровскаго. Ред.

помощью находившихся тутъ нижнихъ чиновъ ввѣреннаго ему баталіона экипажъ былъ вытащенъ на берегъ.

При семъ случаѣ въ особенности поручикъ Кардиналовскій 1-й подвергался опасности: съ потерею своей жизни три раза весь былъ погруженъ въ воду и тонулъ; но нижними чинами былъ спасенъ и вынесенъ на берегъ и въ то же время онъ съ маіоромъ Домбровскимъ, по приказанію государя императора, въ сопровожденіи лейбъ-медика, были отведены въ ближайшую прибрежную избу, для обогрѣнія ихъ.

По сему случаю его величество, пріостановивъ дальнѣйшій путь свой, изволилъ переночевать въ г. Ковно, и на другой день, замѣтивъ порядокъ по гарнизонной службѣ по карауламъ, изволилъ лично благодарить гг. офицеровъ: капитана Петри, поручиковъ Бурочка и Кардиналовскаго 2-го, подпоручика Гиленскаго и прапорщика Печинскаго.—Маіору же Домбровскому и поручику Кардиналовскому 1-му за оказанное усердіе при переправѣ всемилостивѣйше пожаловано первому—1.000 рублей, а послѣднему—700 рублей ассигнаціями; а нижнимъ чинамъ въ числѣ 67 человѣкъ отъ 2-го баталіона Вологодскаго пѣхотнаго полка, бывшимъ при томъ случаѣ,—100 рублей серебромъ. Затѣмъ его величество, по полученіи извѣстія отъ наслѣдника цесаревича великаго князя Александра Николаевича, изволилъ предпринять обратный путь въ С.-Петербургъ.

Сдѣлавъ донесеніе его превосходительству господину командующему корпусомъ, я съ признательными чувствами душевнаго уваженія къ примѣрно-достопохвальному подвигу, оказанному маіоромъ Домбровскимъ и гг. офицерами 2-го баталіона Вологодскаго пѣхотнаго полка, поставляю въ лестный для меня долгъ сдѣлать извѣстнымъ по ввѣренной мнѣ дивизіи. Присовокупляя, что отличительный поступокъ ихъ пребудетъ въ войскѣ съ чувствами глубокаго уваженія къ каждому изъ гг. офицеровъ, а въ особенности маіору Домбровскому, подавшему примѣръ въ высокой преданности и самоотверженіи примѣрные, къ послѣдованію,—не могу умолчать, чтобы не выразить, что гг. офицеры высоко украсили усердную ихъ службу незабвеннымъ подвигомъ предъ священной особой всемилостивѣйшаго государя нашего, и оный пребудетъ приснопамятнымъ какъ для нихъ самихъ, такъ и предъ начальствомъ.

Подлинный подписалъ начальникъ дивизіи генералъ-лейтенантъ Батуринъ.

Сообщ. подполковн. К. I. Домбровскій.

Изъ записокъ Д. А. Кармазина [1].

I.

Дѣтство, уѣздное училище и гимназія.—Посѣщеніе гимназіи министромъ А. С. Норовымъ.—Новый директоръ Н. Н. Мурзакевичъ.—Инспекторъ І. Г. Михневичъ.—Бомбардированіе Одессы англо-французами въ 1854 г.—Попечители одесскаго округа: Демидовъ и Н. И. Пироговъ.

(1839—1857 гг.).

Нѣтъ настоятельной необходимости знать, кто были мои предки. Сынъ мой Евгеній, которому я оставляю эти записки, будетъ имѣть всѣ необходимые документы о происхожденіи рода. Ему не придется выносить тѣ тяготы, которыя достались на мою долю при розысканіи формулярныхъ списковъ, грамотъ и т. д. при ходатайствахъ моихъ о присоединеніи меня къ роду дѣда, уже записаннаго въ дворянскую книгу Херсонской губерніи. Скажу только, что отецъ мой служилъ въ началѣ 30-хъ годовъ форстмейстеромъ въ

---

[1]) Часть настоящихъ записокъ, заключающихъ въ себѣ юность и годы ученія автора, прислана намъ П. А. Тулубомъ. Въ своемъ письмѣ онъ между прочимъ говоритъ: „авторъ записокъ — Даніилъ Адріановичъ Кармазинъ—скончался 13-го мая 1899 г. на шестидесятомъ году жизни. Онъ умеръ въ своемъ имѣніи въ с. Макарихѣ Херсонской губерніи Александрійскаго уѣзда. Въ послѣднемъ уѣздѣ протекала и вся общественная дѣятельность почившаго. Покойный служилъ сначала судебнымъ слѣдователемъ, потомъ—участковымъ мировымъ судьею и предсѣдателемъ мироваго съѣзда; а послѣ упраздненія мироваго института и введенія земскихъ начальниковъ—почетнымъ мировымъ судьею. Свидѣтель введенія судебныхъ уставовъ 1864 года, Д. А. Кармазинъ въ дѣятельности своей, въ качествѣ слѣдователя и судьи, всегда оставался вѣрнымъ завѣтамъ эпохи освободительныхъ реформъ. Помимо судебныхъ обязанностей почившій, какъ землевладѣлецъ, отдавалъ не-

извѣстномъ на югѣ по громадности Черномъ лѣсѣ (въ сѣверо-западной части Александрійскаго уѣзда, гдѣ, совершенно случайно, пришлось жить и дѣйствовать мнѣ), вышелъ въ отставку, какъ говорили, въ 36 году и переѣхалъ на жительство въ материнское имѣніе Ананьевскаго уѣзда, Марьевку. Здѣсь я и родился въ 1839 году. Смутно, но вспоминаю, что отецъ любилъ меня и баловалъ, что мать, несомнѣнно тоже любившая,— была строже съ нами, дѣтьми. У меня были двѣ старшихъ сестры.

Шести лѣтъ отъ роду я потерялъ мать, а послѣ,—говорили, черезъ полгода—отца.

Въ 1846 году я припоминаю себя на противоположной почти окраинѣ Ананьевскаго уѣзда, въ имѣніи дѣда по матери, Онуфрія Андреевича Жеребко. Дѣдъ, тогда уже 80 лѣтъ, жилъ одинокимъ вдовцомъ, но еще былъ подвижнымъ и относительно бодрымъ старикомъ. Переѣхавъ къ дѣду, я уже читалъ. Вскорѣ дѣдъ воспользовался моею, вѣроятно, плохою грамотою и усадилъ меня за чтеніе, какъ говорилъ, слова Божія. Въ 1847 году дѣдъ отвезъ меня въ г. Балту (въ 18 верстахъ) продолжать «науку». Мнѣ было тамъ хорошо въ знакомой, вѣроятно, ему семьѣ. Учили меня двѣ взрослыя дочери. Къ праздникамъ большею частью дѣдъ

мало энергіи, труда и нравственныхъ силъ земскому дѣлу своего уѣзда. Особенно ревностно относился покойный къ вопросу о народномъ образованіи. Крестьяне съ ихъ бѣдностью и темнотою были всегда предметомъ самаго заботливаго его вниманія. И густая сѣть земскихъ школъ, покрывающая Александрійскій уѣздъ, многимъ обязана почину и настойчивости покойнаго. Все пережитое и передуманное за долгую жизнь занесено Кармазинымъ въ его записки. Онѣ обнимаютъ почти полувѣковой періодъ — отъ 1839 года (годъ рожденія автора) по 1886 годъ. Но писались онѣ не вслѣдъ за событіями, а лишь въ теченіе послѣднихъ шести лѣтъ, начиная съ 1892 года, вскорѣ послѣ выхода автора въ отставку. Писалъ свои записки Кармазинъ медленно, съ любовью, писалъ исключительно для своего единственнаго сына Евгенія, мечтая подѣлиться съ нимъ воспоминаніями о прошломъ, думая воспроизведеніемъ своей жизни пробудить и въ сынѣ свои завѣтныя стремленія, свои излюбленные взгляды. Этой мечтѣ не суждено было осуществиться: Евгеній, уже ученикъ 8-го класса Елисаветградской гимназіи, 21-го февраля 1899 года покончилъ жизнь самоубійствомъ. Онъ бросился подъ курьерскій поѣздъ и былъ раздавленъ. Трагическая смерть сына окончательно подкосила больнаго чахоткою отца и ускорила развязку. Умирая, Кармазинъ завѣщалъ 27 тысячъ на устройство въ с. Макарихѣ народной школы имени его сына. Земству же отказана покойнымъ и его благоустроенная усадьба съ прекраснымъ садомъ и землею въ количествѣ восьмидесяти десятинъ—для устройства образцовой сельско-хозяйственной фермы. Остальная часть имѣнія, до 755 десятинъ, по смыслу духовнаго завѣщанія, должна быть продана крестьянамъ с. Макарихи и сосѣдней деревни Диковки, и лишь вырученная отъ продажи сумма достается наслѣдникамъ. Такимъ образомъ потребности земства, нужды крестьянъ и забота о народномъ образованіи до послѣдней минуты были тѣмъ предметомъ, къ которому неотступно влеклись всѣ помыслы усопшаго“.

самъ пріѣзжалъ за мною. Припоминаю, что въ суровый зимній день, спустили меня внизъ подъ фартухъ полуоткрытаго возка, прикрывъ съ головой большимъ кожухомъ,—такъ что я дышалъ въ оставленное для этого отверстіе, и въ такомъ видѣ везли меня много верстъ. Вообще у дѣда я чувствовалъ себя привольно: проводилъ время въ саду и на конюшнѣ съ первѣйшимъ другомъ кучеромъ.

Въ 1848 году дѣдъ отвезъ меня въ Одессу и опредѣлилъ въ уѣздное училище. Конечно, меня поразилъ шумный большой городъ, въ особенности я дивился, когда изъ гостинницы на Новомъ Базарѣ пришлось около получаса ѣхать на противоположный конецъ города, къ родственникамъ Жеребко. Дѣдъ помѣстилъ меня на квартирѣ у нѣкоей вдовы Батуринцевой. Она была добрая старуха, но сынъ ея Василій болѣзненный и злой, служившій тогда уже въ какой-то канцеляріи, обижалъ меня и командовалъ. Кормили плохо. Посылали меня на базаръ, въ ближайшую лавку за сахаромъ, углемъ и даже «околотомъ» (связки вымолоченной ржаной соломы); я же носилъ и дрова изъ сарая. Бѣганье на базаръ, вѣроятно, мало отягощало меня; большое мученіе было въ томъ, что я помѣщался въ одной комнатѣ съ несимпатичнымъ Василіемъ. Въ маѣ дѣдъ, посылая въ Одессу по надобностямъ деревни, прислалъ теткѣ моей Настасьѣ Ивановнѣ Жеребко деревенскихъ гостинцевъ. Тетя, желая надѣлить меня, везла ихъ лично. Когда она подъѣзжала къ дому, гдѣ жили Батуринцевы, я какъ разъ слѣдовалъ изъ лавки съ коробкою древеснаго угля, къ тому же, вѣроятно, не совсѣмъ приглядно одѣтый. Почтенная старуха была шокирована и возмущена,—и въ результатѣ—чрезъ нѣсколько дней я водворенъ на квартирѣ у нѣкоей 55-ти-лѣтней вдовы Орлянской.

Полька по присхожденію, потомственная дворянка, бездѣтная и одинокая, она имѣла у себя крѣпостную женщину, купленную еще ея покойнымъ мужемъ, Авдотью. Тетушка, опредѣляя меня къ Орлянской, первѣе всего выяснила, что я сынъ дворянина и помѣщика и что меня слѣдуетъ содержать сообразно этимъ моимъ достоинствамъ. Орлянская занимала три небольшихъ комнаты и кухню. Какими средствами она жила, такъ какъ я былъ ея единственнымъ квартирантомъ и, разумѣется, дешевымъ,—не знаю, но подъ ея заботами, сравнительно, я благоденствовалъ. Она пріучила меня не быть замухрышкой и только въ смыслѣ этихъ, новыхъ для меня требованій, возбуждала не рѣдко мое недовольство; кормила же, что называется, до отвала. Помню и до сей поры вкуснѣйшіе пироги, которые пекла Авдотья. Какой особый типъ тяжелаго прошлаго представляла собою эта, безфамильная для всѣхъ окружающихъ, Авдотья! Вѣрнѣйшій домочадецъ, услужливая и заботливая Авдотья, что касалось кухни, была нерѣдко со своей полновластной госпожей на ножахъ. Но попробуй кто-либо дурно отозваться объ ея госпо-

жѣ или затронуть мою дворянскую честь, Авдотья, спокойно выносившая личныя, не касающіяся кухни, обиды,—набрасывалась на нашего обидчика, готовая выцарапать глаза.

Орлянская, вообще религіозная, много и долго молилась по утрамъ; днями вышивала по канвѣ или вязала чулокъ, а на досугѣ любила читать русскія книги и въ особенности слушать чтеніе; помню, по ея желанію, разумѣется урывками,—я читалъ громко Вѣчнаго Жида (Е. Сю). Мнѣ также сообщилось религіозное настроеніе: я много молился и въ праздники не пропускалъ ни одной службы, бѣгая для этого въ церковь Архангело-Михайловскаго монастыря. Такъ прошелъ еще годъ; я выдержалъ экзаменъ во 2 классъ. За мною дѣдъ обѣщалъ прислать на лѣтнія вакаціи. Прошла недѣля въ напрасномъ ожиданіи. Наконецъ, я узналъ, что изъ имѣнія двоюроднаго дѣда В. А. Жеребко (гдѣ нынѣ ст. Жеребково юго-зап. ж. д.) прибыли подводы съ хлѣбомъ. Прикащикъ передалъ мнѣ, что дѣдъ Онуфрій Андреевичъ тяжело боленъ и, вѣроятно, умретъ. Орлянская и слышать не хотѣла, чтобы меня отпустить съ «мужиками». Тогда я подъ покровительствомъ Авдотьи, видѣвшей мои искреннія слезы и поговорившей по душѣ съ прикащикомъ, уѣхалъ тайно. Авдотья снабдила меня на дорогу, чѣмъ могла. Мы выѣхали утромъ. Орлянская же, не дождавшись меня къ обѣду, начала волноваться, а къ вечеру подняла страшную тревогу; но я былъ уже, сравнительно, далеко. Прикащикъ, хотя и ѣхалъ на повозкѣ, въ которую впряжены были три лошади, но, имѣя подъ своимъ надзоромъ до 30 возовъ, слѣдовалъ за возами шагомъ. Мы останавливались для отдыха и ночлега подъ открытымъ небомъ, въ степи, въ порядкѣ стараго чумачества. Довольный своимъ новымъ положеніемъ у костра и котелка съ закипавшей кашей или галушками, я вспоминалъ мою Авдотью, которой былъ обязанъ своею свободою и возможностью свидѣться съ дѣдомъ. Но какое бы негодованіе возбудилъ я въ ней, если бы признался, что ѣлъ изъ общаго котла съ мужиками, что эти каша и галушки казались мнѣ вкуснѣе ея прославленныхъ, не мною только, пирожковъ.

Прибыли на мѣсто только на третій день къ вечеру. Вспоминаю съ благодарностью, какъ за мною ухаживалъ, укладывая непремѣнно на возу и прикрывая ноги, добрый старикъ-прикащикъ изъ крестьянъ. Я засталъ еще дѣда въ живыхъ, и, умирая, онъ благословилъ меня, поручивъ заботу обо мнѣ родному сыну, а моему дядѣ, Ф. О. Жеребко. Дядя, въ качествѣ опекуна (имѣніе въ 800 десятинъ), взялъ меня къ себѣ въ г. Ананьевъ, а оттуда, не помню уже какъ, я къ началу ученія прибылъ въ Одессу и былъ особенно торжественно встрѣченъ Авдотьей. Затѣмъ я продолжалъ мой курсъ. И въ іюнѣ 1852 года окончилъ выпускной изъ училища экзаменъ съ наградой.

Другой дядя мой, Осипъ Михайловичъ Жеребко, жившій въ Одессѣ,

опредѣлилъ меня въ пансіонъ 1-й одесской гимназіи. Онъ былъ мѣстный домовладѣлецъ, служилъ секретаремъ въ коммерческомъ судѣ и по характеру всѣхъ судебныхъ учрежденій того времени, какъ секретарь и дѣлецъ, былъ настоящимъ воротилой въ коммерческой Одессѣ. Благодаря этому, тогдашній директоръ 1-й гимназіи Петровъ, выражая дядѣ О. М. сожалѣніе въ томъ, что онъ опоздалъ съ моимъ опредѣленіемъ, такъ какъ штатъ воспитанниковъ уже полонъ, и, не желая отказать ему, согласился принять меня сверхштатнымъ, получивъ однако же, какъ говорили, усерднѣйшее приношеніе.

Едва вмѣсто 4-го класса, я принятъ въ третій, такъ какъ въ уѣздномъ училищѣ не изучали новѣйшихъ языковъ. При этомъ также необходимо было вліяніе директора. Въ нашемъ «благородномъ», какъ тогда величали, пансіонѣ, я скоро освоился; оказалось болѣе 20 земляковъ изъ моего роднаго Ананьевскаго уѣзда; изъ нихъ съ братьями Синицыными, Флоринскими, Шварцами, Сергѣемъ Гонскимъ я былъ друженъ до выхода изъ гимназіи. Единственное, что на первыхъ порахъ вызывало пріятныя воспоминанія о моемъ пребываніи у Орлянской, это—плохой пансіонскій столъ.

Кажется, въ концѣ 1852 года, намъ объявили о скоромъ пріѣздѣ для ревизіи министра народнаго просвѣщенія А. С. Норова. Началась усиленная маршировка, подготовленіе къ хоровому привѣтствію министра и видимая забота начальства по обмундировкѣ.

Въ ожиданіи гостя усердно и непрерывно въ теченіе многихъ дней дѣйствовали швабры для поддержанія чистоты половъ; бѣлились и перебѣливались стѣны.

Министра мы, выстроенные въ шеренги, привѣтствовали громкимъ «здра-ві-я же-ла-емъ» и т. д. Первѣе всего было обращено вниманіе на обмундировку; замѣченъ былъ выступившій къ низу бортъ мундира, мѣшковатость, недоброкачественность бѣлыхъ пуговицъ съ красноватой тѣнью. И все это выражалось тутъ же въ присутствіи учениковъ. Вообще наибольшія заботы министра были обращены на выправку и на экономическую сторону, такъ какъ говорили, что о характерѣ дѣйствій Петрова, въ послѣднемъ смыслѣ, министръ былъ предупрежденъ. Директоръ видимо страшно волновался и трусилъ. Передавали, что Норовъ по окончаніи обзора дѣлопроизводства въ общемъ правленіи гимназіи и лицея, направился къ выходу. Директоръ бросился впередъ для подготовленія его высокопревосходительству шинели и галошъ, и вдругъ видитъ только одну галошу министра; испуганный, онъ поднялъ страшную суету; но кто-то, болѣе спокойный, остановилъ метавшихся, объяснивъ, что его высокопревосходительство носитъ только одну галошу на здоровой ногѣ: нижняя часть правой ноги оторвана при Бородинѣ.

Помню, однажды ревизоръ-министръ прибылъ въ 8 час. утра къ на-

чалу классовъ; слушалъ нашу общую молитву, заходилъ нѣсколько разъ въ столовую, былъ на урокѣ маршировки, но не помню, былъ ли въ нашемъ классѣ во время учебныхъ занятій.

Говорили тогда, что Норовъ присутствовалъ въ лицеѣ на лекціи заслуженнаго профессора богословскихъ наукъ, протоіерея Михаила Карповича Павловскаго. О. Михаилъ, извѣстный проповѣдникъ меньше по существу, нежели по формѣ и ораторскимъ пріемамъ рѣчи, вообще не удовлетворялъ слушателей студентовъ. Не ручаюсь за истину, но передамъ то, что говорили тогда студенты. Когда вошелъ къ нимъ въ аудиторію Норовъ, Павловскій, послѣ привѣтствія и наступившей тишины, обратился къ слушателямъ студентамъ съ такими словами:

— Я васъ предупредилъ, что сегодня мы приступимъ къ изложенію понятій о новой для васъ наукѣ—логикѣ,—и далѣе продолжалъ: «что же такое логика? Логика есть наука объ истинѣ. Но что такое истина? Да, была на свѣтѣ истина и вопросили истину, что такое истина, и—не дала истина отвѣта».

Министръ вышелъ восторженно-довольнымъ.

Прощаясь съ лицеемъ, Норовъ пригласилъ дирекцію, М. К. Павловскаго и профессоровъ къ обѣду. За обѣдомъ, обратившись къ о. Михаилу съ выраженіемъ благодарности за то высокое удовлетвореніе, которое онъ вынесъ, прослушавъ его лекцію,—Норовъ спросилъ профессоровъ,—бываютъ ли они на лекціяхъ у Михаила Карповича. Профессора смутились. Храбрѣйшій изъ нихъ, — юристъ-профессоръ Лохвицкій,— рѣшился отвѣтить. Желали бы, молъ, но неудобно по времени, и не принято, ваше высокопревосходительство.

— А совѣтую, совѣтую вамъ, господа,—прибавилъ министръ,—провозгласивъ общее привѣтствіе.

Результатомъ ревизіи было, между прочимъ, удаленіе Петрова,—его замѣстилъ Н. Н. Мурзакевичъ.

Новый директоръ Николай Никифоровичъ «изъ состава профессоровъ»,—какъ говорили,—серьезный ученый, извѣстный археологъ, всю жизнь прожилъ безсемейнымъ, видимо, не любилъ и былъ далекъ отъ пониманія дѣтскаго міра. Въ свою очередь, мы, гимназисты, его не любили. Огромнаго, какъ намъ казалось тогда, роста, тучный, великій чревоугодникъ, Мурзакевичъ наводилъ на насъ страхъ, въ особенности своими послѣобѣденными появленіями. Случалось иногда, что, при такомъ появленіи, директоръ за пустую сравнительно шалость примѣнялъ практиковавшіяся тогда въ нашемъ «благородномъ» пансіонѣ розги.

Здѣсь умѣстно сказать хотя нѣсколько словъ объ инспекторѣ и вообще о составѣ администраціи пансіона. Іосифъ Григорьевичъ Михневичъ, также профессоръ упраздненной послѣ 1848 г. каѳедры философіи, по отношенію къ намъ, гимназистамъ, былъ совершенною противополож-

ностью Мурзакевичу. Добрый и, очевидно, любившій дѣтей, Іосифъ Григорьевичъ лишь по требованіямъ того времени старался казаться суровымъ. Всегда спокойный, справедливый, онъ примѣнялъ наказанія лишь въ случаяхъ серьезныхъ проступковъ, или за уклоненіе или небреженіе къ молитвѣ и церковной службѣ. Предусмотрительный во всемъ, инспекторъ дѣйствовалъ какъ по клавишамъ, дозволяя отступленіе только во время появленія своего въ предѣлахъ пансіона, но появленія эти были неопредѣленны,—мы не знали ни дня, ни часа инспекторскаго пришествія. Совершенно несоотвѣтственно кто-то изъ шустрыхъ далъ Іосифу Григорьевичу имя «злой духъ». Это потому, что, при серьезномъ выговорѣ, онъ непремѣнно повторялъ: «исправься,—въ тебѣ злой духъ!» Михневичъ былъ также и инспекторомъ студентовъ; ему подчинены были два субъ-инспектора. Надзиратели, по большей части, относились къ намъ порядочно, и все это, благодаря строю, установленному инспекторомъ. Въ каждой половинѣ растворчатыхъ дверей класса были вдѣланы небольшія овальныя стекла, такъ что во время классныхъ занятій надзиратели, по примѣру инспектора, подходя къ стекламъ, безшумною походкою, извнѣ наблюдали за нашимъ вниманіемъ и поведеніемъ. При директорѣ Мурзакевичѣ, мы поняли вскорѣ, что Іосифъ Григорьевичъ господствуетъ надъ пансіономъ и гимназіею, и, къ большой нашей радости, замѣчали, что директоръ болѣе и болѣе отдѣлялся отъ пансіона, появляясь лишь въ торжественныхъ случаяхъ на литургіи, молебнахъ, иногда въ столовой въ большіе праздники. Справедливость требуетъ сказать, что безкорыстіе директора, все-таки главнаго представителя по управленію, было причиною улучшеннаго, по возможности, пансіонскаго содержанія.

Ярко помнится мнѣ одинъ изъ торжественныхъ случаевъ появленія Мурзакевича и суетливо-непривычной для него дѣятельности. Это было въ памятное для Одессы утро, 11-го апрѣля 1854 г. На разсвѣтѣ этого дня изумленная торговая Одесса поражена была видомъ появившагося соединеннаго англо-французскаго флота, стоявшаго отъ берега на разстояніи выстрѣла. Въ 6 час. утра (Страстная суббота), уже началась бомбардировка. Помню,—уже въ то время, когда ясно слышалась канонада, когда одно изъ ядеръ упало на нашемъ рекреаціонномъ дворѣ, пробивъ раздѣлявшую дворъ стѣну, когда другое ядро произвело разрушеніе въ противуположномъ корпусѣ гимназіи, домѣ Камфати, на Дерибасовской,—директоръ вмѣстѣ съ Іосифомъ Григорьевичемъ собрали насъ, гимназистовъ, для торжественной молитвы въ нашу домовую церковь. Служилъ профессоръ Павловскій. Кажется, кто-то, командированный отъ генералъ-губернатора или попечителя, побудилъ начальство скорѣе вывести насъ. Порѣшили вести насъ на собственный лицейскій хуторъ, за Ботаническимъ садомъ. Не очень наблюдали, конечно, чтобы

мы шли стройно. Догадливые изъ насъ захватили присланныя къ Пасхѣ снадобья. По пути, въ чудный, теплый, ясный день, издалека мы видѣли носившіяся надъ Одессой облачка; это были вылетавшія изъ орудій бомбы, разрывавшіяся у насъ на виду. Когда мы подходили къ цѣли,— снова посолъ, принесшій распоряженіе, чтобы мы не входили на хуторъ, въ виду близости его къ морю и въ виду опасности, могущей грозить намъ, одѣтымъ въ красные воротники и форменныя фуражки. Намъ указано было слѣдовать назадъ и остановиться на привалѣ, за стѣнами зданія училища, въ Ботаническомъ саду. Сюда привезли намъ только повозку булокъ. Это было уже около 11 ч. дня. Не успѣвъ выпить чаю, мы, разумѣется, накинулись на булки, присоединивъ къ этому сухоядѣнію, кто могъ и успѣлъ, аппетитные куски захваченныхъ домашнихъ припасовъ. Въ два часа новое распоряженіе,—вести насъ въ помѣщеніе женскаго института, расположеннаго въ части города, не обстрѣливаемой непріятелемъ.

Благородныя, какъ и мы, обитательницы института на почтовыхъ и въ наемныхъ каретахъ вывезены, въ 7 час. утра, въ г. Вознесенскъ, гдѣ было соотвѣтственное для нихъ помѣщеніе въ такъ-называемомъ дворцѣ. Въ зданіе института мы прибыли около 4 час. по полудни. Голодные и усталые, мы, однакоже, бросились для осмотра еще неостывшихъ слѣдовъ такъ внезапно спугнутыхъ и увезенныхъ нашихъ благородныхъ согражданокъ. Записки, оказавшіяся кое-гдѣ подъ матрацами, въ укромныхъ мѣстахъ спальныхъ и классныхъ ящиковъ, по своему спеціально внутреннему и наивному содержанію, доставили намъ возможность хотя на время заглушить голодъ. Кое-какой обѣдъ дали намъ въ 6 ч. вечера. Къ ночи слѣдующаго, перваго дня Пасхи, мы были уже на своихъ матрацахъ, конечно, не возбудившихъ, за отсутствіемъ нашимъ, ни въ комъ никакого интереса.

Религіозное настроеніе, переходившее, для моего возраста, въ крайность, не оставляло меня въ гимназіи. Нерѣдко въ пансіонѣ, избирая укромныя мѣста, иногда запираясь на ключъ въ уборной, я молился долго, насколько могъ. Конечно, я всегда охотно отправлялся для слушанія церковныхъ службъ, въ домовой церкви.

Нашъ благородный пансіонъ нерѣдко парадировалъ въ Городскомъ соборѣ при разныхъ торжественныхъ службахъ. Намъ отводили видное мѣсто,—противъ праваго боковаго алтаря, смежнаго съ главнымъ придѣломъ во имя Спаса Преображенія. Кажется, въ осень 55 года, состоялось августѣйшее посѣщеніе Одессы императоромъ Александромъ II, прибывшимъ ко времени выхода изъ Одессы нѣсколькихъ гренадерскихъ или гвардейскихъ полковъ въ Крымъ, для помощи изнывавшему Севастополю. Полки были выстроены на Соборной площади, гдѣ должно

было быть, послѣ освященія воды, совершено напутственное благословеніе. Архіепископъ Иннокентій привѣтствовалъ государя рѣчью.

Преосвященный Иннокентій, со времени прибытія въ Одессу въ концѣ сороковыхъ годовъ, всегда привлекалъ массы ко времени своего архіерейскаго служенія въ соборѣ и въ другихъ мѣстныхъ храмахъ. Люди высшаго общества, преимущественно дамы, задолго до срока узнавали, гдѣ будетъ совершать службу архипастырь.

Въ годы 1855—1856, попечителемъ Одесскаго округа былъ Демидовъ. Мы знали только, что онъ обладалъ громадными средствами,—какъ говорили,—милліонеръ. Не знаю, была ли эта сторона благодѣтельна для лучшаго устройства округа; но, вообще, о дѣятельности Демидова, какъ попечителя, слуховъ къ намъ не доходило. По традиціямъ, насъ и къ нему водили въ большіе праздники. При блестящей обстановкѣ дома, черезчуръ скользкихъ паркетахъ, безмолвныхъ бакенбардистахъ-лакеяхъ въ безукоризненныхъ, конечно, фракахъ,—мы себя, вообще, чувствовали неловко. У прежняго попечителя, Бугайскаго, устраивались забавы, игры, насъ садили за общій столъ, подавали послѣ другихъ, и мы знали, видѣли, какъ быть въ крайнихъ случаяхъ.

Однажды m-me Демидова объ Рождествѣ устроила для гимназистовъ (все-таки по выбору) что-то въ родѣ аллегри. Насъ, четырнадцать, повелъ надзиратель въ часъ дня. У входа мы были впущены и предоставлены собственному благоразумію. Надзиратель ушелъ, объявивъ, что явится въ три часа. Г-жа Демидова вошла къ намъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ дамъ, очевидно, приглашенныхъ для «случая», насъ осматривали какъ звѣрковъ,—съ милыми улыбками, перебрасываясь французской рѣчью. Патронесса поспѣшила, наконецъ, усадить насъ.

Въ большомъ залѣ, усѣвшись въ рядъ, всѣ 14-ть, мы, порядочно смущенные, представляли, вѣроятно, курьезный видъ. Рады были, когда насъ позвали къ столу; усѣлись за 14-ть приборовъ; къ намъ 15-мъ присоединился гувернеръ-французъ. Обѣдъ былъ несомнѣнно изысканный и тонкій; но мы едва-ли оцѣнили это. Выходила въ промежуткахъ хозяйка, обращаясь то къ малышамъ, которые, знай, уписывали; то преимущественно, къ старшему изъ насъ. То былъ нѣкто Перестіани, грекъ, большой, широкоплечій, съ длиннымъ носомъ, угреватый, говорившій на-распѣвъ. Онъ, видимо, былъ убитъ вниманіемъ элегантной патронессы и на повторенный ею вопросъ, почему ѣстъ мало,—отвѣтилъ повышеннымъ, зычнымъ голосомъ: «я же говорю, что не хочу!»

Насъ увели въ $3^1/_2$ часа гулять; ходили мы долго, такъ что и намъ, охочимъ до прогулокъ по городу, порядочно надоѣло. Узнали мы послѣ, что въ это время, раньше обычнаго своего срока, обѣдала семья нашего принципала. Привели насъ снова къ попечителю (котораго тогда и не

удалось намъ лицезрѣть) въ $5^1/_2$ часовъ. Угостили чаемъ, фруктами, сластями и подарками по жребію.

На вакаціонное время, въ 1856 году, я поѣхалъ съ Флоринскими. Невдалекѣ было имѣніе товарища К., жившаго съ двумя меньшими сестрами при вдовѣ-матери. Матушка его, Надежда Васильевна, представляла собою особенно тяжелый типъ до-реформенной помѣщицы. При небольшомъ, впрочемъ, ростѣ, плотная, энергичная, она, видимо, обладала большою физическою силою. Нерѣдко сама объѣзжала лошадей своего завода, осаживала на скаку въ упоръ четверню рослыхъ большихъ коней. Въ ту пору намъ доставляло большое удовлетвореніе, когда Надежда Васильевна, управляя лошадьми, насвистывала, какъ самый лихой ямщикъ.

Бѣгая по саду и въ ближайшей, почти смежной съ домомъ рощѣ, гдѣ расположена была пасѣка, мы часто проводили время свободно, покуривая въ куренѣ пасѣчника, старика Матвѣя,—или, какъ его почему-то звали,—Мафтея; а потому не всегда были свидѣтелями всего происходившаго.

У Надежды Васильевны въ особомъ флигелѣ помѣщался пансіонъ «неблагородныхъ» крестьянскихъ дѣвушекъ, вѣчно сидѣвшихъ за пяльцами или иглой. Кромѣ своихъ, Надежда Васильевна принимала дѣвушекъ отъ другихъ помѣщиковъ,—понятно, на условіяхъ присылки провизіи и платы за обученіе, съ тѣмъ, что, по прохожденіи опредѣленнаго курса, Надежда Васильевна имѣетъ право два года эксплоатировать работу ученицъ въ свою пользу.

Какъ-то дошелъ къ намъ слухъ, что одной изъ дѣвушекъ за какую-то провинность обрѣзали косу. Узнали мы и то, что пострадавшая—дочь нашего любимца-старика Матвѣя. Почуялъ ли Матвѣй скорое исполненіе вѣщихъ словъ поэта «Рабство, падшее по манію царя» и, что вскорѣ взойдетъ желанная, прекрасная заря «свободы», или, быть можетъ, подъ его грубой оболочкой порвалась чуткая, слишкомъ натянутая струна, какъ знать? Но нашъ Матвѣй со сватомъ (будущій свекоръ дочери), явился къ барынѣ спросить: «за какую-такую провинность понесла дочь постыдную для дѣвушекъ кару?» При чемъ, въ понятномъ волненіи, Матвѣй бросилъ какую-то угрозу помѣщицѣ. Скоро мы услышали грозный крикъ Надежды Васильевны о призывѣ исполнителя экзекуціи. Кого-то изъ обычныхъ не оказалось; позванъ былъ фаворитъ барыни,—кучеръ. Рослый, красивый, молодой, лѣтъ 26-ти, но по-прежнему порядку—«Гришка», на приказаніе разложить старика замялся; оказалось, что Матвѣй—его родной дядя... Надежда Васильевна, стоя на 3-й ступени крыльца, подозвала Гришку къ себѣ и звонкимъ ударомъ по лицу заставила его забыть всякія родственныя чувства.

Произошла еще болѣе дикая расправа....

Вакаціи прошли, и я началъ послѣдній учебный годъ въ гимназіи. Войдя какъ-то къ намъ, инспекторъ объявилъ, что попечитель Демидовъ выбылъ и къ намъ назначенъ новый—Н. И. Пироговъ.

Въ одинъ изъ учебныхъ дней предстоялъ урокъ всеобщей исторіи; преподавалъ одинъ изъ лучшихъ учителей—В. Ф. Щерецкій, обладавшій большою способностью передачи и умѣвшій возбудить дѣйствительный интересъ къ своему предмету. Щерецкій, всегда заботливо одѣтый, въ черную пару, со складнымъ цилиндромъ,—на этотъ разъ, вошелъ въ классъ въ новѣйшемъ вицъ-мундирѣ, особенно эффектнымъ.

Зналъ ли В. Ф., что предполагается посѣщеніе попечителя,—очень можетъ быть, что почтеннѣйшій и предусмотрительный Іосифъ Григорьевичъ надавилъ одну изъ клавишей своего механизма,—но, спросивъ на-скоро 2—3 учениковъ, Щерецкій объявилъ намъ, что хочетъ возстановить въ нашей памяти одну изъ блестящихъ эпохъ Римской исторіи—время Цезаря. Только-что приступилъ В. Ф. къ изложенію, безшумно открылись обѣ половины двери, и вошелъ попечитель, въ сопровожденіи нашего начальства.

Н. И. Пироговъ, въ длиннополомъ тяжеломъ, рыжемъ сюртукѣ, суровый, съ обнаженнымъ черепомъ, на которомъ бросались въ глаза большія выпуклости, произвелъ на насъ впечатлѣніе, вызвавшее чувство робости, пожалуй страха. Послѣ привѣтствія и какого-то вопроса къ учителю,—Щерецкому предложено продолжать занятія. Нисколько не смутившись, В. Ф. продолжалъ и, обладая вообще прекрасной рѣчью, въ этотъ разъ, какъ намъ казалось, говорилъ лучше, чѣмъ когда-либо; и, когда раздался звонокъ, эффектно закончилъ: «вы помните, господа, что Цезарь, пораженный Брутомъ, палъ къ подножію статуи Помпея!»

Не скажу, одобрилъ ли попечитель чтеніе Щерецкаго, но мы, помню, имѣли сіяющій видъ. Можетъ быть, это побудило Николая Ивановича остаться, послѣ звонка, нѣсколько минутъ въ нашемъ классѣ, и, когда попечитель обратился къ нѣкоторымъ изъ насъ съ какимъ-то вопросомъ, когда мы услышали его голосъ, когда улыбка освѣтила его суровый видъ, первое невыгодное впечатлѣніе исчезло.

Наконецъ, завѣтная мечта моя приблизилась. Въ концѣ мая 1857 г., я заказалъ себѣ студентскую фуражку и, втихомолку примѣряя ее безпрестанно, еще до окончанія экзаменовъ, истрепалъ её порядочно.

II.

Періодъ лицейскій.

(1857—1861).

На вакаціи 1857 года, уже студентомъ, я отправился къ дядѣ въ Ананьевъ. Выѣхалъ я на почтовыхъ съ однимъ изъ товарищей, которому путь лежалъ, черезъ Ананьевъ же, въ Балтскій уѣздъ Подольской губерніи. Я пригласилъ товарища отдохнуть и провести еще день со мною. Дядя встрѣтилъ меня уже совсѣмъ ласково и симпатично; за обѣдомъ поздравилъ меня и товарища шампанскимъ. Сестры, съ сіяющимъ видомъ, глядѣли на меня, какъ на что-то феноменальное. Обѣ сестры играли на рояли,—старшая даже хорошо,—отваживались и пѣть. Намъ, въ жизнерадостномъ нашемъ настроеніи, и музыка и пѣніе казались блистательными, мы заслушивались не только ходкими тогда романсами «ея ужъ нѣтъ», «когда бъ онъ зналъ»,—но приходили въ восторгъ отъ давно забытыхъ «матушка голубушка», «сарафанчикъ» и др.

Товарищъ мой, вмѣсто сутокъ, прогостилъ, кажется, четыре дня. Я не удерживалъ его, зная, что родные ждутъ не дождутся своего студента, да кромѣ того сестры уже успѣли мнѣ сообщить, что дядя женится и свадьба предположена 30-го іюня, т. е. черезъ недѣлю. Спустя нѣсколько дней мы съ дядей, его дочерью и сыномъ выѣхали въ имѣніе Войновку—мѣсто жительства невѣсты, гдѣ я уже бывалъ въ вакаціи 1856 г.

Будущая тетя, Флора Александровна Войнова, почти одних со мною лѣтъ, симпатичная, черноокая, виртуозка, вызывала и во мнѣ почтительное поклоненіе, въ особенности выраженіемъ своихъ лукавыхъ, вѣчно смѣющихся глазъ.

30-го іюня я фигурировалъ въ роли шафера, и на меня дядя возложилъ подготовленіе причта и обстановки въ приходской церкви с. Вредіевки.

Свадебное торжество было скромное, исключительно въ кругу своихъ. Дядя оставался въ Войновкѣ еще дней десять. Заботы всѣхъ и прежде всего были направлены на то, чтобы не быть помѣхой новобрачнымъ.

Положеніе окружавшихъ незавидное. Нужно было, въ свою очередь, искать въ чемъ-либо интереса, и это оказалось возможнымъ на мѣстѣ. Осмотрѣвшись, я въ первый разъ увидѣлъ и сознательно оцѣнилъ настоящій хозяйственный механизмъ. Въ числѣ обитателей Войновскаго дома, кромѣ молодой тети, были только матушка ея Анна Яковлевна Войнова, старшій родной ея братъ Трофимъ Яковлевичъ Мезинъ и родственница ихъ Марія Ивановна (фамиліи ея я не зналъ и не знаю).

Это были, не по задачѣ конечно, истые представители теоріи раздѣленія труда. Анна Яковлевна завѣдывала домомъ, садомъ, огородомъ; Марія Ивановна—спеціально молочнымъ хозяйствомъ и наружными кладовыми; Мезинъ—полевымъ хозяйствомъ, имѣя въ своемъ распоряженіи двухъ, такъ называемыхъ, приказчиковъ. Все у нихъ шло по разъ заведенному порядку, насколько возможно безшумно и, какъ говорится, по маслу. Хозяйничая, въ такомъ порядкѣ, на 800-хъ десятинахъ лѣтъ двадцать, тріо это пріобрѣло земельный участокъ въ 1.000 десятинъ, устроивъ на мѣстѣ полную чашу: прекрасный 2-хъ этажный домъ, солидныя хозяйственныя службы, амбары, засыпанные хлѣбомъ; обширный садъ, огородъ; а кладовыя, привлекавшія и раньше мое исключительное вниманіе, говорили о высшей степени довольства. Одна изъ такихъ обширныхъ кладовыхъ (домовая) была въ распоряженіи Анны Яковлевны; входъ въ нее былъ изъ столовой, расположенной въ нижнемъ этажѣ. Круглый годъ кладовая эта была наполнена всякимъ съѣдобнымъ добромъ. Въ соотвѣтственное время—зелень, ягоды, фрукты; во всякое другое время—засахаренные, сушеные и вяленые плоды, прелестнѣйшій квасъ, сладости, вина и т. д. Т. Я. Мезинъ, тогда лѣтъ около 55 старый холостякъ («паничъ»—какъ его величала прислуга), любилъ насъ, дѣтей. Единственной его слабостію была охота и то только зимой, въ свободное для хозяйства время. Лучше всего мы чувствовали себя въ его кабинетѣ, обставленномъ оружіемъ и принадлежностями охоты.

Около 15-го іюля мы возвратились въ Ананьевъ, гдѣ я прожилъ еще мѣсяцъ и успѣлъ увѣрить себя, что я безповоротно влюбленъ въ одну изъ моихъ дальнихъ родственницъ, однихъ со мною лѣтъ. Правду сказать, моя отдаленная кузина, гуляя со мной «при лунѣ», не только не поддерживала моихъ фантазій, но очень мило и умѣло отрезвляла меня. 22-го августа я выѣхалъ въ Одессу, имѣя въ виду, что лицей переводятъ въ новое зданіе и что переходъ долженъ совершиться ко дню акта, 30-го августа.

Прибывъ въ Одессу, я остановился въ гостиницѣ, не зная, какъ и гдѣ мы, пансіонеры-студенты, будемъ устроены. Новое помѣщеніе, спеціально построенное (гдѣ нынѣ университетъ), было вполнѣ готово. Гимназисты съ 25-го августа были въ полномъ сборѣ.

Я засталъ уже нѣкоторыхъ изъ моихъ товарищей: грека Перестіани, Макарова, Романова. Это были казенно-коштные, воспитывавшіеся на особыя опредѣленныя суммы, съ обязательствомъ поступленія на факультетъ восточныхъ языковъ. Эти три были уроженцы Маріуполя и Таганрога и, по отдаленности и несостоятельности, не ѣздили на вакаціонное время, проживая лѣто на лицейскомъ хуторѣ. Имъ, пока, дали временное помѣщеніе въ новомъ зданіи, гдѣ, съ разрѣшенія инспектора, пріютился и я. Стали прибывать остальные пансіонеры. По

штату полагалось только 16. Насъ помѣстили затѣмъ въ нижнемъ этажѣ праваго крыла, выходящаго на Херсонскую улицу. Всѣ 16 кроватей, одна противъ другой, установлены были въ одномъ большомъ, достаточно свѣтломъ отдѣленіи. Въ силу недавняго порядка и привычекъ, насъ такое совмѣстное пребываніе нисколько не отягощало; напротивъ того, съ 8 ч. утра, а то и ранѣе, къ намъ являлись уже приходящіе товарищи, внося понятное оживленіе.

Шли приготовленія къ акту необычныя, въ виду того, что предстояло въ тотъ же день освященіе зданія въ присутствіи оффиціальныхъ представителей всѣхъ вѣдомствъ и почетнѣйшихъ гражданъ, гостей, приглашенныхъ и къ завтраку. Мы знали, что столовая гимназистовъ, на этотъ разъ, назначалась для пріема гостей; но 28-го и 29-го августа еще не слышно было, будутъ ли приглашены къ завтраку представители и отъ студентовъ. Опасенія, что приглашенія не послѣдуетъ (какъ это и случилось), вызвали недовольство вообще студентовъ, а въ особенности среди насъ, пансіонеровъ, собравшихся для обѣда въ обычное отдѣленіе, въ общей связи (подъ угломъ) съ столовою, куда приглашены гости.

Нашлись предусмотрительные коллеги, принесшіе въ карманахъ нѣсколько бутылокъ вина; послѣ того, какъ въ свое время были провозглашены тосты за здоровье государя императора, всего царствующаго дома, далѣе въ честь присутствовавшаго преосвященнаго, здоровье генералъ-губернатора, попечителя округа, мы, не допустивъ дальнѣйшихъ тостовъ, уже съ разлитымъ въ стаканахъ собственнымъ виномъ, гаркнули тостъ за процвѣтаніе лицея, будущаго университета, и затѣмъ, послѣдовательно, за благоденствіе высоко-чтимаго Н. И. Пирогова и— за здоровье студентовъ.

Неожиданность, понятное смущеніе высокихъ гостей вызвали страшный, но заслуженный переполохъ нашего ближайшаго начальства. Выходку нашу замолчали. Передавали тогда, будто бы попечитель заявилъ, что онъ винитъ себя въ томъ, что не освѣдомился, приглашены ли представители студентовъ, и на слова директора Беккера, сославшагося на экономическую сторону—на отсутствіе ассигнованія, будто-бы отвѣтилъ: «это наивно». Игнорированіе студентовъ на торжествѣ вызвало неодобреніе и городской публики.

Чрезъ нѣсколько часовъ мы, порядочною компаніею, гуляли по Дерибасовской съ поднятыми головами; намъ казалось, что въ городѣ всѣ уже должны знать объ афронтѣ, который мы учинили нелюбезному начальству. Часовъ около 6-ти вечера нѣсколько человѣкъ пансіонеровъ съ «вольными», какъ называли мы приходящихъ, зашли во вновь открытую, въ новомъ домѣ извѣстнаго булочника Дурьяна, кондитерскую Кальгера. У него кто-то открылъ раньше прекрасную малиновую

наливку. Общество постоянно возрастало; гулъ уже разносился далеко. Студентъ Чербаджогло остроумно копировалъ несимпатичнаго растерявшагося директора Беккера и почтеннѣйшаго Іосифа Григорьевича утонченная политика котораго, на этотъ разъ, спасовала.

Между тѣмъ въ кондитерской только и слышно было или басовое «водки», или болѣе мягкое—«un petit verre de framboise». Щеголяли еще неутраченными дискантами; юнцы выкрикивали возможно громче. Долго ли мы оставались, что̀ происходило, кто кого велъ, и гдѣ мы устраивались—объ этомъ были самые разнорѣчивые толки на слѣдующій день, когда мы собрались къ Кальгеру же для похмѣлья!..

Состоя полнымъ пансіонеромъ, т. е. на всемъ готовомъ до платья и сапогъ, я, какъ и другіе мои сожители, свободные отъ постояннаго надзора и заботъ о нуждахъ дня, зажилъ припѣваючи. На лекціи заглядывали больше изъ любопытства и новизны. Но вскорѣ разнесся слухъ о возвращеніи командированнаго на два года за границу адъюнктъ-профессора А. В. Лохвицкаго, и за тѣмъ появилось объявленіе о томъ, что вступительная его лекція, по энциклопедіи законовѣдѣнія, назначена на 20-е сентября.

Къ слушанію вступительной лекціи собралось масса студентовъ всѣхъ факультетовъ. Одна изъ самыхъ обширныхъ аудиторій не могла вмѣстить всѣхъ жаждущихъ. Вблизи профессорскаго стола, у колоннъ, по обѣ стороны были поставлены кресла для директора, инспектора и профессоровъ. Явилось и изъ нихъ большинство. Александръ Васильевичъ, что называется человѣкъ бывалый, а скорѣе всего, по свойствамъ своей натуры, не обнаружилъ видимаго смущенія. Небольшаго роста, плотный, здоровый, съ большимъ открытымъ лбомъ, онъ появился въ какомъ-то жизнерадостномъ настроеніи. Начавъ скромнымъ выраженіемъ благодарности за то вниманіе, которымъ онъ, еще быть можетъ незаслуженно, удостоенъ слушателями и почтеннѣйшими сотоварищами, А. В. ясно и толково ознакомилъ слушателей студентовъ съ существомъ предмета и будущихъ чтеній. Блестящая отчасти зажигательная лекція, продолжавшаяся два часа, была выслушана молодежью съ восторженнымъ вниманіемъ. Громъ аплодисментовъ, еще тогда дозволенныхъ, и искренній, очевидный восторгъ молодежи проводили лектора.

На послѣдующихъ лекціяхъ А. В. аудиторія была переполнена. Ведя, въ промежуткахъ, частныя бесѣды съ нами, Лохвицкій предложилъ посѣщать его по субботамъ. У него бывало въ эти дни человѣкъ по десяти. Но немного насчитали мы такихъ субботъ! Вскорѣ оказалось, что, по предложенію министерства, уже оповѣщеннаго, въ извѣстномъ смыслѣ, о томъ впечатлѣніи, какое произвелъ профессоръ на слушателей-студентовъ,—на лекціяхъ Лохвицкаго всегда долженъ былъ присутствовать директоръ.

Помнится мнѣ одна лекція: А. В. читалъ намъ о роли стряпчаго (царево око) въ правительственныхъ учрежденіяхъ. Указавъ, что стряпчій, подчиненный лишь губернскому прокурору de jure, независимый отъ мѣстной администраціи, былъ какъ бы постояннымъ контролеромъ ея дѣйствій, имѣлъ надзоръ за всѣми присутственными мѣстами, опредѣленія которыхъ только тогда приводились въ исполненіе, когда на нихъ была надпись стряпчаго «читалъ». Пояснивъ, далѣе, значеніе и силу этого надзора въ теоріи и, коснувшись вопроса о томъ, всегда ли такіе результаты достигаются практикою жизни,—А. В., обративъ вниманіе на столъ у колонны, за которымъ помѣщался директоръ, замѣтилъ, что Беккеръ дремлетъ, помовая опущенной головой. Находчивый профессоръ, заканчивая чтеніе, вдругъ обратился къ намъ съ вопросомъ: «такъ для чего же, мм. гг., стряпчій?» И, съ сильнымъ ударомъ рукою по столу, отвѣтилъ: «да чтобъ судья не спалъ!» Уже запрещенное, единодушное браво пробудило смущеннаго директора, выбѣжавшаго изъ аудиторіи и забывшаго свою обязанность выразить намъ внушеніе за нарушеніе порядка...

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ А. В. долженъ былъ уйти изъ Одессы; его перевели въ Петербургъ, подъ ближайшій надзоръ министерства. Этому способствовало, какъ говорили тогда, сообщеніе губернскаго предводителя на имя генералъ-губернатора о распущенности и нежелательныхъ движеніяхъ среди лицейской молодежи.

При введеніи судебной реформы въ 1865 г., Лохвицкій перешелъ въ образовавшійся составъ присяжныхъ повѣренныхъ. Мы жили безъ особыхъ недоразумѣній, что называется беззаботно, а въ большинствѣ и весело. Особенно бдительнымъ надзоромъ со стороны начальства мы не были отягощаемы. Требовалось, однако, чтобы всѣ мы находились въ 11 часовъ ночи на своихъ постеляхъ. Это требованіе немало печалило и озабочивало насъ. Пришедшіе ранѣе, зная, что тотъ или другой изъ товарищей не скоро, а можетъ быть и совсѣмъ не явится, въ ожиданіи возможнаго прихода инспектора, являвшагося не рѣдко около 12 часовъ ночи для обзора, все ли обстоитъ благополучно,—устроивали, изъ чего представлялось возможнымъ, на постели отсутствующую фигуру, прикрывая ее съ головою одѣяломъ. При слабомъ освѣщеніи единственной лампы, много разъ такіе пріемы приводили къ благополучному исходу, въ особенности при сочувствіи Мартына, на вопросъ инспектора: «всѣ ли на лицо?» всегда бойко отвѣчавшаго: «точно такъ, ваше высокородіе».

Но или кто-либо намекнулъ І. Гр—чу, или онъ началъ недовѣрять тому, что всѣ мы «паиньки»,—однажды инспекторъ остановился у постели одного изъ товарищей, почти ежедневно замѣнявшагося фигурою,

прикоснулся у мѣста, гдѣ должны быть ноги, и при возникшемъ сомнѣніи, прошелся по всей фигурѣ, убѣдившись въ подлогѣ.

Не спавшій рядомъ, но притаившійся товарищъ все это видѣлъ, видѣлъ, какъ І. Гр., ходившій вообще безшумно, на цыпочкахъ вышелъ; не слышно было обычнаго вопроса къ дежурному тогда Мартыну, поджидавшему инспектора, по обыкновенію, у выходной двери. На слѣдующій день І. Гр. имѣлъ солидный разговоръ съ пансіонерами старшихъ курсовъ, взывая къ порядку и благонравію. Послужившій нѣкоторое время пріемъ являлся послѣ этого уже негоднымъ.

Вскорѣ найденъ былъ другой способъ и оказался болѣе находчивымъ. Всякій разъ, когда 2—3 изъ пансіонеровъ предполагали отсутствовать, вмѣсто нихъ являлись на свободныя койки замѣстители изъ приходящихъ студентовъ, укладывались спать, и если случалось, что І. Гр. заходилъ въ дортуаръ, то, прикоснувшись, при сомнѣніи, къ спавшему, находилъ настоящія ноги, и сомнѣніе разсѣевалось. Такой пріемъ служилъ намъ извѣстное время; но, вѣроятно, инспекторъ какими-то судьбами освѣдомился, что одинъ изъ самыхъ юркихъ изъ нашей безпардонной компаніи постоянно не ночуетъ. Желая провѣрить, І. Гр. уже недовольствовался тѣмъ, что нашелъ настоящія ноги, подошелъ къ спавшему, укрытому съ головой, и, отвернувъ одѣяло, вмѣсто искомаго юнца—свѣтлаго блондина еще безъ всякой растительности—нашелъ брюнета и бородатаго. Опять внушеніе и затѣмъ болѣе усиленный надзоръ.

Мы стали замѣчать, что, когда компанія собиралась по вечерамъ у Кальгера или въ ресторанѣ Алексѣева, рѣдко кто изъ подошедшихъ не заявлялъ, что натолкнулся на прогуливающагося педеля. Это—оставшійся несомнѣнно въ памяти всѣхъ студентовъ довольно длиннаго періода лицейской жизни—Карлъ Ивановичъ Мальскій.

Небольшаго роста, вѣчно улыбающійся, но доносчикъ по характеру службы, К. И. какъ-то умудрялся жить на 144 рубля въ годъ. Во многихъ случаяхъ студенты, предвидя возможность доноса, преподносили ему или небольшую денежную мзду, или незатѣйливый подарокъ. Мальскій принималъ, вздыхая и обыкновенно произнося при этомъ: «вы не повѣрите, какъ трудно служить по министерству просвѣщенія!» Справедливость требуетъ сказать, что послѣ приношенія К. И. оставался передъ начальствомъ нѣмъ.

Кондитеръ Кальгеръ оказался любимцемъ студентовъ; разносторонній, услужливый, открывшій довольно широкій кредитъ, онъ каждаго изъ студентовъ зналъ и называлъ по фамиліи (имя и отчество не были въ модѣ); выписывалъ газеты, завелъ шахматы, домино (играли на пирожки), а главное—перемѣнилъ тѣсное помѣщеніе у Дурьяна на болѣе обширное въ д. Калафати на Дерибасовской улицѣ, съ просторной особой комнатой окнами во дворъ и отдѣльнымъ туда выходомъ. Въ этомъ

*

отдѣленіи мы были изолированы отъ сторонней публики, посѣщавшей кондитерскую, и зачастую сиживали тамъ безъ сюртуковъ.

III.

Послѣ ухода А. В. Лохвицкаго Лицей понесъ новую потерю уже вслѣдствіе причинъ естественныхъ.

Умеръ заслуженный профессоръ Зеленецкій, читавшій съ 30-хъ годовъ русскую словесность. Не только свѣдущій по предмету, но съ громаднымъ запасомъ разностороннихъ знаній, оставившій видныя работы по своей спеціальности, Зеленецкій, къ сожалѣнію, не обладалъ желанною способностію передачи. Производя достаточно тяжелое впечатлѣніе изложеніемъ предмета (дикціею), онъ сообщалъ всегда такую массу интересныхъ данныхъ, что всегда имѣлъ слушателей, чѣмъ не могли похвалиться нѣкоторые изъ болѣе даровитыхъ товарищей Зеленецкаго. Имѣя прекрасную, многотомную библіотеку, профессоръ охотно предлагалъ этотъ богатый запасъ желавшимъ изъ студентовъ.

По обычаю того времени, студенты, смѣняясь, дежурили у гроба покойнаго въ квартирѣ его на Дерибасовской улицѣ въ домѣ Синицына; а затѣмъ проводили останки въ соборъ и къ могилѣ. На кладбищѣ профессоръ протоіерей Павловскій сказалъ надгробное слово. Очертивъ личность покойнаго и его заслуги по профессіи, Михаилъ Карповичъ, между прочимъ, сказалъ: «Твоя эрудиція, твое трудолюбіе и вмѣстѣ съ тѣмъ, при высокихъ душевныхъ качествахъ, твоя скромность служили для насъ образцомъ».

Свое слово ораторъ заключилъ слѣдующимъ образомъ: «Другъ и товарищъ! Что̀, если бъ ты всталъ? Какія откровенія принесъ бы ты намъ изъ того, лучшаго міра, откровенія, какихъ не нашелъ ты здѣсь, въ твоихъ книгахъ, а ихъ такъ много было у тебя?!»

Профессоръ Павловскій, обладавшій, какъ я упоминалъ уже, ораторскою рѣчью и пріемами, не привлекалъ къ себѣ слушателей. Постоянно-торжественный тонъ его лекцій ослаблялъ у аудиторіи вниманіе къ существу предмета. Кромѣ того, М. К. вызывалъ нерасположеніе студентовъ требованіемъ особой почтительности и вообще своими традиціонными притязаніями, явно опиравшимися на дружбу вліятельнаго І. Гр. Михневича.

Подъ истиннымъ или напускнымъ, какъ считали многіе, увлеченіемъ, Павловскій иногда, послѣ звонка, продолжалъ еще чтеніе, при чемъ не любилъ, если кто-либо изъ студентовъ среди лекціи выходили изъ аудиторіи.

І. Гр. Михневичъ, всегда дѣйствуя по духу времени въ періодъ

управленія Одесскимъ округомъ Н. И. Пироговымъ, былъ, или, по крайней мѣрѣ, казался либераломъ.

Кто изъ насъ, еще оставшихся въ живыхъ лицеистовъ, не вспомнитъ съ глубокимъ уваженіемъ, къ сожалѣнію, кратковременный, но блестящій періодъ 1857—1858 гг.

Пироговъ несомнѣнно одно изъ самыхъ свѣтлыхъ лицъ среди русскихъ общественныхъ дѣятелей XIX вѣка. Н. И. былъ не только великимъ мыслителемъ, замѣчательнымъ хирургомъ, но и выдающимся администраторомъ и педагогомъ. «Мы не воспитаны!»—взывалъ нѣкогда Пироговъ въ своихъ извѣстныхъ «Вопросахъ Жизни». Масса свѣтлыхъ взглядовъ и мыслей о просвѣщеніи и воспитаніи юношества, даже при невозможности проведенія ихъ въ жизнь, доставили бы автору «Вопросовъ» славу педагога. Но Н. И., по счастливой случайности, взгляды тѣ и мысли примѣнялъ на дѣлѣ, управляя Одесскимъ округомъ, осчастливленнымъ его представительствомъ, — примѣнялъ безбоязненно, со свойственными ему стойкостію и энергіею, пока хватило силъ. Въ качествѣ истиннаго «попечителя» юношества, Пироговъ, у котораго слова никогда не расходились съ дѣломъ, проводилъ на практикѣ свои гуманныя педагогическія начала и просвѣтительные взгляды, наставляя и учащихъ и учащихся. Извѣстно, что при немъ «Одесскій Вѣстникъ» изъ безцвѣтнаго провинціальнаго листка превратился въ серьезный, литературный органъ, переданный по ходатайству попечителя подъ редакцію профессоровъ Лицея А. И. Георгіевскаго и Н. М. Богдановскаго.

Новыхъ редакторовъ Н. И. Пироговъ привѣтствовалъ статьею:

«Вы, вѣрно, не угодите Лицею, если будете помѣщать дребедень въ фельетонѣ или сдѣлаете его газету лавочной выставкой. Вспомните, что «Од. Вѣст.» можетъ попасть въ руки и великоросса, и малороссіянина, и молдована, и грека, и еврея. Вспомните, что Одесса живетъ пшеницей что степь — плохой проводникъ убѣжденій и просвѣщенія. Вспомните, что великое слово «впередъ», столь одушевлявшее солдатъ Суворова и Блюхера, не на всѣхъ дѣйствуетъ также магически: есть еще много на свѣтѣ господъ и степныхъ, и столичныхъ, которые не знаютъ, что можно и должно идти впередъ, но... и т. д.». А затѣмъ далѣе въ той же статьѣ: «Я сравниваю васъ, гг. редакторы, съ артистомъ, выступающимъ на сцену предъ разнохарактерной публикой. Его публика такъ же, какъ и ваша, занимаетъ и партеръ, и ложи, и раекъ. Если артистъ человѣкъ съ талантомъ и призваніемъ, станетъ ли онъ своею игрою заискивать благоволенія у сидящихъ во всѣхъ ярусахъ и рядахъ — вверху и внизу? Истинный талантъ и истинное искусство привлекаетъ не спускаясь»...

Далѣе Н. И. въ качествѣ публициста поучалъ разноплеменную, разношерстую, но кичливую Одессу такими словами:

«Съ тѣхъ поръ какъ я выступилъ на поприщѣ гражданственности путемъ науки, мнѣ всего противнѣе были сословныя предубѣжденія, и я невольно перенесъ этотъ взглядъ и на различія національныя. Какъ въ наукѣ, такъ и въ жизни, какъ между своими товарищами, такъ между всѣми подчиненными и начальниками, я никогда не думалъ дѣлать отличія въ духѣ сословной и національной исключительности. Эти убѣжденія, какъ слѣдствіе моего образованія, выработавшіяся цѣлою жизнію, сдѣлались для меня уже второю натурою и не покинутъ меня до конца жизни»...

Въ строѣ студенческой коллегіальной жизни, попечитель предоставилъ студентамъ имѣть «свою» библіотеку, кассу для недостаточныхъ товарищей и право сходокъ въ опредѣленное, свободное отъ занятій, время и въ строгихъ предѣлахъ внутреннихъ интересовъ коллегіи. Н. И. нерѣдко появлялся среди насъ, постоянно повторяя, что предоставленіе извѣстныхъ правъ налагаетъ и соотвѣтственныя обязанности; что, независимо отъ всего того, что можетъ произойти въ будущемъ, помимо нашей воли,—мы должны каждую минуту думать и помнить, что укрѣпленіе и развитіе предоставленныхъ намъ начинаній въ области нашей лицейской жизни зависитъ и отъ насъ самыхъ и что самымъ горькимъ упрекомъ для насъ будетъ то, если предоставленныя права будутъ отняты по нашей собственной винѣ.

Всегда ли молодежь была повинна въ отнятіи у нея дорогихъ для жизни коллегіи правъ—скажетъ, въ свое время, безстрастная исторія...

А между тѣмъ—откуда взялась масса книгъ для основанія библіотеки, книги притекали безостановочно; студентская касса, общая для всѣхъ безъ различія курсовъ и какихъ бы то ни было группъ, не оскудѣвала, пополнялась взносами имущихъ товарищей, преимущественно бессарабцевъ (Леонарды, Кессо, Руссо, Доничи, Писаржевскій и другіе). Достаточные сборы давали музыкальныя утра (по воскресеньямъ), въ которыхъ, кромѣ студентовъ, принимали участіе лучшія музыкальныя силы города. Но главный фондъ кассы составляли сборы со спектаклей, устраиваемыхъ студентами. Благодаря ходатайству попечителя, при видимомъ сочувствіи бывшаго тогда генер.-губернатора графа Александра Григорьевича Строгонова, спектакли разрѣшены были и ставились въ городскомъ театрѣ, что обусловливало лучшіе сборы. Графъ Строгоновъ никогда не присылалъ за билетъ менѣе ста рублей. Плата въ 50 рублей (Полетика, Волоховъ, Массъ, графъ Толстой и др.) была не рѣдкость. Спектакли устраивались студентами исключительно, при режиссерномъ только руководствѣ такихъ артистовъ, какъ Никитинъ, Васильевъ I, Ѳедотова, Фабіянская. Помню, какъ шумно и многолюдно прошла тогда

еще новая пьеса «Свадьба Кречинскаго», въ которой роль Расплюева даровито исполнилъ студентъ Константинъ Чербаджогло. Женскія роли также исполнялись студентами, въ «Ревизорѣ», напр., роль жены Городничаго игралъ Науменко, а дочери—Бѣлецкій; такъ оба они и остались подъ именами «Анны Андреевны» и «Маріи Антоновны». Каждый спектакль давалъ чистаго сбора не менѣе полуторы тысячи, обогащая кассу раза два-три въ зиму.

Изъ кассы, по приговорамъ схода, не только выдавалась недостаточнымъ товарищамъ плата за слушаніе лекцій, но выдавались и ссуды временно-нуждающимся и безвозвратная помощь членамъ, утратившимъ или не нашедшимъ заработка. Не помню не только случаевъ злоупотребленій, но даже рѣзкихъ ошибокъ. Да и могло ли быть иначе? Кто же могъ лучше товарищей знать и нуждающихся, и степень ихъ нужды? Въ то время не случалось читать: такіе-то студенты уволены за невзносъ платы, а такимъ-то назначенъ окончательной срокъ тогда-то;—не случалось наталкиваться на такія полныя отчаянія объявленія объ «урокѣ» и заработкѣ, какія не шутки же ради печатаетъ теперь нуждающаяся университетская молодежь.

Тогда же зародились среди насъ надежды на преобразованіе лицея въ университетъ. Честь возбужденія объ этомъ ходатайства и умѣлое представленіе вѣскихъ данныхъ—опять таки дѣло Н. И. Пирогова. Все, что я по силамъ моей памяти сказалъ о дѣятельности Н. И.—выписки, которыя я позволилъ себѣ сдѣлать,—все это знаю, извѣстно и не ново; но иногда полезно заносить въ хронику, для вящшей памяти, образцы дѣятельности и пламенной любви къ родинѣ такихъ людей, какъ покойный Пироговъ.

Старымъ людямъ въ воспоминанье,
Молодымъ въ назиданье.

Точно не помню когда, но около этого времени въ газетѣ «le Nord» появилась статья о предположенномъ освобожденіи крестьянъ. Понятно, какое впечатлѣніе эта великая, еще неосязаемая, какъ фактъ, надежда должна была произвести среди насъ, студентовъ. Газету вырывали, перехватывали изъ рукъ въ руки, истрепали; но вскорѣ появились доставленные кѣмъ-то новые экземпляры той же газеты. Великая вѣсть поглотила всякіе другіе интересы.

Вечеромъ собрались къ Кальгеру; конечно и—джонка. Трудно передать оживленныя рѣчи, выраженіе надеждъ и пожеланій, связанныхъ и ожидаемыхъ отъ великаго акта освобожденія.

Въ особомъ изолированномъ отдѣленіи кондитерской гулъ стоялъ невообразимый, но безъ всякаго покушенія на нарушеніе общественной тишины. Впрочемъ, предусмотрительный Кальгеръ около 11 ч.

ночи уговорилъ насъ разойтись и былъ, быть можетъ, невольною причиною всего послѣдовавшаго.

Явились горячія головы, и вмѣсто того, чтобы разойтись по домамъ, мы большой и нельзя сказать чтобы вполнѣ добропорядочной компаніей вошли въ извѣстный тогда ресторанъ Алексѣева, помѣщавшійся въ домѣ на Садовой, гдѣ нынѣ Благородное Собраніе. Мы застали въ саду ресторана за столиками публику, не охваченную волновавшею насъ благою вѣстью, но видимо спокойную и занятую лишь собой и обыденными интересами. Къ намъ сейчасъ же присоединились студенты, попавшіе ранѣе нашего прихода къ Алексѣеву, такъ что группа наша выросла до 50 и болѣе. Спустя полчаса, публика, вѣроятно замѣтивъ возбужденное, а быть можетъ и слишкомъ развязное настроеніе студентовъ,—испарилась. Остались кое-гдѣ у нѣсколькихъ столовъ, видимо, коммерсанты-иностранцы, исключительно мужчины, за обычной бутылкою краснаго вина.

Нестѣсняемые уже присутствіемъ дамъ, мы овладѣли музыкою и, помню, танцовали въ садикѣ, по песчаной площадкѣ нѣсколько кадрилей; роль дамъ исполняли наши же «Анна Андреевна» и «Марія Антоновна» и другіе женоподобные товарищи. Стало слышно, что уже требуется ужинъ—не въ саду, а въ одной изъ залъ ресторана, лѣтомъ обыкновенно пустующей и выходящей окнами съ одной стороны въ садъ, а съ другой—въ большую галлерею, также пустовавшую.

Мы размѣстились за длиннымъ столомъ, ничего не подозрѣвая; а между тѣмъ мы были уже подъ наблюденіемъ аргусовъ, какъ оказалось, злыхъ и, въ лучшемъ смыслѣ, невѣжественныхъ. Насъ не трогали, и мы, воодушевленные искреннимъ, быть можетъ лучшимъ настроеніемъ въ жизни каждаго изъ насъ, думали, что «благоденствуемъ».

Начались тосты... Проходитъ съ той поры четвертый десятокъ лѣтъ, но и теперь, какъ и прежде, говорю чистосердечно: мы были повинны лишь въ томъ, что перекрикивали другъ друга, виноваты во внѣшнемъ, такъ сказать, непорядкѣ; но никто изъ насъ громогласно не произнесъ ни одного тоста антиправительственнаго или антирелигіознаго. Пили, правда, здравицы «за освобожденный народъ русскій», за пріобщеніе его къ просвѣщенію; за будущій университетъ, свѣтильникъ нашего благословеннаго Юга... Слышны были спорадическіе крики: «Долой тьму и невѣжество; да возсіяетъ яркій свѣтъ истины и правды и да расточатся врази ихъ!»... И многое, но въ такомъ только смыслѣ.

Мы благополучно, разумѣется лишь не въ строгихъ требованіяхъ дисциплины, разошлись. А на слѣдующій день оказалось, что мы всѣ записаны соглядатаями, что уже доложено «о происшествіи» попечителю и генералъ-губернатору; что насъ винятъ чуть ли не въ государственномъ преступленіи; говорили даже о возможности высылки всѣхъ насъ изъ Одессы.

Попечитель, по обыкновенію, потребовалъ къ себѣ выборныхъ (шесть лицъ по два отъ курса); отъ нашего курса, какъ и ранѣе, ходилъ я. Къ ужасу нашему, мы услышали отъ Н. И. Пирогова, читавшаго по докладной запискѣ, что нами произносились тосты: «долой преосвященнаго», религію почитаній, «да здравствуетъ религія разума» и т. д.

Выслушавъ нашу «исповѣдь» — преимущественно тѣхъ, кто были участниками ужина, попечитель предложилъ намъ позаботиться о сохраненіи порядка съ обычнымъ посѣщеніемъ лекцій и не собираться на сходки, объявивъ, что онъ лично будетъ въ Лицеѣ черезъ сутки и къ тому времени распорядится о созывѣ нужныхъ лицъ. Эти послѣднія слова—«нужныхъ» лицъ, при другихъ условіяхъ, могли бы звучать непріятнымъ будущимъ, но мы вѣрили въ Пирогова и, на самомъ дѣлѣ, согласно данному обѣщанію, внесли покой и увѣренность въ среду товарищей.

На третій день попечитель прибылъ въ Лицей; были собраны всѣ «участники преступленія»; явилась масса и не участвовавшихъ, которымъ никто не препятствовалъ присутствовать.

— Прежде всего—сказалъ Пироговъ—я старался добыть истину о томъ, что происходило при вашемъ сборищѣ въ ресторанѣ Алексѣева. Какъ молодежь, вы увлеклись симпатичною мыслію о будущемъ русскаго общества. Но вы забыли то, что должны были помнить, что въ прессу попадаютъ такіе слухи, которые, въ существѣ, не рѣшены еще главенствующею волею государя императора. Разъ бы таковая воля была выражена въ установленномъ порядкѣ, я первый раздѣлилъ бы съ вами прекрасныя движенія вашего сердца. Нынѣ же я не одобряю ваши дѣйствія, какъ преждевременныя, совершенныя массою, въ публичномъ мѣстѣ, такъ какъ отсутствіе публики, о чемъ вы говорили, было лишь случайностію и, какъ я думаю, происшедшею по вашей же винѣ. Надѣюсь, что впредь вы будете дѣйствовать осмотрительнѣе съ полнымъ благоразуміемъ, обратившись еще съ большимъ вниманіемъ къ вашимъ занятіямъ, какъ главному залогу той пользы, которую вы, въ качествѣ будущихъ гражданъ, можете, въ свое время, принести родинѣ и русскому народу.

Мы поняли справедливость укоризны и старались загладить впечатлѣніе понятнаго мнѣ и теперь, но сказавшагося не въ должной формѣ нашего молодаго порыва.

Между тѣмъ слухи по полицейской редакціи проникли въ городъ; стоустая молва преувеличила ихъ. Передавали тогда за достовѣрное, что представитель дворянства губернскій предводитель доносилъ министру внутреннихъ дѣлъ о распущенности учащейся молодежи и о томъ, что онъ не ручается за дальнѣйшее спокойствіе и порядокъ.

Къ счастію, такое зловѣщее карканіе не оправдалось...

Лицей и мы, студенты, благоденствовали, благодаря высокогуманнымъ

отношеніямъ и дѣйствіямъ Н. И. Пирогова по управленію округомъ. Въ свое время я говорилъ, совершенно искренно, о характерѣ гимназической жизни моего времени. Въ короткій промежутокъ 2—3-хъ лѣтъ, заходя въ пансіонъ гимназіи, гдѣ у меня оставались отсталые товарищи и младшіе по классамъ земляки, я не узнавалъ гимназіи. Иныя отношенія старшихъ къ младшимъ, иные разговоры, возможное знакомство съ литературою, съ текущими интересами жизни. Старшіе гимназисты принимали участіе въ устраиваемыхъ тогда литературно-научныхъ бесѣдахъ, при участіи самого попечителя. Помню, 6-й классъ гимназіи, съ разрѣшенія и полнаго вѣдома начальства, издавалъ даже свой журналъ.

Какое значеніе и благотворное вліяніе имѣли на учениковъ устраиваемыя по инициативѣ попечителя литературныя и научныя бесѣды, указалъ самъ Н. И. Пироговъ въ одномъ изъ писемъ къ І. В. Бертензону, напечатанномъ, въ послѣднее время, въ «Русской Школѣ». Въ письмѣ томъ покойный Н. И. Пироговъ говорилъ:

«Ученики, безъ различія національностей, съ необыкновеннымъ рвеніемъ бросались за работу (письменную, не словесную) и подготовлялись къ устному веденію бесѣды о томъ или другомъ предметѣ и, конечно, выбирали иногда предметъ для бесѣдъ не по силамъ, но всегда по склонности, и эти склонности какъ учениковъ, такъ и учителей обнаруживались наглядно; свобода воззрѣній, конечно, недопускаемая на оффиціальныхъ урокахъ, поощряла учениковъ къ серьезному занятію предметомъ, избраннымъ для бесѣдъ, и обнаруживала неузнанныя на обыкновенныхъ урокахъ способности и знанія».

Между тѣмъ въ городѣ уже циркулировали настойчивые слухи о переводѣ Н. И. Пирогова изъ Одессы. Вскорѣ слухи превратились въ несомнѣнный фактъ, глубоко опечалившій въ особенности насъ, студентовъ. Объявлено было, что Н. И. въ извѣстный день прибудетъ проститься съ Лицеемъ. Явилась мысль объ изготовленіи благодарственной, отъ лица студентовъ, напутственной рѣчи. Рѣчь была составлена студентомъ 3-го курса Владиміромъ Антоновичемъ Аристовымъ (нынѣ старшій предсѣдатель Варшавской судебной палаты).

Помню, Аристовъ прекрасно произнесъ прощальную рѣчь. Выразивъ Н. И. глубокую благодарность и признательность за постоянно проводимыя имъ начала прямыхъ и открытыхъ отношеній къ студентамъ, за умѣлыя заботы о лучшемъ устройствѣ нашего быта и отношеній къ намъ (непосредственнаго) начальства и представителей науки, профессоровъ, Аристовъ закончилъ словами: «благодаримъ васъ, Николай Ивановичъ, за ту разумную свободу, которую вы даровали намъ. Она заставила насъ быть болѣе строгими къ своимъ поступкамъ, къ своей жизни».

— Оставляя Одесскій округъ,—отвѣчалъ Н. И. Пироговъ,—я сохраню о васъ самыя благопріятныя воспоминанія, потому что нашелъ въ васъ добрыхъ и благонамѣренныхъ студентовъ.

Въ день выѣзда студенты большой массой, кто какъ могъ, на верховыхъ лошадяхъ, въ экипажахъ, на извозчикахъ проводили Н. И. до первой почтовой станціи, простившись съ незабвеннымъ «попечителемъ» съ глубокою и неподдѣльною скорбью и съ неутѣшительною, но вѣрною мыслью, выраженною кѣмъ-то изъ товарищей, что Николая Ивановича, какъ попечителя, можно «смѣнить, не замѣнивъ».

Къ намъ назначенъ былъ Н. Р. Ребиндеръ, которому профессоры и студенты были представлены въ актовомъ залѣ. Привѣтливо обратившись къ профессорамъ, новый попечитель, между прочимъ, заявилъ намъ, студентамъ, что «всѣми силами постарается не уклониться отъ избраннаго его предшественникомъ пути, что недоразумѣнія, какія могутъ возникать, онъ надѣется, будутъ чистосердечно выясняемы чрезъ представителей отъ студентовъ».

Несмотря на такое обѣщаніе, отношенія къ намъ ближайшаго начальства и нѣкоторыхъ профессоровъ стали измѣняться къ худшему.

Въ строѣ лицейской жизни наступали другіе порядки.

І. Гр. Михневичъ выбылъ въ Кіевъ, куда назначенъ помощникомъ попечителя. Не помню, по какимъ причинамъ Н. Р. Ребиндеръ не долго оставался у насъ попечителемъ; на его мѣсто былъ назначенъ Могилянскій.

Каждый день въ Лицеѣ появлялось новое объявленіе, начинавшееся словомъ «воспрещается». Объявленія сначала прибивались на открытой доскѣ. Одно изъ нихъ, вѣроятно самое строгое, было кѣмъ-то изъ студентовъ сорвано. Объявленія стали тогда помѣщаться подъ проволочной сѣткой. Мы то-и-дѣло читали: «Воспрещается въ свободные часы (если чтеніе почему-либо не состоялось) оставаться въ стѣнахъ Лицея, собираться толпой; воспрещается входить въ читальную болѣе десяти лицъ, разговаривать; воспрещается куреніе папиросъ въ корридорахъ, разбрасываніе окурковъ» и т. д.

Наступилъ и прошелъ май 1861 года. Окончились благополучно выпускные экзамены. Мы, такъ сказать, въ преддверіи настоящей жизни. Естественная мысль — отпраздновать достиженіе цѣли, проститься съ нашимъ нетяжелымъ прошлымъ.

Насъ, болѣе близкихъ ко всему прошлому, собралось около сорока; къ намъ пристегнулись нѣсколько лицъ, постороннихъ лицею и студентской средѣ, но имѣвшихъ среди насъ каждый одного или двухъ знакомыхъ. Въ ресторанѣ Алексѣева заказанъ былъ незатѣйливый студентскій ужинъ. Оттуда по программѣ, около 3-хъ часовъ ночи, мы направились на Приморскій бульваръ встрѣтить восхожденіе солнца.

Бульваръ всегда былъ любимымъ мѣстомъ для отдыха и прогулокъ. Товарищи, переводившіеся ранѣе въ другіе университеты, разъ снова попадали въ Одессу, прежде всего отдавали дань бульвару, заявляя каждый, что никакіе виды Москвы, Кіева, а тѣмъ болѣе Харькова,

Казани не сравнятся, при южной ночи, съ видами на море съ одесскаго Приморскаго бульвара.

Въ это послѣднее для многихъ изъ насъ посѣщеніе бульвара, въ особенности при той обстановкѣ, мы пользуясь просторомъ, никѣмъ и ничѣмъ не стѣсняемые, школьничали весело, искренно, что называется, во всю.

Такое хорошее настроеніе было неожиданно прервано несерьезнымъ, но непріятнымъ эпизодомъ. Я упомянулъ, что къ нашему сплоченному кружку пристегнулись нѣсколько добровольцевъ. Въ числѣ ихъ былъ князь К. Всѣ мы болѣе или менѣе подпили. Но К., выпивши, какъ говорятъ, на грошъ, шумѣлъ, и съ нимъ постоянно возились, то подводя его какъ не могущаго идти, то удерживая его отъ намѣренія бить окна, стучать въ чужія двери.

Наконецъ я слышу крикъ К. «пустите, пустите меня! Я уже ничего лучшаго не жду отъ жизни!» При чемъ К. какъ бы намѣревался броситься съ уступовъ внизъ бульвара. Нѣкоторые изъ добродушныхъ товарищей употребляли крайнія усилія не допустить К. сорваться съ высоты около ста футовъ (три уступа).

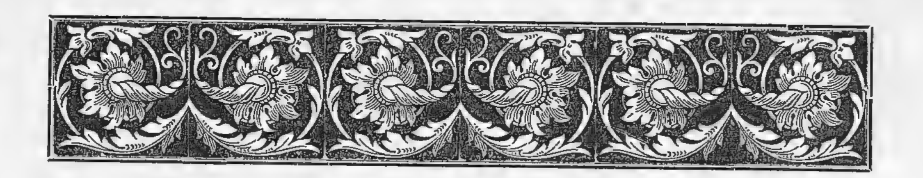
Совсѣмъ неожиданно и необдуманно я въ свою очередь крикнулъ: «оставьте его, господа! Что вы съ нимъ возитесь? Князекъ не бросится въ пропасть—ручаюсь вамъ головой». Я не предполагалъ, что товарищи отступятъ отъ К., но это случилось. Князь остался въ незавидномъ положеніи и, не додумавшись обратить все въ шутку и забывъ, что за минуту передъ тѣмъ онъ хотѣлъ казаться безсознательно пьянымъ, — самымъ серьезнымъ тономъ объявилъ мнѣ, что пришлетъ секундантовъ, а затѣмъ уѣхалъ съ бульвара не простившись.

Этотъ непріятный перерывъ не помѣшалъ нашей программѣ. Съ бульвара мы непосредственно и, конечно, по образу пѣшаго хожденія направились на хуторъ Ланжерона, гдѣ рѣшено было отдохнуть у моря, подъ покровомъ майскаго неба. Тамъ заказали мы для себя къ 2 часамъ обѣдъ, прекрасно провели день, а къ вечеру — назадъ, въ городъ, въ излюбленный нашъ пріютъ кондитерскую Кальгера.

Предупрежденіе и предварительный заказъ были излишними: у Кальгера уже все было готово для послѣдней товарищеской джонки. Сюда привезли и К., въ сущности незлобиваго сердечнаго человѣка, и мы, за общимъ брудершафтомъ, выпивъ по формѣ черезъ руку, забыли съ нимъ наше недавнее недоразумѣніе и сдѣланный имъ сгоряча вызовъ.

Проведя почти безъ сна двое сутокъ, мы простились, обнимая другъ друга съ сочувствіемъ и искренностію, пожалуй не повторявшимися впослѣдствіи, при иныхъ отношеніяхъ, къ инымъ товарищамъ.

Чрезъ день-два многіе изъ насъ были уже далеко отъ всегда мною любимой, на самомъ дѣлѣ великолѣпной Южной Пальмиры...

Гортензія Богарнэ.

I.

Во Франціи, въ бывшей области Орлеанэ [1]), существовала древняя дворянская фамилія Богарнэ, одинъ изъ представителей которой, маркизъ Богарнэ, будучи губернаторомъ подвѣтренныхъ [2]) острововъ въ Америкѣ, подружился въ 1757 году съ семействомъ Ташеръ-де-ла-Пажери, принадлежавшимъ также къ орлеанскому дворянству. Со временемъ сынъ маркиза, виконтъ Богарнэ, блестящій капитанъ 19-ти лѣтъ, вступилъ, въ 1779 году въ Парижѣ, въ бракъ съ Жозефиною Ташеръ-де-ла-Пажери [3]), имѣвшей всего 16 лѣтъ. Бракъ этотъ былъ не изъ счастливыхъ. Богарнэ—прекрасный танцоръ, очаровательный собесѣдникъ, красивый и вѣтреный офицеръ, постоянно ухаживалъ съ успѣхомъ за другими дамами, позабывая о своей женѣ, горько сѣтовавшей на такое поведеніе мужа. У нихъ въ 1781 году родился сынъ Евгеній (будущій извѣстный генералъ Наполеона I), а затѣмъ 10-го апрѣля 1782 года родилась дочь Евгенія-Гортензія. Отецъ ея въ это время былъ въ Америкѣ, куда онъ, подобно многимъ другимъ французамъ, отправился для участія въ войнѣ американцевъ за независимость, подъ начальствомъ извѣстнаго Рошамбо, Лафайетта и другихъ. По заключеніи мира Богарнэ посѣтилъ родныхъ на островѣ Мартиникѣ и скоро увлекся одною особою и подпалъ вполнѣ ея вліянію. Его супруга, оставаясь въ Парижѣ, также не отличалась безупречною вѣрностью,

---

[1]) Орлеанэ—прежняя провинція Франціи, лежавшая въ центрѣ королевства, изъ которой, при раздѣленіи Франціи на департаменты, составилось ихъ нѣсколько.

[2]) Подвѣтренными островами называется группа мелкихъ Антильскихъ острововъ въ Мексиканскомъ заливѣ, не вдалекѣ отъ острова Мартиники.

[3]) Эта Жозефина со временемъ была первою супругою Наполеона I.

вслѣдствіе чего, Богарнэ, по дошедшимъ до него о томъ извѣстіямъ, вернулся въ Парижъ съ цѣлью добиться развода. Говорятъ, что и Жозефина въ свою очередь подала просьбу о разводѣ и впредь до рѣшенія дѣла удалилась, по принятому въ то время обычаю, въ монастырь Пантемонъ, вмѣстѣ съ своею малолѣтнею дочерью. Сынъ же былъ помѣщенъ уже въ 1787 году въ пансіонъ.

Дѣло о разводѣ совершилось миролюбиво; супруги разъѣхались: сынъ остался у отца, а дочь—у матери, при чемъ отецъ обязался выдавать ежегодно на содержаніе дочери до семи лѣтъ по тысячѣ франковъ, а потомъ по полторы тысячи, выплачивая деньги по третямъ впередъ.

Вскорѣ послѣ этого въ іюнѣ 1788 года, Жозефина съ дочерью отправилась въ Мартинику къ роднымъ. Роскошная тропическая природа, при чудномъ небѣ, изумительной растительности и совершенно иной обстановкѣ, нежели во Франціи, произвели большое впечатлѣніе на малолѣтнюю Гортензію, получившую страсть къ зелени, цвѣтамъ и сельской жизни.

Пробывъ не болѣе двухъ лѣтъ въ Мартиникѣ, Жозефина, оставивъ роднымъ новорожденнаго ея ребенка, вернулась въ 1790 году съ Гортензіею въ Парижъ, гдѣ ее встрѣтилъ мужъ ея Богарнэ; они стали снова жить вмѣстѣ, словно постановленія о ихъ разводѣ не существовало.

Между тѣмъ, французская революція быстро развивалась, и въ 1793 году генералъ Богарнэ былъ назначенъ на мѣсто Кюстина начальникомъ рейнской арміи. Ему однако не удалось во-время выручить Майнцъ, который, по недостатку продовольствія, сдался непріятелямъ, и Богарнэ, опасаясь быть уволеннымъ, самъ просилъ освободить его отъ командованія. Онъ пріѣхалъ въ Парижъ и, взявъ жену и обоихъ дѣтей, уѣхалъ въ деревню Фертэ, но не надолго. Онъ былъ арестованъ и въ концѣ 1794 г. заключенъ вмѣстѣ съ супругою въ тюрьму, а дѣти ихъ были взяты на попеченіе теткою Фанни Богарнэ и все время террора провели въ Парижѣ.

Наступившій 9-й термидоръ [1]) освободилъ изъ тюрьмы Жозефину Богарнэ; мужъ же ея былъ казненъ ранѣе, имѣя всего 34 года. Она попала въ кругъ лицъ, которыя собирались у молодаго и очаровательнаго Барраса, одного изъ членовъ директоріи, и скоро сдѣлалась его любовницею; она воспользовалась этимъ положеніемъ для спасенія отъ казни и темницы многихъ изъ своихъ друзей и пріятелей. Заботясь о воспитаніи дѣтей своихъ, она помѣстила Гортензію въ извѣстный тогда пансіонъ г. Кампанъ.

Революція уничтожила, какъ извѣстно, монастыри и духовныя конгрегаціи, имѣвшія въ то время въ своихъ рукахъ монополію воспитанія

---

[1]) 28-го іюля 1794 года Робеспьеръ былъ низвергнутъ, и учреждена директорія.

лицъ женскаго пола; всѣ подобныя заведенія были закрыты. Нѣкто Жене (Genet), служившій въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, имѣлъ дочь, которой далъ хорошее по понятіямъ того времени образованіе. Извѣстный Гольдони училъ ее итальянскому языку; Дюкло, Мармонтель, Тома— знакомили съ французскою и классическою литературою. Благодаря этому она 15-ти лѣтъ сдѣлалась чтицею дочерей Людовика XV и вышла въ 1774 году замужъ за гардеробмейстера графини д'Артуа, нѣкоего Бертолэ Кампанъ (Campan) и скоро сдѣлалась первою каммеръ-юнгфершею Маріи-Антуанетты, которой не разъ аккомпанировала на арфѣ и фортепіано, когда она пѣла модные романсы Гретри. Казнь Маріи-Антуанетты разстроила спокойную жизнь г-жи Кампанъ. Лишенная всякихъ средствъ и имѣя на своемъ попеченіи престарѣлую мать, больнаго мужа и еще малолѣтняго сына, г-жа Кампанъ, ради насущнаго хлѣба, открыла учебное заведеніе для дѣвицъ, которое должно было замѣнить собою одно изъ существовавшихъ прежде при монастыряхъ. Труды ея увѣнчались успѣхомъ. Близкое знакомство съ обществомъ, правильность воззрѣній и твердость убѣжденій г-жи Кампанъ доставили извѣстность ея заведенію, которое скоро получило названіе «Сентъ-Жерменскій національный институтъ» и занимало великолѣпное помѣщеніе на улицѣ Единства, съ громаднымъ садомъ. Г-жа Кампанъ имѣла какъ бы призваніе къ преподаванію; она обучала сама большинству предметовъ, очень придерживаясь правилу обучать забавляя и совмѣщая пріятное съ полезнымъ. Хотя курсъ обученія и раздѣлялся на четыре класса, но преподаваемые предметы проходились въ небольшомъ объемѣ. За то всѣ ученицы умѣли прекрасно танцовать и дѣлать поклоны, благодаря стараніямъ моднаго учителя Кулонъ; отлично играли на арфѣ и фортепіано; много занимались пѣніемъ и живописью. Г-жа Кампанъ для этого не жалѣла средствъ и нанимала лучшихъ преподавателей. Но все вниманіе и главныя усилія г-жи Кампанъ были направлены къ развитію искусства нравиться (l'art de plaire) и умѣнья вести разговоры. Она ежедневно занималась съ воспитанницами старшаго класса спеціально разговоромъ на какую-либо, избранную ею самою тему и указывала, какъ его вести прилично, ясно, не скучно. Равнымъ образомъ, она подробно и обстоятельно внушала ежедневно правила свѣтскаго обращенія, приличія, вѣжливости, обходительности, присоединяя къ этому обыкновенно разсказы или анекдоты, относящіеся къ различнымъ случаямъ свѣтской жизни. Словомъ сказать, воспитаніе было хотя и тщательное, но свѣтское, при томъ исключительное, для лицъ достаточныхъ, при чемъ даже обращалось немного вниманія и на религіозно-нравственную сторону, такъ какъ различныя условія того времени, именно легкость нравовъ, вообще, господствовавшія воззрѣнія Вольтера и его послѣдователей и, наконецъ, отсутствіе священниковъ и

закрытіе церквей, дѣлали крайне затруднительнымъ внушеніе дѣтямъ религіозныхъ началъ. Правительство того времени воспретило г-жѣ Кампанъ устроить церковь и имѣть священника для обученія Закону Божію, сказавъ, что «нація признаетъ только безсмертіе души и Высшее Существо». Гораздо позднѣе просьба ея была удовлетворена, и преподавателемъ Закона Божьяго явился аббатъ Бертранъ, со временемъ наставникъ сына Гортензіи, Людовика-Наполеона. Нельзя не упомянуть, что г-жа Кампанъ, зорко слѣдившая за поведеніемъ и обращеніемъ своихъ ученицъ, избѣгала наказаній и старалась всегда дѣйствовать убѣжденіемъ и внушеніемъ; она даже избѣгала бранить ученицъ или дѣлать имъ выговоры въ присутствіи другихъ, находя болѣе цѣлесообразнымъ дѣлать это наединѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ у нея была установлена цѣлая система разныхъ наградъ и поощреній, начиная отъ раздачи различныхъ книгъ до поѣздокъ съ нею за городъ и посѣщенія бѣдныхъ и несчастныхъ (что̀ считалось одною изъ высшихъ наградъ).

Г-жа Кампанъ установила особенную награду за благонравіе (prix de bon caractère), разумѣя подъ этимъ хорошее поведеніе, учтивость въ обращеніи, скромность, повиновеніе, чистоту и опрятность, хорошее материнское отношеніе воспитанницъ старшаго класса къ младшимъ и т. д. Подобная награда состояла изъ искусственно сдѣланной розы, которую удостоенная надѣвала по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ (отсюда названіе ихъ rosière) и допускалась къ завтраку съ начальницею за однимъ столомъ. Высшею наградою при окончаніи курса была та же роза, поднесенная въ фарфоровой вазѣ съ соотвѣтствующею надписью.

Въ свободное отъ занятій время ученицы занимались обыкновенными дѣтскими играми, свойственными ихъ возрасту и полу. Г-жа Кампанъ, кромѣ того, старалась ихъ развлекать своими разсказами, нарочно ею составленными и впослѣдствіи изданными, а также заставляя играть небольшія комедіи. Ежегодно бывалъ большой балъ, на который, кромѣ родителей, приглашались и воспитанники учебнаго заведенія Collège Irlandais, основаннаго ирландцемъ Дермонтъ, хорошо знавшимъ г-жу Кампанъ.

Въ это-то училище Жозефина и отдала въ 1795 году свою двѣнадцатилѣтнюю дочь Гортензію, а вскорѣ послѣ того и свою племянницу Эмилію Богарнэ [1]), кузину Гортензіи, очень красивую особу. Онѣ обѣ помѣстились въ одной комнатѣ вмѣстѣ съ двумя племянницами самой г-жи

[1]) Въ эту Эмилію Богарнэ влюбился Луи Бонапартъ (будущій супругъ Гортензіи); но Наполеонъ не пожелалъ этого брака, отправилъ своего брата въ Тулонъ, а Эмилію выдалъ за своего адъютанта Лавалетта, котораго она впослѣдствіи при реставраціи спасла отъ смертной казни.

Кампанъ и скоро съ ними коротко подружились. Гортензія занималась очень прилежно и отличалась особеннымъ талантомъ къ живописи, которой и обучалась у извѣстнаго тогда Изабэ. Многія изъ дѣвицъ, находившихся вмѣстѣ съ Гортензіею въ то время въ пансіонѣ, пріобрѣли впослѣдствіи не малую извѣстность, какъ-то Зоя Талонъ (будущая извѣстная графиня Кайла, любовница Людовика XVIII); дѣвица Фодоасъ (Faudoas), современемъ герцогиня Ровиго, приближенная очень къ Наполеону I; Каролина Бонапартъ, сестра Наполеона I, будущая супруга Мюрата, извѣстная своими похожденіями съ Жюно, Меттернихомъ, Лавогюонъ (La Vauguyon) и т. д., дѣвица Леклеркъ, вышедшая за маршала Даву; дѣвица Гюло (Hulot), со временемъ супруга генерала Моро; Луиза Кошелэ, оставившая любопытныя воспоминанія о Гортензіи и т. д. Со всѣми ими Гортензія болѣе или менѣе близко подружилась.

Пока Гортензія находилась въ пансіонѣ, Жозефина, тяготясь своимъ положеніемъ, пыталась неоднократно снова устроиться, т. е. выйдти замужъ. Вступить въ бракъ съ Баррасомъ [1]) не представлялось возможнымъ, ибо онъ былъ женатъ; намѣреніе ея сдѣлаться супругою генерала Гошъ (Hoche) [2]) не осуществилось; наконецъ, ей удалось побѣдить непобѣдимаго, совершенно еще молодаго Наполеона I и вступить съ нимъ въ бракъ 19-го ventose, послѣ чего на другой день онъ отправился въ свою знаменитую итальянскую кампанію и вернулся въ Парижъ въ январѣ 1798 года, послѣ Раштадтскаго конгресса. Г-жа Кампанъ по этому поводу давала праздникъ, на которомъ ученицы играли трагедію «Эсоирь» (подражая въ этомъ г-жѣ Ментенонъ, заставившей нѣкогда воспитанницъ Сенъ-Сира играть ту же трагедію предъ Людовикомъ XIV). Наполеонъ былъ очень польщенъ этимъ. Роль Эсѳири играла Гортензія, почему-то не имѣвшая никакого расположенія къ своему вотчиму. Она была недовольна этимъ бракомъ ея матери и очень тосковала, хотя среди своихъ подругъ могла смѣло имъ гордиться. Бонапартъ недолго пробылъ въ Парижѣ и отправился въ Египетскій походъ.

---

[1]) Баррасъ, потомокъ очень древней фамиліи, родился въ 1755 году, служилъ во флотѣ у Суффрена въ Индіи и потомъ сдѣлался ревностнымъ дѣятелемъ революціи; былъ членомъ Конвента, а потомъ и директоріи. Будучи противникомъ Бонапарта, онъ послѣ переворота 19-го ноября 1799 г. (18 брюмэра) уѣхалъ въ Бельгію, гдѣ за нимъ долгое время наблюдали. Впослѣдствіи онъ вернулся во Францію и умеръ въ 1829 году. Человѣкъ безъ всякихъ принциповъ, онъ велъ самую развратную жизнь и заслужилъ презрѣніе во всѣхъ отношеніяхъ.

[2]) Гошъ родился 1768 г. близъ Версаля; одинъ изъ выдающихся генераловъ революціи и человѣкъ самыхъ строгихъ и честныхъ правилъ. Онъ пріобрѣлъ извѣстность усмиреніемъ вандейцевъ, а затѣмъ своими дѣйствіями противъ арміи роялистовъ на Рейнѣ; во время этихъ дѣйствій онъ внезапно умеръ по необъясненной причинѣ въ лагерѣ подъ Вецларомъ въ 1799 году.

Проводивъ супруга до Тулона, Жозефина поѣхала на воды въ Пломбьеръ [1]. Однажды, вечеромъ, она стояла вмѣстѣ съ другими дамами на балконѣ, какъ вдругъ балконъ обрушился. Жозефина упала, получила значительные ушибы и лишилась на время употребленія рукъ. Она вызвала къ себѣ дочь Гортензію, которая за нею ухаживала и пробыла въ Пломбьерѣ болѣе трехъ мѣсяцевъ. Это пребываніе внѣ училища ей понравилось, и она стала часто уѣзжать отъ г-жи Кампанъ, тѣмъ болѣе, что мать ея оправившись вывозила ее охотно съ собою на всѣ общественные балы. Впрочемъ, молва о поведеніи Жозефины скорѣе препятствовала успѣху Гортензіи въ обществѣ; съ нею избѣгали знакомиться вслѣдствіе поведенія ея матери, которая, пользуясь пребываніемъ мужа въ Египтѣ, возобновила сношенія съ прежнимъ поклонникомъ своимъ Ипполитомъ Шарль и помѣстила его въ Мальмэзонъ [2]), въ которомъ сама жила. Затѣмъ она все болѣе и болѣе сближалась съ членомъ директоріи Гойэ (Gohier) и его супругою, въ надеждѣ, что дружба ея съ женою послѣдняго отвратитъ всякое подозрѣніе Бонапарта и не допуститъ его придавать значенія всѣмъ разсказамъ о ея похожденіяхъ, сообщаемыхъ ему въ Египетъ какъ преданными лицами, такъ и членами его семейства, особенно его матерью и женами его братьевъ. Жозефина, для отстраненія всякаго подозрѣнія, задумала выдать Гортензію замужъ за сына Гойэ (Gohier); но его родители не пожелали имѣть подобнаго родства, не предвидя, конечно, что Гойэ будетъ со временемъ консуломъ въ странѣ, въ которой Гортензія будетъ королевою. Испытавъ эту неудачу, Жозефина вознамѣрилась женить на Гортензіи Рюбелль (Rewbell) [3]), сына одного изъ членовъ директоріи, очень молодаго человѣка, большаго прія-

---

[1]) Пломбьеръ—очень маленькое мѣстечко въ Вогезскихъ горахъ—очень замѣчательно своими цѣлебными водами, которыя посѣщалъ часто императоръ Наполеонъ III.

[2]) Мальмэзонъ (Malmaison)—небольшое имѣніе, купленное супругою Наполеона, Жозефиною, близъ Парижа въ 1798 году у семейства Кутэ (Coulteux). Она прекрасно устроила домъ, садъ, паркъ и любила въ немъ жить. Здѣсь она подготовляла переворотъ въ пользу Наполеона во время пребыванія его въ Египтѣ. Наполеонъ сперва также любилъ жить въ Мальмэзонѣ, но, послѣ провозглашенія своего императоромъ въ 1804 году, сталъ жить въ Сенъ-Клу, и Мальмэзонъ былъ заброшенъ. Послѣ развода своего Жозефина снова удалилась въ Мальмэзонъ и въ немъ доживала свой вѣкъ. Тутъ посѣтилъ ее императоръ Александръ I. По смерти Жозефины это имѣніе досталось ея сыну, принцу Евгенію, было продано шведскому банкиру, отъ котораго купила Мальмэзонъ испанская королева и снова возстановила его.

[3]) Рюбелль, род. въ 1747 г. и умеръ въ 1807 г. въ Кольмарѣ, былъ ревностный приверженецъ революціи, говорилъ противъ парламента, эмигрантовъ, священниковъ и королевской власти и настаивалъ на казни Людовика XVI. Впослѣдствіи былъ членомъ директоріи. Онъ отличался неподкупною честностью и вслѣдствіе этого имѣлъ не мало враговъ.

теля кутилы Іеронима Бонапарта. Онъ очень не нравился самой Гортензіи, которая и слышать не хотѣла о подобномъ бракѣ; къ тому же старикъ Рюбелль заявлялъ, что онъ и его сынъ слишкомъ хорошіе эльзасцы, чтобы вступать въ родство съ Жозефиною и корсиканцемъ.

Жозефина непремѣнно хотѣла воспользоваться дочерью какъ средствомъ закрѣпить свое положеніе и въ особенности среди членовъ семейства Бонапарта, относившагося къ ней враждебно. Если это ей теперь еще и не удалось, то она при посредствѣ дочери и сына добилась примиренія съ Бонапартомъ, который, возвратясь изъ Египта, не хотѣлъ даже и видѣть своей супруги. Дѣти умолили раздраженнаго генерала простить ихъ мать; супруги помирились, и Жозефина не замедлила оказать услугу Бонапарту при совершенномъ имъ въ скоромъ времени переворотѣ. Въ ночь на 18-е брюмера воспитанницы г-жи Кампанъ были пробуждены необычайнымъ шумомъ и волненіемъ народа и скоро узнали, что директорія ниспровергнута Бонапартомъ, установлено консульство, и Франція отдана на произволъ одного, хотя и геніальнаго человѣка. Вскорѣ Наполеонъ съ Жозефиною перебрались въ Люксембургскій дворецъ, куда перемѣщены были Гортензія Богарнэ и Каролина Бонапартъ. Но честолюбіе Наполеона не довольствовалось этимъ жилищемъ. Онъ со всѣми своими перебрался 19-го февраля 1800 года въ Тюльери. Тутъ Гортензія имѣла тоже свою комнату, въ которой художникъ Изабэ продолжалъ давать ей уроки живописи. Г-жа Кампанъ не позабывала свою воспитанницу, достигшую такого величія; она продолжала съ нею переписываться, давала ей всякаго рода полезные совѣты, приводила на память поступки и дѣянія предшествовавшихъ обывательницъ Тюльери и т. д. Она совѣтовала ей быть скромною, внимательною, не ослѣпляться своимъ положеніемъ, а помнить о сопряженныхъ съ нимъ обязанностяхъ, не вмѣшиваться въ дѣла политики, не увлекаться вихремъ свѣтскихъ удовольствій и т. д. Всѣ эти совѣты, изложенные теперь въ «Перепискѣ г-жи Кампанъ» (т. I), перемѣшивались не рѣдко восхваленіями Наполеона I, доходившими по назначенію, а также совѣтами, обращенными къ Гортензіи продолжать занятія и чтеніе. Г-жа Кампанъ, по просьбѣ Гортензіи, указывала ей книги, которыя было желательно, чтобы она прочла. Она составляла для Гортензіи росписаніе занятій по днямъ отъ $9^1/_2$ час. утра до 12 час., настаивала, чтобы она занималась живописью, пѣніемъ, игрою на фортепіано и т. п. Гортензія благодарила ее, спрашивала дальнѣйшихъ совѣтовъ и указаній, но на дѣлѣ едва-ли могла ими пользоваться. Тому препятствовала во многомъ шумная и веселая жизнь, которую вела Гортензія. Въ Парижѣ въ то время были постоянныя празднества по случаю побѣдъ, одерживаемыхъ Наполеономъ; во дворцѣ— происходили ежедневные пріемы и балы, на которыхъ Гортензія являлась неизбѣжнымъ украшеніемъ и въ силу своей очаровательной наружности

и также роскошнаго и изящнаго туалета. Празднества почти не прерывались. Наполеонъ, отмѣнивъ установленные революціею праздничные дни, ввелъ опять прежніе маскарады, балы въ «Операѣ», самъ давалъ часто балы у себя, а примѣру его слѣдовали всѣ прочіе. Кромѣ того, всякіе десять дней были постоянно небольшія собранія въ комнатахъ Жозефины, на которыхъ присутствовало отборное общество и всѣ, чѣмъ-либо замѣчательные люди. Самъ Бонапартъ дѣлалъ ежедневно пріемы, возобновлялъ извѣстное въ прежніе годы катанье въ Лонгшанъ; по вечерамъ—бывалъ въ театрѣ. При всемъ этомъ непремѣнно присутствовала Жозефина съ Гортензіею, которую первая все старалась пристроить за одного изъ членовъ семейства Бонапарта съ цѣлью упрочить этимъ и свое положеніе въ семействѣ, къ ней нерасположенномъ. Это не препятствовало ей однако приглашать и другихъ болѣе видныхъ молодыхъ людей, которые могли быть со временемъ выгодными женихами для Гортензіи, а въ настоящемъ—не упускали случая ухаживать за самою Жозефиною не безъ корыстныхъ, впрочемъ, цѣлей. Эти молодые люди были по преимуществу изъ семействъ прежнихъ аристократовъ и роялистовъ и надѣялись этимъ путемъ достигнуть осуществленія всевозможныхъ просьбъ, съ которыми уже въ то время они обращались къ Бонапарту. Гортензія сама обнаруживала расположеніе къ роялистамъ вообще и нерѣдко ходатайствовала за нихъ предъ Бонапартомъ, который въ минуты веселости называлъ ее маленькая Вандейка или Шуанка [1]) и подтрунивалъ тогда надъ ея роялизмомъ. Въ то время (вскорѣ послѣ Маренго) мечтали о возстановленіи монархіи и, по словамъ Буріенна, секретаря Наполеона, а также Хейдъ-де-Невилля (Hyde de Neuville, mémoires, т. I, стр. 269—270), самъ графъ д'Артуа чрезъ очаровательную герцогиню Гиншъ (Ginche) пытался вывѣдать взглядъ Наполеона на это предположеніе.

Въ числѣ выдающихся кавалеровъ роялистовъ былъ нѣкто г. Мэнъ (Mun), котораго Жозефина намѣтила въ супруги Гортензіи. Но сія послѣдняя въ то время упорно держалась само-по-себѣ прекрасному правилу, что выйдетъ замужъ только за того, кого сама полюбитъ, а потому, несмотря на всѣ доводы и убѣжденія матери, не согласилась вступить въ бракъ съ Мэномъ, не пользовавшимся нисколько ея расположеніемъ,

---

[1]) Въ провинціи Вандеѣ было упорное возстаніе всего населенія противъ революціи и въ пользу прежняго порядка. Революція съ трудомъ усмирила это возстаніе, принявшее характеръ народной войны. Сторонниковъ возстанія звали шуанами; но происхожденіе этого названія объясняется различно. Одни говорятъ, что былъ отважный предводитель шайки, носившій имя Jean Chouan; другіе же говорятъ, что возставшіе, желая дать о себѣ извѣстіе другъ-другу, подражали крику совы (chat huant), откуда и произошло данное имъ прозвище.

тѣмъ болѣе, что узнала изъ разговоровъ, что онъ былъ влюбленъ въ г-жу Сталь. Къ тому же сама Гортензія была занята въ то время очень извѣстнымъ тогда въ Парижѣ, богатымъ роялистомъ Шарль Гонто (Gontaut), очень умнымъ и привлекательнымъ человѣкомъ. Семейство Гонто не желало этого брака и, чтобы разомъ прервать всѣ дальнѣйшія къ тому стремленія, отправило Шарля въ Англію.

Присутствуя ежедневно на всѣхъ обѣдахъ и завтракахъ перваго консула, видя ежедневно множество блестящихъ молодыхъ военныхъ офицеровъ, играя и очень часто танцуя съ ними, она, не получившая полнаго и основательнаго воспитанія, скоро обратила особенно благосклонное свое вниманіе на молодаго Дюрока и изъ-за него отказала новому жениху, нравившемуся очень ея матери, графу де Пауло (de Paulo), человѣку очень обыденному и слишкомъ большому болтуну, котораго Наполеонъ скоро за неумѣстныя и смѣлыя рѣчи выслалъ изъ Парижа въ Лангедокъ.

Дюрокъ былъ адъютантомъ Наполеона и пользовался необычайнымъ его довѣріемъ. Ему было около 27—28 лѣтъ; онъ обладалъ красивою наружностью и прекрасными манерами, изысканнымъ обращеніемъ, при томъ былъ очень прямодушенъ, не очень воздержанъ въ словахъ, но очень благороденъ, честенъ и прекрасно воспитанъ. Неудивительно, что Дюрокъ обратилъ на себя вниманіе Гортензіи, которая въ него скоро совершенно влюбилась. Это конечно не укрылось отъ проницательности Наполеона I. Онъ съ удовольствіемъ согласился бы на бракъ Гортензіи съ Дюрокомъ, если бы сей послѣдній рѣшился искать ея руки, но Дюрокъ самъ повидимому не очень торопился и не былъ слишкомъ увлеченъ Гортензіею. Въ это время Дюрокъ былъ посланъ въ Петербургъ для принесенія императору Александру поздравленія со вступленіемъ на всероссійскій престолъ, и въ продолженіе своего пребыванія въ Петербургѣ переписывался съ Гортензіею, при посредствѣ секретаря Наполеона Буріенна и съ вѣдома Жозефины, желавшей теперь однако непремѣнно выдать Гортензію за брата своего мужа Луціана. Гортензіи было уже 22 года; всѣ ея подруги по пансіону большею частію вышли за мужъ; она была окружена множествомъ молодыхъ дамъ, въ числѣ которыхъ одно изъ видныхъ мѣстъ занимала ея подруга Лора Пермонъ, вышедшая за генерала Жюно [1]) и оставившая извѣстныя записки подъ именемъ герцогини д'Абрантэсъ. Гортензія желала примкнуть къ ихъ числу, а потому не очень отклоняла намѣреніе Жозефины

---

[1]) Жюно родился въ 1771 году, былъ одинъ изъ отважнѣйшихъ генераловъ Наполеона, обладалъ хладнокровіемъ, но не отличался военными дарованіями. Онъ завоевалъ Португалію въ два мѣсяца и взялъ городъ Абрантэсъ на рѣкѣ Таго, отъ чего и получилъ титулъ герцога д'Абрантэсъ.

устроить ея бракъ съ Луціаномъ, тѣмъ болѣе, что убѣдилась въ нежеланіи Дюрока сдѣлать ей предложеніе. Луціанъ Бонапартъ въ свою очередь исключительно заботился о наживѣ денегъ. Возвратясь изъ Испаніи, онъ привезъ большія сокровища и занимался, будучи министромъ внутреннихъ дѣлъ, постыдными, но весьма для него прибыльными спекуляціями на хлѣбъ, за что и лишился мѣста. Онъ вовсе не намѣревался вступить въ бракъ съ Гортензіею и далъ довольно ясно понять Жозефинѣ, которая тогда обратилась къ Луи Бонапарту, еще менѣе нравившемуся самой Гортензіи. Самъ Луи Бонапартъ былъ еще влюбленъ въ Эмилію Богарнэ, недавно только вышедшую за мужъ за Лаваллетта, и не могъ еще утѣшиться. Для разсѣянія онъ отправился въ Пруссію присутствовать на военныхъ маневрахъ, надѣясь, что Гортенсія, его вовсе нетерпѣвшая, выйдетъ тѣмъ временемъ за мужъ. Но это не оправдалось, и Луи по возвращеніи изъ Потсдама испросилъ разрѣшеніе отправиться въ Португалію, гдѣ и участвовалъ въ походѣ Леклерка. Тѣмъ не менѣе онъ не избѣгъ судьбы. По настоятельнымъ убѣжденіямъ своей супруги Бонапартъ самъ посовѣтовалъ брату жениться на Гортензіи, и Луи, не въ силахъ будучи отказать въ чемъ-либо Бонапарту, согласился на это. То же самое сдѣлала и Гортензія по внушеніямъ ея матери, хотя не чувствовала никакого расположенія къ будущему своему супругу. Кардиналъ Капрара благословилъ этотъ бракъ въ небольшой залѣ, такъ какъ церкви еще не были возстановлены, 3-го января 1802 года, а торжественное празднованіе происходило 14-го января, въ продолженіе котораго новобрачные поражали всѣхъ грустнымъ и печальнымъ своимъ видомъ.

Луи Бонапартъ обладалъ пріятною наружностью, но недугъ, пріобрѣтенный имъ въ Италіи, разстроилъ его здоровье и повліялъ на расположеніе его духа. Онъ былъ обыкновенно задумчивъ и серьезенъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ окончательно убѣдился въ нерасположеніи и даже отвращеніи къ нему его супруги. Онъ былъ довольно набоженъ, былъ болѣе строгихъ правилъ, нежели остальные его братья, любилъ читать и заниматься. Къ несчастью, онъ былъ довольно мелоченъ, принималъ упрямство за характеръ и силу воли, и полагалъ, что исполняетъ обязанности долга, занимаясь разными мелочами своей служебной дѣятельности. Онъ видѣлъ ранѣе, что Гортензія не имѣетъ никакого къ нему расположенія, и теперь, женившись, упорно старался преодолѣть ея нерасположеніе и желалъ наперекоръ всему составить счастіе своей супруги. Но Гортензія презрительно относилась ко всему этому. Она не могла простить Луи Бонапарту, что онъ, видя явное къ нему нерасположеніе съ ея стороны, не отказался заблаговременно самъ отъ ея руки. Согласившись съ досады на его предложеніе, Гортензія теперь сожалѣла объ этомъ необдуманномъ поступкѣ и

надѣялась, что мужъ не будетъ имѣть какого-либо значенія въ ея жизни, какъ это и бывало во многихъ супружествахъ. Она не обращала никакого вниманія на его любезность и предупредительность и скоро достигла того, что совмѣстная ихъ жизнь походила только на одно спокойное перемиріе. Луи Бонапартъ все болѣе и болѣе уединялся, предаваясь литературнымъ занятіямъ, супруга же его—предалась свѣтскимъ развлеченіямъ. Она каждый день выѣзжала, танцовала съ увлеченіемъ, и всѣ считали ее счастливѣйшею особою. Привлекательная ея наружность доставляла ей успѣхъ въ обществѣ и толпу поклонниковъ. Это доходило конечно до свѣдѣнія Луи Бонапарта; онъ дѣлался подозрительнымъ и мнительнымъ, упрекалъ жену въ такомъ образѣ жизни и въ порывѣ гнѣва дошелъ однажды до того, что съ полною откровенностію и подробностію разсказалъ Гортензіи образъ жизни и поведеніе ея матери, воспретивъ ей имѣть какое-либо сношеніе или свиданіе съ Жозефиною безъ его присутствія. Гортензія, дрожа отъ ужаса, слушала всѣ эти слова мужа, глубоко ее оскорбившія. Она не понимала, къ чему эти упреки и оскорбленія чести ея матери. Еще болѣе возмущалась она запрещеніемъ бывать у матери и тѣмъ строгимъ надзоромъ, который мужъ учредилъ надъ нею самою. Луи Бонапартъ платилъ прислугѣ, чтобы она слѣдила за его женой; онъ не отдавалъ Гортензіи никакихъ писемъ и записочекъ, ей присланныхъ, не прочтя ихъ предварительно самъ; онъ запрещалъ ей входить въ сношенія съ кѣмъ бы то ни было безъ его вѣдома. Это было своего рода тиранство, оправдываемое быть можетъ только тѣми наклонностями къ легкомыслію, которыя Луи Бонапартъ замѣчалъ въ своей супругѣ.

Вскорѣ однако, 10-го октября 1802 года, у Гортензіи родился сынъ, Луи Наполеонъ; она страшно полюбила младенца и проводила съ нимъ весь день, сидѣла дома и стала преимущественно заниматься искусствами. Кромѣ рисованія она много играла на арфѣ, сочиняла очень извѣстные въ то время романсы для пѣнія и сама ихъ пѣла съ большимъ выраженіемъ. Ей удалось добиться отъ мужа разрѣшенія ѣздить одной въ Мальмэзонъ, а потомъ Сенъ-Клу, гдѣ проживала Жозефина съ супругомъ, и принимать участіе въ различныхъ невинныхъ развлеченіяхъ, до которыхъ былъ охотникъ самъ первый консулъ. При этомъ Гортензія по привычкѣ кокетничала со множествомъ офицеровъ; это вызвало со стороны ея супруга сперва замѣчанія, а затѣмъ ссоры и крупныя объясненія, молва о которыхъ понемногу распространялась въ публикѣ.

Между тѣмъ было немало общаго у обоихъ супруговъ. Гортензія выказывала любовь въ литературѣ, мужъ же ея не только ее любилъ, но и самъ занимался ею; онъ писалъ даже сонеты Гортензіи, которые она принимала съ презрительнымъ высокомѣріемъ. Луи Бонапартъ любилъ

музыку, предлагалъ своей супругѣ играть съ нею вмѣстѣ, но она упорно отказывала ему въ этомъ. Онъ сталъ приглашать къ себѣ литераторовъ, ученыхъ и артистовъ того времени; Гортензія употребляла тогда всѣ средства, чтобы очаровывать ихъ своею любезностію и обходительностію. Такимъ образомъ всѣ лучшія намѣренія Луи Бонапарта обращались ему же во вредъ, потому что съ самаго перваго дня замужества Гортензія упорно на него досадовала, какъ упрямый ребенокъ. Самъ Наполеонъ Бонапартъ не рѣдко дѣлалъ Гортензіи замѣчанія относительно слишкомъ развязнаго и предосудительнаго обращенія ея съ адъютантами и другими придворными.

Скоро консульство преобразилось въ имперію; папа короновалъ Наполеона въ 1804 году. Луи Бонапартъ былъ сдѣланъ констаблемъ имперіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ изданъ законъ о престолонаслѣдіи, по которому, за неимѣніемъ потомства у императора, престолъ переходилъ къ потомству Іосифа и Луи, сдѣланнымъ принцами имперіи. Это увеличило еще больше вражду семейства Бонапартовъ и Богарнэ. Гортензія первое время имперіи отличалась скромностію и отсутствіемъ всякаго честолюбія, она была къ тому же опять не въ ладахъ съ мужемъ, рѣзко съ нею обращавшимся. Съ этого времени начинается и разстройство здоровья Гортензіи, объясняемое также второю ея беременностію, послѣдствіемъ которой было рожденіе 11-го октября 1804 г. втораго сына Луи Наполеона, котораго и крестилъ папа Пій VII. Жозефина была очень обрадована этимъ рожденіемъ внука, который, по ея мнѣнію, обезпечивалъ наслѣдственность престола и собственное ея положеніе.

Отправившись въ слѣдующемъ году въ Булонскій лагерь, Наполеонъ взялъ съ собою супругу, Мюрата и пригласилъ туда же Гортензію, которая одна и пріѣхала. Наполеонъ оказалъ ей всевозможныя военныя почести, подробно описанныя ею въ воспоминаніяхъ. Маршалъ Даву устроилъ великолѣпный завтракъ въ палаткахъ въ Амблетёзъ, маршалъ Ней давалъ большой праздникъ въ Монтрёль, на кораблѣ возили ее смотрѣть англійскій и голландскій флоты. Послѣ осьмидневнаго пребыванія Жозефина возвратилась назадъ, Наполеонъ же отправился въ Италію и короновался желѣзною короною лангобардовъ въ Миланѣ. Въ это время Луи Бонапартъ купилъ себѣ близъ Парижа въ долинѣ Монморанси прекрасное помѣстье Сенъ-Ле (Saint Leu) и занялся украшеніемъ своего замка. Гортензія же по-прежнему упорно досадовала на мужа, представляла изъ себя жертву, вздыхала и словно утомленная борьбою ожидала только смерти для избавленія отъ страданій.

Отправляясь въ кампанію, пріобрѣвшую извѣстность пораженіемъ непріятеля подъ Ульмомъ и Аустерлицемъ, Наполеонъ назначилъ брата Луи главнымъ начальникомъ резервныхъ войскъ въ Парижѣ и приказалъ ему много принимать и давать вечера для оживленія столицы во

время его отсутствія. Не задолго передъ этимъ онъ основалъ пріюты для сиротъ лицъ, имѣвшихъ орденъ Почетнаго Легіона, и сдѣлалъ Гортензію главною попечительницею оныхъ.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ стали опасаться высадки англичанъ на берега Голландіи. Наполеонъ приказалъ тогда Луи отправиться въ Голландію и принять всѣ необходимыя мѣры къ оборонѣ страны и въ то же время осмотрѣть подробно сѣверную армію. Императоръ уже рѣшилъ обратить Батавскую республику въ королевство, а также и то, что королемъ будетъ сдѣланъ Луи, поѣздка котораго должна была положить главныя основанія тѣхъ сношеній, которыя будутъ существовать со временемъ между Голландіею и его братомъ.

Луи отправился въ Голландію, и его супруга была очень счастлива, что осталась одна въ Парижѣ. Она не замедлила принимать у себя небольшое число пріятельницъ, прежнихъ учениць г-жи Кампанъ. Онѣ всѣ занимались музыкою, рисовали за большимъ столомъ и запросто пили чай. Все это было бы очень невинно, если бы только Гортензія не занималась чрезъ-чуръ военными и артистами, бывавшими также на этихъ вечерахъ, и не поражала бы ихъ всѣхъ своею очаровательною любезностію. Впрочемъ, скорое возвращеніе Луи Бонапарта положило конецъ этимъ собраніямъ, къ большой досадѣ Гортензіи, которая была мало утѣшена даже тѣмъ, что 4-го марта 1806 года она и ея братъ были признаны дѣтьми Наполеона. Въ минуту тоски и досады она сообщала своей матери о всѣхъ самыхъ сокровенныхъ горестяхъ супружеской жизни. Поѣздка въ Голландію повліяла неблагопріятно на здоровье Луи Бонапарта: прежняя его болѣзнь проявилась съ бо̀льшею силою; извѣстный Корвизаръ [1]), не находя болѣе средствъ къ исцѣленію, въ отчаяніи посовѣтовалъ ему захворать коростою (т. е. паршею), съ цѣлью вызвать наружу дурные соки, которые, скрываясь внутри организма Луи Бонапарта, лишали его возможности пользоваться руками и ногами. Это хотя и объясняли простудою, но неосновательно; это было прямое послѣдствіе болѣзни, пріобрѣтенной въ Италіи. Корвизаръ убѣдилъ Луи достать рубашку и постельное бѣлье больнаго, одержимаго паршею (коростою), и спать въ нихъ. Онъ это и сдѣлалъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ требовалъ, чтобы Гортензія по-прежнему спала въ одной съ нимъ комнатѣ, хотя и на отдѣльной кровати. Конечно, подобное требованіе было и оскорбительно, и безполезно, и крайне непріятно. Онъ же, какъ говорятъ, бралъ

[1]) Корвизаръ, род. 1775 г., сынъ адвоката, онъ и самъ предназначался на это. Но природное влеченіе и наклонность къ медицинѣ одержали верхъ. Онъ сталъ прилежно заниматься медициною и скоро сдѣлался профессоромъ, а потомъ и врачемъ Наполеона и Жозефины, которая встрѣчала его ранѣе у Барраса. Въ 1805 году онъ сдѣланъ барономъ и получилъ орденъ Почетнаго Легіона. Онъ умеръ въ 1821 году, оставивъ много сочиненій по медицинѣ.

еще и ванны изъ внутренностей животныхъ, заражавшихъ воздухъ на далекомъ пространствѣ. Корвизаръ былъ того мнѣнія, что воздухъ въ подобной спальнѣ вреденъ для здоровья Гортензіи, и сообщилъ объ этомъ Жозефинѣ, которая не замедлила передать это мужу своему, выразившему по этому поводу крайнее удивленіе и неудовольствіе своему брату. Однако Луи Бонапартъ на этотъ разъ обнаружилъ сопротивленіе и сказалъ своему могущественному брату, что онъ хозяинъ у себя въ домѣ, что никто не въ правѣ вмѣшиваться въ его домашнія дѣла, что ему одному принадлежитъ рѣшеніе вопроса о надлежащемъ обращеніи съ своею женою и что при дальнѣйшемъ вмѣшательствѣ въ его семейную жизнь онъ удалится за границу. Наполеонъ не сталъ настаивать, видя что если братъ его и не правъ по отношенію къ своей женѣ, то онъ лично не въ силахъ принудить его обходиться съ нею иначе. Онъ совѣтовалъ Гортензіи быть потерпѣливѣе, а Луи—обходиться съ нею болѣе снисходительно и ласково.

Вскорѣ въ Парижъ явилась депутація изъ Голландіи для объясненія и переговоровъ о новой формѣ правленія. Послѣ непродолжительныхъ объясненій, 15-го іюня было возвѣщено объ учрежденіи вновь Голландскаго королевства, а королемъ его былъ назначенъ Луи Бонапартъ, безъ предварительныхъ съ нимъ объясненій объ этомъ. Наполеонъ сказалъ ему, что голландцы сами предназначаютъ ему корону, отъ которой онъ не въ правѣ отказаться. Гортензія была очень этимъ довольна; новая конституція опредѣляла, что при малолѣтствѣ она будетъ регентшею. Луи самъ видѣлъ въ этомъ возможность отдалить свою супругу отъ слишкомъ развязнаго двора Наполеона и подчинить ее вполнѣ образу жизни, соотвѣтствующему его понятіямъ и вкусу.

Настало время отъѣзда въ новое королевство. Гортензія предпочла бы отправить въ Голландію только своего супруга и остаться самой королевою Голландіи въ Парижѣ. Она просила Наполеона разрѣшенія остаться, ссылаясь на слабость своего здоровья, сырой климатъ Голландіи и на все усиливающееся несогласіе ея съ мужемъ. Однако Наполеонъ не тронулся этимъ и настоялъ на томъ, чтобы Гортензія ѣхала вмѣстѣ съ мужемъ въ Голландію. Супруги въ непродолжительномъ времени совершили торжественный въѣздъ въ Гаагу и поселились въ королевскомъ дворцѣ, убранномъ весьма просто и скромно. Чтобы не обременять бюджета, Луи удовольствовался тѣмъ, что имѣлось.

Впрочемъ нельзя утверждать, чтобы король былъ хорошо принятъ въ странѣ, въ которой былъ призванъ царствовать. Его считали врагомъ Голландіи и смотрѣли на учрежденіе королевства какъ на переходную мѣру къ полному присоединенію Голландіи къ Французской имперіи. Несмотря на то, Луи принялся добросовѣстно исполнять лежавшія на немъ обязанности, обнаруживъ при этомъ трудолюбіе и чрезвы-

чайную любовь къ порядку и бережливости. Онъ берегъ деньги своихъ подданныхъ, соблюдалъ крайнюю во всемъ экономію и опредѣлилъ въ точности всѣ расходы собственнаго двора. Это очень понравилось голландцамъ, но Луи скоро отступилъ отъ этихъ мудрыхъ правилъ. Онъ поставилъ дворъ на слишкомъ большую ногу, взявъ при томъ по преимуществу французовъ. Штатъ королевы, также очень многочисленный, состоялъ исключительно изъ дамъ парижскаго общества, въ числѣ которыхъ была и дѣвица Кошелэ (Cochelet), подруга Гортензіи по пансіону, оставившая намъ любопытныя свои записки. Аббатомъ при дворѣ Гортензіи былъ прежній ея учитель Бертранъ, будущій первый наставникъ ея сына Наполеона III.

Всѣ лица, состоявшія при дворѣ, принадлежали къ старому французскому дворянству, къ роялистамъ, которымъ особенно благоволила Горсонзія. При ея дворѣ мало-по-малу водворялись порядки, расходы и наряды прежняго французскаго двора. Голландія же въ то время была далеко не въ цвѣтущемъ состояніи. Торговля ея была въ упадкѣ, порты и склады—пусты, лавки въ большинствѣ закрыты. Не было никакого движенія и жизни въ городахъ, нѣкогда кипѣвшихъ дѣятельностію; на улицахъ поросла трава; оставшіяся немногія богатыя семейства жили очень скромно и просто среди всеобщаго разоренія. Въ такой-то странѣ, разоренной вторженіемъ французовъ въ началѣ революціи, а затѣмъ континентальною системою, предстояло Гортензіи царствовать и съумѣть понравиться. Послѣднее ей впрочемъ удалось въ такой же мѣрѣ, какъ и ея мужу. Гортензія, устроивъ домъ, принялась опять за развлеченія. Она посѣщала различные музеи и могла вполнѣ удовлетворить свой артистическій вкусъ. Осматривая различныя достопримѣчательности въ окрестностяхъ, она вздумала посѣтить деревню Брэкъ [1]), гдѣ находились огромные склады сокровищъ, пріобрѣтенныхъ прежнею торговлею голландцевъ и состоявшихъ изъ драгоцѣнныхъ камней, кружевъ, и проч. Но какъ королева не предувѣдомила о своемъ посѣщеніи, то по правиламъ и не была допущена въ деревню (въ которую постороннихъ не пускаютъ), къ великой ея досадѣ. Но дѣлать было нечего; необходимо было подчиниться установленнымъ правиламъ. Труднѣе гораздо было для нея послѣдовать новому требованію ея супруга. Онъ пожелалъ, чтобы Гортензія вела жизнь уединенную и вполнѣ скромную, вѣроятно побужденный къ этому неисправимымъ кокетствомъ Гортензіи, возбуждав-

---

[1]) Деревня Брэкъ—цвѣтущее мѣстечко въ сѣверной Голландіи, недалеко отъ Амстердама; это резиденція богатыхъ голландскихъ купцовъ, достигшихъ богатства до неслыханныхъ размѣровъ; улицы и тротуары въ деревнѣ были фаянсовые, тщательно ихъ мыли, не пускали ѣздить въ экипажахъ и ходить животнымъ. Иноземцы также не могли проникнуть въ улицу, не надѣвъ особыхъ войлочныхъ туфель и т. д.

шимъ въ немъ сильную ревность, быть можетъ и лишенную въ то время всякаго основанія. Это конечно дошло скоро до Наполеона, писавшаго брату 4-го апрѣля 1807 года изъ Финкенштейна, чтобы онъ измѣнилъ обращеніе съ своею женою. «Ты имѣешь лучшую и самую добродѣтельную жену,—пишетъ Наполеонъ,—и ты дѣлаешь ее несчастною. Пусть она пляшетъ сколько ей угодно, это вполнѣ естественно въ ея годы. Моей женѣ сорокъ лѣтъ, и я съ поля сраженія пишу ей, чтобы она отправлялась на балъ. А ты хочешь, чтобы женщина въ двадцать лѣтъ, полная жизни и мечтаній, проводила время въ монастырѣ или была бы кормилицею, вѣчно занятою дѣтьми. Ты слишкомъ много проявляешь свою личность въ домашней своей жизни и слишкомъ мало въ управленіи страною. Сдѣлай счастливою мать своихъ дѣтей. Къ этому имѣется одно только средство: оказывать ей полное уваженіе и довѣріе. Къ несчастью, ты имѣешь слишкомъ добродѣтельную жену; если бы твоя жена была бы кокетка, она ловко водила бы тебя за носъ».

Луи Наполеонъ, будучи только четырьми годами старше своей супруги, былъ слишкомъ рѣзокъ и настойчивъ въ обращеніи съ нею и не зналъ, что въ семейной жизни еще болѣе, нежели въ политикѣ, надо часто уменьшать и ослаблять выраженія мыслей и чувствъ, не надо быть до крайности откровеннымъ. Въ настоящемъ случаѣ супруги откровенно высказывали взаимное нерасположеніе и даже отвращеніе, и это окончательно ихъ поссорило.

Подобная жизнь, сопровождаемая исключительно только горемъ и непріятностями, могла разстроить и самое крѣпкое здоровье. Неудивительно, что Гортензія начинаетъ недомогать и постоянно жаловаться на нездоровье, объясняя это сырымъ климатомъ Голландіи. Король, еще болѣе болѣзненный, страдалъ гораздо значительнѣе отъ сырости, но не жаловался однако и готовъ былъ не вѣрить словамъ своей супруги, объясняя ихъ ея желаніемъ перемѣнить мѣстожительство. Оба они видимо таяли, но каждый изъ нихъ замѣчалъ это только на себѣ. Гортензія наконецъ впала въ какую-то мрачную меланхолію, король же, не будучи тираномъ, переселилъ ее въ загородный домъ на морскомъ берегу. Но извѣстно, что ничто не располагаетъ къ меланхоліи въ такой сильной мѣрѣ, какъ ежедневный и постоянный видъ моря. Гортензія впала окончательно въ полное уныніе; тогда доктора сочли необходимымъ отправить ее на воды въ Аахенъ (Aix la Chapelle); король послѣдовалъ за нею, чтобы пользоваться и самому водами. Вскорѣ Гортензія, въ октябрѣ 1806 года, когда Наполеонъ начиналъ свою знаменитую прусскую кампанію, отправилась въ Майнцъ къ Жозефинѣ, которая находилась въ этомъ городѣ во время военныхъ дѣйствій. Туда же пріѣхала мило-

видная и капризная молодая принцесса Баденская Стефанія [1]), которою увлекался Наполеонъ. Начались опять всякія увеселенія и забавы, играли даже въ жмурки, при чемъ никто и не помышлялъ о кровавыхъ битвахъ подъ Іеною и Ауерштедтомъ.

Пришлось наконецъ возвращаться въ Гаагу и снова жить вмѣстѣ съ ненавистнымъ мужемъ; начались снова всякія ссоры, доказавшія полную невозможность совмѣстной жизни. Супруги рѣшили жить отдѣльно, на разныхъ половинахъ. Гортензія проводила время въ праздности, болтая съ состоявшими при ней дамами. Мужъ же ея предавался все болѣе и болѣе занятіямъ отчасти по долгу, отчасти чтобы забыться отъ непріятностей, которыхъ было немало. Къ непріятностямъ семейнымъ присоединились непріятности по управленію. Наполеонъ настоятельно требовалъ осуществленія континентальной блокады. Это было разореніе для Голландіи; Луи Бонапартъ это понялъ и старался разными изъятіями и разрѣшеніями ослабить суровость этой мѣры. Это вызвало неудовольствіе Наполеона, требовавшаго отъ своего брата точнаго и неуклоннаго исполненія его приказаній. Кончилось тѣмъ, что Луи Бонапартъ чрезъ нѣкоторое время отказался отъ престола. Вскорѣ постигло его новое семейное несчастіе.

П. Майковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

[1]) Это Стефанія Богарнэ, вышедшая по требованію Наполеона на Пресбургскомъ мирѣ замужъ за великаго электора Баденскаго.

О тайномъ ввозѣ въ Россію сочиненія Н. Тургенева.

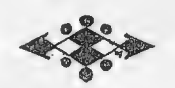
Письмо графа Орлова—Л. А. Перовскому.

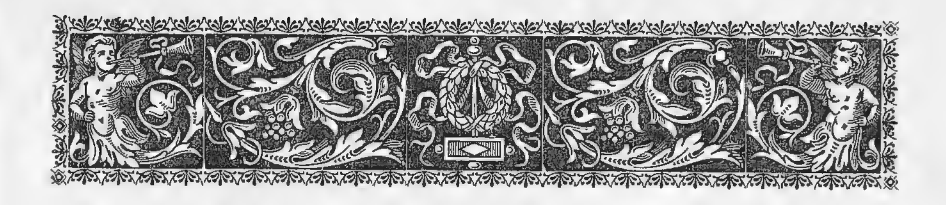
15-го августа 1847 г. № 1355.

Дошло до меня свѣдѣніе, что въ недавнемъ времени проникла въ Россію книга, подъ заглавіемъ «Les mémoires d'un proscrit», сочиненія государственнаго преступника Николая Тургенева, и что для провоза этой книги употребленъ былъ тотъ подлогъ, что первыя страницы въ оной заключаютъ въ себѣ листы изъ «L'histoire universelle de Segûre». По сдѣланнымъ же мною негласнымъ розысканіямъ обнаруживается, что сочиненіе Тургенева ввезено въ числѣ 50 экземпляровъ, которые всѣ распроданы.

Какъ съ одной стороны книгопродавцы, продававшіе это изданіе, безъ сомнѣнія будутъ отклонять отъ себя вину, а съ другой—дознано, что запрещенныя сочиненія почти всегда ввозятся не книгопродавцами, а модными торговками и уже ими раздаются книгопродавцамъ, то я полагаю, что формальное преслѣдованіе этого дѣла не приведетъ къ желаемымъ послѣдствіямъ; но съ тѣмъ вмѣстѣ, считая моею обязанностію предупреждать подобныя злоупотребленія, обращаюсь къ вашему высокопревосходительству съ покорнѣйшею просьбою, не изволите ли приказать объявить всѣмъ книгопродавцамъ, что недобросовѣстныя дѣйствія нѣкоторыхъ изъ нихъ извѣстны правительству, а также взять съ нихъ подписку въ томъ, что не будутъ заниматься продажею запрещенныхъ сочиненій подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ подвергнуться взысканію.

Обязываюсь присовокупить, что я съ симъ вмѣстѣ сообщилъ о вышеизложенномъ г. министру финансовъ, дабы онъ приказалъ имѣть и въ таможняхъ бдительнѣйшій надзоръ за недопущеніемъ къ тайному водворенію въ Россію запрещенныхъ сочиненій, а также извѣстилъ объ этомъ и г. министра народнаго просвѣщенія.

Листки изъ дневника М. К. Мердеръ.

(Переводъ съ французскаго).

5-го февраля 1836 г. Среда.

Съ вечера у княгини Голицыной пришлось уѣхать на балъ къ княгинѣ Бутеро.

На лѣстницѣ рядами стояли лакеи въ богатыхъ ливреяхъ. Рѣдчайшіе цвѣты наполняли воздухъ нѣжнымъ благоуханіемъ. Роскошь необыкновенная!

Поднявшись наверхъ, матушка и я очутились въ великолѣпномъ саду—предъ нами анфилада салоновъ, утопающихъ въ цвѣтахъ и зелени. Въ обширныхъ аппартаментахъ раздавались упоительные звуки музыки невидимаго оркестра. Совершенно волшебный, очарованный замокъ. Большая зала съ ея бѣломраморными стѣнами, украшенными золотомъ, представлялась храмомъ огня—она пылала.

Оставались мы въ ней недолго: въ этихъ многолюдныхъ, блестящихъ собраніяхъ задыхаешься...

Въ толпѣ я замѣтила Д'Антеса, но онъ меня не видѣлъ. Возможно, впрочемъ, что просто ему было не до того.

Мнѣ показалось, что глаза его выражали тревогу—онъ искалъ кого-то взглядомъ и, внезапно устремившись къ одной изъ дверей, исчезъ въ сосѣдней залѣ.

Чрезъ минуту онъ появился вновь, но уже подъ руку съ госпожею Пушкиною.

До моего слуха долетѣло: «Partir—y pensez Vous bien, Madame,—je ne le crois pas – ce n'était pas là Votre intention»... [1])

[1]) Уѣхать—думаете ли вы объ этомъ—я не вѣрю этому—это не ваше намѣреніе.

Выраженіе, съ которымъ произнесены эти слова, не оставляло сомнѣнія насчетъ правильности наблюденій, сдѣланныхъ мною ранѣе,—они безумно влюблены другъ въ друга!

Пробывъ на балу не болѣе получаса, мы направились къ выходу: баронъ танцовалъ мазурку съ г-жею Пушкиной—какъ счастливы они казались въ эту минуту!..

22-го января 1837 г. Пятница.

На балу я не танцовала. Было слишкомъ тѣсно.

Въ мрачномъ молчаніи я восхищенно любовалась г-жею Пушкиной. Какое восхитительное созданіе!

Д'Антесъ провелъ часть вечера неподалеку отъ меня. Онъ оживленно бесѣдовалъ съ пожилою дамою, которая, какъ можно было заключить изъ долетавшихъ до меня словъ, ставила ему въ упрекъ экзальтированность его поведенія.

Дѣйствительно—жениться на одной, чтобы имѣть нѣкоторое право любить другую, въ качествѣ сестры своей жены,—Боже! для этого нуженъ порядочный запасъ смѣлости (courage)...

Я не разслышала словъ, тихо сказанныхъ дамой. Что же касается Д'Антеса, то онъ отвѣтилъ громко, съ оттѣнкомъ уязвленнаго самолюбія:

— J'entend, madame, ce que Vous voulez me faire comprendre, mais c'est que je ne suis pas du tout sûr, moi, d'avoir fait une bêttise!

— Prouvez au mondeque Vous saurez être un bon mari... et que les bruits qui courent ne sont pas fondés!

— Merci, mais le monde n'a qu'à me juger [1])!

Минуту спустя я замѣтила проходившаго А. С. Пушкина. Какой уродъ! (Quel monstre!)

Разсказываютъ,—но какъ дерзать довѣрять всему, о чемъ болтаютъ?! Говорятъ, что Пушкинъ, вернувшись какъ-то домой, засталъ Д'Антеса tête-à-tête со своею супругою.

Предупрежденный друзьями, мужъ давно уже искалъ случая провѣрить свои подозрѣнія; онъ съумѣлъ совладать съ собою и принялъ участіе въ разговорѣ. Вдругъ у него явилась мысль потушить лампу, Д'Антесъ вызвался снова ее зажечь, на что Пушкинъ отвѣчалъ: «не безпокойтесь, мнѣ, кстати, нужно распорядиться насчетъ кое-чего» . .

Ревнивецъ остановился за дверью и чрезъ минуту до слуха его долетѣло нѣчто похожее на звукъ поцѣлуя. . .

---

[1]) — Я понимаю то, что вы хотите дать мнѣ понять, но я совсѣмъ не увѣренъ, что сдѣлалъ глупость!

— Докажите свѣту, что вы съумѣете быть хорошимъ мужемъ. . . и что ходящіе слухи не основательны.

— Спасибо, но пусть меня судитъ свѣтъ.

Впрочемъ, о любви Д'Антеса извѣстно всѣмъ. Ее, якобы, видятъ всѣ.

Однажды вечеромъ, я сама замѣтила, какъ баронъ, не отрываясь, слѣдилъ взорами за тѣмъ угломъ, гдѣ находилась она. Очевидно, онъ чувствовалъ себя слишкомъ влюбленнымъ для того, чтобы, надѣвъ маску равнодушія, рискнуть появиться съ нею среди танцующихъ.

28-го января 1837 г. Четвергъ.

Только-что были г.г. Лип. Фид... Они сообщили о кончинѣ г. Пушкина. Какъ быстро распространяются слухи! Еще утромъ намъ объ этомъ говорилъ кто-то изъ прислуги. Вотъ къ чему привела женитьба барона Д'Антеса! Разъ дуэли было суждено состояться, то ужъ не проще ли было покончить съ мужемъ прежде, чѣмъ обвѣнчаться съ сестрою его жены? Теперь же послѣднее представляется совершенно невозможнымъ. Каково положеніе вдовы!?

Говорятъ, встрѣча произошла въ 4 часа утра, послѣ бала. Пуля попала въ животъ и тамъ засѣла. Подробности дуэли мнѣ еще не извѣстны. Завтра все узнаемъ въ тысячѣ пересказовъ—запишу нѣсколько варіантовъ, чтобы было изъ чего выбрать заслуживающій наибольшаго довѣрія.

Сегодня утромъ уѣхала лэди Лондондери. Я видѣла, какъ она садилась въ карету. Ее провожалъ кавалеръ въ шляпѣ, украшенной бѣлымъ плюмажемъ. Они поцѣловались; затѣмъ онъ пожалъ ей руку на англійскій манеръ и отеръ слезу...

Маркиза была очаровательна: головку ея украшала шапочка (фасонъ вродѣ нашихъ кучерскихъ) небесно-голубаго бархата, отдѣланная бѣлымъ мѣхомъ. На плечахъ красовалась великолѣпная шуба.

Вчера къ ней заѣзжалъ государь императоръ, и у подъѣзда перебывало великое множество народа. Кто былъ господинъ, провожавшій ее утромъ,—не разглядѣла—я слишкомъ близорука. Думала, что это Гал..., или Ап..., но исторія Д'Антеса заставляетъ теперь въ этомъ сомнѣваться.—Сегодня утромъ врядъ ли онъ [1]) могъ быть свободенъ.

Пушкинъ, несомнѣнно, великій поэтъ. Не знаю, представлялъ ли онъ изъ себя еще что-нибудь. О немъ говорятъ, какъ о человѣкѣ грубомъ (brutal). Но кто, въ концѣ концовъ, не грубъ? Особенно, когда имѣешь глупость жениться на писанной красавицѣ, будучи столь некрасивымъ! (étant aussi laid soi même) [2]).

29-го января. Пятница.

Въ моемъ распоряженіи двѣ версіи. Тетя разсказываетъ одно, бабушка совсѣмъ другое—послѣднее мнѣ милѣе. У бабушки Д'Антесъ-де-

---

[1]) который изъ двухъ?

[2]) (Будучи столь некрасивъ). Примѣч. перевод.

Геккеренъ является «en chevalier galant» [1]). Если вѣрить тетѣ—«c'est un personnage brutal» [2]).

Говорятъ, будто со дня свадьбы, даже ранѣе вѣнчанія, Пушкина преслѣдовали анонимныя письма. Одно изъ нихъ онъ не въ силахъ былъ переварить: подъ изображеніемъ роговъ стояло множество именъ обманутыхъ мужей, выражавшихъ свое восхищеніе по поводу того, что общей ихъ участи не избѣжалъ человѣкъ, пользующійся репутаціею далеко не добродушнаго, которому случается даже и поколачивать жену...

Таковъ смыслъ письма, имѣвшаго рѣшающее значеніе.

Пушкинъ показалъ его барону Д'Антесу: тогда послѣдній, будто бы, сказалъ:

— Послушайте, когда обладаешь женой красавицей, тогда не слѣдуетъ удѣлять много вниманія злымъ выходкамъ подобнаго рода.

— Быть можетъ, вы правы,—отвѣтилъ Пушкинъ,—но я, тѣмъ не менѣе, прошу, чтобы нога ваша не была въ моемъ домѣ.

На это Д'Антесъ возразилъ:

— Если вы любите вашу супругу, то также ли сильна любовь ваша и къ ея сестрѣ? Отчего вы не допускаете мысль, что я прихожу для нея?

— Если такъ—то женитесь на ней.

Вотъ какъ сдѣлалось дѣло.

Цѣною этого самопожертвованія удавалось спасти репутацію любимой женщины.

Тетя разсказываетъ, будто Д'Антесъ стрѣлялъ первымъ и ранилъ Пушкина, который упалъ, но затѣмъ поднялся со словами: le combat n'est pas fini—tenez Vous, Monsieur, tranquille [3])! выпустилъ зарядъ. Д'Антесъ, раненый въ плечо, въ свою очередь падаетъ. Пушкинъ спрашиваетъ «убитъ?» Секундантъ противника отвѣчаетъ: «Нѣтъ».

— Жаль,—произноситъ Пушкинъ и лишается чувствъ — его рана смертельна.

Возможно ли, имѣя прострѣленныя внутренности, найти въ себѣ достаточно силы, чтобы стрѣлять?

Бал...инъ, очевидно, правъ, говоря, что всѣ женщины отдаютъ предпочтеніе бездѣльникамъ (aux mauvais sujets): Д'Антесъ мнѣ симпатичнѣе Пушкина...

Секундантомъ Д'Антеса былъ молодой человѣкъ изъ французскаго посольства—это также говоритъ въ его пользу: онъ не хотѣлъ компрометировать кого-либо изъ товарищей по полку.

---

[1]) Галантнымъ рыцаремъ.

[2]) Это—грубая личность.

[3]) Бой не конченъ, стойте, милостивый государь, смирно.

Государь послалъ сказать Пушкину—чтобы онъ умеръ, какъ подобаетъ доброму христіанину.

Матушка послала камердинера узнать, живъ ли А. С. Пушкинъ.

У Су...невыхъ говорили о Пушкинской исторіи. Самъ С. вполнѣ порядочный человѣкъ, но служитъ въ полку, соперничающемъ съ кавалергардскимъ, а потому естественно было бы слышать отъ него что-либо, говорящее не въ пользу Д'Антеса—слабость, свойственная честнѣйшимъ людямъ: соперники всегда обладаютъ недостатками...

— Несомнѣнно Д'Антесу, увлеченному до безумія г-жею Пушкиной, не слѣдовало жениться на ея сестрѣ, но разъ онъ это сдѣлалъ, нельзя не сказать,—говоритъ Су...евъ,—что этимъ онъ думалъ спасти репутацію той, которую любилъ. Поступокъ необдуманный, но являющій признаки высокой души, особенно послѣ того, какъ всѣмъ было говорено о рѣшимости ѣхать во Францію, съ цѣлью положить конецъ оскорбительнымъ толкамъ и клеветѣ, распространеннымъ въ обществѣ насчетъ г-жи Пушкиной. На этихъ дняхъ Д'Антесъ получилъ отъ ея мужа письмо, полное самыхъ оскорбительныхъ выраженій. Не оставалось ничего другаго, какъ требовать удовлетворенія, или, по меньшей мѣрѣ, объясненій. Пушкинъ принялъ вызовъ. Д'Антесъ стрѣлялъ первымъ и ранилъ противника, который упалъ. Тогда секундантъ Д'Антеса спросилъ: «не пора ли кончить?»

— Нѣтъ!—отвѣчалъ раненый и, минуту спустя, потребовалъ оружіе, крикнувъ Д'Антесу «стойте хорошенько!»

Выстрѣлъ былъ неудаченъ. Молодой французъ, секундантъ Д'Антеса, повторилъ—«теперь кончено!»

— Нѣтъ,—сказалъ Пушкинъ, и, потребовавъ, чтобы его поддержали, прицѣлился снова и ранилъ Д'Антеса въ руку, послѣ чего тотъ, въ свою очередь, упалъ.

Пушкинъ, улыбаясь, спросилъ: «онъ умеръ?»

— Нѣтъ!—отвѣтилъ французъ.

— Жаль!—проговорилъ Пушкинъ.

Какъ только Д'Антесъ оправится, онъ съ женою уѣдетъ за границу. Вотъ его собственныя слова: «Уѣду, и ее увезу съ собою». Онъ говоритъ всѣмъ, кто хочетъ его слушать, что женился, дабы спасти честь сестры жены отъ оскорбительной клеветы, но теперь считаетъ своимъ долгомъ заняться несчастною жертвою, ставшею его женою.

Пусть говорятъ послѣ этого, что въ дѣйствіяхъ его сказывается нѣчто возвышенное (du reélement grand), а у его противника заключается нѣчто грубое, дьявольское (brutalement diabolique!).

По крайней мѣрѣ онъ не измѣнилъ своей любви и испытанной храбрости—Ces têtes chaudes de notre siècle—les têtes françaises! [1])

[1]) Эти горячія головы нашего столѣтія—французскія головы!

*

[Далѣе, позднѣйшая приписка: De grandes et belles folies! Blanches et belles d'un côté—noires et laides de l'autre . . . . . .] [1]).

30-го января. Суббота.

У насъ г. Эс—ъ. Онъ утверждаетъ, что поведеніе Д'Антеса въ послѣднее время было безупречнымъ. Пушкинъ адресовалъ ему ужаснѣйшее письмо, которое оскорбленный догадался кое-кому показать, прежде чѣмъ идти на поединокъ. Названный отецъ Д'Антеса—баронъ де Гекkеренъ, какъ говорятъ, первый настаивалъ на принятіи вызова.

Новыхъ подробностей происшествія нѣтъ.

Раненый (Д'Антесъ) лежитъ у себя на квартирѣ, на рукахъ у жены, которая его страстно любитъ.

Онъ удивительно красивъ....

Вотъ что, между прочимъ, припоминаю изъ разсказовъ о Пушкинѣ.

Однажды, на спектаклѣ, публика не скупилась на апплодисменты, но Пушкинъ упорно ничѣмъ не проявлялъ своего одобренія. Его сосѣдъ, человѣкъ увлекающійся, не утерпѣлъ и, глядя въ его сторону, сказалъ: «какой глупецъ!»

Пушкинъ промолчалъ. Занавѣсъ падаетъ. Встаютъ. Тогда Пушкинъ подходитъ къ энтузіасту, говоря: «вы обозвали меня глупцемъ—изволите ошибаться—я Пушкинъ, давшій себѣ слово не апплодировать:—вотъ причина, почему вы остались ненагражденнымъ пощечиной,—публика могла бы принять ее за апплодисментъ»...

1-го февраля.

Сегодня состоялись похороны Пушкина, при участіи громадной толпы...

2-го февраля.

Поговариваютъ о томъ, что Д'Антесъ можетъ лишиться руки—бѣдный молодой человѣкъ!

6-го февраля.

. . . . Говорили о Пушкинѣ, котораго г-жа К—ова обвиняетъ: «два мѣсяца тому назадъ я нашла бы, что дуэль естественна, но теперь, послѣ того какъ Д'Антесъ женился на сестрѣ той, которую любилъ, когда онъ принесъ въ жертву собственное счастіе, ради чести другаго,—обстоятельства перемѣнились. Надо было къ подобному самопожертвованію отнестись съ уваженіемъ. Мы знаемъ, что г-жа Пушкина была единственною женщиною, которую онъ почиталъ (qu'il ait respecté), для него она была божествомъ, въ ней была его жизнь, идеалъ сердца. Несомнѣнно, образъ ея издавна жилъ въ немъ. Когда они встрѣтились—она уже принадлежала

---

[1]) Большія и прекрасныя глупости! Бѣлыя и красивыя съ одной стороны—черныя и некрасивыя—съ другой стороны.

другому. Онъ полюбилъ,—но свѣтъ позавидовалъ счастью. Злые языки начали свою работу. Влюбленный ясно увидѣлъ приближеніе той минуты, когда его ангела коснется людская клевета... Тогда собравъ все свое мужество, онъ объявилъ во всеуслышаніе, что женится. Для подобной жертвы нужно обладать сильнымъ духомъ».

У насъ, въ царствѣ морозовъ, гдѣ сила любви слишкомъ часто соразмѣряется съ приданымъ, которое разсчитываютъ получить,—любовь, какъ страсть, остается непонятною. Все ограничивается заключеніемъ болѣе или менѣе выгодной сдѣлки...

17-го февраля.

Припоминается слѣдующій анекдотъ:

Однажды сидитъ Пушкинъ въ оперѣ, рядомъ съ неизвѣстнымъ, который все время подпѣваетъ пѣвцу Петрову.

Крайне раздосадованный, Пушкинъ произноситъ: «что-за глупецъ!—мѣшаетъ слушать!»

— Позвольте, милостивый государь, васъ спросить,—обращается къ нему сосѣдъ,—кого вы называете глупцомъ.

— Конечно, актера Петрова, такъ какъ онъ лишаетъ меня удовольствія васъ слушать!

Сообщилъ **Алексѣй Мердеръ.**

Къ характеристикѣ П. Коновницына.

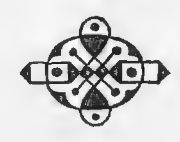
Письмо П. Коновницына къ В. Н. Каразину.

26-го мая 1813. Верхней Силезіи близъ Нейса замокъ Грунау.

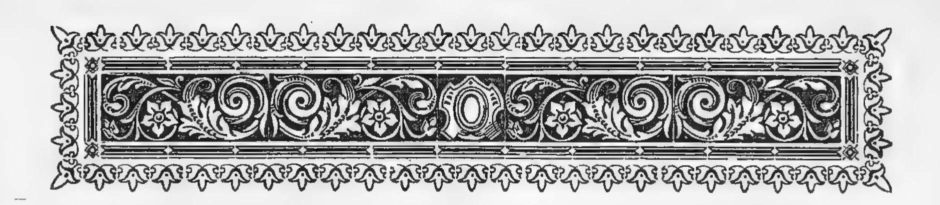
Г-нъ Жадко лично, уповаю, удостовѣрилъ уже васъ, сколь я готовъ охотно былъ исполнить отъ всего сердца комисіи ваши, но къ несчастію моему нашелъ меня почти близъ смерти: я раненъ въ ногу пулею навылетъ съ поврежденіемъ кости, но при всемъ тяжкомъ отъ того страданіи старался какъ возмогъ произвести по письмамъ вашимъ все въ дѣйствіе; не имѣя другаго способа, долженъ былъ все препроводить къ графу Аракчееву и 6 дипломовъ для отсылки ученымъ по адресамъ; надѣюсь, что не оставилъ онъ исполнить. За г-на Жадко заступиться просилъ также, который успѣлъ мнѣ уже хвалиться ласковымъ графа пріемомъ.

Фельдмаршала письмы ваши уже не застали, онъ навѣрно много бы способствовалъ во всемъ по желанію вашему. Благодарю покорно за присылку образцовыхъ своихъ произведеній, радуюсь, что все у насъ въ краю столь успѣшно идетъ.

Я увѣренъ, что вы, милостивый государь, возьмете участіе въ положеніи моемъ, хотя я и не лишился благодаря Бога совсѣмъ ноги; но все страдаю тяжко, и едва-ли буду въ состояніи ею настояще ходить. Остается мнѣ та отрада, что и въ сей послѣдней кампаніи сошелъ съ своего поприща, какъ вѣрный сынъ отечества. Сія увѣренность облегчаетъ раны мои. Простите, почтенный Василій Назарьевичъ, не лишите меня дружества вашего, и будьте совершенно увѣрены, что съ своей стороны ничего .... [1]) къ пріобрѣтенію его, какъ быть навсегда съ почтеніемъ и преданностью вамъ, милостивый государь, покорный и искренній другъ Петръ Коновницынъ.

[1]) Одно слово не разобрано.

Къ исторіи русской литературы.

III.

Попытки братьевъ А. А. и М. А. Бестужевыхъ издавать журналъ.

(1818—1823 г.)

1.

Представленіе С.-Петербургскаго цензурнаго комитета попечителю С.-Петербургскаго учебнаго округа С. С. Уварову.

22-го ноября 1818 г. № 95.

Лейбъ-гвардіи драгунскаго полка прапорщикъ Александръ Бестужевъ [1]), въ поданномъ имъ въ сей Комитетъ прошеніи прописывая, что «онъ намѣревается издавать съ будущаго 1819 года журналъ подъ названіемъ «Зимцерла», представляетъ послужной свой списокъ и программу того журнала. О сочиненіяхъ же своихъ объясняетъ, что, будучи занятъ дѣлами по службѣ, не могъ еще быть извѣстенъ публикѣ, кромѣ слѣдующихъ пьесъ, помѣщенныхъ въ журналѣ «Сына Отечества», и именно: «Духъ Бури» (стихами изъ Лагарпа) и «О состояніи эстонскихъ и ливонскихъ крестьянъ», первая—въ 31-мъ, а послѣдняя—въ 38-мъ нумерѣ; но надѣется заслужить вниманіе оной изданіемъ помянутаго журнала, на что̀ и проситъ разрѣшеніе.

Въ приложенной же программѣ значитъ, что въ составъ журнала «Зимцерлы» имѣютъ входить слѣдующія статьи:

«Иностранная и отечественная литература, переводы въ стихахъ и въ прозѣ, сочиненія, до всѣхъ отраслей гражданскихъ и военныхъ наукъ

[1]) Извѣстный въ литературѣ подъ псевдонимомъ «Марлинскій».

касающіяся, стихотворенія всѣхъ родовъ поэзіи, библіографія, критика и смѣсь. Черезъ двѣ недѣли,—т. е. каждаго 15-го и послѣдняго числа мѣсяцевъ, будетъ выходить одна книжка въ обыкновенный форматъ, содержащая въ себѣ не менѣе четырехъ печатныхъ листовъ».

Цензурный комитетъ, на основаніи предложенія вашего превосходительства отъ 8-го іюля сего года за № 346, имѣя долгъ представить вышнему начальству мнѣніе свое о всякомъ вновь предполагаемомъ къ изданію журналѣ и объ издателѣ онаго, разсмотрѣвъ представленные отъ г. Бестужева документы и вошедши во всѣ прикосновенныя къ дѣлу сему соображенія, честь имѣетъ объяснить слѣдующее:

1) По содержанію программы, кругъ журнала, предполагаемаго г. Бестужевымъ, будетъ обширнѣйшій, заключая въ себѣ не только всѣ части словесности отечественной и иностранной, но также критику и всѣ отрасли гражданскихъ и военныхъ наукъ. Къ выполненію такого обширнаго плана потребны также и обширныя по всѣмъ частямъ свѣдѣнія, а не менѣе того и практическая опытность для правильнаго сужденія о предметахъ, до государственнаго управленія относящихся:—чего въ г. Бестужевѣ ни отрицать, ни предполагать, по его слишкомъ еще молодымъ лѣтамъ, Комитетъ не можетъ (ему отъ роду 20 лѣтъ).

2) Хотя же въ послужномъ его, Бестужева, спискѣ значитъ, что онъ обучался языкамъ: латинскому, французскому и нѣмецкому, географіи и исторіи, риторикѣ, поэзіи, логикѣ, философіи, натуральной исторіи, физикѣ, механикѣ, химіи, вышней математикѣ, астрономіи, статистикѣ, политической экономіи, правамъ, архитектурѣ, артиллеріи и фортификаціи,—однакоже въ писанной имъ г. Бестужевымъ программѣ, Комитетъ не безъ удивленія замѣтилъ въ десяти не болѣе строкахъ, три ошибки противъ правописанія; что доказываетъ по меньшей мѣрѣ его невнимательность и небрежность.

3) Что касается до двухъ статей его перевода, на которыя онъ указываетъ: то опыты сіи похвальны только потому, что свидѣтельствуютъ объ охотѣ его къ полезнымъ упражненіямъ. Впрочемъ, переводъ въ прозѣ о состояніи эстонскихъ и ливонскихъ крестьянъ не отличается ни чистотою слога, ни правильностью языка.

4) Для исправности въ изданіи періодическихъ сочиненій, потребно имѣть издателю, кромѣ достаточныхъ свѣдѣній, еще величайшее терпѣніе, безпрерывную внимательность и навыкъ къ трудамъ. А какъ г. Бестужевъ въ прошеніи своемъ изъясняетъ, что онъ, будучи занятъ дѣлами по службѣ, не могъ быть извѣстенъ публикѣ, кромѣ по двумъ только вышеупомянутымъ пьесамъ, то Комитетъ имѣетъ причину думать, что самый родъ его службы и занятія по оной будутъ часто отвлекать его отъ многотрудныхъ занятій журналиста. Къ тому жъ, на случай откомандировки его по службѣ, что случиться можетъ ежедневно, должно

опасаться либо совершенной остановки, либо неисправности въ изданіи журнала.

5) Комитетъ неоднократно имѣлъ случай замѣтить, что многіе, особливо изъ молодыхъ людей, къ ученому сословію не принадлежащихъ, предпринявъ изданіе какого-нибудь журнала, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ прекращали оное; отчего не только публика оставалась обманутою (ибо деньги собраны впередъ), но и цензура нѣкоторымъ образомъ терпѣла нареканіе, поелику публика привыкла считать цензорское дозволеніе на изданіе журнала какъ бы ручательствомъ въ исправномъ и безостановочномъ продолженіи онаго по крайней мѣрѣ на годичное время. Комитетъ не имѣлъ до сего времени никакихъ средствъ къ отвращенію отъ себя такого нареканія, не считая себя въ правѣ, по силѣ высочайше утвержденнаго устава о цензурѣ, воспрещать кому-либо изданіе журнала. Впрочемъ, Комитетъ не относитъ сего насчетъ г. Бестужева, а представляетъ въ видѣ общихъ по сему предмету соображеній.

Изложивъ мнѣніе свое по преднамѣреваемому журналу Бестужева, Комитетъ честь имѣетъ приложить при семъ копію съ послужнаго его списка и съ программы журнала, прося покорнѣйше вашего превосходительства по сему дѣлу рѣшенія.

Подп. цензоры: Ив. Тимковской, Г. Яценковъ, Х. Зонъ, А. Спада.

2.

Отношеніе попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

2-го декабря 1818 г. № 645.

Лейбъ-гвардіи драгунскаго полка прапорщикъ Александръ Бестужевъ просилъ дозволенія на изданіе съ будущаго 1819 года журнала подъ названіемъ: «Зимцерла» и представилъ въ С.-Петербургскій цензурный Комитетъ послужной свой списокъ и программу преднамѣреваемаго имъ журнала.

Комитетъ, на основаніи предписанія вашего сіятельства отъ 29-го іюня сего года подъ № 1379, войдя въ надлежащія съ своей стороны соображенія, въ представленіи своемъ отъ 22-го минувшаго ноября, при семъ въ подлинникѣ прилагаемомъ, объяснилъ свое по предмету сему мнѣніе.

Хотя Комитетъ достаточно доказалъ, какъ сомнѣнія свои и опасенія въ разсужденіи надежности онаго журнала, по причинѣ занятія издателя службою, также по причинѣ неопытности его и неизвѣстности въ публикѣ важными сочиненіями, и хотя я согласенъ съ таковымъ мнѣніемъ

Комитета, но полагаю дозволить прапорщику Бестужеву издавать подъ его отвѣтственностью оной журналъ, только для опыта, во-первыхъ, потому, что въ предположеніи, ежели изданіе будетъ хорошо, то въ такомъ случаѣ предварительное запрещеніе было бы нѣкоторымъ стѣсненіемъ охоты къ ученымъ и можетъ быть очень полезнымъ для публики сего рода занятіямъ; а во-вторыхъ, потому, что ежели бы журналъ впредь найденъ былъ недостойнымъ вниманія публики и безполезнымъ, или же бы прекратился неблаговременно по винѣ издателя, то тогда бы неудачный опытъ Бестужева послужилъ бо̀льшимъ еще правомъ для правительства обуздывать несоразмѣрную съ силами предпріимчивость новыхъ подобныхъ издателей.

Впрочемъ, имѣю честь предать все сіе на благоусмотрѣніе вашего сіятельства.

Подп. Сергѣй Уваровъ.

Резолюція: Главное училищное правленіе, признавая заключеніе цензурнаго Комитета основательнымъ, предоставляетъ г. министру увѣдомить г. попечителя для объявленія Бестужеву, что изданіе сего журнала можетъ еще на нѣсколько времени быть удержано, когда издатель успѣетъ пріобрѣсть трудами своими болѣе извѣстности въ ученой публикѣ. 4-го декабря 1818 г.

Подписалъ директоръ Василій Поповъ.

3.

Отношеніе министра народнаго просвѣщенія попечителю С.-Петербургскаго учебнаго округа.

23-го декабря 1818 г. № 3021.

Отношеніе вашего превосходительства отъ 2-го сего декабря № 645, съ приложеніемъ въ подлинникѣ представленія С.-Петербургскаго цензурнаго Комитета и слѣдующихъ къ оному бумагъ, по предмету предпринимаемаго лейбъ-гвардіи драгунскаго полка прапорщикомъ Александромъ Бестужевымъ изданія съ будущаго 1819 года журнала подъ заглавіемъ: «Зимцерла» предложены были мною на разсмотрѣніе Главнаго правленія училищъ. Правленіе нашло мнѣніе цензурнаго Комитета о неизвѣстности въ публикѣ издателя уважительными сочиненіями основательнымъ, и потому предоставило мнѣ для объявленія г. Бестужеву, увѣдомить васъ, милостивый государь мой, что изданіе онаго журнала можетъ еще нѣсколько времени быть удержано, пока издатель успѣетъ пріобрѣсть учеными трудами своими болѣе извѣстности въ публикѣ.

Будучи согласенъ съ таковымъ заключеніемъ Главнаго правленія училищъ, я покорнѣйше прошу ваше превосходительство увѣдомить объ этомъ прапорщика Бестужева.

Подписалъ: министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, князь Александръ Голицынъ.

4.

Прошеніе отставнаго штабсъ-капитана Михаила Бестужева-Рюмина въ С.-Петербургскій цензурный комитетъ.

6-го сентября 1823 года.

Предполагая съ будущаго 1824 года приступить къ изданію литературнаго журнала подъ названіемъ С.-Петербургскаго, убѣждаюсь покорнѣйше просить С.-Петербургскій цензурный комитетъ о исходатайствованіи мнѣ на сей предметъ надлежащаго разрѣшенія. Указъ, данный мнѣ объ увольненіи моемъ отъ службы его сіятельствомъ командиромъ отдѣльнаго Финляндскаго корпуса, господиномъ генераломъ отъ инфантеріи и кавалеромъ графомъ Штейнгелемъ, въ которомъ прописана служба моя; программу предполагаемаго мною С.-Петербургскаго журнала и роспись изданнымъ мною книгамъ, для усмотрѣнія изъ оной извѣстныхъ публикѣ занятій моихъ въ словесности, имѣю честь у сего почтеннѣйше представить.

5.

С.-Петербургскій цензурный комитетъ въ засѣданіи 20-го декабря 1853 года слушали:

Прошеніе уволеннаго отъ службы изъ Вильманстрандскаго пѣхотнаго полка штабсъ-капитана Михаила Бестужева-Рюмина, о исходатайствованіи разрѣшенія на предполагаемое имъ съ будущаго 1824 года изданіе литературнаго журнала подъ заглавіемъ «С.-Петербургскаго». Причемъ проситель представилъ: указъ объ увольненіи его изъ помянутаго полка, въ которомъ прописана служба его, программу предполагаемаго имъ журнала, и роспись изданнымъ имъ книгамъ, для усморѣнія изъ оной извѣстныхъ публикѣ занятій его въ словесности. А въ программѣ изъяснено, что въ составъ С.-Петербургскаго журнала будутъ входить:

I. Изящная словесность.

1) Проза. Повѣсти, разговоры, любопытныя описанія, достопамятныя происшествія, біографіи, разные отрывки и проч.

2) Стихотворенія. Оды, посланія, элегіи, идилліи, баллады, романсы, эпиграммы, надписи, вообще новѣйшія произведенія отечественной поэзіи.

II. Критика.

Современное обозрѣніе россійской словесности. Краткія извѣстія о вновь выходящихъ въ Россіи книгахъ, преимущественно относящихся до словесности, съ изложеніемъ краткихъ же, но безпристрастныхъ замѣчаній о содержаніи, цѣли и достоинствѣ оныхъ. Статья сія будетъ составляться, сколько возможно, по біографическому порядку.

Къ сей же статьѣ принадлежатъ и рецензіи или подробныя разсмотрѣнія новыхъ выходящихъ книгъ, какъ равно и антикритики, или возраженія, дѣлаемыя противъ нихъ.

III. Пантеонъ россійскихъ писателей.

Исчисленіе произведеній отечественныхъ писателей и подробныя разсмотрѣнія оныхъ. На 1824 годъ для статьи сей предназначены: Ломоносовъ, Петровъ, Херасковъ, Державинъ, Николевъ, Озеровъ и др.

IV. Пантеонъ иностранныхъ писателей.

Краткое біографическое извѣстіе о какомъ-нибудь иностранномъ писателѣ. Въономъ будутъ изображены нѣкоторыя черты его жизни и характера. Также помѣщено обозрѣніе его сочиненій и проч. На 1824 годъ для статьи сей предназначены: Дантъ, Тассъ, Аріостъ, Мильтонъ, Монтань, Шапелль, Боссюетъ, ла-Брюйеръ, Лесажъ, Фонтенель, Кребильонъ, Томасъ, Боало, Лейбницъ, Геснеръ и многіе другіе.

V. Смѣсь.

1) С.-Петербургскія театральныя вѣдомости. Извѣстія о представляемыхъ на С.-Петербургскихъ императорскихъ театрахъ пьесахъ и обозрѣніе содержанія новѣйшихъ изъ оныхъ. Сужденія и замѣчанія о игрѣ актеровъ и тому подобное.

2) С.-Петербургскія записки. Извѣстія о какихъ-нибудь, заслуживающихъ вниманія, новостяхъ въ столицѣ, некрологическія записки и проч.

3) Разность. Все то, что не можетъ быть помѣщено ни въ одномъ отдѣленіи изъ вышепомянутыхъ статей, будетъ содержаться въ сей статьѣ, каковою долженъ заключаться каждый нумеръ С.-Петербургскаго журнала. Всякіе небольшія статьи, замѣчанія, извѣстія о новыхъ книгахъ и пр. и пр.

Къ выходу сего журнала каждый мѣсяцъ предполагается по двѣ книжки. Каждая будетъ состоять не менѣе какъ изъ 4-хъ печатныхъ листовъ, или ста страницъ въ большую 12 д. листа.

Роспись изданнымъ г. штабсъ-капитаномъ Бестужевымъ-Рюминымъ книгамъ.

I. Приношеніе 1816 году, содержащее въ себѣ нѣсколько мелкихъ пьесъ въ стихахъ. Москва, 1816, въ типографіи С. Селивановскаго, въ 8 [1]).

II. Стихи ея императорскому величеству государынѣ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, на случай обрученія ея императорскаго высочества великой княжны Анны Павловны съ кронъ-принцемъ Нидерландскимъ Вильгельмомъ. Москва, 1816, въ типографіи Соливановскаго, въ 8 [2]).

III. Краткій памятникъ для полевыхъ офицеровъ, содержащій въ себѣ разсужденіе о правилахъ, коими долженъ руководствоваться офицеръ, какъ напоминающими ему важнѣйшія обязанности его званія. С.-Петербургъ, 1818, въ типографіи Іосифа Іоаннесова, въ 8 [3]).

IV. Онаго же изданіе второе. С.-Петербургъ, 1820, въ типографіи Іосифа Іоаннесова, въ 12-ю долю листа [4]).

V. Разсужденіе о пѣвцѣ въ станѣ русскихъ воиновъ. С.-Петербургъ, 1822, въ типографіи І. Іоаннесова, въ 8 [5]).

VI. Пѣвецъ среди русскихъ воиновъ, возвратившихся въ отечество въ 1816 году. С.-Петербургъ, 1823, въ типографіи І. Іоаннесова, въ 8 [6]).

Указъ, данный объ увольненіи отъ военной службы г. штабсъ-капитану Бестужеву-Рюмину, отъ 21-го февраля 1823 г. за № 197, есть слѣдующій:

По указу его величества государя императора Александра Павловича, самодержца всеросійскаго и проч. и проч.

Предъявитель сего штабсъ-капитанъ Михаилъ Александровъ сынъ Бестужевъ-Рюминъ, который, какъ значится изъ формулярнаго о службѣ его списка, отъ роду имѣетъ 25-ть лѣтъ, изъ дворянъ, въ службу вступилъ подпрапорщикомъ 816 г. декабря 9-го въ Вильманстрандскій пѣхотный полкъ; портупей-прапорщикомъ 818 г. января 19-го, подпоручикомъ 819 г. января 13-го, поручикомъ декабря 4-го; въ походахъ и

[1]) За исключеніемъ двухъ страницъ заглавнаго листа сихъ стихотвореній оныя помѣщены на шести страницахъ.

[2]) Сіи стихи заключаютъ четыре страницы.

[3]) Сія книжка напечатана на 31 страницѣ.

[4]) Оная книжка второе изданіе печатана на 47-ми страницахъ.

[5]) Сія книжка занимаетъ 67 страницъ.

[6]) Сіе изданіе напечатано на 104 страницахъ.

штрафахъ не бывалъ, по-россійски и французски, ариѳметику, поэзію, риторику, логику, географію и миѳологію знаетъ; въ домовыхъ отпускахъ былъ: 818 году на 28 дней, 819 г. на 3 мѣсяца, 821 г. на 2 мѣсяца и 822 г. на 2 же мѣсяца и на срокъ явился; холостъ, къ повышенію аттестовался достойнымъ, а минувшаго 1822 года декабря въ 23 день высочайшимъ его императорскаго величества приказомъ уволенъ по домашнимъ обстоятельствамъ отъ службы штабсъ-капитаномъ. Во свидѣтельство чего по высочайше предоставленному мнѣ уполномочію и данъ сей указъ ему, штабсъ-капитану Бестужеву-Рюмину, за моимъ подписаніемъ и съ приложеніемъ герба моего печати въ корпусной квартирѣ въ г. Гельсингфорсѣ. Подлинный подписалъ генералъ-отъ-инфантеріи командиръ отдѣльнаго финляндскаго корпуса графъ Штейнгель.

Справка. Предписаніемъ господина министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, сообщеннымъ С.-Петербургскому цензурному комитету въ спискѣ при предложеніи бывшаго г-на попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа дѣйствительнаго статскаго совѣтника Уварова отъ 8-го іюля 1818 года за № 346, поручено было г-ну попечителю: предписать цензурному комитету, дабы оный самъ собою не разрѣшалъ къ изданію новыхъ періодическихъ сочиненій, но представлялъ бы о каждомъ вновь предполагаемомъ изданіи оныхъ установленнымъ порядкомъ къ нему, г-ну министру, черезъ г. попечителя на разрѣшеніе, излагая подробно цѣль и содержаніе сочиненія, кто онаго издатель, какими другими сочиненіями уже извѣстенъ, и представлялъ при томъ послужной таковаго списокъ и другія о немъ свѣдѣнія, а сверхъ того и мнѣніе свое о предполагаемомъ къ изданію періодическомъ сочиненіи.

6.

Отношеніе С.-Петербургскаго цензурнаго комитета попечителю.

23 декабря 1823 г. № 150.

Уволенный отъ службы Вильманстрандскаго пѣхотнаго полка штабсъ-капитанъ Бестужевъ-Рюминъ представилъ въ С.-Петербургскій цензурный комитетъ прошеніе объ исходатайствованіи ему отъ высшаго начальства позволенія издавать въ будущемъ 1824 году періодическое сочиненіе подъ заглавіемъ: «С.-Петербургскій журналъ».

Цензурный комитетъ въ исполненіе сдѣланнаго на случай таковыхъ просьбъ предписанія отъ господина министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, которое сообщилъ комитету предмѣстникъ вашего превосходительства при своемъ предложеніи отъ 8-го іюля 1818 года

за № 346, разсматривалъ представленныя г. Бестужевымъ-Рюминымъ при прошеніи программу С.-Петербургскаго журнала, изданныя имъ нѣкоторыя стихотворныя и прозаическія сочиненія, и указъ объ отставкѣ просителя изъ военной службы.

По разсмотрѣніи всего, комитетъ нашелъ:

1) Что печатныя сочиненія г. Бестужева-Рюмина не имѣютъ еще той степени достоинства и извѣстности, какую, по мнѣнію комитета, должны сперва пріобрѣсть литературные труды принимающаго на себя обязанность издателя періодическаго сочиненія.

2) Программа С.-Петербургскаго журнала обѣщаетъ представлять публикѣ критическій разборъ не только новѣйшихъ книгъ, выходящихъ въ Россіи, но и твореній первостепенныхъ нашихъ писателей, какъ-то: Ломоносова, Державина, Николева, Озерова и другихъ; обѣщаетъ представлять также разборъ сочиненій славнѣйшихъ писателей иностранныхъ, изъ коихъ назначены для одного 1824 года: Дантъ, Тассъ, Аріостъ, Мильтонъ, Монтанъ, Шапелль, Боссюэтъ, ла-Брюйеръ, Лесажъ, Фонтенель, Кребильонъ, Томасъ, Боало, Лейбницъ, Геснеръ. По сему такая программа заставляетъ предполагать въ издателѣ журнала большія свѣдѣнія не только въ отечественной, но и иностранной словесности. Между тѣмъ въ сей самой программѣ, писанной рукою г. Бестужева, усмотрѣны грамматическія ошибки, доказывающія, что г. сочинитель оной не имѣетъ основательнаго познанія и въ отечественномъ языкѣ; и

3) Въ прошеніи и другихъ своихъ бумагахъ г. Бестужевъ-Рюминъ не называетъ будущихъ своихъ сотрудниковъ, которые могли бы замѣнить недостатокъ его познаній и исполнить принимаемую имъ на себя обязанность въ отношеніи къ публикѣ.

При такихъ обстоятельствахъ комитетъ полагаетъ, что изданіе въ С.-Петербургѣ новаго литературнаго журнала г. Бестужевымъ-Рюминымъ едва-ли можетъ быть нужно и полезно для читающей публики, особливо при множествѣ другихъ періодическихъ изданій, здѣсь печатаемыхъ, ибо число однихъ таковыхъ изданій, которыя разсматриваетъ цензурный комитетъ, простирается уже до 17-ти. Упоминая о семъ множествѣ журналовъ, комитетъ находитъ случай представить при семъ на благоусмотрѣніе вашего превосходительства особенную вѣдомость объ оныхъ. При всей краткости таковой вѣдомости ваше превосходительство безъ сомнѣнія изволите замѣтить, какихъ трудовъ, вниманія и осмотрительности требуетъ пропускъ въ свѣтъ къ назначеннымъ срокамъ болѣе тысячи двухсотъ печатныхъ листовъ, или безмала двадцати тысячъ страницъ, составляющихъ одинъ годъ изъ сихъ изданій, ибо многія тысячи читателей оныхъ дѣлаются судьями трехъ цензоровъ, и болѣе ихъ имѣя досугъ и способовъ разсматривать напечатанныя сочи-

ненія со всѣхъ сторонъ, могутъ открывать въ оныхъ (иногда въ одномъ выраженіи), то, чего не возможно открыть одному цензору, озабоченному множествомъ разнообразныхъ дѣлъ, требующихъ скорости и незнающихъ различныхъ обстоятельствъ сочиненія, извѣстныхъ нѣкоторымъ только лицамъ. Но отъ прозорливости вашего превосходительства, конечно, не скроется, что выходящіе изъ печати журналы не даютъ еще полнаго понятія о трудахъ цензоровъ: не рѣдко осторожность побуждаетъ ихъ справляться о разныхъ обстоятельствахъ и случаяхъ, объясняющихъ закрытое, но истинное намѣреніе сочинителя, съ какимъ пишутся многія піесы, на каковыя справки нужно время и терпѣніе; часто чтеніе и перечитываніе большихъ піесъ, какъ скоро онѣ окажутся подлежащими запрещенію или потребуютъ исправленія, дѣлается напраснымъ трудомъ, ибо въ семъ случаѣ цензоръ обязанъ заниматься новымъ непредвидимымъ чтеніемъ, чтобы не дѣлать остановки въ печатаніи срочнаго изданія; часто цензоры принуждены бываютъ тратить много времени на словесныя объясненія и даже на переписку съ сочинителями или переводчиками піесъ, которыхъ цензура одобрить не можетъ безъ нужныхъ, по ея мнѣнію, перемѣнъ; иногда легко раздражающееся самолюбіе авторовъ побуждаетъ ихъ утруждать самое начальство цензурнаго комитета жалобами на оный и отнимаетъ у цензоровъ отъ исправленія настоящей ихъ должности время на сочиненіе оправданій противу неосновательныхъ жалобъ.

Изъ одного сего понятія о части трудовъ каждаго цензора, обязаннаго разсматривать срочныя изданія, явствуетъ, что размноженіе сихъ изданій болѣе всего увеличиваетъ работы и отвѣтственность цензоровъ: ибо никакія книги, говоря вообще, столько не обращаются въ публикѣ, какъ журналы. Но по мѣрѣ умноженія трудовъ занимающагося разсматриваніемъ журналовъ сокращается время, остающееся ему на чтеніе другихъ полезнѣйшихъ книгъ, которыхъ число ежегодно простирается до нѣсколькихъ сотъ. Въ истекающемъ 1823 году количество вступившихъ на разсмотрѣніе С.-Петербургскаго цензурнаго комитета рукописей и печатныхъ книгъ простирается нынѣ до 574 разныхъ званій.

Уже опытъ двухъ слишкомъ лѣтъ показалъ С.-Петербургскому цензурному комитету не только трудность лежащихъ на немъ обязанностей, но и физическую и нравственную невозможность исполнять сіи обязанности всѣ къ общему удовольствію, по крайней мѣрѣ исполнять оныя такъ, чтобы къ наступающему году не оставалось отъ прошедшаго не разсмотрѣнныхъ книгъ.

Такимъ образомъ невольное задержаніе нѣкоторыхъ другихъ изданій, кромѣ періодическихъ, подвергаетъ комитетъ новой непріятности слышать роптанія сочинителей и даже опасаться жалобъ, которыми каждый изъ нихъ найдетъ благовидную причину утруждать начальство комитета

ибо не для всякаго ясно, что количество журналовъ и другихъ сочиненій безпрестанно умножается и можетъ умножаться до неограниченнаго числа, а число цензоровъ ограничивается здѣсь тремя, и сіе малое число можетъ еще уменьшиться болѣзнями, или отъ другихъ причинъ [1]).

Вошедшая въ цензурный комитетъ просьба о позволеніи издавать здѣсь новый литературный журналъ подала комитету поводъ вмѣстѣ съ разсмотрѣніемъ ея и представленіемъ вашему превосходительству относящихся къ сему дѣлу обстоятельствъ разсмотрѣть ближе другой болѣе важный вопросъ, а именно: не можетъ ли размноженіе литературныхъ журналовъ затруднять у насъ самые успѣхи просвѣщенія? Если всякое срочное изданіе не позволяетъ издателю зрѣло обдумывать и хорошо излагать многихъ предметовъ; если умноженіемъ числа таковыхъ повременныхъ сочиненій можно опредѣлять распространеніе вкуса къ чтенію легкому и неосновательному; если сей вкусъ нечувствительно истребляетъ охоту заниматься лучшими книгами, требующими размышленія, и если съ непомѣрнымъ умноженіемъ числа журналовъ, истощаются вмѣстѣ и матеріалы каждаго и самые способы читателей пріобрѣтать какъ оные журналы [2]), такъ и полезныя книги, то комитетъ осмѣливается воспользоваться симъ случаемъ, чтобы сказать свое мнѣніе, что въ неограниченномъ размноженіи литературныхъ журналовъ, издаваемыхъ частными людьми, которые еще неизвѣстны полезными трудами, онъ не видитъ умноженія надежныхъ пособій къ распространенію истиннаго просвѣщенія и образованію нравовъ, не видитъ сего главнаго предмета, коему должны отвѣчать назначаемыя къ общественному употребленію книги—словомъ, не видитъ здѣсь предмета, поставленнаго на видъ цензурѣ въ самыхъ первыхъ статьяхъ высочайше утвержденнаго для нея устава.

Впрочемъ, цензурный комитетъ долгомъ своимъ считаетъ отдать на судъ вашего превосходительства всѣ свои разсужденія, къ коимъ подали поводъ обстоятельства, сопровождающія вступившую въ оный просьбу о изданіи новаго журнала. Отъ вашего превосходительства совершенно будетъ зависѣть довесть до свѣдѣнія высшаго начальства

[1]) При семъ случаѣ можно и необходимо замѣтить, что ни одинъ цензурный комитетъ въ Россіи не разсматриваетъ такого множества періодическихъ изданій, какое обязанъ разсматривать С.-Петербургскій комитетъ. При томъ члены находящихся во всѣхъ университетахъ цензурныхъ комитетовъ имѣютъ по своей должности помощниковъ въ профессорахъ и адъюнктахъ, читающихъ представленныя цензору книги и рукописи.

[2]) Примѣчаніе. На покупку только 17 журналовъ, разсматриваемыхъ С.-Петербургскимъ цензурнымъ комитетомъ, потребно въ одинъ годъ болѣе 500 рублей; но въ показанномъ числѣ не заключаются еще всѣ журналы, печатаемые въ Петербургѣ, а петербугскими періодическими изданіями не ограничивается еще число журналовъ, издаваемыхъ въ Россіи.

таковую просьбу г. Бестужева-Рюмина вмѣстѣ съ симъ донесеніемъ комитета. На случай представленія о семъ дѣлѣ его сіятельству господину министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, комитетъ имѣетъ честь пріобщить къ своему донесенію программу изданія С.-Петербургскаго журнала и роспись мелкихъ сочиненій, изданныхъ штабсъ-капитаномъ Бестужевымъ-Рюминымъ. Сіи два приложенія комитетъ покорнѣйше проситъ ваше превосходительство приказать возвратить ему по минованіи въ оныхъ надобности

ВѢДОМОСТЬ

о періодическихъ изданіяхъ, разсматриваемыхъ С.-Петербургскимъ цензурнымъ комитетомъ.

НАЗВАНІЕ ИЗДАНІЙ И ИЗДАТЕЛЕЙ.	Число книжекъ или нумеровъ, выдаваемыхъ въ недѣлю.	въ каждый мѣсяцъ.	въ годъ.	Число печатныхъ листовъ въ годовомъ изданіи.
1. „Журналъ Императорскаго Человѣколюбиваго Общества“, издаваемый комитетомъ по ученой части	—	по 1 кн.	12 кн.	66 листовъ (или 1.056 страницъ).
2. „Соревнователь просвѣщенія и благотворенія“, издаваемый Обществомъ любителей словесности .	—	по 1 кн.	12 кн.	90 листовъ.
3. „Сынъ Отечества“, издаваемый коллежскимъ совѣтникомъ Гречемъ .	по 1 №	по 4 №	52 №	148 „
4. Литературныя прибавленія къ „Сыну Отечества“, издаваемыя коллежскимъ совѣтникомъ Княжевичемъ	—	по 2 №	24 кн.	72 „
5. „Сибирскій Вѣстникъ“, издаваемый бергмейстеромъ 8 класса Спасскимъ	—	по 2 кн.	24 кв.	72 „
6 „Отечественныя Записки“, издаваемыя коллежскимъ совѣтникомъ Свиньинымъ	—	по 1 кн.	12 кн.	72 „
7. „Благонамѣренный“, издаваемый коллежскимъ совѣтникомъ Измайловымъ	—	по 2 №	24 кн.	60 „
8. „Русскій Инвалидъ“, издаваемый коллежскимъ совѣтникомъ Воейковымъ	по 6 №	отъ 26 до 27 №	до 306 №	153 „
9. Литературныя прибавленія, издаваемыя г. Воейковымъ и Козловымъ	—	отъ 3 до 4 №	до 48 №	25 „
10. „Сѣверный Архивъ“, издаваемый г. Булгаринымъ	—	по 2 №	24 кн.	85 „
11. Литературные листы къ „Сѣверному Архиву“.	—	по 1 №	12 №	24 „

НАЗВАНІЕ ИЗДАНІЙ И ИЗДАТЕЛЕЙ.	Число книжекъ или нумеровъ, выдаваемыхъ въ недѣлю.	въ каждый мѣсяцъ.	въ годъ.	Число печатныхъ листовъ въ годовомъ изданіи.
12. „St.-Petersburgische Zeitschrift", издаваемый коллежскимъ секретаремъ Ольдекопомъ	—	по 1 кн.	12 кн.	„
13. „Дѣтскій Музеумъ", на русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ	—	по 1 №	12 №	12 „
14. „Сѣверная Арфа", музыкальный журналъ	—	по 1 №	12 №	30 „
15. „Журналъ изящныхъ искусствъ", издаваемый титулярнымъ совѣтникомъ Григоровичемъ	—	1 книжка въ каждые два мѣсяца	6 кн.	60 „
Сверхъ сихъ періодическихъ изданій будутъ печататься въ 1824 году новые журналы:				
16. „Указатель открытій по Физикѣ, Химіи, Естественной Исторіи и Технологіи".	—	1 кн.	6 кн.	50 „
По Высочайшему соизволенію:				
17. „Ученый и литературный журналъ Россійской Имперіи по части Путей Сообщенія"				
на русскомъ языкѣ	—	по 1 кн.	12 кн.	60 „
„ французскомъ	—	по 1 кн.	12 кн.	60 „
Всего же.	—	54	624 кн.	1.239 печатн. листовъ.

Изъ сей вѣдомости явствуетъ, что общее число печатныхъ листовъ, составляющихъ годовое изданіе семнадцати журналовъ, простираетсся до 1.239 листовъ, или, считая въ каждомъ печатномъ листѣ 16 страницъ въ 8-ю долю листа, до 19.824 страницъ.

7.

Предписаніе исправляющаго должность попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа Д. Рунича С.-Петербургскому цензурному комитету.

31-го декабря 1823 года за № 1269.

Не находя въ уставѣ о цензурѣ ясныхъ указаній, на основаніи которыхъ предоставлялось бы мнѣ право входить въ разсмотрѣніе обстоятельствъ, въ представленіи комитета отъ 23-го сего декабря изложенныхъ, относительно новаго періодическаго изданія: «С.-Петербургскій журналъ», и такъ какъ комитету дано право непосредственнаго раз-

смотрѣнія книгъ и сочиненій, то и предоставляю оному поступить въ семъ случаѣ на законномъ основаніи, тѣмъ болѣе, что есть ли издатель останется рѣшеніемъ комитета недоволенъ, можетъ, на основаніи того же устава о цензурѣ, принести жалобу главному правленію училищъ. Подлинную программу изданія упомянутаго журнала и роспись сочиненій штабсъ-капитана Бестужева-Рюмина у сего возвращаю.

8.

Отношеніе С.-Петербургскаго цензурнаго комитета исправляющему должность попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа.

8-го января 1824 года № 3.

С.-Петербургскій цензурный комитетъ, имѣвъ честь получить отвѣтъ вашего превосходительства отъ 31-го числа декабря прошлаго 1823 г. № 1269, на представленіе его отъ 23-го того же мѣсяца № 150, относительно поданной въ комитетъ г. штабсъ-капитаномъ Бестужевымъ-Рюминымъ просьбы объ исходатайствованіи ему отъ высшаго начальства позволенія издавать въ семъ 1824 году періодическое сочиненіе подъ заглавіемъ «С.-Петербургскій журналъ» — долгомъ считаетъ вторично войти къ вашему превосходительству съ представленіемъ по сему предмету.

Хотя высочайше утвержденный іюля 9-го дня 1804 года Уставъ о цензурѣ дѣйствительно даетъ комитету право заниматься непосредственнымъ разсматриваніемъ книгъ и сочиненій, однако жъ на печатаніе періодическихъ изданій, къ которымъ принадлежитъ и предпринимаемое г. Бестужевымъ изданіе «С.-Петербургскаго журнала», комитетъ обязанъ всякій разъ предварительно испрашивать позволенія высшаго начальства въ исполненіе упомянутаго въ первомъ представленіи комитета и при семъ въ копіи прилагаемаго предписанія господина министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, какое на подобный случай сдѣлано было уже въ 1818 году.

Какъ комитетъ по сему предписанію не имѣетъ права самъ собою ни позволить, ни запретить никакого періодическаго изданія, и какъ оный по 5, 14 и 35 статьямъ Устава о цензурѣ обязанъ по дѣламъ своимъ относиться къ вашему превосходительству, то комитетъ поставляетъ нынѣ долгомъ покорнѣйше просить ваше превосходительство представить при вашемъ мнѣніи на благоусмотрѣніе его сіятельства господина министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія первое представленіе свое о просьбѣ г. Бестужева, съ препровождаемыми при семъ обратно подлинною программою изданія упомянутаго журнала и росписью сочиненій сего просителя.

9.

Предписаніе исправляющаго должность попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа Д. Рунича С.-Петербургскому цензурному комитету.

2-го іюня 1824 года № 742.

Господинъ министръ народнаго просвѣщенія, въ предписаніи отъ 31-го минувшаго мая подъ № 1795, увѣдомилъ меня, что представленіе мое отъ 28-го января сего года, вмѣстѣ съ отзывомъ С.-Петербургскаго цензурнаго комитета относительно испрашиваемаго отставнымъ штабсъ-капитаномъ Бестужевымъ-Рюминымъ дозволенія издавать періодическое сочиненіе, подъ названіемъ: «С.-Петербургскій журналъ» разсматривалось въ главномъ правленіи училищъ. Правленіе, по основанію причинъ, изъясненныхъ въ отзывѣ цензурнаго комитета, какъ въ разсужденіи степени достоинства и извѣстности литературныхъ трудовъ просителя, не соотвѣтствующихъ пріемлемой имъ на себя обязанности, такъ и вообще въ разсужденіи невыгоднаго вліянія, какое можетъ имѣть размноженіе журналовъ на распространеніе вкуса къ чтенію легкому и неосновательному, положило не давать дозволенія на изданіе помянутаго журнала.

Господинъ министръ, будучи съ своей стороны согласенъ съ таковымъ заключеніемъ главнаго училищъ правленія, предоставилъ мнѣ предложить здѣшнему цензурному комитету, для увѣдомленія о томъ штабсъ-капитана Бестужева-Рюмина.

О всемъ вышеозначенномъ предлагаю С.-Петербургскому цензурному комитету къ свѣдѣнію и надлежащему исполненію.

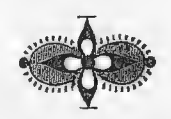
Приказъ графа Барклая-де-Толли по арміямъ съ благодарностью короля прусскаго.

12-го іюня 1814 года № 120 Главн. кварт. Г. Гагенау.

Рескриптъ, на имя мое послѣдовавшій отъ его величества короля прусскаго, изъявляющаго особенное его величества расположеніе къ воинамъ, въ прошедшей войнѣ участвовавшимъ, я къ свѣдѣнію у сего сообщаю: «Арміи императора вашего и вѣрнаго моего союзника были соединены съ моими, храбростью и столькимъ перенесеніемъ трудностей для достигнутой нынѣ цѣли. Миръ прекратилъ сіе соединеніе оружія, но онъ никогда не изгладитъ изъ памяти единодушіе, доброе согласіе и тотъ духъ геройскій, съ которымъ единственно можно было одержать только трудную побѣду. Я прошу васъ, господинъ генералъ-фельдмаршалъ, быть истолкователемъ моимъ передъ арміями императора повелителя вашего въ изъявленіи сихъ моихъ чувствованій, которыя вездѣ меня сопровождать будутъ, объявивъ имъ, что напоминать о томъ времени, въ которое я былъ свидѣтелемъ безпрерывныхъ опытовъ сихъ добродѣтелей, всегда для меня драгоцѣнно будетъ, и что возобновитъ во мнѣ всякій разъ чувство уваженія къ симъ храбрымъ арміямъ.

«Вамъ лично не имѣю надобности повторять то расположеніе, которымъ я къ вамъ преисполненъ; надѣюсь, что оно вамъ довольно извѣстно»

Подлинный подписалъ главнокомандующій всѣми арміями, генералъ-фельдмаршалъ графъ Барклай-де-Толли.

Александръ Ефимовичъ Измайловъ.

1779—1831 гг. [1]).

V [1]).

Обозрѣніе литературной дѣятельности Измайлова.—Произведенія въ прозѣ.

Впервые имя Александра Ефимовича Измайлова появилось въ печати въ 1797 году подъ стихотвореніемъ «Смерть», переведеннымъ изъ Малерба; можетъ быть, стихами же и начались его литературные опыты. Но такъ какъ первымъ крупнымъ произведеніемъ Измайлова былъ прозаическій романъ, и вообще въ области прозы преимущественно онъ работалъ въ первые годы своей литературной дѣятельности, то мы и начнемъ обозрѣніе послѣдней съ прозаическихъ произведеній нашего писателя.

Съ небольшимъ сто лѣтъ назадъ (въ половинѣ 1799 года) въ книжныхъ лавкахъ Глазунова поступила въ продажу слѣдующая книга: «Евгеній или пагубныя слѣдствія дурнаго воспитанія и сообщества.—Повѣсть, написанная А. Измайловымъ». Это была первая часть. Вторая часть вышла подъ тѣмъ же заглавіемъ два года спустя, въ 1801 г. [2]), и повѣсть, такимъ образомъ, разрослась въ цѣлый романъ, подъ каковымъ наименованіемъ она обыкновенно и упоминалась впослѣдствіи.

Напечатанный въ 1799 году, но написанный еще ранѣе (приблизительно въ 1797 г., когда Измайловъ, какъ онъ самъ говоритъ, былъ,

[1]) См. „Русскую Старину" іюль 1900 г.

[2]) Кстати исправимъ ошибочное мнѣніе, что будто-бы 1-я часть въ 1801 г. была переиздана: была переиздана лишь обложка, помѣченная дѣйствительно 1801-мъ годомъ.

«осьмнадцати не больше лѣтъ»), романъ этотъ не имѣлъ успѣха при жизни автора, въ настоящее же время почти забытъ. Въ подтвержденіе неуспѣха романа достаточно указать и на то, что послѣ 1801 года онъ не переиздавался ни разу вплоть до 1891 года, когда «Русскій книжный магазинъ» (въ Москвѣ) выпустилъ «полное собраніе» сочиненій А. Е. Измайлова; даже самъ авторъ, издавъ въ 1826 году свои прозаическія произведенія, романъ этотъ исключилъ; исключенъ онъ и изъ Смирдинскаго изданія 1849 года, хотя «по причинѣ, отъ издателя не зависящей». Критика осудила романъ, публика забыла.—Но, насколько справедливо такое отношеніе къ «Евгенію», мы постараемся выяснить въ своемъ разборѣ этого романа; въ виду малоизвѣстности послѣдняго считаемъ нелишнимъ изложить его содержаніе.

На первыхъ страницахъ своего романа авторъ знакомитъ насъ съ дѣдомъ и родителями героя. Дѣдъ его—Негодяевъ, канцеляристъ по службѣ, былъ пьяницей и оставилъ своему сыну въ наслѣдство «одинъ старый войлокъ, замѣнявшій у него мѣсто постели». Но Лука Лукичъ (отецъ героя романа) доставилъ себѣ послѣ 40-лѣтней службы «кусокъ хлѣба» и, пріобрѣтя путемъ выгодной женитьбы деревеньку (въ коей и поселился), не сидѣлъ безъ дѣла, но «казалось, жилъ единственно для услугъ рода христіанскаго», которыя выражались въ даваніи денегъ въ проценты, пріемѣ закладовъ и проч. Въ свободное время онъ занимался чтеніемъ указовъ и адресъ-календарей. Жена Луки Лукича «очень помнила» свое дворянское происхожденіе и майорскій чинъ мужа, «имѣла не малыя свѣдѣнія въ искусствѣ нарядовъ и злословія» и жила «на знатной ногѣ». Черезъ полтора года у этой четы родился сынъ, котораго назвали Евгеніемъ, именемъ одного гвардейскаго офицера, весьма любезнаго и знающаго свѣтъ человѣка, который госпожѣ Негодяевой «всегда дѣлалъ компанію». Тотчасъ по рожденіи, еще до крестинъ, родители поторопились записать Евгенія, по установившемуся обычаю, въ гвардію, и госпожа Негодяева, принимая поздравленія съ рожденіемъ сына, говорила всѣмъ съ улыбкой восхищенія: «у меня уже сынокъ сержантъ гвардіи». Воспитаніе Евгенія сначала было поручено кормилицѣ, штату мамушекъ и нянюшекъ, затѣмъ гувернеру Pendard'у (бѣглому французскому солдату), изъ рукъ котораго нашъ герой попалъ въ пансіонъ нѣкоего Эдельмана, недалекаго нѣмца, «который безпрестанно занимался куреніемъ табака и своими выгодами». Пробывъ въ этомъ пансіонѣ 5 лѣтъ и научившись въ немъ—какъ ни странно—лишь пьянству и разврату, Евгеній послѣ одного гнуснаго поступка былъ взятъ родителями домой, такъ какъ госпожа Негодяева «не хотѣла болѣе, чтобы сынъ ея учился у такихъ людей, которые не знаютъ обходиться съ благородными людьми». Спустя немного времени мы видимъ Евгенія въ стѣнахъ университета, куда родители отдали

свое дѣтище, чтобы онъ «по выходѣ изъ онаго на большой театръ свѣта получилъ отъ всѣхъ зрителей и актеровъ, его наполняющихъ, пріятное названіе благовоспитаннаго и ученаго молодаго человѣка».

Но храмъ науки показался скучнымъ и тѣснымъ нашему герою, и онъ или пропускалъ лекціи, или же занимался на нихъ просто шалостями. Но за то онъ вполнѣ сумѣлъ воспользоваться всѣми прелестями столичной жизни, во всю ширь своей молодой барской натуры, вмѣстѣ съ такимъ пріятелемъ-студентомъ, какъ Развратинъ, нравственныя качества котораго вполнѣ отвѣчали его фамиліи. Евгеній, «презирая явно тѣхъ студентовъ, которые имѣли болѣе знанія, нежели платья, а особливо тѣхъ, у которыхъ въ жилахъ обращалась кровь неблагородная», близко сошелся съ Развратинымъ, такъ какъ онъ лучше всѣхъ умѣлъ помогать ему въ его увеселеніяхъ. Итакъ, Развратинъ научалъ Евгенія, тотъ учился, и, въ полугодовое пребываніе въ званіи студента, герой нашъ, кромѣ того, что пріобрѣлъ богатый запасъ знаній и убѣжденій въ духѣ Развратина, практически «усовершенствовался играть на билліардѣ и выучился въ познаніи напитковъ, а также въ обращеніи съ женщинами, обращающимися съ цѣлымъ свѣтомъ».

«Таково было его воспитаніе, стоившее нѣсколько тысячъ его родителямъ», заключаетъ авторъ первую книгу романа. Полугодовымъ пребываніемъ въ университетѣ закончилось образованіе Евгенія. Онъ оставилъ университетъ, пріѣхалъ домой и, выждавъ чинъ поручика, началъ собираться въ Петербургъ къ отбыванію службы. Родители снабдили Евгенія 5-ю тысячами рублей (на первое время) и наставленіями, при чемъ со стороны отца они имѣли больше отношенія къ службѣ, или, лучше сказать, низкопоклонству; со стороны матери—къ соблюденію моды и ухаживанію за дамами свѣта: «Не скучай—говорила она—знатнымъ дамамъ дѣлать компанію въ карточной игрѣ и въ променадахъ, выполняй всѣ ихъ коммиссіи: черезъ это можешь получить себѣ счастіе»... «Не тотъ одинъ чины хватаетъ, кто надъ работой умираетъ», наставлялъ отецъ.

Наконецъ, послѣ долгихъ объятій, слезъ и наставленій, Евгеній при помощи своего гусара сѣлъ въ экипажъ и тронулся въ дорогу. Развратинъ былъ его спутникомъ. Ихъ сопровождала и свита Евгенія, состоявшая изъ камердинера, парикмахера, повара и домашняго адвоката. «Шествіе сіе замыкалось пятью возами, ѣдущими другъ за другомъ, на которыхъ накладенъ былъ деревенскій запасъ, состоящій изъ разнаго рода какъ хлѣба, такъ и живности. Скуку длиннаго путешествія наши герои разгоняли самыми непристойными развлеченіями, останавливаясь подолгу въ попутныхъ гостиницахъ, кабакахъ, играя въ карты и проч. Порой Развратинъ услаждалъ нашего героя разсказами

о своей жизни и подвигахъ, излагалъ предъ нимъ свои разсужденія, грубыя, даже циничныя до крайности...

Наконецъ, пріятели наши прибыли въ Петербургъ. Вскорѣ по пріѣздѣ Евгеній вмѣстѣ съ Развратинымъ отправился представляться знакомому своего отца Вѣтрову, тоже барину, имѣвшему 400 душъ крестьянъ и 50.000 долгу; онъ «проживалъ очень хорошо оброкъ, получаемый имъ съ деревень своихъ, и имѣлъ удовольствіе тщеславиться тѣмъ, что годовой его расходъ превышаетъ доходъ болѣе, нежели вдвое». Вѣтровъ, его супруга и вся семья приняли хорошо молодыхъ людей, хотя, конечно, предпочтеніе отдавали Евгенію за его манеры свѣтскаго воспитаннаго молодаго человѣка, которыхъ не имѣлъ Развратинъ. Въ первый же день своего посѣщенія Вѣтровыхъ, герои наши близко сошлись съ хозяевами, а спустя немного времени Евгеній былъ даже другомъ дома Вѣтровыхъ. Въ салонѣ госпожи Вѣтровой («которая, хотя была лѣтъ сорока, но имѣла благородное соревнованіе не уступать въ великолѣпіи и разборчивости убранства щеголихамъ, превосходящимъ ее вдесятеро богатствомъ») Евгеній имѣлъ случай познакомиться съ весьма разнообразнымъ обществомъ. Тутъ были гости «во фракахъ, въ мундирахъ, въ шаляхъ, въ шляпахъ, въ чепцахъ», особы «различнаго возраста, различнаго званіи и различнаго дурачества». О характерахъ и качествахъ гостей Вѣтровыхъ можно судить по фамиліямъ: богатый и дѣльный помѣщикъ Тысящниковъ, имѣвшій супругу, весьма похожую по своимъ нравственнымъ качествамъ на г-жу Негодяеву, братья Подлянкины, г-жа Лицемѣркина, Распутинъ, Прыжковъ и др. Евгенію пришлось по душѣ это общество, охотно принявшее его въ свой кругъ, и герой нашъ, почувствовавъ себя въ своей сферѣ, «занимался всѣми увеселеніями, какими только желалъ и могъ», тѣмъ болѣе, что у него всегда было въ достаточномъ количествѣ и денегъ, и времени (отъ обязательной службы офицера онъ откупался). Но скоро начались и страданія Евгенія. Первое изъ нихъ принесла «измѣна» г-жи Вѣтровой, которая, промѣнявъ мужа на Евгенія, и послѣдняго замѣнила Прыжковымъ (онъ былъ соперникомъ Негодяева въ танцованіи). Евгеній отомстилъ ей, пославъ написанное подъ диктовку Развратина письмо, полное самыхъ сильныхъ выраженій. Но на ея мѣсто вступила къ нему дѣвица Миловзорова, за которой Евгеній и началъ ухаживать. Впрочемъ, ухаживанія эти скоро окончились для него трагикомическимъ образомъ. Оказалось, что домъ Миловзоровыхъ, гдѣ часто бывалъ Евгеній, былъ не что иное, какъ притонъ шуллеровъ, и герой нашъ послѣ цѣлаго ряда злоключеній попалъ въ сѣти, которыя были искусно разставлены Миловзоровымъ купно со своею дочерью, прельстившей Евгенія. Евгеній жестоко поплатился за свои увлеченія и неопытность; но скоро къ нему опять вернулись и здоровье, и деньги, которыя съ прежней щедростью посылались

родителями въ отвѣтъ на краснорѣчивыя и полныя нѣжныхъ чувствъ письма сына; вмѣстѣ съ ними въ Евгеніи проснулась и жажда новыхъ наслажденій, и онъ вновь пустился въ прежнюю жизнь.

Изъ слѣдующихъ двухъ послѣднихъ главъ романа и заключенія мы узнаемъ, что Евгеній не успѣлъ прожить такимъ образомъ въ столицѣ и года, какъ былъ вызванъ матушкой въ деревню. Дѣло въ томъ, что отецъ его «лишился внезапно языка и черезъ нѣсколько часовъ и жизни». Герой нашъ летитъ домой и застаетъ уже и мать умирающей: она жестоко простудилась, выѣхавъ въ театръ на другой день послѣ похоронъ своего мужа. Черезъ недѣлю по пріѣздѣ Евгенія и она умерла. Евгеніюшка, похоронивши великолѣпно свою матушку и взявши съ собой всѣ оставшіеся послѣ нея брилліанты и дорогія вещи, равно какъ наличныя деньги и векселя послѣ батюшки, возвратился въ Петербургъ, куда призывали его тогдашняя служба и веселость, прожилъ въ пять лѣтъ все, что его отецъ нажилъ въ пятьдесятъ, вошелъ въ неоплатные долги, хотѣлъ поправить свое состояніе выгодной женитьбой, посаженъ былъ по просьбѣ своихъ заимодавцевъ въ магистратъ, занемогъ тамъ горячкой и скончался на 24-мъ году отъ рожденія, имѣя уже чинъ поручика гвардіи.

Изъ этой же главы мы узнаемъ дальнѣйшую судьбу и другихъ героевъ романа. Такъ Развратинъ скоро потерялъ въ нетрезвомъ видѣ по своей оплошности скопленныя имъ, живучи съ Евгеніемъ, нѣсколько тысячъ рублей, поступилъ на службу учителемъ чистописанія, грамматики и др., и, наконецъ, былъ убитъ ударомъ молніи въ тотъ самый моментъ, когда, прогуливаясь съ однимъ изъ своихъ учениковъ, доказывалъ ему, «что нѣтъ ни Бога, а посему ни награжденія, ни наказанія небеснаго».

Печаленъ былъ конецъ и Вѣтровыхъ, и прочихъ героевъ.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе романа, сорокъ главъ котораго, заключенныхъ въ пять книгъ, почти сплошь заняты изображеніемъ дурнаго воспитанія и сообщества и дурныхъ слѣдствій того и другаго. На протяженіи сорока главъ авторъ не выставилъ ни одного лица, которое могло бы возбудить къ себѣ симпатіи въ душѣ читателя; авторъ не далъ ни одной картины, которая привлекла бы къ себѣ читателя. Весь романъ - изображеніе однѣхъ лишь отрицательныхъ сторонъ русской жизни, русской молодежи. Само собою разумѣется, что такое скопленіе отвратительныхъ личностей съ низкими склонностями, среди гадкихъ и подлыхъ дѣлъ и дѣлишекъ,—какъ справедливо еще замѣтилъ А. Д. Галаховъ—сильно повредило его достоинству, «какъ преднамѣренная односторонность[1]): она уронила «Евгенія» и во мнѣніи публики и критики. Критика встрѣтила романъ Измайлова болѣе чѣмъ недружелюб-

[1]) „Исторія русской словесности", т. II, Спб. 1875 г, стр. 170.

но, прямо враждебно, и въ лицѣ рецензента «Новостей» сочла «Евгенія» книгой недостойной для чтенія: «Такъ не пишутъ романовъ для воспитанія!»—восклицаетъ между прочимъ рецензентъ въ своемъ пространномъ отзывѣ [1]). Молодой авторъ былъ возмущенъ такимъ отношеніемъ критики къ первому дѣтищу его музы и на страницахъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» скоро помѣстилъ свое объясненіе, въ которомъ называлъ критику на его книгу не иначе, какъ забавнымъ объявленіемъ» [2]).

Впрочемъ, впослѣдствіи Измайловъ и самъ охладѣлъ къ своему роману и даже не разъ осмѣивалъ его на страницахъ собственнаго журнала «Благонамѣренный» [3]). Но неуспѣхъ романа, какъ во мнѣніи критики современной, такъ и болѣе поздней (напр. Бѣлинскаго) [4]) и даже самый фактъ охлажденія къ нему его автора еще не рѣшаютъ вопроса о значеніи его въ исторіи нашей литературы. Вопросъ этотъ, получающій особую важность, если мы вспомнимъ, какъ немногочисленна была семья нашихъ первыхъ русскихъ романовъ, къ которымъ присоединился въ концѣ XVIII вѣка «Евгеній», можетъ быть рѣшенъ только при болѣе внимательномъ отношеніи къ роману Измайлова, въ каковомъ ему до сихъ поръ отказывали. Роману Измайлова историкъ литературы долженъ отвести, если не важное, то, во всякомъ случаѣ, далеко не второстепенное мѣсто въ ряду нашихъ первыхъ по времени романовъ уже потому, что «Евгеній» одинъ изъ первыхъ, или, лучше сказать, первый русскій реальный романъ, ибо ни въ одномъ изъ русскихъ романовъ до Измайлова мы не встрѣчаемъ такого реальнаго изображенія нашего быта, какъ въ романѣ «Евгеній». Картины, составленныя Измайловымъ, реальны и, надо отдать ему справедливость, фотографически точны: раскройте мемуары того времени, приподнимите сатирическій покровъ съ листковъ русскихъ сатирическихъ журналовъ конца прошлаго столѣтія—и передъ вами мелькнутъ портреты русскихъ людей, такъ поразительно схожіе съ портретами, даваемыми Измайловымъ. Отмѣтимъ при этомъ, что молодой авторъ затрогивалъ въ своемъ романѣ одинъ изъ жгучихъ вопросовъ того времени—воспитаніе и, показывая обществу похожденія «Евгенія», имѣлъ весьма серьезную и хорошую идею: «Ежели—заканчивалъ Измайловъ предисловіе къ своему роману—моя книга будетъ похвалена хотя немногими знающими людь-

---

[1]) „Новости" 1799 г., іюль. Отрывки изъ нея, какъ примѣръ тогдашней критики, приводились не разъ и въ позднѣйшей литературѣ (см. напримѣръ книгу Н. А. Бѣлозерской „Н. Т. Нарѣжный". Спб. 1886).

[2]) „С.-Петербургскія Вѣдомости" 1799, № 93, стр. 2338. Между прочимъ Измайловъ требовалъ „объясненія" со стороны „Новостей", но его не послѣдовало, ибо журналъ этотъ вскорѣ прекратилъ свое существованіе.

[3]) См. „Полное собраніе сочиненій" т. II, стр. 267, 294.

[4]) Сочиненія, т. VII, Спб. 1860, стр. 383.

ми, ежели хотя немногіе родители приложатъ рачительнѣйшее стараніе о воспитаніи дѣтей своихъ, я почту себя весьма награжденнымъ за мои труды».

Но въ чемъ же кроется причина неуспѣха романа Измайлова, несмотря на оригинальность его, реализмъ, привдиво отвѣчающій дѣйствительности? Конечно, не въ одномъ лишь крайнемъ реализмѣ, не въ одномъ лишь смѣломъ изображеніи отрицательныхъ сторонъ нашей жизни, что ставилось главнымъ образомъ въ упрекъ Измайлову его критиками; ибо читаетъ наше общество и понынѣ «Мертвыя души», и давно уже критика отказалась отъ мысли подвергать осужденію «неумолимый рѣзецъ» Гоголя. Но тѣмъ-то и великъ Гоголь въ своемъ реализмѣ, что изъ-подъ его «неумолимаго рѣзца», «выпукло и ярко» выходила,—какъ настойчиво повторялъ Бѣлинскій,—«совершенная истина жизни»; произведенія его отвѣчаютъ вполнѣ основному требованію реальной поэзіи—«извлекать поэзію жизни изъ прозы жизни и потрясать души вѣрнымъ изображеніемъ этой жизни». Гоголь, выражаясь словами другаго современнаго ему критика, «ни на одно мгновенье не упускалъ изъ виду общечеловѣческихъ условій характера каждаго изъ своихъ героевъ, и потому всѣ дѣйствующія лица его поэмы прежде всего являются людьми, какъ-бы малы и ничтожны они ни были по положенію своему въ обществѣ, до какого бы нравственнаго униженія ни были доведены воспитаніемъ и неизбѣжнымъ теченіемъ дѣлъ» [1]. Въ каждомъ героѣ его не трудно усмотрѣть всѣ человѣческія движенія, и потому-то всѣ они возбуждаютъ къ себѣ глубокое сочувствіе въ душѣ читателя, у котораго найдется чувство жалости и состраданья даже и при взглядѣ на Плюшкина, эту «прорѣху на человѣчествѣ».

Обращаясь къ роману «Евгеній», мы прежде всего должны отмѣтить односторонность его автора въ изображеніи жизни и характеровъ. Романъ Измайлова, говоря языкомъ Бѣлинскаго, даже не «синтетическія повѣрки аналитическихъ наблюденій надъ жизнью», но просто протокольная запись безобразій въ нашей жизни, фотографическіе снимки съ молодежи своего времени «въ непозволительныхъ позахъ». Авторъ «Евгенія», такъ сказать, «обезчеловѣчилъ» своихъ героевъ, сдѣлалъ изъ нихъ негодяевъ, лишенныхъ сколько-нибудь общечеловѣческихъ желаній, уродовъ, со страстями и побужденіями самыми порочными [2]). Дѣйствительно, въ чемъ проходитъ день нашихъ героевъ, вся жизнь ихъ? Въ какомъ-то чаду безобразій: старики занимаются ростовщиче-

---

[1]) В. Н. Майковъ. „Критич. опыты". Спб. 1891, стр. 265.

[2]) Такъ назвалъ своего героя самъ авторъ:

„Восьмнадцати не больше лѣтъ
Урода этого я произвелъ на свѣтъ".

ствомъ, сутяжничествомъ, флиртомъ, карточной игрой..., молодежь ходитъ по кабакамъ, игорнымъ домамъ и всю жизнь свою проводитъ въ одномъ лишь стремленіи къ наслажденіямъ, порою грубымъ и унизительнымъ...

Читателю скучно и душно въ такой атмосферѣ, онъ ищетъ хоть одной сцены, на которой онъ могъ бы отдохнуть въ своемъ слѣдованіи за похожденіями героевъ романа, хоть одного побужденія въ нихъ общечеловѣческаго. Не находя ни того, ни другаго, читатель, пробѣгая романъ, не чувствуетъ въ немъ и присутствія автора, его «души», не видитъ той объединяющей идеи, которая охватывала бы все произведеніе. Идея эта поставлена лишь въ предисловіи, но провести ее черезъ свой романъ молодому автору было не подъ силу. Не мудрено, поэтому, что критику «Новостей» показалось, что авторъ «Евгенія» тѣшитъ лишь свое воображеніе, и Измайлову, такимъ образомъ, пришлось разочароваться въ своемъ ожиданіи, что романъ его будетъ прочтенъ и даже, можетъ быть, «нѣсколько пріятенъ».

Другой причиной неуспѣха романа Измайлова слѣдуетъ считать и нѣкоторую несвоевременность его появленія. Не забудемъ, что въ концѣ прошлаго вѣка въ нашей литературѣ завоевало себѣ симпатіи иное изображеніе жизни, чѣмъ-то, съ которымъ мы встрѣчаемся въ «Евгеніи»: переводные романы Ричардсона и др. и подражанія имъ, повѣсти Карамзина и цѣлой плеяды его подражателей открывали новую эпоху въ нашей литературѣ и вкусахъ, эпоху, въ которой герои «Евгенія» никакъ не могли уже привлечь къ себѣ вниманіе нашей публики. Дѣйствительно, Евгеній могъ имѣть успѣхъ лишь въ годы появленія пьесъ Фонъ-Визина и Екатерины II. Онъ былъ первый опытъ смѣло показать, именно въ формѣ реальнаго романа, неурядицы въ нашей жизни, благодаря дурному воспитанію и сообществу, неурядицы, о которыхъ такъ много говорили русскіе люди Екатерининской эпохи, подъ иноземнымъ вліяніемъ, теребя на разные лады и въ салонахъ, и на театральныхъ подмосткахъ, и на листкахъ періодической печати, и въ проектахъ объ улучшеніи рода человѣческаго одну и ту же тему о воспитаніи. Но извѣстно, что шумные дебаты нашего высшаго общества о воспитаніи, послѣ созданія: «Недоросля» и «Бригадира», болѣе уже не находили рѣзкаго выраженія въ нашей литературѣ, это—во-первыхъ; во-вторыхъ,—гордо провозглашавшіяся теоріи по тому же вопросу не осуществлялись на практикѣ, не проникали въ жизнь, или проникали слишкомъ мало. Послѣ всего сказаннаго уже не трудно вывести, какое значеніе имѣетъ для насъ романъ Измайлова: являясь какъ-бы дополненіемъ къ литературѣ Екатерининской эпохи (по идеѣ, своему нравственно-сатирическому характеру и пр.), «Евгеній», въ то же время, прекрасный показатель, что нравы нашего общества въ концѣ прошлаго и на зарѣ настоящаго столѣтій, общества, «вздыхавшаго» по бѣдной

Лизѣ, не измѣнились, или измѣнились очень мало къ лучшему, сравнительно съ нравами временъ Простаковыхъ и имъ подобныхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, присмотримся ближе къ дѣйствующимъ лицамъ романа Измайлова. О родителяхъ главнаго героя романа (Евгенія Негодяева) скажемъ немного: они—сколокъ съ портретовъ родителей, знакомыхъ намъ по драматическимъ произведеніямъ императрицы Екатерины, Фонвизина и сатирическимъ листкамъ того времени. Болѣе оригиналенъ въ изображеніи Измайлова самъ Евгеній Негодяевъ. Съ дѣтства пріученный къ мысли, что онъ, во-первыхъ, дворянинъ, во-вторыхъ, сержантъ, Евгеній имѣлъ высокое понятіе о своихъ достоинствахъ, тѣмъ болѣе, что модное воспитаніе, данное ему его родителями, его знаніе свѣта, умѣнье изъясняться по-французски, кланяться непринужденно и танцовать превосходно, а главное—деньги въ большомъ количествѣ и мундиръ офицера гвардіи—давали ему возможность быть однимъ изъ видныхъ представителей тогдашней золотой молодежи и одерживать безъ труда немало побѣдъ надъ женскими сордцами. Трудно сказать, какіе интересы, кромѣ жажды развлеченій, были у Евгенія: удовлетвореніе своимъ страстямъ было цѣлью жизни этого барчука, въ плоть и кровь котораго вошло убѣжденіе, что онъ дворянинъ и по сему не долженъ ничего дѣлать; «cherchez la femme!», казалось, было его постояннымъ лозунгомъ. Избравъ своимъ менторомъ Развратина, онъ прошелъ всю свою жизнь съ университетской скамьи рука объ руку съ этимъ человѣкомъ, превосходя часто даже его въ своемъ ненасытимомъ сладострастіи. Въ пять лѣтъ онъ успѣлъ промотать все, что его отецъ нажилъ въ пятьдесятъ, и умеръ въ «магистратѣ».

Другъ его, Развратинъ, какъ показываетъ самая фамилія этого героя, былъ развратнымъ во всѣхъ смыслахъ, начиная съ убѣжденій и кончая поступками [1]). Назвавшись другомъ богатаго барчука, онъ принялъ на себя роль его наставника и руководителя и, засыпая его кучей безсмысленныхъ силлогизмовъ, всякій разъ, какъ тотъ находился въ нерѣшительности, всегда склонялъ Евгенія на свою сторону. Онъ въ конецъ заглушилъ въ душѣ Евгенія тѣ немногочисленныя крупицы добрыхъ чувствъ, которыхъ въ немъ не успѣло уничтожить воспитаніе, и, обманывая частенько его самымъ подлымъ образомъ, особенно когда дѣло шло о деньгахъ, успѣлъ скопить себѣ къ смерти Евгенія крупную сумму. Но какъ приходили деньги, такъ онѣ и уходили; онъ лишался

---

[1]) Вотъ какъ характеризуетъ его самъ авторъ: „это былъ человѣкъ посредственныхъ знаній, испорченныхъ нравовъ и испорченнаго сердца; хвасталъ какъ педантъ, пилъ какъ ремесленникъ, игралъ на билліардѣ, какъ маркеръ, злословилъ, какъ богомолка, и умѣлъ съ несказаннымъ искусствомъ жить на счетъ другихъ“.

ихъ самымъ неожиданнымъ образомъ: его обворовывали. Конецъ его извѣстенъ.

Что касается остальныхъ героевъ романа, то о нихъ, въ немногихъ словахъ, можно сказать слѣдующее: не служеніе на благо общества, не трудъ, полезный для него и разумный, но лишь удовлетвореніе собственныхъ мелкихъ, чисто эгоистическихъ страстишекъ лежало въ основѣ ихъ жизни, которую они прожигали всевозможными средствами, начиная съ баловъ, обѣдовъ, салонной болтовни, кончая картами, винами и т. п. Однообразная до утомительности и пошлая ихъ жизнь, съ внѣшней стороны, была бѣдна, убога, и съ внутренней, духовной; о послѣдней авторъ даже какъ-бы избѣгаетъ говорить.

Таковы въ общихъ чертахъ герои романа «Евгеній»; таково русское дворянское общество въ изображеніи Измайлова,—изображеніи, совершенно правдивомъ въ частностяхъ, какъ отмѣтилъ еще А. Д. Галаховъ.

Присматриваясь ближе къ этому обществу, не трудно замѣтить въ немъ тѣхъ же Чудихиныхъ, Ханжихиныхъ, Простаковыхъ и т. д., словомъ, галлерею тѣхъ самыхъ типовъ, что мы видимъ въ пьесахъ Екатерининской эпохи, хотя съ нѣкоторыми новыми чертами. Но если въ 70-хъ и 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія существовали: Иванушки, Митрофанушки, Ханжихины, Чудихины и проч., то развѣ ихъ не стало въ 90-хъ годахъ? развѣ воспитаніе стало лучше, а прежнее не дало своихъ результатовъ, и дѣти Простаковыхъ стали дѣйствительно людьми потому, что начали вздыхать надъ горькой участью героинъ сентиментальныхъ романовъ?—Нѣтъ, общество было то же общество, но повторяемъ, конечно, съ нѣкоторыми новыми чертами. Евгеніи Негодяевы 90-хъ годовъ существовали и раньше, и, какъ увидимъ, они будутъ жить и позже, хотя подъ другой фамиліей и въ другихъ костюмахъ. Они явились на нашей землѣ, какъ разъ съ того момента, какъ въ хоромахъ помѣщичьихъ усадебъ, на всемъ протяженіи нашего отечества, зазвучала изъ устъ россіянъ французская рѣчь, и крѣпостные «людишки» гнули свои выи передъ годовалымъ барчукомъ, но уже въ чинѣ сержанта, выводимымъ на показъ въ мундирѣ, сему чину присвоенномъ. Чадолюбивые родители примѣняли къ нимъ, сообразно измѣнявшимся понятіямъ и условіямъ жизни, разныя системы воспитанія, съ результатами которыхъ мы хорошо можемъ познакомиться, присмотрѣвшись къ портретамъ питомцевъ Вральмана, m-lle Pendard, m-me Sans Pudeur, m-r L'Abbé и т. п.

Итакъ, какія бы системы воспитанія ни примѣнялись къ нашимъ Евгеніямъ, и какъ бы послѣдніе ни различествовали между собой по своему темпераменту, уму и характерамъ,—они все тѣ же Россійскіе Евгеніи. Не сразу явились на русской почвѣ Онѣгины, но они развивались постепенно, и, какъ всякое общественное явленіе въ своемъ

развитія подчиняется непреложнымъ законамъ измѣненій и преемственности, такъ и литературные типы, вродѣ разсматриваемыхъ нами, выработанные самой жизнью, лишь вѣрные снимки съ одного и того же русскаго человѣка, сдѣланные лишь въ разныя эпохи его возраста, въ которыя онъ успѣлъ немало измѣниться. Неизмѣримая разница, хотя бы въ умственномъ отношеніи, между Евгеніемъ романа Пушкина и Евгеніемъ романа Измайлова, но громадная разница между Евгеніемъ послѣдняго и Иванушкой Фонъ-Визина, но всѣ они братья между собой, всѣ дѣти однихъ родителей: русскаго барина временъ крѣпостничества, знающаго только, что онъ—дворянинъ, и русской барыни, знающей, что она дворянка и что ея дѣтямъ нужно достойное ихъ званія воспитаніе—нужны лоскъ, свѣтъ, французскій языкъ и мундиръ,

„Одинъ мундиръ, расшитый и красивый“.

правда, потомъ, замѣненный чернымъ фракомъ, но подъ которымъ

„Слабодушіе, разсудка нищета“,

скрывался тотъ же эгоизмъ, та же душа, можетъ быть, и даровитая но искавшая лишь удовлетворенія собственнымъ страстямъ, страдавшая порой отъ неудовлетворенности собственнаго эгоизма, душа, которая не въ состояніи была подняться выше личныхъ интересовъ, въ сознательномъ или безсознательномъ стремленіи за которыми проходила вся жизнь нашихъ Евгеніевъ. Было время, когда они кричали: «не хочу учиться, хочу жениться»; было время, когда они кидались въ омутъ разврата и или погибали тамъ, или выходили разбитыми, усталыми и ни на что негодными, кромѣ жалкаго петиметрства; было время, когда имъ надоѣдалъ и Дидло и всѣ блага земныя, и говорили они, окутавшись въ Чайльдъ-Гарольдовскій плащъ, что они, «не созданы для блаженства», или, еще лучше, что

„Жизнь ужъ насъ томитъ, какъ ровный путь безъ цѣли,
Какъ пиръ на праздникѣ чужомъ“ и т. д.

Поэтъ правъ, рисуя въ 30-хъ годахъ современное ему поколѣніе, какъ поколѣніе людей «къ добру и злу постыдно равнодушныхъ». Негодное воспитаніе, даваемое негодными отцами—вотъ главная причина, породившая такое поколѣніе. Такихъ взглядовъ держался очевидно и Лермонтовъ, смотря на «наше поколѣнье», какъ на «обманутыхъ сыновъ промотавшихся отцовъ»; такіе взгляды мы найдемъ и далеко до него

„На васъ, родители, потребуютъ отчета,
Что вашихъ жизнь дѣтей позоромъ стала свѣта
И что въ безпутствахъ дни свои влекутъ они,
Причиною тому лишь вы одни“.

доносится до насъ изъ XVIII вѣка [1]). Измайловъ, рисуя своего Евгенія, главной причиной, почему изъ него вышелъ уродъ (какъ онъ самъ назвалъ его впослѣдствіи), полагаетъ воспитаніе. Итакъ, вотъ какую связь и преемственность литературныхъ типовъ и представителей русской золотой молодежи мы можемъ наблюдать въ развитіи нашей литературы въ связи съ развитіемъ русской жизни вообще. Евгеній Негодяевъ—связующее звено между героями Екатерининской эпохи и начала XIX вѣка, онъ—преемникъ первыхъ и прототипъ вторыхъ. И вотъ почему романъ Измайлова можетъ занимать видное мѣсто между романами, имѣющими не малое общественное значеніе.

Но не одинъ Евгеній имѣетъ такую связь съ предшествующими и послѣдующими типами. Не вдаваясь въ подробности, отмѣтимъ слѣдующее. Подлянковъ—блестящій прототипъ Грибоѣдовскаго Молчалина. Господа въ родѣ мосье Лепандардъ, смѣнившіе господъ Вральмановъ и т. п., со временемъ стали называться мосье Бопре, l'Abbé и т. д.; г-жа Sans Pudeur, «которая довольно дурно говорила по-русски, а читать не умѣла нисколько» и т. д., жила еще долго на Руси, и—нужно ли говорить—что подобныхъ ей не трудно встрѣтить и нынѣ.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о степени оригинальности романа Измайлова. Мы назвали его первымъ русскимъ оригинальнымъ реальнымъ романомъ,—можно еще прибавить нравственно сатирическимъ. Но, само собою разумѣется, что опредѣленіе это до нѣкоторой степени условно и требуетъ оговорокъ.

Въ прекрасномъ трудѣ Н. А. Бѣлозерской о В. Т. Нарѣжномъ [2]), статьѣ Благосвѣтова «Русскій прозаическій романъ [3]), А. Г. Лященко «Публицистическій элементъ въ романахъ Эмина» [4]) и нѣкоторыхъ другихъ читатель найдетъ немало указаній на то, что какъ элементъ, и реальное изображеніе русской жизни и общества, и нравственно-сатирическое обличеніе недостатковъ русскихъ людей, испорченныхъ дурнымъ воспитаніемъ и пр., не трудно встрѣтить въ старыхъ романахъ до Измайлова. Съ своей стороны можемъ прибавить, что Измайловъ, создавая своихъ героевъ, находился подъ сильнымъ вліяніемъ литературы какъ иностранной, такъ и русской. Достаточно указать на сходство его разсужденій о воспитаніи со взглядомъ на тотъ же предметъ Руссо, на тотъ burlesque въ его романѣ, который напоминаетъ Скаррона и пр. Что касается до вопроса о вліяніи на Измайлова лите-

---

[1]) См. „Живописецъ", 1772 г., л. 8, письмо VII.

[2]) Н. А. Бѣлозерская „В. Т. Нарѣжный". Спб., 1886.

[3]) „Сынъ Отечества", 1856 г., №№ 28, 31, 38.

[4]) Отд. оттискъ изъ „Jahresbericht der Reform. Kirchenschule für 1897—98". Спб. 1898.

ратуры русской, то мы уже успѣли замѣтить, что типы, обрисованные Измайловымъ въ своемъ романѣ, весьма напоминаютъ героевъ комедій и сатирическихъ листковъ Екатерининской эпохи. Мало того, мы можемъ указать нѣсколько статей изъ старой сатирической журналистики, даже совпадающихъ по заглавію съ заглавіемъ «Евгенія», напр.: «Слѣдствія худаго воспитанія», «О дѣйствіи добраго и худаго воспитанія», «Отъ воспитанья все зависитъ», «О худомъ воспитаніи сельскихъ дворянъ» (переводъ), «Хорошее воспитаніе лучше богатаго наслѣдства» [1]) и др. Но всѣ эти статьи въ двѣ-три странички, иной разъ переводныя, имѣютъ общаго съ романомъ Измайлова лишь заглавіе и тему, о разработкѣ же въ нихъ типовъ и подробномъ развитіи ихъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи. Статьи эти могли быть для нашего писателя лишь толчкомъ къ написанію романа, но отнюдь не источникомъ.

Заслуга Измайлова въ области исторіи русскаго романа въ томъ-то и состоитъ, что онъ былъ однимъ изъ первыхъ нашихъ романистовъ, которые глубоко чувствовали весь вредъ «ложнаго» воспитанія, скорбѣли о крайней распущенности нашей молодежи и полуобразованнаго общества, какъ результатѣ нерадѣнія о своихъ дѣтяхъ родителей, предпочитавшихъ «ввѣрять нравъ дѣтей распутнымъ бѣглецамъ». Измайловъ вмѣстѣ съ Н. П. Николевымъ, хорошо понималъ, что въ томъ воспитаніи, «. . . что свѣтскимъ мы зовемъ

„Разврата общаго зародыши всѣ въ немъ“ [2]).

Но въ то время, какъ Николевъ, для борьбы съ «развращенными нравами нынѣшняго вѣка» [3]), взялъ старое оружіе и уже не имѣвшее силы надъ современниками, именно сатиру, Измайловъ предпочелъ иное средство: онъ задумалъ показать обществу его правдивое изображеніе въ такой литературной формѣ, въ которой бы можно было соединить всѣ пріемы, въ частности практиковавшіеся въ нашей литературѣ для борьбы съ невѣжествомъ и проч.,—онъ задумалъ реальный романъ, въ которомъ бы не надо было пускать своего героя за тридевять земель, распространяться о примѣрахъ добродѣтели, дѣлать нравственно-дидактическія вылазки и т. п., словомъ, бросить рутину и дать простое реальное изображеніе дикихъ нравовъ своихъ современниковъ, какими онъ видѣлъ ихъ постоянно передъ глазами.

---

[1]) „Живописецъ“ стр. 138; „Праздное время“, ч. I, стр. 163; „Ярославск. ежемѣсяч. соч.“, ч. I, стр. 133; „Праздное время“, ч. III, стр. 371 (см. также „Библіот. ученая“, ч. IV, стр. 156); „Ярославск. ежемѣсяч. сочин“., ч. I, стр., 131; „Иртышъ, превращающ. въ Иппокрену, 1791, сент.

[2]) См. любопытныя страницы о состояніи.

[3]) См. его сатиру „На развращенные нравы нынѣшняго вѣка“, находящуюся въ сборникѣ С. А. Венгерова. „Русская поэзія“, т. I, Спб., 1880 г., стр. 801—802.

Обширное знакомство съ литературой и хорошіе образцы сатирическихъ изображеній въ нашей журналистикѣ помогли ему въ обработкѣ типовъ; пребываніе въ закрытомъ учебномъ заведеніи (гдѣ, какъ мы отмѣтили, нравы не отличались цѣломудріемъ) и ранняя тонкая наблюдательность дали ему сюжетъ и героевъ романа. Молодость и неопытность 18-ти-лѣтняго автора, повторяемъ, были виной, что Измайловъ не справился съ своей задачей: изображеніе вышло одностороннимъ и, хотя онъ могъ сказать въ свое оправданіе, что

„Я ихъ (т. е. порочныхъ) описывалъ порочныя дѣла,
А честнымъ у меня едина похвала",

все же общество сочло книгу его вредной и недостойной для чтенія. Главный же недостатокъ романа,—его грубоватость и въ выраженіи, и въ подборѣ сценъ, и въ изображеніяхъ, грубоватость, доходившая до цинизма.

Какъ увидимъ, эта особенность въ творчествѣ Измайлова осталась навсегда характерной чертой его произведеній.

Слѣдующее по времени болѣе крупное произведеніе Измайлова—повѣсть «Бѣдная Маша» [1]), изданная отдѣльной книжкой въ 1801 г.

«Простаковъ,—начинается повѣсть,—пожилой отставной офицеръ, посредственнаго достатка, посредственнаго разума, но весьма добраго сердца, жилъ со старухой, своей женой, одинакихъ съ нимъ свойствъ въ городѣ N. Главнѣйшее ихъ занятіе состояло во снѣ, въ хожденіи по праздникамъ въ церковь и употребленіи со своими сосѣдями и пріятелями домашнихъ наливокъ». Они пріютили у себя на старости лѣтъ сироту-племянницу Машу, дѣвушку такихъ прекраснѣйшихъ качествъ, что всякій сынъ говорилъ себѣ: «Дай мнѣ Богъ такую невѣсту, какова Маша». Многіе ее сватали, но понравился ей и ея родственникамъ одинъ только Миловъ, за котораго она и вышла замужъ. Но не долго наслаждалась Маша прелестями супружеской жизни: «по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ свадьбы Миловъ сталъ собираться въ ***, гдѣ, какъ сказывалъ, находился при мѣстѣ». Маша хотѣла было ѣхать съ нимъ вмѣстѣ, но краснорѣчіе мужа и Простаковыхъ убѣдило ее остаться, и Миловъ уѣхалъ одинъ, выпросивъ наканунѣ отъѣзда у своей жены ея приданное, состоявшее изъ денегъ и жемчуга. Но скоро обнаружился обманъ Милова: Маша пріѣхала съ сыномъ въ городъ, гдѣ былъ Миловъ, и застала своего мужа въ объятіяхъ какой-то Шарлотты. Свиданіе кончилось драмой: Шарлотта, понявъ, что она обольщена женатымъ человѣкомъ, «вонзила себѣ въ грудь большой ножъ»... Миловъ въ отчаяніи покушается на самоубійство, его удерживаютъ. Но такая

[1]) „Россійская отчасти справедливая, повѣсть". Съ эпиграфомъ изъ Флоріана: „Il n'est point de bonheur que dans l'amour légitime".

развязка такъ на него подѣйствовала, что онъ занемогъ «пресильной горячкой» и былъ на краю смерти. Старанія лѣкаря и заботы Маши возстановили его силы, и онъ началъ поправляться. Однако мысль о самоубійствѣ вновь овладѣла имъ, и онъ скоро привелъ ее въ исполненіе. Маша была потрясена до глубины души, и только «священный долгъ» матери и христіанки препятствовалъ ей кончить жизнь свою. Схоронивъ мужа и взявши изъ всего имѣнія, оставшагося послѣ Милова, только одинъ силуэтъ его, она возвратилась въ домъ своихъ родственниковъ, гдѣ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и «умерла съ грусти».

Повѣстью этой Измайловъ отдалъ дань входившему тогда въ силу новому теченію въ нашей литературѣ—сентиментализму. Она написана въ духѣ сентиментальныхъ, или, какъ иные тогда въ шутку называли, «раздирательныхъ» повѣстей, въ подражаніе «Бѣдной Лизѣ» Карамзина. Но сентиментальное, очевидно, не было въ натурѣ Александра Ефимовича,—онъ былъ сатирикъ-юмористъ, что отразилось и на настоящей его повѣсти. «Природа,—какъ вѣрно замѣчаетъ Галаховъ,—отказала Измайлову въ тѣхъ принадлежностяхъ чувствительности, изъ которыхъ она становится сентиментальностью, и, напротивъ, даровала ему ту ея степень, на которой она отличается простодушіемъ и грубоватостью» [1]). Такимъ образомъ, повѣсть Измайлова выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ сентиментальныхъ повѣстей того времени, съ одной стороны,—своимъ мелодраматизмомъ (на который, намъ кажется, и нельзя смотрѣть иначе, какъ на неудачную попытку автора замѣнить чувствительность «раздирающими» сценами), съ другой,—реальнымъ, близкимъ къ естественности, но съ легкимъ оттѣнкомъ юмора изображеніемъ такъ-называемаго «низменнаго» быта. Еще Булгаринъ отмѣтилъ, что въ разсматриваемой повѣсти «сцены провинціальнаго сватовства и вообще домашній бытъ провинціала мастерски списаны съ натуры, т. е., въ чувствительной повѣсти лучшая сторона—юмористическая» [2]). Булгаринъ на сей разъ правъ: страницы, гдѣ описано сватовство, или, напримѣръ, гдѣ приводится письмо Филимона Фатюева и т. п., читаются съ удовольствіемъ даже и теперь. Вообще, нужно замѣтить, что юмористическія нотки частенько слышатся въ этой повѣсти; при томъ въ ней нѣтъ и утомительныхъ отступленій съ сентиментальными изліяніями; плаксивый, чувствительный тонъ въ ней чувствуется, сравнительно съ другими повѣстями того же рода, весьма мало [3]): въ ней больше простоты и естественнаго чувства, и, не приведи авторъ такихъ страшныхъ и грубыхъ кровавыхъ развязокъ, это произведеніе Измайлова было бы прекраснымъ отрывкомъ

[1]) „Современникъ“ 1850 г., т. 23, стр. 89.

[2]) „Сѣверная Пчела“ 1849 г., № 141.

[3]) Въ другомъ болѣе позднемъ подражаніи Карамзину („Что нужно актеру?“) Измайловъ вовсе отбросилъ „чувствительность“.

изъ жизни простодушныхъ россіянъ, прозябающихъ въ провинціи за своими будничными дѣлишками да наливочками, въ мирной болтовнѣ съ сосѣдями, со всею ихъ наивностью, а вмѣстѣ и невѣжествомъ.

Въ заключеніе отмѣтимъ, что языкъ повѣсти отличается ясностью и легкостью, начало же ея, которое мы выписали, прямо-таки прекрасно по своей простотѣ и ровному, спокойному тону эпическаго разсказа съ легкимъ оттѣнкомъ юмора.

Слѣдующею и послѣднею повѣстью Измайлова была повѣсть «Ибрагимъ и Османъ или трудись, дѣлай добро и будешь счастливъ» [1]).

«Въ царствованіе славнаго калифа Гарунъ Альрашида,—начинается повѣсть,—жилъ неподалеку отъ Багдада старый мудрецъ, по имени Ибрагимъ». Это былъ человѣкъ идеальной честности, человѣкъ, всю жизнь свою посвятившій «дѣланію добра» своимъ ближнимъ; благодѣянія, щедро, но съ разборомъ, расточаемыя имъ, назидательныя бесѣды, умные совѣты, знаніе жизни и людей, глубокія познанія въ наукахъ,—все это привлекало много народу въ деревню, гдѣ онъ жилъ, и слава о немъ разносилась на далекое пространство. Молва о немъ дошла и до Османа, сына Кебиба (короля дамасскаго), который, несмотря на всѣ удобства жизни, роскошь, славу и прочія блага, ниспосланныя ему судьбой, чувствовалъ себя неудовлетвореннымъ. Онъ рѣшилъ пріѣхать къ Ибрагиму и просить мудреца помочь ему найти счастье жизни. Мудрецъ ласково принялъ королевича и предложилъ Осману остаться у него. Тотъ согласился, и вотъ тутъ-то, за непродолжительное пребываніе у Ибрагима, Османъ, познакомившись съ основными положеніями ученія мудреца: «трудись, дѣлай добро» etc. и вкусивши сладость жизни въ трудѣ и дѣланіи добра, понялъ, въ чемъ кроется счастье человѣка. Съ радостью Османъ возвратился домой и во все продолженіе своей жизни, твердо памятуя наставленія Ибрагима и на дѣлѣ слѣдуя его ученію, чувствовалъ себя счастливымъ, ибо жизнь его проходила, полная труда, радѣнія о ближнихъ и дѣланія добра.

Повѣсть эта принадлежитъ къ числу такъ-называемыхъ «восточныхъ» повѣстей. Въ своей статьѣ объ А. П. Бенитцкомъ [2]), мы имѣли уже случай говорить о восточной повѣсти вообще и о степени ея распространенія у насъ въ Россіи. Поэтому, здѣсь отмѣтимъ лишь, что Измайловъ,—сатирикъ-бытописатель по преимуществу,—рано почувствовалъ, на-ряду съ другими сродными ему по таланту писателями, все удобство «восточной повѣсти», какъ формы, въ которой весьма удобно можно уложить ту или другую морально-дидактическую идею или намекъ

[1]) Первоначально напечатана въ „Любителѣ словесности“ 1806 г., №№ 11, 12; затѣмъ въ „Благонамѣренномъ“ 1818 г., ч. 3.

[2]) „Журналъ министерства народнаго просвѣщенія“ 1900 г., апрѣль.

на обстоятельства, требующія огласки, но о которыхъ нельзя говорить открыто и прямо.

Въ только-что разсказанной повѣсти Измайловъ, очевидно, имѣлъ въ виду провести одну изъ излюбленныхъ своихъ идей, одно изъ основныхъ положеній своего нравственнаго кодекса: «трудись, дѣлай добро» и проч.; если же мы обратимъ вниманіе на предшествующую этой повѣсти его статейку «Наставленіе стараго индѣйскаго мудреца молодому государю» [1]), тѣсно примыкающую къ повѣсти и представляющую какъ бы эскизъ для нея, то намъ ясны станутъ и смыслъ, и цѣль этихъ двухъ произведеній Измайлова. Мы смотримъ на эти произведенія Александра Ефимовича, какъ на своего рода публицистическія работы. Дѣло въ томъ, что въ первые годы царствованія Александра, когда общественное настроеніе было особенно возбуждено, и рѣдко какой піита не привѣтствовалъ молодаго монарха и не выражалъ самыхъ радостныхъ надеждъ, начали появляться массами разнаго рода произведенія, въ которыхъ явно или между строкъ, дѣлались намеки на необходимость тѣхъ или другихъ перемѣнъ, предлагались совѣты и т. п., даже болѣе: начали подаваться указанія, которыя нельзя было отнести ни къ кому иному, какъ къ личности государя. Такъ и въ «Наставленіи индѣйскаго мудреца» Измайлова мы усматриваемъ желаніе автора сдѣлать нѣсколько добрыхъ указаній самому монарху, и, такъ какъ это неудобно было дѣлать прямо, то Александръ Ефимовичъ избралъ путь окольный. Съ этой точки зрѣнія можно смотрѣть, въ связи съ только-что названнымъ наброскомъ, и на «Ибрагимъ и Османъ».

Особыхъ литературныхъ достоинствъ эти работы не имѣютъ.

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ отмѣтить, что послѣдняя повѣсть принята была весьма сочувственно въ свое время [2]), долго нравилась публикѣ, и Измайловъ даже перепечаталъ ее впослѣдствіи въ «Благонамѣренномъ».

Своего рода публицистическими попытками можно считать и слѣдующія произведенія Измайлова: «Разсужденіе о нищихъ» [3]) и «Вчерашній день» [4]).

Первое написано подъ вліяніемъ высочайшаго рескрипта, даннаго на имя камергера Витовтова 12-го мая 1802 года. Измайловъ взялъ эпиграфомъ слѣдующія слова рескрипта: «Обыкновенное подаяніе ни-

[1]) Первоначально напечатана въ „Любителѣ словесности" 1806 г., № 2, стр. 111—116.

[2]) Между прочимъ, повѣсть „Ибрагимъ и Османъ" была читана въ 1806 г. на засѣданіи вольнаго Общества любителей словесности, наукъ и художествъ и одобрена къ напечатанію.

[3]) Спб., 1804 г., in 8°.

[4]) Спб., 1807 г., in 12° (по Сопикову (№ 3115) „рѣдка").

щимъ умножаетъ только число оныхъ» и написалъ по этому поводу разсужденіе о томъ, «какимъ способомъ можно уменьшить у насъ, въ Россіи, великое число оныхъ (т. е. нищихъ) и доставить всѣмъ прочимъ безнужное пропитаніе безо всякаго на то иждивенія отъ казны».

«Нищета и бѣдность, сіи два несносныя въ общежитіи бѣдствія»,—говоритъ авторъ въ предувѣдомленіи «Разсужденія»,—«такія представляютъ намъ ужасныя картины и такія пагубныя влекутъ за собою слѣдствія, что, по мнѣнію моему, давно бы уже должны были обратить на себя вниманіе искусныхъ политиковъ и патріотовъ. Августѣйшій нашъ патріотъ чувствовалъ всю важность, отъ сего зла происходящую, и доказательствомъ отеческаго его попеченія о несчастныхъ его подданныхъ, страждущихъ подъ игомъ нищеты, доказательствомъ неизреченной о семъ заботливости есть высочайшій его и всѣмъ намъ извѣстный рескриптъ отъ 12-го мая 1802 года, который служилъ немалымъ побужденіемъ и мнѣ къ тому, что я вздумалъ писать о семъ предметѣ».

Затѣмъ Измайловъ, послѣ краткихъ разсужденій о необходимости и спасительности благотворенія, подходитъ къ опредѣленію истинно-несчастныхъ, каковыми онъ считаетъ нищихъ. Распредѣливъ, затѣмъ, нищихъ на три категоріи (нищіе изъ отставныхъ солдатъ, нищіе—крестьяне, нищіе—увѣчные и т. п.) и доказавъ настоятельную необходимость въ облегченіи ихъ участи, авторъ говоритъ о тѣхъ неудобствахъ, съ которыми сопряжено обычное подаяніе, о невозможности имѣть при всѣхъ приходахъ богадѣльни и проч., и, наконецъ, предлагаетъ свой проектъ: переписать всѣхъ нищихъ по каждому приходу и завести во всѣхъ церквахъ нарочныя для нихъ кружки. «Нищіе, будучи извѣстны по всякому приходу, станутъ приходить по воскресеньямъ въ церковь, гдѣ, по окончаніи обѣдни, въ присутствіи старосты и священника, будетъ происходить раздача денегъ, сколько на еженедѣльное содержаніе каждаго, или на другія надобности потребуется».

«Я могу увѣрить»,—прибавляетъ Александръ Ефимовичъ,—«что сборъ денегъ на нищихъ превзойдетъ ожиданіе... Каждый усердный прихожанинъ, идучи въ праздникъ въ церковь и бравши съ собою на свѣчи, на церковное строеніе и проч. деньги, конечно, не забудетъ положить нѣсколько монетъ въ одну изъ сихъ кружекъ». Кромѣ церквей, по предложенію автора, слѣдуетъ поставить кружки и въ другихъ мѣстахъ, «куда собираются часто для одного только увеселенія и излишнихъ прихотей, напримѣръ: въ маскарадахъ, театрахъ, рынкахъ, даже въ самыхъ кофейныхъ домахъ и трактирахъ». Вотъ средства для борьбы съ нищетою, которыя 80 лѣтъ тому назадъ Измайловъ предлагалъ съ нѣкоторымъ опасеніемъ за ихъ «сообразность», но которыя, какъ всѣмъ извѣстно, въ наше время практикуются въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Но вниманіе гуманнаго Измайлова останавливали не одни лишь

нищіе: онъ живо сознавалъ необходимость подачи помощи и бѣднякамъ ремесленникамъ, художникамъ и т. п. лицамъ, обремененнымъ часто большими семействами и по тѣмъ или другимъ причинамъ не могущимъ доставать себѣ необходимыхъ средствъ къ существованію. Вотъ почему онъ съ искреннимъ восторгомъ повторялъ въ концѣ своего проекта слѣдующія слова рескрипта: «надлежитъ искать несчастныхъ въ самомъ жилищѣ ихъ, въ обители плача и стенанія, ласковымъ обращеніемъ, спасительными совѣтами, словомъ, всѣми нравственными и физическими способами стараться облегчать судьбу ихъ,—вотъ въ чемъ состоитъ истинное благодѣяніе». Изъ біографіи Измайлова мы уже знаемъ, что онъ въ продолженіе всей своей жизни удовлетворялъ всѣмъ только-что изложеннымъ требованіямъ «истиннаго благодѣянія».

Еще болѣе благородства и искренняго прямодушія выказалъ Измайловъ въ другой своей работѣ «Вчерашній день». Это—небольшой разсказъ, гдѣ авторъ между картинами сытой праздности нашего дворянства и непосильнаго труда бѣдняка вставилъ нѣсколько своихъ разсужденій о жалованіи и пенсіяхъ. Будучи самъ чиновникомъ и свидѣтелемъ, какъ тяжело жилось въ столицѣ его сослуживцамъ, Измайловъ предлагаетъ для вспомоществованія имъ слѣдующія средства: съ рѣдкимъ простодушіемъ онъ проситъ господъ отставныхъ чиновниковъ, имѣвшихъ родовое имѣніе, или скопившихъ въ продолженіе службы благопріобрѣтенное состояніе, отказаться отъ небольшихъ пенсій, а богатыхъ молодыхъ людей, получавшихъ, но проматывавшихъ по пустякамъ свое жалованіе, отказаться—отъ него, дабы и то и другое (т. е. пенсіи и жалованье) обратить въ пользу бѣдныхъ чиновниковъ.

Объ остальныхъ прозаическихъ произведеніяхъ Измайлова, которыя авторъ помѣщалъ на страницахъ издаваемыхъ имъ журналовъ, можно ограничиться немногими словами. Александръ Ефимовичъ писалъ были, анекдоты, діалоги, посланія, «мысли» и т. п. небольшіе наброски, которые въ то время служили необходимымъ балластомъ послѣднихъ страницъ каждой книжки журнала. Несмотря на разнообразіе только-что перечисленныхъ набросковъ, всѣ они имѣютъ нѣсколько общихъ чертъ.

Во-первыхъ, они написаны прекраснымъ, по тому времени, легкимъ, языкомъ; во-вторыхъ, большинство ихъ не что иное, какъ картинки изъ нашей прошлой для автора или современной ему жизни, странички изъ нашего быта, на которыхъ просто и правдиво авторъ разсказываетъ о тѣхъ неурядицахъ въ нашемъ строѣ жизни, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ; или которыя въ изобиліи хранилъ въ своей памяти по наслышкѣ. Заявивъ себя въ первомъ крупномъ прозаическомъ сочиненіи бытописателемъ юмористическимъ, Измайловъ остался таковымъ во все продолженіе своей литературной дѣятельности. Во всѣхъ своихъ мелкихъ прозаическихъ произведеніяхъ (и, какъ увидимъ, въ басняхъ) нашъ писатель

имѣлъ въ виду бытописаніе, иной разъ, съ морально-дидактическими тенденціями, но почти всегда подъ легкой дымкой простодушнаго юмора.

Безобразія въ нашей жизни различныхъ слоевъ общества (преимущественно дворянъ), самодурство, грубость и дикость нравовъ, корыстолюбіе, неблагодарность, ханжество и т. п.—вотъ главныя темы Измайлова. Замѣтимъ при этомъ, что онъ любилъ иногда обращаться къ тѣмъ самымъ вопросамъ, что волновали его раньше и о которыхъ онъ успѣлъ уже высказаться,—возьмемъ хотя бы вопросъ о дурномъ воспитаніи и сообществѣ: показавъ слѣдствія того и другаго въ романѣ «Евгеній», Измайловъ много лѣтъ спустя въ анекдотахъ «Красныя дѣти» и «Русская жена» [1]) разсказалъ о двухъ фактахъ, которые могутъ служить хорошей иллюстраціей къ его юношескому произведенію. Но описывая отрицательныя стороны нашей жизни и общества, Измайловъ нерѣдко съ любовью останавливался на изображеніи и противуположныхъ, въ доказательство чего можно привести, напр., его анекдотъ «Стряпчій Миротворовъ» [2]) и др.

Наконецъ, между мелкими прозаическими твореніями Измайлова можно насчитать немало и такихъ, которыя имѣютъ интересъ исключительно біографическій, гдѣ авторъ говоритъ о своей особѣ, сообщая иной разъ даже мельчайшія подробности своей жизни, говоритъ о томъ, какъ проводитъ день, какія у него занятія, привычки, говоритъ о своей семьѣ, знакомыхъ, прислугѣ и пр. Въ наше время появленіе такихъ признаній автора въ печати было бы, конечно, курьезомъ въ высшей степени, но при патріархальныхъ нравахъ печати временъ «Благонамѣреннаго», они не казались компрометтирующими автора; рѣшимость же Измайлова обнародовать на страницахъ своего журнала можно объяснить лишь крайней откровенностью нашего писателя, его простодушіемъ, доходящимъ иной разъ до наивности.

О другихъ мелкихъ прозаическихъ произведеніяхъ Измайлова, имѣющихъ ближайшую связь съ дѣятельностью его какъ редактора-издателя «Благонамѣреннаго», скажемъ въ своемъ мѣстѣ, пока же заключимъ эту главу обзоромъ двухъ работъ его характера критическаго; мы имѣемъ въ виду его «Опытъ о разсказѣ басни» и «Разборъ басенъ».

Рано избравъ басню излюбленной формой своего творчества, Измайловъ скоро обратился къ изученію теоретической ея стороны. Съ этой цѣлью, вооружившись знаніемъ французскихъ теоретиковъ басни, онъ приступилъ къ широко задуманной работѣ—трактату о баснѣ, и

---

[1]) „Полное собраніе сочиненій", т. II, стр. 110, 115.

[2]) Ibid, стр. 106.

затѣмъ, утвердившись въ теоретическихъ принципахъ, началъ примѣнять на практикѣ свои научно-выработанные пріемы. Плодами его занятій въ этомъ направленіи явились «Опытъ о разсказѣ басни» и «Разборы басенъ» извѣстныхъ нашихъ баснописцевъ: Хемницера, Дмитріева, Крылова и др. (Второй трудъ остался незаконченнымъ: обстоятельства помѣшали Измайлову выполнить его въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ онъ хотѣлъ). Разсужденія о баснѣ и разборы появлялись частями, съ 1815 г., сперва на страницахъ «Вѣстника Европы», затѣмъ «Сына Отечества» и «Благонамѣреннаго»; въ исправленномъ видѣ, авторъ помѣщалъ ихъ въ собраніяхъ своихъ сочиненій (изд. 1817, 1821 г.), и, наконецъ, они вышли отдѣльной книгой, составлявшей 3-ю часть собранія сочиненій Измайлова, изд. 1826 года.

Опыты эти съ самаго начала появленія своего въ свѣтъ вызвали оживленные толки въ журналистикѣ, мало того, появились даже отдѣльныя изданія за и противъ Измайлова [1]); но большинство привѣтствовало появленіе такихъ работъ Александра Ефимовича [2]), его называли даже законодателемъ русскаго баснописанія [3]); самъ авторъ считалъ свои опыты одними изъ лучшихъ трудовъ своихъ и ставилъ ихъ себѣ въ особую заслугу. И дѣйствительно Измайловъ былъ въ правѣ гордиться ими: для своего времени, его разсужденія были дѣйствительно «классическимъ» трудомъ,—это была первая (на русскомъ языкѣ) серьезная и болѣе полная работа по теоріи басни. Но для насъ теперь она, конечно, имѣетъ мало значенія, какъ по характеру критическихъ пріемовъ Измайлова, такъ и потому, что «Опытъ» его далеко не оригиналенъ. Дѣло въ томъ, что немногочисленный запасъ критическихъ пріемовъ Измайлова былъ заимствованъ имъ изъ французскихъ теоретическихъ сочиненій. Критика Измайлова была критика чисто французская конца прошлаго столѣтія. Ни эстетическая, ни психологическая оцѣнка не имѣла виднаго мѣста въ критическихъ отзывахъ тогдашнихъ даже извѣстныхъ французскихъ критиковъ, съ которыми обращался Измайловъ; главное вниманіе ихъ устремлялось на чисто внѣшнюю сторону произведенія, и ихъ поверхностныя разсужденія вертѣлись на критикѣ языка и филологическихъ замѣткахъ: грамматика, стилистика и версификація—вотъ главные пункты, изъ которыхъ исходили ихъ отзывы.

Взявъ себѣ за руководство комментарій на Лафонтена, составленный

---

[1]) См. Окуловъ: „Разсмотрѣніе разсужденія, изданнаго Измайловымъ въ журналѣ „Сынъ Отечества“ о баснѣ и самыя басни его“. Спб. 1817; А. Р. „Два опыта въ словесности“. Спб. 1816.

[2]) См. „Духъ Журналовъ“. 1816, № 3; „Русск. Вѣстн.“. 1817, №№ 11—12; „Отеч. Записки“. 1821, ч. VIII; „Украинск. Вѣстникъ“, 1817, ч. VIII, 113—120 и др.

[3]) См. „Карманная книжка Аонидъ“. Спб. 1821, стр. 194.

Батте, Гильономъ, Шамфоромъ, Нодье etc., Измайловъ былъ вѣренъ въ своемъ «Опытѣ» и въ разборахъ басенъ. Такъ что, въ этомъ отношеніи, т. е. по тѣмъ самымъ пріемамъ, которыми пользовался Измайловъ въ своихъ критическихъ разсужденіяхъ, онъ въ правѣ былъ назвать свои разборы «примѣчаніями», ибо говорить о цѣлостности, о полнотѣ подобной критики, конечно, нельзя. Дѣйствительно, это были примѣчанія на отдѣльныя слова произведенія, выраженія красивыя и некрасивыя, легкія и тяжелыя и т. п., но особенности чисто метрическія и пр. Согласно такимъ взглядамъ на роль и обязанности критика, Измайловъ, конечно, былъ правъ допустить и такія—съ нашей точки зрѣнія—вольности, какія онъ позволилъ себѣ по отношенію къ изданію сочиненій Озерова. Ему не понравились нѣкоторыя шероховатости въ стихахъ—и онъ сгладилъ ихъ. Напр., Эдипъ говоритъ Полинику:

„Зри ноги ты мои, скитавшись изъязвленны;
Зри руки, милостынь прошеньемъ утомленны;
Ты зри главу мою, лишенную волосъ".

Измайловъ послѣдній стихъ исправляетъ такъ:

„Зри и главу мою, лишенную волосъ".

И сдѣлалъ онъ это по слѣдующему соображенію, приведенному въ предисловіи изданія:

«. . . . Озеровъ, равно какъ и Державинъ, былъ великій поэтъ, но не всегда, какъ и тотъ, искусный стихослагатель (versificateur). Этотъ недостатокъ есть, такъ сказать, неизбѣжная дань, заплаченная ими тому времени, въ которое начали они писать, не учась классической словесности и не имѣя тогда образцовъ исправнаго стихосложенія» [3]).

Не вдаваясь въ болѣе подробную оцѣнку названныхъ трудовъ Измайлова, изложимъ содержаніе его «Опыта» и приведемъ примѣры его разборовъ.

«Опытъ» состоитъ изъ 7 главъ: въ первой говорится о 3-хъ главныхъ качествахъ разсказа: краткости, ясности и правдоподобіи; при томъ рекомендуется «не начинать разсказа весьма издалека и не входить въ излишнія подробности», оканчивать разсказъ въ надлежащемъ мѣстѣ не дѣлать безъ нужды отступленій отъ главной матеріи, особенно, продолжительныхъ, не говорить того, что всякій легко можетъ подразумѣвать и т. д. Въ слѣдующей главѣ говорится «объ украшеніяхъ разсказа», затѣмъ о простотѣ, естественности, «о пріятномъ» (le gracieux), «о забавномъ» (le plaisant); послѣдняя болѣе обстоятельно изложенная глава посвящена разсужденію о простодушіи (le naif). Самостоятельнаго

---

[1]) Извѣстно, что за такое самоуправство съ текстомъ Измайлова немало упрекали. Тотъ оправдывался. (См. „Благонамѣренный", 1824, т. 8).

во всѣхъ этихъ отдѣлахъ мало, по большей части разсужденія Измайлова представляютъ или пересказъ или переводъ изъ того или другаго автора, подкрѣпляемый сравненіями и примѣрами изъ басенъ отечественныхъ писателей; къ чести нашего писателя слѣдуетъ отмѣтить ясность изложенія его «Опыта» и простоту въ систематизаціи добытыхъ имъ матеріаловъ. Изъ «Разбора басенъ» Измайлова приведемъ для примѣра отрывки изъ его разбора басни Крылова «Лягушки, просящія царя».

По обыкновенію, писатель нашъ приводитъ сначала басню и затѣмъ сопровождаетъ нѣкоторыя строки ея примѣчаніями». Вотъ что́ напр. говоритъ онъ по поводу стиха

„И плотно такъ онъ трепнулся на царство“:

«Какъ выразителенъ и этотъ тяжелый пятистопный стихъ! Первая половина онаго оканчивается односложнымъ словомъ, вторая оканчивается также односложнымъ, за которымъ слѣдуетъ длинное слово «трепнулся». Невозможно не остановиться на сихъ двухъ односложныхъ словахъ и на первомъ слогѣ слѣдующаго слова: трепнулся. Все это чрезвычайно живо изображаетъ описываемое здѣсь дѣйствіе. Кажется, видишь, какъ этотъ царь упалъ съ неба на землю, отскочилъ немного вверхъ, потомъ опять упалъ и остался уже на мѣстѣ».

По поводу слѣдующаго стиха

„Что ходенемъ пошло трясинно государство“.

Измайловъ вспоминаетъ отзывъ В. А. Жуковскаго [1]) и прибавляетъ свое замѣчаніе:

«Живопись въ самыхъ звукахъ! Два длинныхъ слова: ходенемъ и трясинно прекрасно изображаютъ потрясеніе болота. Гильенъ въ примѣчаніи своемъ въ баснѣ Лафонтена: «Le chat et un vieux rat» говоритъ, что изобрѣтенное имъ слово: la gent trottemenu, такъ какъ многія другія его же выраженія и прочихъ оригинальныхъ поэтовъ, потеряны для иностранныхъ языковъ. То же самое должно сказать и о настоящемъ русскомъ выраженіи: ходенемъ пошло: этого нельзя перевести ни на какой языкъ. Трясинно государство — весьма удачный эпитетъ» и т. д.

Заключаетъ свой разборъ Измайловъ слѣдующими словами: «Вообще басня сія у Крылова несравненно лучше, нежели у Лафонтена — а это — скажу вмѣстѣ съ г. Жуковскимъ — весьма много; ибо Лафонтенова басня прекрасна: въ стихахъ послѣдняго менѣе живописи и самый разсказъ его не столь забавенъ». Французскій стихотворецъ Павилльонъ (Pa-

---

[1]) Жуковскій, „Вѣстникъ Европы“. 1809, № 9, стр. 82.

villon), жившій еще во времена Людовика XIV, вздумалъ сравнить голландцевъ съ лягушками этой басни:

„Ce peuple me parut dans ces lieux aquatiques,
Un reste libertin des grenouilles antiques,
Qui ne voulurent point de roi".

Однако въ исходѣ минувшаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, французы гораздо болѣе, нежели голландцы, походили на лягушекъ. Разность только въ томъ, что у нихъ, вмѣсто одного журавля было два: Робеспьеръ и Наполеонъ.

„Одинъ-ли у себя считаютъ черный годъ?
Ахъ! каждый день въ нихъ былъ великой недочетъ".

Всего вышеизложеннаго, полагаемъ, достаточно, чтобы судить о критическихъ пріемахъ Измайлова и ихъ достоинствахъ. Въ заключеніе позволимъ себѣ повторить, что, какъ бы для насъ въ настоящее время, ни были малоцѣнны эти безхитростныя разсужденія Измайлова [1]), въ въ ту пору нашей литературы, въ частности критики, они были дорогимъ вкладомъ: не даромъ о нихъ такъ заговорила тогдашняя печать. Измайловъ былъ однимъ изъ первыхъ нашихъ поэтовъ и первымъ изъ баснописцевъ, обратившимъ серьезное вниманіе на теоретическую сторону одной изъ формъ поэтическихъ произведеній и желавшимъ утвердить критику на болѣе прочныхъ основаніяхъ; онъ сдѣлалъ попытку дать ей научно-обоснованный фундаментъ. При такомъ серьезномъ взглядѣ на критику, понятно, почему нашъ писатель считалъ ее дѣломъ не легкимъ: «Критика не легка,—говорилъ онъ въ «Благонамѣренномъ» (1819, XI)—можно въ одинъ вечеръ написать удачно рецензію, но должно прежде употребить много времени на прочтеніе и обсуживаніе». Вотъ почему Измайловъ и дорожилъ изданіями «комментированными», «критическими» и желалъ видѣть въ таковомъ изданіи сочиненія Ломоносова, котораго весьма уважалъ [2]).

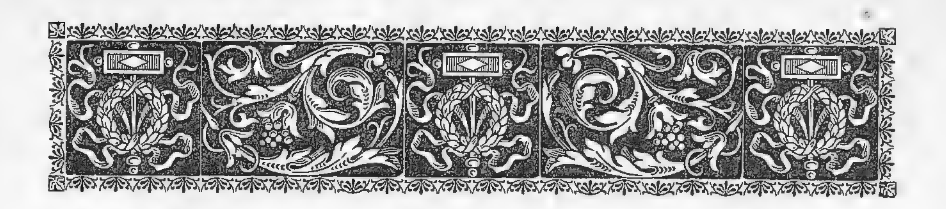
Ив. Кубасовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Извѣстно, что Кеневичъ назвалъ ихъ мелочными (См. его „Библіограф. и историч. примѣчанія къ баснямъ Крылова". Спб. 1868).

[2]) „Славянинъ" 1828, VIII.

Записки Михаила Чайковскаго.

(Мехметъ-Садыкъ паши).

LXX [1]).

Правила для пограничныхъ войскъ.—Измаилъ-паша.—Сборъ войскъ на Коссовомъ полѣ.—Маневры.—Недоразумѣніе между великимъ визиремъ и Измаиломъ-пашею.—Выступленіе изъ лагеря.

Я написалъ на французскомъ языкѣ подробный проектъ правилъ для пограничныхъ войскъ и приложилъ къ нему карту границы съ обозначеніемъ всѣхъ военныхъ постовъ, для занятія которыхъ требовалось по моему разсчету всего три баталіона пѣхоты и два эскадрона кавалеріи. Коммиссія разсмотрѣла этотъ проектъ по пунктамъ, и онъ былъ одобренъ безъ всякаго измѣненія. Военный совѣтъ согласился съ мнѣніемъ коммиссіи; сераскиръ представилъ проектъ на утвержденіе султана, который скрѣпилъ его своею подписью. Занятія коммиссіи продолжались два мѣсяца.

Я получилъ приказаніе отправиться въ Битаглію, а оттуда на Коссово поле, гдѣ должно было собраться болѣе 20 тысячъ войска, подъ командою маршала Измаила-паши.

Было время рамазана; высадившись на берегъ въ Салоникахъ, я спѣшилъ застать маршала въ главной квартирѣ. Онъ принялъ меня холодно, но вѣжливо; я сдѣлалъ видъ, что не обращаю на это вниманія, тотчасъ занялся приготовленіемъ войска къ походу, въ чемъ офицеры дѣятельно помогали мнѣ; самыми дѣятельными и ревностными мо-

---

[1]) См. „Русскую Старину“ іюль 1900 г.

ими помощниками были, какъ всегда, тѣ, которые противъ меня интриговали.

Маршалъ Измаилъ-паша, прозванный Шайтаномъ, былъ родомъ черкесъ; онъ былъ выкупленъ изъ плѣна Хозревомъ пашею; человѣкъ храбрый, онъ умѣлъ держать военныхъ въ рукахъ; его всѣ боялись. Онъ отличался чисто военнымъ добродушіемъ и прямотою, легко поддавался вліянію лицъ, стоявшихъ ниже его въ нравственномъ отношеніи. Воспользовавшись этимъ, поляки, по своему обыкновенію, наклеветали ему на меня такъ, что онъ относился ко мнѣ съ завистью и недоброжелательствомъ. Не щадя своихъ силъ, я дѣлалъ все возможное, чтобы наше войско и всѣ служащіе въ немъ были на хорошемъ счету, чтобы поляки стояли какъ можно выше въ отношеніи военномъ и политическомъ; я пересталъ писать и только и думалъ день и ночь о томъ, какъ бы увеличить значеніе поляковъ въ глазахъ султана, всѣхъ турокъ и славянъ, а поляки эмигранты затѣвали противъ меня всякія каверзы; мои же сослуживцы интриговали противъ меня, сочиняли доносы, стараясь погубить меня.

Въ то же время съ родины я никогда не получалъ ни малѣйшаго знака сочувствія, но по крайней мѣрѣ тамошніе поляки молчали, какъ будто меня и моихъ казаковъ не было на свѣтѣ. Когда мы обсуждали однажды съ однимъ изъ моихъ пріятелей причины подобнаго равнодушія, то онъ сказалъ: «всему виною то, что ты, генералъ, все дѣлаешь самъ, ни съ кѣмъ не совѣтуешься и никому не позволяешь руководить тобою!» Выходило такъ, какъ мнѣ говорилъ однажды генералъ Дверницкій: «если хочешь имѣть значеніе и вліяніе на поляковъ, дѣлай видъ, что ты глупѣе ихъ, что у тебя нѣтъ ни воли, ни ума, что всякій можетъ водить тебя за носъ и дѣлать съ тобою, что хочетъ; тогда они будутъ любить тебя, ты будешь ихъ любимымъ начальникомъ». Это была великая истина.

Мы собрались на Коссово поле на могилу славянской свободы, славянской народности. Эта плоская возвышенность тянется на 60 верстъ въ длину, на 30 верстъ въ ширину и лежитъ болѣе чѣмъ на тысячу футъ надъ уровнемъ моря; на ней находятся пахотныя поля и луга, встрѣчаются пригорки и долины, но нѣтъ лѣса. На этомъ полѣ происходила славная битва, сковавшая свободу славянскихъ народовъ и воспѣтая сербами въ ихъ народныхъ пѣсняхъ.

Нигдѣ въ Турціи нѣтъ такого обилія всякаго рода звѣрей, рыбъ, овощей, ягодъ, грибовъ, какъ на Коссовомъ полѣ и на окрестныхъ горахъ. Это благодатный край для солдата; у насъ были ежедневно лукулловскіе обѣды, которые не стоили намъ почти ни гроша; вино можно было пить ведрами; въ сербской сливянкѣ также не было недостатка. Сербы подружились съ казаками, арнауты также братались съ ними.

Я явился въ лагерь съ девятью эскадронами и засталъ тамъ столько же эскадроновъ кавалеріи, 24 баталіона пѣхоты и 10 батарей артиллеріи. Маршалъ принялъ насъ съ почетомъ, подобающимъ войску; но наши отношенія не были сердечны, они были только сносны. Начались маневры; они велись безтолково; на дѣлѣ никогда не удавалось выполнить то, что было предположено на бумагѣ. Выдумали какой-то маневръ, названный по-турецки forteca, состоявшій въ томъ, что вся пѣхота строилась въ каре, по краямъ котораго становились пушки, а кавалерія, штабные офицеры и баталіоны, не вошедшіе въ это каре, должны были вступить въ него. Маршалъ, держа въ рукахъ планъ мѣстности разсылалъ приказанія со штабными и адъютантами; но каре никакъ не могло построиться, и остальныя части никакъ не могли вступить въ него; все выходило не ладно. Маршалъ былъ очень недоволенъ.

Однажды, ѣдучи съ нимъ съ маневровъ, мы обсуждали этотъ вопросъ; я выразилъ мнѣніе, что штабные офицеры отдавали не тѣ приказанія, какія слѣдовало, и что адъютантамъ не слѣдовало отдавать приказаній. Маршалъ спросилъ меня, могъ ли бы я выполнить этотъ маневръ? Я отвѣчалъ, что я понимаю его и могъ бы это сдѣлать. Когда же онъ мнѣ сказалъ: «ну, такъ завтра вы его исполните», то я просилъ его не настаивать на этомъ, такъ какъ это было бы обидно для него и для другихъ; но предложилъ ему вернуться въ лагерь и произвести маневръ примѣрно на палочкахъ, написать приказы съ тѣмъ, что на слѣдующій день онъ произведетъ маневръ самъ. Мы такъ и сдѣлали; на другой день маневръ удался какъ нельзя лучше. Съ тѣхъ поръ мы были съ маршаломъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ, составляли вмѣстѣ съ нимъ планы маневровъ, и онъ былъ мною очень доволенъ.

Къ великому неудовольствію поляковъ я былъ въ самыхъ хорошихъ дружественныхъ отношеніяхъ съ маршаломъ Измаиломъ, который во многомъ совѣтовался со мною и чрезвычайно довѣрялъ мнѣ. Онъ подарилъ мнѣ прекраснаго породистаго жеребца. «Какъ,—закричали всѣ,—истый мусульманинъ подарилъ безъ всякаго повода иностранцу породистую лошадь; это слишкомъ».

Назначенный въ это время великимъ визиремъ Кибризли Мехмедъ-паша былъ посланъ осмотрѣть нѣкоторыя мѣстности Турціи; ему были даны большія полномочія для введенія танджимата и для строгаго взысканія съ тѣхъ, кто будетъ противиться этому. Кибризли-паша былъ человѣкъ доброжелательный, горячо любившій свою родину и радѣвшій о ея славѣ, но онъ не отличался хладнокровіемъ и самообладаніемъ восточныхъ людей, которые улыбаются, подписывая смертный приговоръ; онъ былъ человѣкъ живой, горячій, болѣе походилъ на француза, чѣмъ на турка, легко раздражался и поддавался вліянію близкихъ и льсте-

цовъ; однако надобно отдать ему справедливость, когда у него проходила первая вспышка гнѣва, его всегда можно было убѣдить въ томъ, что было дѣйствительно полезно и справедливо.

Вслѣдствіе интригъ Ахмеда-эфенди Кибризли былъ предубѣжденъ противъ маршала Измаила. Ахмедъ-эфенди, сынъ гречанки и янычара, воспитывавшійся до двадцатилѣтняго возраста въ Аѳинахъ, остался туркомъ и мусульманиномъ и обладалъ всѣми чертами характера прежнихъ византійцевъ, въ особенности унаслѣдовалъ ихъ любовь къ интригамъ. Будучи коммиссаромъ по введеніи танджимата въ Битагліи онъ не однократно получалъ выговоры отъ маршала и съ тѣхъ поръ сдѣлался его заклятымъ врагомъ. Когда я пріѣхалъ въ Битаглію, онъ сталъ подговаривать меня дѣйствовать съ нимъ заодно противъ маршала. Я съ гнѣвомъ отвергъ его предложеніе и тѣмъ создалъ себѣ въ лицѣ его врага, онъ все-таки нашелъ средство сдѣлать въ желаемомъ имъ смыслѣ донесеніе Кибризли-пашѣ чрезъ грековъ къ которымъ благоволилъ Кибризли и съ которыми поддерживалъ сношенія Ахмедъ-эфенди. Такимъ образомъ великій визирь былъ предубѣжденъ противъ маршала, и послѣднему это было извѣстно черезъ его тайныхъ агентовъ, коихъ имѣетъ каждый турецкій сановникъ, руководясь ихъ донесеніями въ своихъ поступкахъ.

Маршалъ выразилъ желаніе, чтобы я выѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ и съ отрядомъ казаковъ на встрѣчу Кибризли, котораго ожидали въ нашъ лагерь. Я охотно согласился на это потому, что могъ такимъ образомъ скорѣе увидѣть Кибризли.

При встрѣчѣ съ маршаломъ Измаилъ-пашею Кибризли обошелся съ нимъ такъ непріязненно, что между ними едва не произошла бурная сцена; къ счастію, великій визирь сѣлъ на коня и велѣлъ сопровождать его мнѣ и казакамъ. Мы проскакали галопомъ полдороги. Быстрое движеніе подѣйствовало на него успокоительно; поѣхавъ тише, я началъ уговаривать его, и мнѣ настолько удалось склонить его въ пользу маршала, что они были впослѣдствіи въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ, чему я былъ несказанно доволенъ, такъ какъ оба эти сановника были люди весьма достойные и ихъ дѣятельность была полезна султану и Турціи.

Всѣ три дня, которые великій визирь провелъ у насъ въ лагерѣ, происходили маневры, ученія, фейерверки, однимъ словомъ, были всевозможныя торжества; на третій день охотники, записавшіеся въ драгуны, и казаки присягали на вѣрную службу султану подъ казацкими знаменами въ присутствіи всего войска и народа.

Кибризли любилъ подобныя торжества, тѣмъ болѣе, что они не противорѣчили танджимату и, будучи оглашены въ газетахъ, свидѣтель-

ствовали о дружелюбныхъ отношеніяхъ, существовавшихъ между христіанами и мусульманами.

По отъѣздѣ великаго визиря мы простояли въ лагерѣ еще двѣ недѣли; когда же наступили холода, то войску было приказано идти на зимнія квартиры. Маршалъ Измаилъ, съ которымъ мы были очень хороши, пріѣхавъ ко мнѣ въ лагерь съ нѣкоторыми пашами въ скверную дождливую погоду, жаловался, что нельзя выступить изъ лагеря, такъ какъ командиры требуютъ три или четыре дня для приготовленія. Я сказалъ, что не понимаю такого войска, что если бы мнѣ было приказано выступить, то я былъ бы готовъ въ нѣсколько часовъ.

— Ну такъ покажи имъ,—сказалъ маршалъ,—что значитъ войско и солдаты.

Я разослалъ приказанія, велѣлъ протрубить разные сигналы; солдаты начали быстро собираться. Маршалъ сидѣлъ подъ открытымъ небомъ съ часами въ рукахъ и слѣдилъ за сборами; не прошло и двухъ часовъ, какъ эскадроны были на лошадяхъ и я рапортовалъ ему, что мы выступаемъ.

Онъ обнялъ меня и едва не задушилъ въ своихъ объятіяхъ, говоря пашамъ:

— Вотъ это войско, это настоящіе солдаты! Съ такимъ войскомъ можно идти на край свѣта и быть спокойными, что съ нимъ достигнешь всего, что хочешь. Благодарю тебя, паша, благодарю васъ, казаки и драгуны, чего вы учите войско султана какъ должно служить. Вашему примѣру послѣдуютъ быть можетъ остальные.

Я скажу со своей стороны, что трудно было бы найти лучшихъ солдатъ, нежели были казаки и драгуны, собравшіеся на Коссовомъ полѣ.

Во время ночныхъ тревогъ, которыя мы производили довольно часто, было достаточно пяти минутъ, чтобы цѣлый эскадронъ выстроился на площади верхомъ на лошадяхъ. Безъ сомнѣнія, при этомъ играла большую роль казацкая сбруя, но и солдаты были дѣйствительно проворны и расторопны.

Всѣ признавали эти качества драгунъ и казаковъ и отдавали имъ справедливость, говоря, что они составляютъ лучшую кавалерію турецкаго войска; турки-солдаты и офицеры относились къ нимъ съ уваженіемъ. Я радовался этому отъ всего сердца и думалъ, что временныя непріятности миновали и что намъ удастся послужить Польшѣ и дождаться лучшихъ временъ. Съ этой надеждой, съ этой твердой увѣренностью я проводилъ эскадроны на зимнія квартиры сперва въ Ускюпъ, а оттуда въ Битаглію.

LXXI.

Кончина Абдулъ-Меджида. — Новый сераскиръ Намыкъ-паша. — Перемѣны, вызванныя новымъ царствованіемъ. — Смерть Измаила-паши. — Фирманъ на званіе ферикъ-паши.

Мнѣ было приказано сераскиромъ оставить полкъ на зимнихъ квартирахъ въ Ускюпѣ (Uskiupie) и Прилепѣ, а самому явиться въ Стамбулъ.

Вскорѣ послѣ моего пріѣзда въ столицу, послѣ непродолжительной, но тяжкой болѣзни, скончался султанъ Абдулъ-Меджидъ; врачи опредѣлили его болѣзнь Салоникской лихорадкой, которую онъ получилъ при посѣщеніи въ предыдущемъ году Салоникъ. Этотъ великій монархъ, благодѣтель своего народа и всѣхъ, кто былъ близокъ къ нему, не былъ оцѣненъ своими подданными, какъ онъ того заслуживалъ; одинъ только Риза-паша и нѣкоторые сановники изъ бывшихъ приближенныхъ Решида-паши отдавали ему должное.

Послѣ Абдулъ-Меджида на престолъ вступилъ его братъ, султанъ Абдулъ-Азисъ-ханъ. Съ новымъ царствованіемъ можно было ожидать многихъ перемѣнъ, и нельзя было ручаться, что наша польско-славянская организація остается неприкосновенною. Великимъ визиремъ остался по-прежнему Кибризли Мехмедъ-паша. Мехмедъ-Али-паша, съ которымъ я былъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ, помимо званія генерала-адмирала былъ назначенъ оберъ-гофмаршаломъ и слылъ любимцемъ новаго султана.

Говорятъ, будто сераскиръ, Риза-паша, хотѣлъ возвесть на престолъ Мурада-эфенди, старшаго сына покойнаго султана, человѣка, прекрасно образованнаго и по своимъ нравственнымъ качествамъ и стремленіямъ походившаго на отца. Когда султанъ былъ при смерти, то Риза-паша вызвалъ въ Стамбулъ съ азіатскаго берега войска, которыя были такъ преданы ему, что офицеры и солдаты повиновались бы ему слѣпо, если бы онъ выразилъ свое желаніе.

Призывъ войска встревожилъ великаго визиря и Мехмедъ-Али, ярыхъ сторонниковъ новаго султана, и они стали неусыпно слѣдить за состояніемъ здоровья Абдулъ-Меджида. Жена Мехмеда-Али, любимая сестра султана, не отходила отъ него и безпрестанно сообщала мужу о положеніи умирающаго. Въ моментъ кончины султана, во дворцѣ Долма-Бахче, оба моста, перекинутые черезъ Золотой Рогъ, были подняты, и вся флотилія вышла изъ адмиралтейства на Золотой Рогъ и на Босфоръ; морскіе баталіоны заняли караулы во дворцѣ, и Абдулъ-Азисъ былъ провозглашенъ султаномъ въ Долма-Бахче. Сухопутнаго войска во дворцѣ не было; въ казармахъ находилась только одна ар-

тиллерія. Все войско болѣе 20 тысячъ человѣкъ находилось въ это время съ сераскиромъ въ Стамбулѣ. Когда тѣло скончавшагося султана было выставлено напоказъ народу на рогожѣ, какъ тѣло самаго простаго бѣдняка, въ знакъ того, что передъ Богомъ всѣ люди равны и что смерть равняетъ всѣхъ, то вновь провозглашенный султанъ уже возсѣдалъ на тронѣ, имѣя возлѣ себя только великаго визиря и генералъ-адмирала съ нѣсколькими флотскими пашами.

Привѣтствовать новаго султана собралось такъ мало лицъ, что капитану Грыглашевскому и поручику Горенштейну, случайно пріѣхавшимъ во дворецъ, пришлось быть въ числѣ лицъ, цѣловавшихъ полы царской одежды.

Сераскиръ, паши и войско прибыли въ Долма-Бахче, только часъ спустя, когда султанъ Абдулъ-Азисъ былъ уже по всѣмъ правиламъ провозглашенъ падишахомъ и калифомъ; тотчасъ было совершено погребеніе султана Абдулъ-Меджида. Я искренно оплакивалъ этого монарха, относившагося столь сочувственно къ полякамъ и къ интересамъ бѣдной Польши.

Риза-паша лишился своего мѣста, успѣвъ однако устроить положеніе казаковъ и драгунъ въ регулярномъ войскѣ султана; имъ было сдѣлано распоряженіе объ укомплектованіи казаковъ до тысячи человѣкъ, а драгунъ до пятисотъ человѣкъ.

Сераскиромъ былъ назначенъ Намыкъ-паша, человѣкъ дѣльный, но, мусульманинъ стараго закона, онъ былъ первымъ полковникомъ низама и въ царствованіе султана Махмуда исполнялъ разныя дипломатическія порученія; не было того европейскаго двора, въ которомъ онъ не былъ посланникомъ; онъ прекрасно владѣлъ иностранными языками, въ особенности французскимъ, и былъ вполнѣ свѣтскимъ человѣкомъ, но былъ безжалостенъ къ своимъ подчиненнымъ и, соблюдая выгоды правительства, не платилъ имъ жалованья.

Онъ самъ былъ богатъ, любилъ жить широко и не входилъ въ положеніе подчиненныхъ и не давалъ себѣ отчета въ томъ, что нужда заставляла ихъ нерѣдко дѣлать всевозможныя злоупотребленія, за которыя онъ, однако, строго взыскивалъ и каралъ ихъ. Вслѣдствіе этого, несмотря на его знаніе военнаго дѣла и на его административныя способности и несмотря на его дѣятельность и усердіе, нравственныя качества превосходнаго турецкаго войска, которое можно было назвать по справедливости войскомъ Риза-паши, значительно понизились; этимъ былъ нанесенъ войску первый ударъ; но ему еще болѣе повредило введеніе такъ называемыхъ мектеблій, учителей. Тотъ, кто видѣлъ это боевое войско въ 1854 и 1855 г., не узналъ бы его теперь, ибо оно не имѣетъ нынѣ даже тѣхъ качествъ, которыя необходимы войску въ мирное время.

Намыкъ-паша относился доброжелательно ко всѣмъ иностранцамъ, поступавшимъ въ турецкое войско и исполнявшимъ добросовѣстно свои служебныя обязанности. Онъ былъ въ наилучшихъ отношеніяхъ съ Омеръ-пашею, покровительствовалъ Измаилу-пашѣ, а обо мнѣ говорилъ не разъ:

— Я не люблю христіанъ, райевъ, носящихъ турецкій мундиръ, но я цѣню Садыка-пашу и до тѣхъ поръ, пока я буду сераскиромъ, я всегда буду защищать и оберегать созданное имъ войско.

Намыкъ-паша сдержалъ слово. Онъ ассигновалъ сто тысячъ на покупку лошадей для казацкаго полка и далъ предписаніе отпустить мнѣ эти деньги въ Салоникахъ, гдѣ онѣ были выданы звонкой монетой, тогда какъ въ Стамбулѣ были въ обращеніи исключительно бумажныя деньги, каимы, стоимость которыхъ, по курсу, была вдвое менѣе звонкой монеты.

Начало царствованія султана Абдулъ-Азиса ознаменовалось многими перемѣнами и нововведеніями. Никогда не забуду того момента, когда на торжество открытія военной школы, въ присутствіи всей арміи, прибывшей на это торжество въ Стамбулъ, Намыкъ-паша вынесъ на рукахъ маленькато сына султана, Юзуфъ-Изединъ-эфенди, и представилъ его войску, какъ вольноопредѣляющагося въ пѣхотный полкъ; онъ велъ въ то же время за руку сына султана Абдулъ-Меджида, Нурединъ-эфенди, и представилъ его войску, какъ вольноопредѣляющагося въ стрѣлковый пѣхотный батальонъ; на обоихъ мальчикахъ были мундиры ихъ частей. Видѣть дѣтей султана, принцевъ крови, служащихъ въ войскѣ наравнѣ съ прочими было новостью; это означало наступленіе новой эры въ оттоманскомъ государствѣ, и это было первымъ шагомъ на пути къ цивилизаціи, къ сближенію съ прочими европейскими государствами.

Къ сожалѣнію, впечатлѣніе, произведенное этимъ какъ на христіанъ, такъ и на мусульманъ, было ослаблено слѣдующими двумя распоряженіями: уменьшеніемъ жалованія войскамъ, которое было сдѣлано по представленію Намыка-паши, и отмѣною всѣхъ пожизненныхъ пенсій, пожалованныхъ султаномъ Абдулъ-Меджидомъ. Покойный султанъ былъ человѣкъ щедрый и великодушный; онъ награждалъ за всякую оказанную ему услугу, не желая, чтобы люди, послужившіе ему, терпѣли въ чемъ-либо недостатокъ.

Щедрость—прекрасная черта въ монархѣ; про султана Абдулъ-Меджида нельзя сказать, что онъ былъ расточителенъ, или благодѣтельствовалъ по прихоти, а не по заслугамъ. Распоряженіе объ отнятіи пожалованныхъ имъ пенсій, сдѣланное Кибризли-пашею, не обогатило казну, но уронило съ глазахъ народа величіе царскаго сана.

Достойно вниманія, что эту тѣнь набросили на новое царствованіе

два самыхъ выдающихся сановника Турціи, которые были наиболѣе ревностными турецкими патріотами. Народъ и войско молча, но съ тревогою въ сердцѣ ожидали, что принесетъ имъ новое царствованіе.

Слуги покойнаго султана, жаловались на свою судьбу, а слуги новаго султана желая избѣгнуть подобной участи и обезпечить себя подъ старость средствами къ существованію, позволяли себѣ безнаказанно всевозможныя злоупотребленія. Что было выгоднѣе для правительства? предоставляю судить объ этомъ всякому.

Покойный султанъ былъ окруженъ лицами вполнѣ достойными, коихъ онъ приближалъ къ себѣ самъ и рекомендовалъ ему Решидъ-паша; въ числѣ его первыхъ сановниковъ были такія личности, которыя могли бы съ честью занять мѣсто при любомъ европейскомъ дворѣ. При новомъ же царствованіи, гофмаршалъ Махмудъ-Али-паша, опасаясь вліянія и контроля приближенныхъ, принялъ за правило удалять отъ султана всѣхъ дѣльныхъ и энергичныхъ людей, замѣнивъ ихъ личностями ничего незнающими и слѣдовательно неспособными играть никакой роли; поэтому султанъ былъ окруженъ одними лишь интриганами.

Это принесло огромный вредъ новому царствованію, которое при иныхъ условіяхъ могло бы довершить дѣло, начатое султаномъ Абдулъ-Меджидомъ, и поставить Турцію на высшую степень могущества. Но для этого необходимо, чтобы султана окружали такіе люди, какими были Риза-паша, Фуадъ-паша и имъ подобные.

Въ Стамбулѣ проживалъ въ то время на покоѣ маршалъ Измаилъ-паша, болѣвшій отъ ранъ, полученныхъ имъ въ тѣхъ многочисленныхъ сраженіяхъ, въ коихъ онъ принималъ столь доблестное участіе. По удаленіи Риза-паши онъ былъ уволенъ въ отставку съ незначительной пенсіей, въ 5 тысячъ піастровъ; у него не было при дворѣ покровителей, которые могли бы заступиться за него, такъ какъ онъ былъ, какъ извѣстно, незнатнаго происхожденія. Въ Турціи человѣкъ, не занимающій никакого мѣста, никакого оффиціальнаго положенія, все равно, что мертвый, отъ него всѣ сторонятся, такъ какъ въ немъ болѣе нѣтъ надобности заискивать. Я поѣхалъ навѣстить Измаила-пашу и засталъ его огромный конакъ пустымъ; я едва разыскалъ слугу, который провелъ меня къ больному. Старикъ встрѣтилъ меня со слезами на глазахъ и былъ искренно тронутъ моимъ вниманіемъ; мы долго и о многомъ бесѣдовали съ нимъ. Отъ него я отправился къ великому визирю, и мнѣ удалось добиться, что его пенсія была увеличена съ 5 до 15 тысячъ и что самъ великій визирь навѣстилъ его вмѣстѣ со мною. Послѣ этого посѣщенія въ его конакѣ постоянно толпились посѣтители; онъ былъ благодаренъ мнѣ и говорилъ, извиняясь за свое прежнее недружелюбное ко мнѣ отношеніе:

— Въ этомъ были виноваты поляки, коимъ ты сдѣлалъ такъ много

добра и которые только и думали, какъ бы отплатить тебѣ за добро зломъ и неблагодарностью; они хотѣли возстановить насъ другъ противъ друга, сдѣлать насъ злѣйшими врагами, но Господь не допустилъ этого. Горе полякамъ и черкесамъ, которые не умѣютъ цѣнить людей и все то, что посылаетъ имъ Господь.

Это были послѣднія слова, слышанныя мною отъ этого доблестнаго черкеса, который не получилъ никакого образованія, выдвинулся единственно своими личными заслугами и храбростью.

Онъ вскорѣ скончался, и объ немъ забыли, какъ будто его и не было на свѣтѣ.

Я отправился вторично на Коссово поле, чтобы принять начальство надъ отрядомъ, который состоялъ изъ 6 эскадроновъ кавалерійскаго полка (называвшагося татарскимъ полкомъ; когда-то онъ дѣйствительно состоялъ изъ татаръ, но и въ то время въ немъ было не болѣе 5 или 6 офицеровъ татаръ), изъ 6 казацкихъ эскадроновъ, коими командовалъ мой старый другъ и пріятель Киркоръ-бей; изъ 3-хъ эскадроновъ драгунъ подъ командою Муратъ-бея и изъ одной бригады артиллеріи.

Передъ моимъ отъѣздомъ изъ Стамбула Намыкъ-паша показалъ мнѣ бумагу, полученную имъ изъ Высокой Порты, въ которой ему сообщали, что въ Ускюпѣ началось волненіе, что нѣсколько арнаутовъ, подстрекаемыхъ казаками, взялись за оружіе, и дѣло едва не дошло до рѣзни, но губернаторъ Ускюпа, Джавутъ-паша, возстановилъ порядокъ, принявъ энергичныя мѣры. Не довѣряя донесенію губернатора, Намыкъ-паша поручилъ мнѣ, проѣздомъ черезъ этотъ городъ, разузнать подробно, какъ было дѣло, и по полученіи свѣдѣній отъ меня рѣшилъ послать коммиссію для производства слѣдствія.

У Джавудъ-паши было въ Высокой Портѣ немало покровителей; поэтому онъ получилъ благодарность; былъ произведенъ въ слѣдующій чинъ и получилъ орденъ Меджидіе 3-й ст.

Пріѣхавъ въ Ускюпъ, я былъ удивленъ необыкновенной любезностью губернатора, который встрѣтилъ меня за двѣ мили отъ города и хотѣлъ, чтобы я непремѣнно остановился въ его конакѣ; я едва упросилъ его позволить мнѣ отправиться на мою прежнюю квартиру; онъ хвалилъ казаковъ и полковника Киркора, говорилъ о какомъ-то столкновеніи; когда же я сказалъ ему, что мнѣ ничего не извѣстно, то онъ былъ весьма удивленъ и тотчасъ же сталъ доказывать, что все это были сущіе пустяки и что это дѣло слѣдуетъ предать забвенію.

Когда я вернулся поздно вечеромъ къ себѣ на квартиру, ко мнѣ явился тайкомъ одинъ изъ первыхъ беевъ санджака, Мехмедъ-бей, личный врагъ губернатора, разсказалъ мнѣ подробно все дѣло и обѣщалъ принести мнѣ мазбашъ съ описаніемъ всего происшествія за подписью

и печатью беевъ. Мазбашъ былъ мнѣ доставленъ въ ту же ночь, онъ уже былъ у меня въ карманѣ, когда, рано утромъ, ко мнѣ пріѣхалъ губернаторъ, чтобы сопровождать меня изъ города.

Дѣло происходило слѣдующимъ образомъ. Въ полку служилъ волонтеромъ Рифатъ-бей, Михаилъ-оглу, изъ Стамбула, потомокъ бывшихъ румелійскихъ бейлербеевъ. Между нимъ, двумя казаками и нѣсколькими арнаутами завязалась у колодца ссора, по поводу разбитаго кувшина. Въ это время проѣзжалъ мимо губернаторъ, который ударилъ одного изъ споришихъ—Рифатъ-бея, съ такою силою, что у него слетѣла съ головы феска. Видя, что ему на помощь прибѣжало нѣсколько казаковъ, губернаторъ поспѣшно ускакалъ въ конакъ; произошелъ всеобщій переполохъ; капитанъ Яблоновскій и другіе казаки, бывшіе немного подъ хмѣлькомъ, приказали сѣдлать лошадей и взялись за оружіе. Увидѣвъ это, жители также схватились за оружіе, и дѣло быть можетъ дошло бы до рѣзни, если бы полковникъ Киркоръ, узнавъ о случившемся, не вывелъ поспѣшно эскадроны за городъ; затѣмъ, ставъ во главѣ карабинеровъ, онъ разставилъ по всему городу патрули; изъ одного окна въ него стрѣляли; виновный тотчасъ схваченъ. Губернатора полковникъ не могъ розыскать, такъ какъ онъ спрятался въ подвалѣ и не показывался всю ночь. Онъ пришелъ къ Киркору только тогда, когда казаки снова вступили въ городъ. Киркоръ сдѣлалъ ему строгій выговоръ за то, что онъ ударилъ солдата султана; губернаторъ извинился, благодарилъ, а вернувшись въ свой конакъ, написалъ ложное донесеніе, въ которомъ жаловался на казаковъ и восхвалялъ себя и свою распорядительность. Я донесъ Намыкъ-пашѣ о случившемся и препроводилъ ему мазбашъ-беевъ. По моемъ возвращеніи изъ лагеря, было произведено слѣдствіе; Джавадъ-паша былъ смѣщенъ, однако, не былъ лишенъ полученнаго имъ чина и ордена. Киркоръ былъ оправданъ

Никто не умѣетъ такъ, какъ турки, протрубить о дѣлѣ, ничего не стоющемъ, и замолчать о заслугѣ другаго; они на это большіе мастера.

Съ наступленіемъ зимы, я прибылъ съ казаками, драгунами и артиллеріей на зимнія квартиры въ Ускюпъ, куда пріѣхали ко мнѣ и мои сыновья, окончившіе уже курсъ наукъ въ Сенъ-Сирской школѣ во Франціи. Я опредѣлилъ ихъ офицерами въ казацкій полкъ. Пробывъ два мѣсяца въ Ускюпѣ, я получилъ приказаніе отправиться въ Битаглію. Былъ довольно сильный морозъ, и по дорогѣ лежалъ глубокій снѣгъ; насъ застигла по пути такая снѣжная мятель, что мы потеряли нѣсколько лошадей; у насъ также заболѣло нѣсколько солдатъ. Я ѣхалъ по обыкновенію всю дорогу верхомъ, во главѣ моего полка, и такъ заболѣлъ по пріѣздѣ въ Битаглію, что едва не умеръ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ, я получилъ приказаніе явиться въ Стамбулъ. Въ это время садразамомъ былъ назначенъ Фуадъ-паша, а сераскиромъ

Мехмедъ-Ружди-паша. Когда я явился въ сераскеріатъ, то мнѣ было объявлено желаніе султана зачислить меня окончательно въ іерархію турецкаго войска, и мнѣ былъ врученъ фирманъ о назначеніи меня ферикомъ, т. е. дивизіоннымъ генераломъ.

Званія миримиряна и бейлербея не считаются военнымъ званіемъ, они означаютъ только происхожденіе изъ дворянской среды и даютъ право на званіе паши; поэтому всѣ запорожскіе гетманы получали званіе миримиряна и бейлербея, по той же причинѣ и я пользовался этимъ званіемъ. Въ царствованіе султана Абдулъ-Меджида, бейлербей считался важнѣе ферика, а миримирянъ выше ливаони (бригаднаго офицера); въ царствованіе же султана Абдулъ-Азиса этотъ порядокъ былъ измѣненъ. По правдѣ сказать, я неохотно разстался съ званіемъ, которое было освѣщено традиціей, такъ какъ я страстно любилъ все, что имѣетъ историческую основу; но я не могъ противиться волѣ монарха, тѣмъ болѣе, что мое новое званіе совершенно точно опредѣляло мое положеніе въ войскѣ. Мехмедъ-Ружди-паша сказалъ мнѣ по этому поводу: «было бы несообразно, чтобы, командуя полкомъ, вы не носили военнаго званія», такимъ образомъ я сдѣлался ферикомъ, т. е. дивизіоннымъ генераломъ.

Во время моего пребыванія въ Константинополѣ было получено извѣстіе о возстаніи, которое вспыхнуло въ Греціи и угрожало престолу короля Оттона; вслѣдствіе этого войска были двинуты въ Ѳессалію.

Я поѣхалъ моремъ въ Салоники, а оттуда сухимъ путемъ въ Лариссу (Іенишеръ), гдѣ губернаторствовалъ Измаилъ-паша, внукъ Алипаши.

Въ Лариссу подходили со всѣхъ сторонъ войска; ожидали прибытія маршала Абдулъ-Керимъ-Надиръ-паши, который долженъ былъ принять начальство надъ всѣми войсками, стянутыми на границу Греціи.

LXXII.

Взяточничество турецкихъ пашей.—Возстаніе въ Польшѣ въ 1863 г.—Маркизъ Велепольскій и графъ Замойскій, ихъ взаимныя отношенія.—Положеніе офицеровъ-поляковъ, служившихъ въ Турціи.—Мнѣніе Чайковскаго о возстаніи.—Сераскиръ Фуадъ-паша и его организаторская дѣятельность.—Гуссейнъ Авнипаша.

Поимка разбойника Щемо интересовала гражданское и военное управленіе Ѳессаліи гораздо болѣе, нежели усмиреніе возстанія въ Греціи, хотя это возстаніе могло распространиться и на наши владѣнія, ибо греки были не прочь овладѣть не только Іоническими островами,

но также Эпиромъ, Өессаліей и даже Македоніей; но у насъ объ этомъ не особенно тревожились. Щемо, арнаутъ, бывшій чаушъ сергердаря Габи-паши, служа много лѣтъ въ полиціи, прекрасно изучилъ мѣстные обычаи и съумѣлъ войти въ близкія сношенія съ жителями и въ особенности съ мѣстными землевладѣльцами беями, которымъ онъ помогалъ держать въ повиновеніи кметовъ. Когда наше войско было отозвано изъ Өессаліи, Щемо оставилъ службу, собралъ шайку разбойниковъ изъ арнаутовъ и греческихъ поликаровъ и сталъ хозяйничать въ Өессаліи, какъ у себя дома, нападалъ на деревни, на фольварки, обиралъ и убивалъ путешественниковъ, въ особенности грабилъ почту. Губернаторъ не заботился о спокойствіи ввѣренной ему провинціи, и Щемо вскорѣ навелъ ужасъ на всю Өессалію. Для поимки его былъ посланъ маршалъ Абди-паша, съ четырьмя баталіонами пѣхоты, тысячью башибузуками, двумя стами жандармовъ, четырнадцатью эскадронами кавалеріи и двумя орудіями. Оба паши, военный и статскій, разъѣзжали въ удобныхъ экипажахъ по большимъ дорогамъ изъ села въ село, а войско шло вслѣдъ за ними колоннами по краю дороги, отыскивая Щемо, но онъ не показывался, и никто не могъ сказать, гдѣ онъ находится.

Проведя цѣлый мѣсяцъ въ такихъ поискахъ, паши возвратились, не напавъ на слѣдъ разбойниковъ. Тогда на поимку ихъ были посланы драгуны, которые изловили ихъ въ Эпирѣ. Поимка Щемо принесла болѣе всего пользы губернатору Эпира, Гусни-пашѣ, который помѣстилъ его въ хорошенькомъ конакѣ, поилъ, кормилъ, навѣщалъ его, разсказывая ему о разбойникахъ-арнаутахъ, которые сдѣлались со временемъ важными сановниками, и такъ съумѣлъ вкрасться къ нему въ довѣріе, что Щемо выболталъ ему о своихъ сношеніяхъ съ беями, чорбаджіями и даже съ чиновниками өессалійскаго губернатора. Гусни-паша составилъ имъ поименный списокъ и противъ фамиліи каждаго бея отмѣтилъ ту сумму, какую онъ желалъ получить съ нихъ за то, чтобы ихъ не выдавать. Наибольшей мздою—въ пять тысячъ турецкихъ лиръ, былъ обложенъ самъ губернаторъ. Съ этимъ спискомъ отправилось отъ его имени къ беямъ довѣренное лицо съ такимъ ультиматумомъ: либо заплати деньги, либо въ Стамбулъ будетъ послано донесеніе, слѣдствіемъ котораго можетъ быть потеря мѣста, конфискація имущества или изгнаніе.

Всѣ беи уплатили то, что съ нихъ требовали, и вдобавокъ благодарили, говоря, что паша пощадилъ ихъ и потребовалъ немного. Эта жатва принесла ему свыше трехъ милліоновъ піастровъ. Мнѣ разсказывали объ этомъ два бея, которые сами порядкомъ поплатились.

Когда сборъ былъ покончень, Гусни-паша препроводилъ Щемо въ Лариссу, съ дружескимъ совѣтомъ повѣсить его, не препровождая

въ Стамбулъ, чтобы онъ не бѣжалъ съ дороги, какъ это случилось въ Янинѣ. Совѣтъ его былъ исполненъ. Щемо привезли въ Лариссу вечеромъ, а на утро онъ уже былъ повѣшенъ. Все дѣло до поры до времени было шито-крыто; Гусни-паша получилъ даже повышеніе и въ концѣ-концовъ сталъ во главѣ министерства полиціи. Но гдѣ повадился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сложить; съ теченіемъ времени были обнаружены всѣ его злоупотребленія, и онъ не только потерялъ мѣсто, но даже былъ сосланъ.

Стоявшія жары не позволяли ни производить ученій въ полѣ, ни охотиться. Соскучившись отъ бездѣйствія, я взялся за перо и написалъ сочиненіе: «Dziwne zýcia dziwnych Polakȯw», которое было издано въ Лейпцигѣ и появилось въ «Собраніи польскихъ писателей», издаваемомъ Брокгаузомъ. Лишь только я окончилъ это сочиненіе и размышлялъ о томъ, чѣмъ бы мнѣ заняться до осени, какъ было получено извѣстіе о злополучномъ возстаніи, вспыхнувшемъ въ Польшѣ.

Я собралъ къ себѣ офицеровъ-поляковъ и совѣтовалъ имъ подать просьбу Фуаду-пашѣ, назначенному въ то время сераскиромъ, и высказавъ въ ней нашу признательность турецкому правительству и нашу готовность по-прежнему служить султану, упомянуть о томъ, что мы все-таки не перестали быть поляками и хотимъ служить отечеству и польскому дѣлу; поэтому мы просимъ войти въ наше положеніе и обсудить вопросъ о томъ, какимъ образомъ мы могли бы исполнить свой долгъ по отношенію къ Польшѣ, не нарушая нашихъ обязанностей относительно Турціи; однимъ словомъ, чтобы мы могли быть поляками, не переставая быть достойными слугами султана.

Прошеніе это было написано мною и одобрено всѣми единогласно. Я просилъ драгунъ, чтобы они выбрали изъ своей среды одного офицера, который отправился бы съ этой просьбою въ Стамбулъ. Большинствомъ голосовъ былъ избранъ капитанъ Карлъ Маркварть.

Признаюсь откровенно, я былъ горячимъ сторонникомъ политики маркиза Велепольскаго и считалъ великаго князя Константина Николаевича однимъ изъ самыхъ способныхъ и самыхъ благородныхъ людей въ мірѣ. Мнѣ было извѣстно о несчастной зависти, съ какою Замойскіе относились къ маркизу Велепольскому, такъ какъ еще зимою я видѣлся съ двумя довѣренными лицами Замойскаго, которыя пріѣзжали въ Стамбулъ съ цѣлью посмотрѣть, что я дѣлаю, и разузнать мои дальнѣйшія намѣренія. Изъ разговора съ ними я убѣдился, что Андрей Замойскій опасался, какъ бы Сигизмундъ Велепольскій, пользуясь именемъ своего отца, не сдѣлался для него опаснымъ соперникомъ и не помѣшалъ ему осуществить его намѣренія. Къ сожалѣнію, Замойскихъ всегда занимала одна мысль—о желѣзномъ фондѣ. Я хорошо помню слова этихъ господъ:

— Преданные вѣрѣ нашихъ отцовъ, какъ ревностные католики, мы будемъ энергично противиться панславянскимъ стремленіямъ Велепольскаго.

Я видѣлъ ясно, что эта политика, напоминавшая политику Владислава Замойскаго, не могла привести ни къ чему иному, какъ къ новымъ распрямъ и ссорамъ, какъ это было въ 1855 и 1856 гг.

Однако дѣлать было нечего; такъ какъ возстаніе началось, то разсуждать было не время; надобно было думать только о томъ, какъ бы быть полезнымъ Польшѣ.

Капитанъ Марквартъ возвратился вскорѣ съ письменнымъ отвѣтомъ Фуада-паши, въ которомъ паша, выражая свое полное сочувствіе намъ и нашему дѣлу и поблагодаривъ насъ за довѣріе, съ какимъ мы обратились къ нему, обѣщалъ передвинуть нашъ полкъ въ Балканы и писалъ, чтобы мы были готовы выступить, но при этомъ совѣтовалъ соблюдать порядокъ и спокойствіе и присовокуплялъ, что если офицеры не хотятъ ждать, то онъ разрѣшаетъ мнѣ уволить ихъ въ отпускъ, выдать имъ прогоны изъ кассы 3-го корпуса и отправить этихъ господъ немедленно, чтобы не подать повода къ какимъ-либо возраженіямъ со стороны дипломатовъ, которые не сочувствовали польскому возстанію.

Одновременно съ этимъ письмомъ командующій 3-мъ корпусомъ получилъ приказаніе удовлетворить всѣ мои просьбы относительно увольненія офицеровъ въ отпускъ и выдачи имъ денегъ на дорогу.

Я прочелъ офицерамъ письмо сераскира и объяснилъ имъ наше положеніе.

Нѣсколько офицеровъ подали вслѣдъ за тѣмъ прошеніе объ отпускѣ и уѣхали, но нѣкоторые, не довольствуясь тѣми льготами, которыя предоставило имъ турецкое правительство, начали склонять солдатъ къ дезертирству; мало того, подучили ихъ похитить полковое оружіе. Когда эти господа были удалены изъ полка, то у насъ водворилось спокойствіе; случаи дезертирства стали рѣдки, но нашъ полкъ уже не былъ посланъ въ Балканы, такъ какъ онъ потерялъ довѣріе правительства. Я боялся просить объ этомъ, не рѣшаясь брать на себя отвѣтственность за полкъ; между тѣмъ эта демонстрація могла имѣть самыя важныя послѣдствія. Съ точки зрѣнія нравственной, она могла поднять духъ жителей Украйны; чего не могли сдѣлать золотыя грамоты, то сдѣлали бы навѣрно казацкое имя и воспоминаніе о запорожскомъ кошѣ. Въ Балканахъ ряды нашего войска могли увеличиться болгарами, которые не только братались съ нами, но желали вполнѣ слиться съ нами. Но поляки не хотѣли или не могли понять сущность дѣла. Поляки никогда не оказывали нашей организаціи, какъ я уже говорилъ, ни нравственной, ни матеріальной поддержки; они относились къ ней не только равнодушно, но даже пренебрежительно.

Я не удерживалъ ни одного офицера, выразившаго желаніе ѣхать въ Польшу, и даже помогъ имъ чѣмъ могъ, хотя смотрѣлъ на это возстаніе какъ на величайшую ошибку, когда-либо сдѣланную Польшею, ибо поляки затѣяли его въ царствованіе императора Александра II, который, предавъ забвенію все прошлое, далъ полякамъ величайшій знакъ своего благоволенія, пославъ намѣстникомъ въ царство Польское своего роднаго брата. Политика маркиза Велепольскаго, хлопотавшаго о сліяніи поляковъ со славянами, сулила намъ въ будущемъ большія выгоды; передъ Польшею открывалось широкое будущее, но зависть и недоброжелательство не позволили полякамъ воспользоваться этимъ. Таковъ былъ мой взглядъ на повстаніе; въ этомъ духѣ я писалъ моимъ друзьямъ въ Парижъ. Я горевалъ надъ участью поляковъ и Польши, и отъ всего сердца желалъ имъ съ честью выйти изъ этого затруднительнаго положенія. Мнѣ не хотѣлось, чтобы поляки выказали себя неблагодарными по отношенію къ турецкому правительству, которое относилось къ намъ всегда такъ прекрасно, и я прилагалъ къ этому всевозможное стараніе.

Вскорѣ къ намъ пріѣхалъ маршалъ Абдулъ-Керимъ-Надиръ-паша, которому было поручено объѣхать границы; я, какъ человѣкъ, хорошо знакомый съ мѣстностью, былъ назначенъ сопровождать его. Этотъ объѣздъ продолжался полтора мѣсяца. Моимъ сыновьямъ, изъ коихъ старшему Раза-паша далъ названіе Тимуръ-бея, а младшему—Музаферъ-бея, велѣно было исполнять обязанности штабныхъ офицеровъ: они снимали планъ мѣстности и укрѣпленій и заслужили одобреніе маршала. Въ продолженіе этой поѣздки во время своихъ разговоровъ съ маршаломъ я старался всячески поднять въ его глазахъ значеніе казаковъ и всей нашей организаціи.

Рапортъ, представленный маршаломъ по объѣздѣ границы, былъ весьма благопріятенъ для насъ и, такъ сказать, загладилъ все то, въ чемъ провинились казаки и драгуны Я получилъ отъ Фуадъ-паши благодарность за добросовѣстное исполненіе своихъ обязанностей, и мнѣ было приказано послать эскадронъ казаковъ и эскадронъ драгунъ въ Стамбулъ для представленія султану и самому явиться туда же, отославъ полкъ въ Битаглію.

Эскадронъ казаковъ, посланный въ Стамбулъ, былъ сборный, а изъ драгунскаго полка былъ посланъ первый эскадронъ. Люди, лошади и обмундированіе этихъ эскадроновъ не оставляло желать ничего лучшаго; на казакахъ былъ ихъ традиціонный мундиръ, а на драгунахъ былъ мундиръ, напоминавшій мундиръ 5-го уланскаго полка во время войны 1831 г.

Сераскиръ Фуадъ-паша принялъ меня весьма любезно; это былъ настоящій джентльменъ, прекрасно образованный, любезный, краси-

вый собою и быстро все схватывавшій, пріятный и остроумный собесѣдникъ, онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ прекрасный дипломатъ и хотя никогда не былъ на войнѣ, но отлично понималъ духъ, потребности войска и безъ сомнѣнія лучше многихъ маршаловъ могъ бы предводительствовать арміею. Усмиреніе Эпира и Ѳессаліи доказало его способности какъ дипломата и предводителя войска. Какъ сераскиръ или военный министръ, онъ много сдѣлалъ для того, чтобы поднять значеніе корпуса офицеровъ; благодаря ему турецкіе офицеры перестали носить за пашами папуши (туфли), перестали быть слугами и сдѣлались настоящими офицерами; окончивъ свои служебныя обязанности, они проводили время вмѣстѣ съ пашами, садились при нихъ за столъ, бесѣдовали съ ними въ гостиной. Фуадъ-паша дополнилъ то, чего не доставало войску Риза-паши. Онъ сдѣлалъ бы еще много полезнаго, если бы не былъ къ несчастью такъ скоро смѣненъ; на его мѣсто былъ назначенъ маршалъ Гуссейнъ-Авни-паша, который съумѣлъ испортить все заведенное въ войскѣ Риза и Фуадъ пашами.

Фуадъ-паша происходилъ изъ хорошаго стариннаго рода, давшаго Турціи не мало ученыхъ, историковъ и поэтовъ; онъ учился въ молодости медицинѣ и былъ врачемъ; по смерти отца, обезглавленнаго по повелѣнію султана Махмуда, онъ поступилъ въ драгоманы и посвятилъ себя политической карьерѣ, исполнивъ весьма удачно многія возлагавшіяся на него дипломатическія порученія. Султанъ Абдулъ-Меджидъ, убѣдившись въ способностяхъ Фуада-паши во время его службы на границѣ, послалъ его для усмиренія мятежа въ Сирію и Дамаскъ, что онъ и исполнилъ съ удивительной энергіей и ловкостью и за что онъ былъ пожалованъ маршаломъ. Султанъ Абдулъ-Азисъ, по вступленіи на престолъ, назначилъ его сераскиромъ; смѣло можно сказать, что послѣ Риза-паши не было болѣе способнаго и дѣльнаго сераскира.

Гуссейнъ-Авни-пашѣ по выходѣ его изъ военной школы покровительствовалъ одинъ изъ преподавателей этой школы французъ, капитанъ Маньянъ (Magnan), которому онъ отплатилъ за это ненавистью также какъ и всѣмъ прочимъ французамъ. Омеръ-паша аттестовалъ его во время войны 1854 г. человѣкомъ неспособнымъ, за что онъ воспылалъ ненавистью ко всѣмъ иностранцамъ, были ли то христіане или мусульмане, пренебрегалъ старыми офицерами, оскорблялъ ихъ и наводнилъ армію офицерами, окончившими курсъ въ военной школѣ. Они не успѣвали ознакомиться хорошенько со службою, какъ ихъ уже назначали дивизіонными и корпусными командирами. Его ненависть къ Риза-пашѣ и ко всѣмъ иностранцамъ сблизила его съ Али-пашею, который розыгрывалъ роль архи-турка, чтобы этимъ отличиться отъ Решидъ и Фуадъ-пашей.

Фуадъ-паша назначилъ Гуссейнъ-Авни-пашу своимъ помощникомъ, кай-

макамомъ, что принесло огромный вредъ ему самому, турецкому войску и всему государству. Онъ питалъ къ Риза-пашѣ такую страшную ненависть, что когда тотъ умеръ и онъ, будучи въ то время сераскиромъ, долженъ былъ отдать ему послѣднюю честь, какъ заслуженному предводителю войскъ султана, то онъ не поѣхалъ на его похороны, сказавъ своимъ друзьямъ:

— Я радъ и счастливъ, ибо на свѣтѣ не можетъ быть величайшей радости и удовольствія, какъ видѣть своего врага зарытымъ въ землю такъ глубоко, что ему оттуда не встать.

Эти слова характеризуютъ лучше всего этого сановника.

Перев. **В. В. Тимощукъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Издатель **С. Зыковъ.** Редакторъ **Н. Дубровинъ.**

94.

Князь П. Р. Багратіонъ [1]—К. П. Брюллову.

28-го февраля 1851 г. С.-Петербургъ.

Государь соизволилъ продлить отпускъ вашъ въ Италію, Сицилію и всюду, куда потребуетъ здоровье ваше, съ полнымъ содержаніемъ отъ Академіи и изъ кабинета, на безсрочное время.

Вотъ, дорогой и добрѣйшій другъ, извѣстіе, которое конечно васъ порадуетъ. Вы видите, что я не медлю отвѣчать вамъ на ваше письмо отъ 10-го февраля. Благодарю васъ за память, благодарю васъ за довѣріе. На дняхъ вы получите оффиціальное увѣдомленіе о милости царской. Я же сію минуту получилъ объ этомъ записку отъ добраго нашего герцога [2]). Хочу сегодня еще бросить письмо мое на почту чтобы скорѣе успокоить васъ, добрѣйшій другъ. Завтра ѣдетъ отсюда въ Римъ флигель-адъютантъ графъ Гейденъ [3]). Съ нимъ пришлю письмо по длиннѣе.

Цѣлую и обнимаю васъ. Искренно преданный вашъ другъ и обожатель кн. П. Багратіонъ.

P. S. Въ квартирѣ вашей все исправно. Я былъ тамъ вчера. Цѣлую васъ сто разъ.

95

Князь П. Р. Багратіонъ—К. П. Брюллову.

2-го (14-го) марта 1851 г. С.-Петербургъ.

Третьяго дня написалъ я къ вамъ нѣсколько строкъ, дражайшій и почтеннѣйшій другъ Карлъ Павловичъ. Я спѣшилъ увѣдомить васъ, что по представленію нашего добраго герцога, государь позволилъ продлить пребываніе ваше за границей на безсрочное время съ сохране-

---

[1]) Князь Петръ Романовичъ Багратіонъ (1819—1874),—въ то время полковникъ, адъютантъ герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго; впослѣдствіи остзейскій генералъ-губернаторъ. (См. письмо № 83).

[2]) Герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго, президента Академіи художествъ.

[3]) Графъ Ѳедоръ Логгиновичъ Гейденъ (род. въ 1821 г.), въ то время полковникъ, флигель-адъютантъ; впослѣдствіи начальникъ Главнаго штаба, финляндскій генералъ-губернаторъ и нынѣ членъ Государственнаго Совѣта (см. слѣдующее письмо).

ніемъ получаемаго вами содержанія отъ Академіи и отъ Кабинета. Если письмо мое не дошло до васъ, то графъ (Ѳ. Л.) Гейденъ, которому я показывалъ записку его высочества ко мнѣ, подтвердитъ вамъ, что это извѣстіе справедливо, и скажетъ вамъ, сколько я радъ, что желаніе ваше исполнено по милости добраго царя нашего...

Чтобы придать (письму) болѣе полноты, прилагаю отчетъ Академіи за прошлый годъ. На 8-й страницѣ этого отчета вы увидите, какъ умѣютъ въ Петербургѣ цѣнить высокія произведенія ваши [1]), и убѣдитесь, что все, писанное мною въ первомъ письмѣ,—сущая истина, нисколько не преувеличенная.

На дняхъ у насъ открывается новая выставка художественныхъ произведеній и рѣдкихъ вещей, принадлежащихъ частнымъ лицамъ. Это любопытное собраніе картинъ древнихъ и новыхъ школъ, антиковъ, мраморовъ, старинныхъ серебряныхъ вещей, оружія и проч. Государь соизволилъ утвердить проектъ этой выставки и далъ намъ залы Академіи тѣ самыя, гдѣ бываетъ годичная выставка. Посылаю вамъ списокъ членовъ комитета и не замедлю прислать каталогъ, какъ только онъ будетъ напечатанъ. Вашихъ картинъ множество. Давыдовъ прислалъ вашу «Свѣтлану», (Д. Е.) Бенардаки [2])—«Образъ св. Анны». (П. К.) Ферзенъ, Прянишниковъ и многія другія лица, счастливцы, обладающіе произведеніями великаго maestro, спѣшили пощеголять ими. Тутъ даже «Ромулъ и Ремъ», давно вами писанная картина, задатокъ высокой будущности, не говоря о портретахъ (Х. А.) Бека, (А. Н.) Струговщикова и многихъ другихъ, украшающихъ русскую залу. Великолѣпная будетъ выставка. Графъ Ѳедоръ Логгиновичъ Гейденъ, старинный и добрый пріятель мой и товарищъ еще по пансіону, ѣдетъ въ Италію для излѣченія ранъ, полученныхъ имъ на Кавказѣ. Вы, какъ старинный римлянинъ, можете указать ему предметы, болѣе всего достойные вниманія, и, конечно, по добротѣ своей не откажетесь, лю-

---

[1]) На стр. 8—10 „Отчета Импер. Академіи художествъ" за 1849—1850 ак. годъ, между прочимъ, Карлу Павловичу посвящены слѣдующія строки... „упомянуть должно объ отсутствующемъ знаменитомъ нашемъ профессорѣ, находящемся... въ отпуску, для возстановленія здоровья, Карлѣ Брюлловѣ. Въ бытность на островѣ Мадерѣ онъ поправился и могъ исполнить нѣсколько произведеній, въ которыхъ видны неослабѣвающая сила истиннаго таланта и воображенія художника........ О если-бъ угодно было Провидѣнью продлить дни его! Многое изящно-прекрасное, истинное и высокое явилось бы въ чертахъ карандаша его или въ образахъ дивныхъ настоящаго и давно прошедшаго, или въ очеркахъ будущаго, заимствуемаго изъ области всегда юной фантазіи, которая одна способна возстановлять забытое и творить новое, возникло бы еще изъ-подъ его творческой кисти!!»

[2]) Дмитрій Егоровичъ Бенардаки (ум. въ 1870 г.), золотопромышленникъ соорудитель въ С.-Петербургѣ греческой церкви св. Дмитрія Солунскаго.

безнѣйшій Карлъ Павловичъ, быть его менторомъ. Въ чичероне вы уже не годитесь. Полюбите Гейдена ради меня, если правда, что я заслужилъ лестную дружбу вашу. Читая описаніе страданій вашихъ, я не разъ вздохнулъ о томъ, что не могъ въ эти минуты понѣжить и полелѣять васъ. Дорого заплатилъ бы я за возможность снова ухаживать за вами, почтенный другъ, и, мнѣ кажется, присутствіе мое облегчило бы страданія и муки ваши. Не взыщите за самонадѣянность. Тутъ гордости менѣе, чѣмъ любви, и я готовъ бы расцѣловать того, кто умѣетъ развлечь и успокоить васъ въ тяжкія минуты болѣзни. Берегите остатки здоровья, будьте воздержаны, какъ были на Мадерѣ, и авось Богъ доведетъ меня еще разъ увидѣться съ вами. Анюта и Женни всякій день въ молитвахъ своихъ просятъ Всевышняго объ исцѣленіи вашемъ, а молитвы ихъ должны бы восходить до неба.

Я передалъ всѣмъ поклоны ваши, и всѣ чувствительно благодарятъ васъ за память. Великой княгинѣ Екатеринѣ Михайловнѣ я не могъ передать вашихъ словъ, потому что видѣлъ ее на балу черезъ три дня послѣ ея свадьбы и не смѣлъ въ ту минуту привести ей на мысль тяжелыя воспоминанія о смерти отца, котораго она не перестала еще оплакивать. При первомъ удобномъ случаѣ постараюсь исполнить ваше порученіе. Ихъ высочества герцогъ и великая княгиня Марія Николаевна поручили мнѣ кланяться вамъ и передать ихъ желаніе о выздоровленіи вашемъ. Графиня Бобринская, урожденная гр. Шувалова [1]), благодаритъ васъ за память и говоритъ, что она очень васъ любитъ. Айвазовскій [2]), Самойловъ [3]), Ѳ. А. Бруни, (В. И.) Григоровичъ и А. А. Ѳоминъ, которыхъ я видѣлъ на дняхъ, усерднѣйше кланяются вамъ. Часто бываю я у Ѳомина [4]), рѣдко застаю его дома, но всегда просиживаю болѣе часа предъ «Осадой Пскова» и неоконченными картонами графини Самойловой, Меллеръ-Закомельской и Шишмаревыхъ. Эти часы—часы величайшаго наслажденія. Я сажусь на старую вашу красную оттоманку и воображаю тѣ минуты, когда вы на этомъ самомъ мѣстѣ задумывали высокую думу и передавали ее вѣкамъ. Ѳоминъ позволилъ мнѣ снять копію съ портрета вашего, сдѣланнаго Каневскимъ [5]), и тѣмъ много одолжилъ меня. Все въ квартирѣ вашей

---

[1]) Софія Андреевна,—жена графа Александра Алексѣевича Бобринскаго.

[2]) Иванъ Константиновичъ Айвазовскій—знаменитый недавно скончавшійся маринистъ, въ то время уже профессоръ Академіи художествъ (род. въ 1817†1900).

[3]) Василій Васильевичъ Самойловъ,—извѣстный актеръ (1813†1887).

[4]) А. А. Ѳоминъ жилъ въ квартирѣ К. П. Брюллова. (См. о немъ прим. къ № 85).

[5]) Ксаверій Ксаверіевичъ Каневскій (1804 † 1867),—академикъ Академіи художествъ, впослѣдствіи директоръ Варшавской художественной школы.

*

исправно. Всѣ вещи спрятаны въ особую комнату и запечатаны. Въ мастерской только портреты, о которыхъ я говорилъ уже, «Осада Пскова» и плащаница, писанная, какъ мнѣ говорилъ Ѳоминъ, какимъ-то монахомъ Сергіевскаго монастыря и вами поправленная. Портретъ великой княгини Александры Николаевны виситъ въ гостиной Ѳомина. Огромный органъ—въ мастерской, гдѣ также находится бюстъ Пушкина вызолоченный, на каминѣ—Кукольникъ [1]). У окна электрическая машина и на полкахъ нѣсколько алебастровыхъ коровъ, верблюдовъ, лошадей, маски Наполеона и Пушкина. Вы видите, что я подробно изучилъ квартиру вашу. Скажу даже, что на стѣнѣ возлѣ полокъ рукою вашею написано мѣломъ: «въ 8 лѣтъ сожгли 207.800 человѣкъ» и еще нѣсколько цифръ внизу. Теперь я, какъ членъ комитета выставки, бываю каждый день въ Академіи и захожу всякій разъ въ квартиру вашу, какъ влюбленный, чтобъ подышать воздухомъ ея.

Письмо ваше дошло въ Петербургъ въ три недѣли, а представьте себѣ, что въ тотъ же день я получилъ письмо съ острова Тенерифа въ 18 дней. Каково усилилось движеніе пароходства. Когда же Римъ соединится съ Вѣной желѣзной дорогой? Новостей у насъ немного. На Невѣ поставленъ новый мостъ—великолѣпное сооруженіе; но самая новая новость—та, что нашъ преподобный Паншинъ женился на графинѣ Соллогубъ [2]) и тотчасъ послѣ свадьбы уѣхалъ въ Москву. Сегодня я получилъ отъ него письмо, исполненное выраженія счастья супружескаго. Жена его предоброе существо, но можно ли было подумать, что Паншинъ (ходячіе счеты) женится на дѣвушкѣ безъ состоянія. Такъ часто бываетъ умъ съ сердцемъ не въ ладу, и это говоритъ въ пользу нашего Паншина.

Приказывайте мнѣ, дорогой другъ, если въ чемъ еще встрѣтится вамъ надобность, располагайте мною совершенно. Я счастливъ буду служить вамъ всѣми силами головы и ногъ. О сердцѣ говорить нечего, оно давно ваше, и вы это знаете. Если же вы въ состояніи отвѣчать мнѣ, то порадуйте меня; хоть продиктуйте письмо Гейдену да подпишите, если своихъ силъ не хватитъ. Онъ обѣщалъ мнѣ исполнить это желаніе мое. Всякое письмо ваше—праздникъ семейный, и въ тотъ день пьется за обѣдомъ во здравіе ваше бутылка лучшей мадеры. Съ радости пьянѣемъ.

Такъ какъ вы теперь вѣроятно на Мадеру не воротитесь, то подумайте, любезный другъ, не лучше ли выписать оттуда всѣ вещи ваши,

---

[1]) Несторъ Васильевичъ Кукольникъ (1809 † 1868),—извѣстный писатель. Братья Кукольники были одни изъ раннихъ пріятелей К. П. Брюллова, который со всѣхъ нихъ писалъ портреты.

[2]) Платонъ Ивановичъ Паншинъ,—въ то время ротмистръ гусарскаго полка. Былъ женатъ на Вѣрѣ Львовнѣ, урожд. гр. Соллогубъ.

тамъ оставленныя; мнѣ жаль вашихъ эскизовъ, которые пропадутъ на этомъ дикомъ островѣ.

Не лѣнитесь, милый, добрый Карлъ Павловичъ, подарите мнѣ хоть словечко. Это будетъ подарокъ всѣмъ вашимъ знакомымъ. Половина Петербурга обращается ко мнѣ постоянно съ вопросами объ васъ, будто въ справочную контору. Всѣ мы благодаримъ васъ отъ полноты сердца за обѣщанныя картины и рисунки. Вы сами знаете, сколько дороги для меня эти жемчужины вѣнца вашего. Но дороже всего здоровье друга. Не утомляйте себя и не забывайте, что мы безъ памяти любимъ васъ.

Вотъ вамъ длинное нескладное письмо. Тороплюсь, какъ почтовая лошадь. Гейденъ уѣзжаетъ сегодня и на словахъ передастъ вамъ мои мысли и желанія.

Обнимаю васъ отъ всего сердца. Да сохранитъ васъ Господь на славу, на гордость и на любовь искренно преданнаго вамъ и почитающаго васъ друга князя П. Багратіона.

96.

Баруцци [1]) К. П. Брюллову.

30-го января 1835 г. Болонья.

Дорогой другъ!..... Я получилъ письмо отъ графа (П. К.) Ферзена, со вложеніемъ тысячи экю за мраморную статую для княгини – его двоюродной сестры. Кстати, вотъ и тебѣ письмо графа, которое онъ просилъ тебѣ переслать. А отъ тебя я до сихъ поръ такъ и не получалъ отвѣта на оба мои письма, хотя Ѳедоровъ и сказывалъ мнѣ, что ты мои письма получилъ. Впрочемъ, твои заботы обо мнѣ для меня, конечно, дороже и больше значатъ, чѣмъ письмо, хотя желательно было бы получить и послѣднее.

...... Кто только о тебѣ не спрашиваетъ? кто только не желаетъ тебя видѣть здѣсь? Для тебя готовится у насъ торжественный пріемъ и ужинъ въ Большомъ театрѣ, и я увѣренъ, что ты не обманешь нашихъ ожиданій и пріѣдешь. Президентъ и всѣ наши товарищи по Академіи жаждутъ тебя видѣть у себя, и нѣкоторые очередные вопросы даже перенесены на другое время, чтобы и ты могъ присутствовать при ихъ обсужденіи. Всѣ шлютъ тебѣ общій привѣтъ, я же за всѣхъ обнимаю тебя. Любящій тебя Баруцци [2]).

---

[1]) Итальянскій скульпторъ, съ котораго К. П. писалъ портретъ.

[2]) Подлинникъ на итальянскомъ языкѣ.

97.

Ѳ. Б. Булгаринъ [1])—А. П. Брюллову.

30-го марта 1840 г. С.-Петербургъ.

Ангелъ Александръ Павловичъ! Со всей семьей записываюсь къ вамъ на десять лѣтъ въ рабство, если пристроите моего protégé Ромула Гейста, юношу честнаго, кроткаго, добраго и имѣющаго страсть быть архитекторомъ.

На ваше святое слово вызвалъ я его и помѣстилъ близъ васъ. Отъ васъ жду, какъ отъ Бога, счастья бѣднаго семейства. Если бъ вы для роднаго моего сына сдѣлали благодѣяніе, то я не былъ бы вамъ столько обязанъ, какъ за этого юношу! Душевно преданный на вѣки вѣковъ Ѳ. Булгаринъ.

98.

Р. А. Винсперъ [2])—А. П. Брюллову.

17-го февраля 1827 г. Римъ.

Любезнѣйшій Александръ Павловичъ!.. Отъ нашихъ художниковъ узналъ я, что для развлеченія отъ скуки занеслись вы въ Швейцарію; жаль только, что не въ хорошее время, когда край сей являетъ въ очаровательномъ и блестящемъ видѣ свои ужасы. Хвала вамъ за то, что старый и развратный волшебникъ [3]) васъ не приманиваетъ къ себѣ!

Еще хвала намѣренію вашему употребить пребываніе въ Парижѣ болѣе для умственной, нежели для вещественной выгоды. Римъ есть единственный городъ для художниковъ, хотя онъ не уступитъ другому въ отношеніи развратности... Очень умно вы дѣлаете, Александръ Павловичъ, что отправляетесь въ Англію: тамъ несравненно болѣе толку и честности, чѣмъ во Франціи; кромѣ сего ландшафтному и портретному живописцу предоставляются тамъ пріятнѣйшія занятія. Графъ Воронцовъ [4]) будетъ для васъ въ Лондонѣ безцѣнное знакомство; прошу

---

[1]) Ѳаддей Бенедиктовичъ Булгаринъ, (1789†1859), извѣстный писатель.

[2]) Робертъ Антоновичъ Винсперъ (или Винспіеръ) см. о немъ письма №№ 47, 61.

[3]) Т. е. Парижъ.

[4]) Графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ (1782†1856) былъ хорошо знакомъ съ Р. А. Винсперомъ и находился съ нимъ въ перепискѣ (См. «Архивъ кн. Воронцова» т. XXXVII, стр. 354 — 355, 382; т. XVII, стр. 48; т. XXIII, стр. 405).

васъ засвидѣтельствовать какъ ему такъ, и графу Семену Романовичу [1]), лэди и лорду Пемброку мое глубокое почтеніе. Постарайтесь застать ихъ въ Лондонѣ, хотя бы и пришлось ускорить вамъ отъѣздъ изъ Парижа.

Не думаете ли вы протягать дорогу сквозь Шотландію? Вы знаете, сколько сей край богатъ картинными мѣстоположеніями въ необыкновенномъ родѣ! Въ случаѣ же сбудется ваша поѣздка въ Шотландію, сдѣлайте дружбу—познакомьтесь съ Вальтеръ Скоттомъ, котораго я считаю чрезвычайнымъ живописцемъ и уважаю выше всякаго выраженія.—Въ прошломъ мѣсяцѣ прибылъ сюда г. Киль [2]), который отправился черезъ нѣсколько дней въ Неаполь, гдѣ занимаетъ мѣсто барона Сакена [3]). Онъ привезъ мнѣ письмо отъ его брата [4]) полковника, адъютанта е. и. в. Константина Павловича; въ семъ письмѣ есть нѣсколько строкъ, касающихся васъ и Карла Павловича. Послѣ многихъ ласковыхъ и сердечныхъ выраженій проситъ онъ васъ обоихъ, въ случаѣ пріѣзда вашего въ Варшаву, остановиться у него, въ его квартирѣ въ Королевскомъ дворцѣ. Братъ вашъ Карлъ здоровъ и всегда прекрасный чудакъ, какъ я его назвалъ. Прощайте, обнимаю васъ сердечно. Р. Винспіеръ.

99.

Р. А. Винсперъ—А. П. Брюллову.

14-го (26-го) апрѣля 1827 г., Римъ.

Любезнѣйшій Александръ Павловичъ. Получивъ ваше послѣднее письмо, я принужденъ былъ отложить отвѣтъ на него, по причинѣ... поѣздки въ Неаполь.

По возвращеніи моемъ сюда нашелъ г-на Подчацкаго [5]), который

---

[1]) Графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ (1744†1832), русскій посланникъ въ Англіи.

[2]) Өедоръ Ивановичъ Киль,—въ то время секретарь русскаго посольства въ Неаполѣ.

[3]) Баронъ Карлъ Өедоровичъ Остенъ-Сакенъ до 1827 г. былъ секретаремъ русскаго посольства въ Неаполѣ, впослѣдствіи вице-директоръ азіатскаго департамента.

[4]) Левъ Ивановичъ Киль (1795†1851),—въ то время адъютантъ великаго князя Константина Павловича; любитель-рисовальщикъ, почетный вольный общникъ Академіи художествъ.

[5]) Ипполитъ Ивановичъ Подчаскій (1792†1879),—былъ сынъ Прасковьи Михайловны Соболевской и воспитанникъ гр. Л. К. Разумовскаго. Въ то время состоялъ на службѣ въ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, изъ которой уволился въ слѣдующемъ году. (См. А. А. Васильчиковъ «Семейство Разумовскихъ» т. II, стр. 168, и «Остафьевскій архивъ кн. Вяземскихъ» подъ ред. В. И. Саитова, т. I, Спб. 1899 г., стр. 550—551).

истинно заслуживаетъ вашу похвалу. Наше знакомство съ нимъ совершено съ первой почти минуты, ибо онъ изъ числа тѣхъ людей, коихъ достоинство является при первой встрѣчѣ. Очень вамъ благодаренъ за портретъ Вальтеръ-Скотта: онъ долженъ быть вѣренъ по выраженію и мастерству. Почтеннѣйшій нашъ министръ получилъ также (экземпляръ) съ большимъ удовольствіемъ, онъ уже показывалъ его разнымъ англичанамъ, которые единогласно расхваливали его сходство съ подлинникомъ. Посланникъ (А. Я. Италинскій) препоручилъ мнѣ благодарить васъ чувствительнѣйше за то, что вы имѣли къ нему таковое уваженіе.—Слава Богу, наши художники заслужили большое вниманіе нашего государя, и есть надежда, что (С. И.) Гальбергъ, (Ѳ. А.) Бруни, (К. А.) Тонъ и прочіе будутъ въ состояніи доказать свое искусство царю и Россіи. В. А. Перовскій много дѣлаетъ для нихъ; не трудно догадаться, что это онъ (дѣлаетъ), хотя ничего никому и не пишетъ. Между тѣмъ не разглашайте сей вѣсти, покуда не дойдетъ къ вамъ вѣрнѣйшая... Веселитесь по вашему вкусу, да пишите какъ можно чаще изъ всѣхъ земель любящему и почитающему васъ отъ всего сердца Р. Винсперу.

100.

Р. А. Винсперъ—А. П. Брюллову.

24-го іюня (6-го іюля) 1827 г. Римъ.

Любезнѣйшій Александръ Павловичъ! Хлопоты, въ которыхъ я находился, препятствовали моему отвѣту. Дѣла разнаго рода, и при томъ неожиданныя, занимали меня сверхъ обыкновеннаго и казалось, что они удержатъ меня въ Римѣ еще на долгое время. Все вдругъ перемѣнилось, и я ѣду въ Неаполь. Смерть почтеннѣйшаго (А. Я.) Италинскаго [1]), случившаяся 15—27 іюня, дала всему другой видъ, даже моему здоровью. Я оставилъ министра, занимавшагося въ своемъ кабинетѣ въ 4 часа и 10 минутъ по полудни, и побѣжалъ домой, чтобы надѣть другое платье; черезъ четверть часа прихожу къ нему и вижу его сидящимъ съ закрытыми глазами, а г. Коссаковскаго [2]) на колѣняхъ и въ слезахъ у ногъ его... Слово «умеръ» проникло до моего сердца, которое оледенѣло отъ сего внезапнаго зрѣлища.

Италинскій скончался вмигъ отъ сильнаго стеченія крови въ сердце. По вскрытіи тѣла нашли легкое въ крайнемъ разслабленіи, а главную жилу у сердца окаменѣвшею. Кн. (Г. И.) Гагаринъ [3]) отправляетъ

[1]) См. о немъ прим. къ письму № 17.

[2]) Графъ Станиславъ Осиповичъ Коссаковскій, въ то время секретарь нашего посольства въ Римѣ; впослѣдствіи сенаторъ.

[3]) См. о немъ прим. къ письму № 17.

теперь должность министра и ждетъ утвержденія на сіе мѣсто. Много покойный сдѣлалъ въ пользу художниковъ; представленія его о нихъ будутъ отправлены на сихъ дняхъ черезъ Коссаковскаго, съ прибавленіемъ сходнаго имъ мнѣнія кн. Гагарина.—Вашъ братецъ Карлъ увезенъ былъ въ Неаполь графиней Разумовской [1]) и г. (И. И.) Подчацкимъ, а черезъ недѣлю возвратится сюда. — Радуюсь, любезный Александръ Павловичъ, что Англія вамъ столько понравилась. Она дѣйствительно стоитъ уваженія: послѣ нашего отечества англійская земля покажется первою въ Европѣ или несравненною. Твердость въ правилахъ чести и достоинства человѣческаго имѣетъ тамъ многочисленнѣйшіе примѣры не какъ въ другихъ странахъ, особливо въ смежной черезъ проливъ.— Прощайте! другъ вашъ Р. Винспіеръ.

101.

Р. А. Винсперъ—А. П. Брюллову.

6 сентября (н. с.) 1827 г. Неаполь.

...Князь (Г. И.) Гагаринъ получилъ уже мѣсто министра въ Римѣ; по сему случаю не худо, чтобы вы писали ему съ поздравленіемъ, ибо его расположеніе ко всѣмъ художникамъ, а особливо къ вамъ, заслуживаетъ этого знака уваженія. Братецъ вашъ отправился въ Римъ въ началѣ прошлаго мѣсяца. Онъ остался въ восхищеніи по разсмотрѣніи всѣхъ или большей части здѣшнихъ природныхъ прелестей и уѣхалъ съ намѣреніемъ пользоваться ими въ ближайшее пребываніе съ будущей весны. Онъ говоритъ, что всякій нелюбящій Неаполя глупъ и что не меньше глупъ и тотъ, кто предпочитаетъ Римъ Неаполю.

Вы, вѣрно, не въ числѣ глупыхъ людей, хотя второе его предложеніе можетъ подвергаться исключенію. (И. И.) Подчацкій ѣдетъ съ графиней (М. Г.) Разумовской до Милана, а оттуда въ Москву одинъ. Василій Алексѣевичъ (Перовскій) пишетъ ко мнѣ изъ Кронштадта, гдѣ имѣетъ трудное дѣло по волѣ государя; Левъ Алексѣевичъ [2]) пишетъ почаще, и оба вспоминаютъ и спрашиваютъ о васъ. Р. Винспіеръ.

---

[1]) Графиня М. Г. Разумовская (См. о ней прим. къ письму № 67).

[2]) Графъ Левъ Алексѣевичъ Перовскій (1793†1856),—въ то время дѣйств. статскій совѣтникъ, камергеръ, членъ Департамента удѣловъ.

102.

Князь Л. П. Витгенштейнъ [1]—К. П. Брюллову.

6-го декабря 1834 г., Каменки.

Сейчасъ получилъ письмо отъ друга моего графа (П. К.) Ферзена, который мнѣ пишетъ, что вы меня еще не забыли, любезнѣйшій Карлъ Павловичъ! Это такъ пріятно моему сердцу, что я не могъ утерпѣть написать вамъ эти строки, чтобы вамъ еще разъ повторить, сколь я васъ люблю. Я никогда не забуду пріятнаго времени, которое мы вмѣстѣ проводили въ Римѣ и Флоренціи, и когда вы съ такимъ восхищеніемъ писали портреты дѣтей моихъ. Я не говорю вамъ ничего о томъ, что чувствовалъ, когда читалъ и слышалъ справедливыя похвалы, которыя на счетъ вашего таланта изливались по всей Европѣ, ибо трудно выразить, но, вѣрно, никто изъ друзей вашихъ не принималъ въ этомъ столько участія, какъ я! Дабы и мнѣ имѣть какое-либо чрезвычайное произведеніе вашего таланта, прошу васъ написать мнѣ, когда будете внушены вашимъ поэтическимъ духомъ, картину какую хотите, за которую назначаю вамъ 25.000 рублей. Не откажите мнѣ въ этомъ удовольствіи и напишите мнѣ хоть словцо на этотъ счетъ. Вы, вѣрно, забыли, что я вамъ писалъ черезъ Каньевскаго [2]) и просилъ написать для алтаря каплицы, въ которой похоронена покойная моя жена; я и мѣру вамъ послалъ, но вы мнѣ ничего не отвѣчали Ферзенъ вамъ вѣрно сказалъ, что я женился: Богъ мнѣ послалъ такого же ангела, какъ и прежняя жена моя была, и вмѣстѣ мать маленькимъ сиротамъ [3]). Когда моя картина, которую, надѣюсь, вы не откажете мнѣ написать, будетъ начата и мнѣ дадите знать, то я нарочно пріѣду въ Римъ съ женой, и вы непремѣнно напишете ея портретъ: она вамъ понравится. Полюбите моего Ферзена: онъ стоитъ того: страшный охотникъ до живописи и умѣетъ вполнѣ васъ цѣнить. Не откажите и ему написать маленькую картину,—онъ васъ за то вѣкъ будетъ благодарить и безъ памяти любить. Вашъ другъ князь Витгенштейнъ.

---

[1]) Князь Левъ Петровичъ Витгенштейнъ (род. въ 1799 г.),—сынъ генералъ-фельдмаршала П. Х. Витгенштейна, въ то время—флигель-адъютантъ.

[2]) Ксаверій Ксаверьевичъ Каньевскій. (См. о немъ прим. къ письму № 95).

[3]) Первой супругой кн. Л. П. Витгенштейна была Стефанія Доминиковна, урожд. кн. Радзивиллъ (1809†1832), второй—Леонилла Ивановна, урожд. кн. Барятинская.

103.

Князь Л. П. Витгенштейнъ—К. П. Брюллову.

(1834 г).

. . . Братъ вашъ Александръ, какъ вамъ уже извѣстно, строитъ у меня въ имѣніи близъ Петербурга католическую церковь въ память жены моей. Такъ какъ я желаю, чтобы эта церковь была во всѣхъ частяхъ совершенна, то я желалъ бы, чтобъ вы мнѣ написали главную картину надъ алтаремъ. Церковь посвящена св. Петру потому, что св. Стефаніи нѣтъ. Итакъ, прошу васъ взять сюжетъ изъ жизни св. Петра и, если можно, то и св. Стефана—патрона жены моей помѣстить въ ту же картину, разумѣется, если въ ихъ исторіи найдете (моментъ), когда они были вмѣстѣ. Вообще же я полагаюсь совершенно на васъ въ дѣлѣ избранія сюжета; вы весьма легко поймете мое желаніе и вѣрно не откажетесь его исполнить въ память моего ангела, котораго и вы умѣли цѣнить. Не знаю, исполнилъ ли г. Маріетти мою коммиссію, которому я поручилъ благодарить васъ отъ всего сердца за проектъ монумента покойной жены моей: онъ такъ хорошъ, что я рѣшился поручить его здѣсь сдѣлать (съ маленькими передѣлками) нашему скульптору С. И. Гальбергу. Примите еще разъ чувствительнѣйшую мою благодарность. Никто не могъ лучше васъ изъяснить моихъ чувствъ потому, что вы часто насъ (съ женой) видѣли и знаете, что̀ я потерялъ. Прошу васъ не забывать меня и любить по-прежнему. Витгенштейнъ.

104.

Графъ М. Ю. Віельгорскій [1])—К. П. Брюллову.

У насъ сегодня музыка и итальянцы будутъ. Если это можетъ васъ прельстить, то милости просимъ въ 9 часовъ. Весь вашъ М. Віельгорскій.

(Среда).

105.

В. А. Владиславлевъ [2])—К. П. Брюллову.

2-го апрѣля 1845 г.

Не хотите ли, Карлъ Павловичъ, у меня завтра обѣдать.

---

[1]) Графъ Матвѣй Юрьевичъ Біельгорскій; (См. о немъ письмо № 67).

[2]) Владиміръ Андреевичъ Владиславлевъ (1807†1856),—полковникъ гвардіи, писатель.

Будутъ: удивительныя щи,
гречневая каша,
свѣжія яйца съ новой зеленью,
цыплята,
кіевское варенье,
столѣтній хересъ и П. А. Каратыгинъ [1]). Вашъ Владиславлевъ.

106.

М. Н. Воробьевъ [2])—А. П. Брюллову.

1-го ноября 1845 г. Palermo.

Любезнѣйшій и почтеннѣйшій Александръ Павловичъ! Максимъ Никифоровичъ, слава Богу, здоровъ; немного рука у него пошаливаетъ, ну да что на нее смотрѣть. Изъ Рима былъ въ Неаполѣ—веселый городъ!—надо правду сказать. Но вы его знаете, онъ ту же физіономію имѣетъ, что и прежде. Теперь я въ Палермѣ уже почти двѣ недѣли; всякій день вижу Monte Piligrino и буду ее видѣть еще мѣсяца два слишкомъ. Я здѣсь съ сыномъ моимъ; онъ занятъ работой по препорученію государя; государь его очень полюбилъ, и надо сказать правду—мило рисуетъ: сильно, умно и съ большимъ вкусомъ, молодецъ! сердце мое порадовалось [3]). О Палермѣ вамъ тоже писать нечего, а ворочусь, такъ и поговоримъ.—Въ Германіи, въ Пруссіи я наслаждался музыкой, но здѣсь заговѣлся: нигдѣ хорошей не слыхалъ; правда, въ Неаполѣ былъ въ оперѣ,—опера порядочная, но оркестръ неваженъ, а послѣ того, что мы слышали въ Петербургѣ, все—ничто. Вотъ уже семь мѣсяцевъ не было скрипки въ рукахъ... горько!—Прощай для меня Бетховенъ и проч. [4]). Хорошо въ Палермѣ погулять, но знаетель,

[1]) Петръ Андреевичъ Каратыгинъ (1805†1879),—извѣстный комическій актеръ.

[2]) Максимъ Никифоровичъ Воробьевъ (1787†1855), художникъ: пейзажистъ и перспективный живописецъ; профессоръ Академіи художествъ; извѣстенъ особенно своими картинами, писанными во время путешествія въ Палестину (См. нѣкоторыя его работы въ Русск. музеѣ импер. Александра III-го). Въ Италію онъ ѣздилъ въ 1845 г.

[3]) Сынъ М. Н. Воробьева—Сократъ Максимовичъ находился въ Палермо, при императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, и занимался рисованіемъ видовъ (карандашомъ) для альбома ея величества. (Нѣсколько рисунковъ его перомъ есть въ Русск. музеѣ императора Александра III-го).

[4]) Максимъ Никифоровичъ, какъ извѣстно, былъ большой любитель музыки и прекрасный скрипачъ, но параличъ, поразившій его за нѣсколько лѣтъ до смерти, заставилъ его разстаться съ инструментомъ, который онъ любилъ не меньше кисти. (См. о немъ воспоминанія Н. А. Рамазанова въ его книгѣ: „Матеріалы для исторіи художествъ въ Россіи“, кн. I. М. 1863, стр. 21—23).

какъ оглянусь въ Питеръ, на родину, такъ представляю себѣ скромную новую Смирну [1])... Право, она мила: въ ней нѣтъ ни огромныхъ горъ, ни безмѣрнаго моря, но маленькая рѣчка, хозяйственно устроенный садъ, домъ, гостепріимство чистосердечныхъ хозяевъ..... Вотъ что дорого и чего здѣсь не встрѣтишь. Мило все это вспомнить, а вспомнишь, и сдѣлается грустно. Но теперь зима,—протяну ее, а лѣтомъ въ новую безцѣнную Смирну и въ ней отдохну, ибо глаза мои уже устали отъ огромныхъ горъ. Въ Римѣ шумно, въ Неаполѣ еще болѣе, но Палерма просто стонетъ отъ крика народа; не могу привыкнуть, да и нельзя: съ 4-хъ часовъ утра начинаютъ кричать по всѣмъ улицамъ продавцы и разносчики разныхъ вещей, иной сидитъ съ двумя десятками фигъ, а кричитъ что есть силъ на всю Палерму, и такихъ крикуновъ не сочтешь; все живетъ на улицѣ, въ домѣ жарко и нѣтъ удобства, а на улицѣ мѣста много; я нигдѣ не видалъ столько ребятъ, какъ въ Палермѣ, и каждый кричитъ во все горло и самъ не знаетъ что и зачѣмъ кричитъ, умолку нѣтъ до одиннадцатаго часу вечера, развѣ когда дождь пойдетъ, тогда потише. Впрочемъ славный проспектъ Толедо, но только двумъ каретамъ можно разъѣхаться: народу гибель, точно въ толкучемъ ряду,—карманъ только держи. Бѣлье виситъ и сушится почти изъ всякаго окна и поперекъ улицы. Чудо какъ хорошо! Если хочешь разсѣяться, такъ кофейныхъ много,—тамъ всякая всячина и преинтересная компанія; но я имѣю всѣ удобства дома и счастливъ, что живу въ Hôtel de la Fortuna..... Въ полномъ увѣреніи на вашу дружбу, остаюсь вашъ покорнѣйшій М. Воробьевъ [2]).

107.

С. И. Гальбергъ—А. П. Брюллову.

1-го марта (н. с.) 1828 г. Римъ.

Любезнѣйшій Александръ Павловичъ! Письмо твое пришло въ то самое время, какъ я лишь только воротился изъ Анконы, куда ѣздилъ, чтобъ лѣпить бюстъ графа Капо д'Истрія; послѣ того были у меня разныя хлопоты и неудовольствія; потомъ къ недосугамъ прибавилась еще смертельная тоска; теперь же тоска моя возросла до non plus ultra, а дѣла мои идутъ какъ хуже быть нельзя—до писанья ли тутъ? При всемъ томъ хандра моя, помѣшавъ тебѣ отвѣчать немедленно, не помѣшала исполнить твоего препорученія въ разсужденіи прежнихъ

---

[1]) Говорится о дачѣ Брюлловыхъ въ г. Павловскѣ.

[2]) При письмѣ приложенъ рисунокъ перомъ (Palermo—Monte Piligrino), писанный С. М. Воробьевымъ.

твоихъ корреспондентовъ. Но что съ ними дѣлать? Карлъ самъ тебѣ писалъ; получилъ ли ты его письмо? письмо его болѣе мѣсяца лежало, дожидая конверта и какой-то приписки. Я непрестанно твержу ему, чтобъ онъ писалъ, и насилу могъ вырвать обѣщаніе, что онъ напишетъ къ П. А. Кикину частное письмо; но это обѣщаніе мѣсяца полтора, какъ только повторяется и не перестаетъ быть обѣщаніемъ. Когда я ему говорю: «ты, Карлуша, дошутишь съ обществомъ наконецъ до того, что у тебя пенсію отнимутъ», онъ мнѣ отвѣчаетъ: «этого-то я и хочу, до этого-то я добиваюсь, ибо».... тутъ слѣдуютъ резоны и доказательства, и ты самъ знаешь, что онъ никогда виноватъ не бываетъ. Однакожъ, надобно сказать, что и Общество на него напраслину взводитъ: картину для государя: «Дѣвушка снимаетъ виноградъ» онъ послалъ отсюда еще въ августѣ мѣсяцѣ черезъ наше здѣшнее посольство и вскорѣ затѣмъ послалъ и донесеніе. Я тогда же ему говорилъ, чтобъ онъ начиналъ тотчасъ собираться къ новому донесенію, ибо сборы его обыкновенно продолжаются мѣсяца по два и болѣе; онъ тогда же и сулилъ и теперь все сулитъ. Между тѣмъ въ недавнемъ времени получилъ онъ изъ Питера жалобу, что картина его еще не получена. Онъ же чѣмъ тутъ виноватъ? Онъ долженъ бы отвѣчать и онъ каждый день говоритъ: вотъ сегодня вечеромъ начну писать. Впрочемъ, его увѣрили, что пенсія ему продолжается еще на годъ. Кажется, я о немъ довольно написалъ. Прибавлю еще, что копія «Аѳинской школы» скоро будетъ кончена.

Изъ пробки, которая служила на чернильницѣ, можно иногда хоть капли двѣ чернилъ выжать, а изъ товарища твоего, котораго ты величаешь пробочнымъ, и того не добудешь. Двумя моими письмами я не выжалъ изъ него ни одной капли чернилъ, да и нужды нѣтъ, Панглосъ [1]) говоритъ, что все на свѣтѣ къ лучшему; вѣрю что, по крайней мѣрѣ это къ лучшему. Все-таки поздравь его отъ меня и отъ всѣхъ насъ. У насъ у самихъ здѣсь въ Римѣ радостей цѣлая гора: иначе я, можетъ быть, еще и сегодня не сладилъ бы побѣдить мою хандру и написать къ тебѣ. Читай же. Архитектору Константину Андреевичу Тону быть придворнымъ архитекторомъ съ теперешнимъ его содержаніемъ и сверхъ того выдать ему для напечатанія сочиненія его о дворцѣ Цесарей единовременно 1000 піастровъ. Славно! Онъ пристроенъ на всю жизнь. Брунію [2]) назначается пенсіонъ въ уравненіе съ прочими на 5 лѣтъ. Гофману [3]) продолжается еще пенсіонъ на два года. Габерцеттелю [4])—онъ, бѣдняга, не очень доволенъ—продолжается пенсіонъ

---

[1]) Герой повѣсти Вольтера: „Candide ou l'optimisme".

[2]) Ѳ. А. Бруни.

[3]) Иванъ Ивановичъ Гофманъ (р. 1805, ум. въ 1860-хъ годахъ),—впослѣдствіи академикъ живописи.

[4]) Іосифъ Ивановичъ Габерцеттель (1791†1853),—историческій живописецъ.

еще на одинъ годъ. Гагину[1])—онъ находитъ, что никогда и никому такой обиды не дѣлали, какъ ему теперь, и, при томъ, вовсе безъ вины—продолжить пенсіонъ на два года съ тѣмъ, чтобъ за это онъ кончилъ копію съ Рафаэля, и выдать единовременно 200 піастровъ. Видишь, сколько у насъ радостей и потчиваній!

Аддіо! Пиши, а еще лучше: пріѣзжай, коли можно, прежде нежели начнутся всѣ эти потчиванія, тогда вмѣстѣ попируемъ и пошумимъ. Аддіо! Робертъ Антоновичъ Винсперъ тебѣ кланяется. Онъ къ тебѣ писалъ и послѣ того получилъ еще послѣднее твое письмо, на которое также будетъ отвѣчать въ свое время.

Прости за безтолковщину и знай, что, какъ это письмо ни показалось бы тебѣ гадкимъ, все оно еще въ тысячу разъ пригожѣе моихъ обстоятельствъ. Самуилъ Гальбергъ.

108.

С. И. Гальбергъ—А. П. Брюллову.

15-го—17-го іюня (н. с.) 1828 г. Римъ.

Хорошъ же, братъ, и ты, Шашинька Павловичъ! И ты еще жалуешься на корреспондентовъ! И ты же еще выдумываешь перемѣнить контору корреспонденціи! Да тебѣ ли? Кстати ли и исправнымъ-то быть съ тобою? Но, можетъ быть, въ то же время ты мнѣ пеняешь? Можетъ быть, ни ты, ни твой какъ ты называешь пробочный товарищъ не получали моихъ писемъ. Почему знать? Можетъ быть, у васъ въ Парижѣ такое же негодяющее посольство, какъ въ Неаполѣ, и не заботится о пріемѣ и доставленіи писемъ.

На письмо твое можно бы написать цѣлый томъ въ отвѣтъ; но обо всемъ подобномъ—матеріи курчавой—мы лучше сладимъ, поговоривъ изустно: братъ твой К. П. сомнѣвается, что, можетъ быть, ты уже на дорогѣ въ Питеръ, а я отправлюсь туда мѣсяца черезъ два или около. Увидимся, насмотримся, наговоримся и наспоримся. Сообщаю тебѣ выписку изъ выписки изъ депеши графа Нессельроде[2]) къ князю Г. И. Гагарину, чтобы ты видѣлъ, зачѣмъ ѣду или ѣдемъ: «Изъ отношенія моего отъ 7-го января извѣстно вашему сіятельству, что государь императоръ повелѣлъ мнѣ снестись съ министромъ императорскаго двора о томъ, какія именно работы должны быть назначены скульптору Гальбергу и Орлов-

[1]) Августъ Гагенъ—пейзажистъ.

[2]) Графъ Карлъ Васильевичъ Нессельроде (1780†1862),—въ то время вице-канцлеръ,—министръ иностранныхъ дѣлъ.

скому [1]). Нынѣ кн. П. М. Волконскій увѣдомилъ меня, что по докладу его о семъ Высочайше повелѣно: скульпторовъ Гальберга и Орловскаго вызвать въ С.-Петербургъ для сочиненія проектовъ статуямъ фельдмаршаловъ князей Кутузова и Барклая де Толли, доставя имъ на путевыя издержки по 150 червонныхъ; по пріѣздѣ же ихъ сюда производить имъ жалованья по три тысячи рублей въ годъ каждому изъ Кабинета..., прошу, снабдивъ ихъ паспортами, приказать имъ, чтобы они немедленно отправились въ Россію и по пріѣздѣ сюда явились къ президенту А. Н. Оленину». Каково? Не худо?! ась? А все же таки не мимо хищныхъ не медальерныхъ ручекъ президента. И вотъ, я теперь спѣшу, гоню, тороплюсь кончить свои работы, которыхъ, какъ на смѣхъ, теперь-то именно ко мнѣ и перепало, да такъ, что даже отказываться долженъ. Экой срамъ! Я ѣздилъ въ Анкону, чтобы сдѣлать тамъ бюстъ гр. Капо-д'Истрія: едва-едва только успѣлъ его застать на одинъ день, и то благодаря противному вѣтру и однако жъ бюстъ мой находятъ довольно схожимъ и мнѣ приходится повторить и потретить его на мраморѣ. Такимъ образомъ, я надѣюсь, что прежде отъѣзда буду въ состояніи поступить съ должными мною тебѣ 40 скудами та̀къ, ка́къ тебѣ будетъ угодно: оставить ли ихъ у брата Карла? сдѣлать ли на нихъ для тебя какія покупки, какъ ты нѣкогда говорилъ? Или привезти въ Питеръ? Видишь, что мои обстоятельства очень и очень поправились, а за все это я обязанъ благодарить великаго экземплярнаго мужа Р. А. Винспера— à propos: знаешь ли, что онъ сдѣланъ генералъ-майоромъ? Что я почти цѣлый годъ жилъ здѣсь у него въ домѣ? что онъ уѣхалъ въ Неаполь? Безъ него, вѣрно, наши князья Г. И. Гагаринъ и Горчаковъ [2]) вѣрно не позаботились бы обо мнѣ, хотя они и рѣдкой доброты люди. Однако жъ о монументахъ не подумай слишкомъ высоко. Дѣло такъ: Лауницъ [3]) послалъ со своихъ статуй рисунки; государю они не понравились, и онъ приказалъ, чтобъ всѣ скульпторы сдѣлали эскизъ для конкурса. Итакъ мы ѣдемъ только на конкурсъ, на состязаніе.

Ты сдѣлаешь мнѣ великое одолженіе, если увѣришь гр. Елизавету Григорьевну, что рисунокъ мой совсѣмъ не стоитъ того, чтобы его ждать да еще и съ нетерпѣніемъ, я его сдѣлаю и пошлю или самъ привезу, только чтобъ его не ожидали.

Аддіо, Шаша! Будь счастливъ! Написалъ бы и поболѣе, и, можетъ

---

[1]) Борисъ Ивановичъ Орловскій (1794†1838),—въ то время пенсіонеръ Академіи художествъ, работалъ въ Римѣ подъ руководствомъ Торвальдсена; впослѣдствіи профессоръ ваянія.

[2]) Князь Алексанлръ Михайловичъ Горчаковъ (1799†1883),—въ то время камеръ-юнкеръ и 1-й секретарь нашего посольства въ Римѣ; впослѣдствіи канцлеръ.

[3]) См. о немъ прим. къ письму № 1.

быть, получше, но, ей, ей! я не совсѣмъ въ порядкѣ. Несмотря на то, я всегда и весь твой Самуилъ Гальбергъ.

109.

С. И. Гальбергъ—А. П. Брюллову.

23-го сентября (н. с.) 1828 г. Римъ.

Радуюсь твоему веселью, любезнѣйшій Шашинька Павловичъ, и завидую тебѣ. Недавно брудеръ Карлъ читалъ намъ послѣднее письмо твое: ты погуливаешь со своимъ фатеромъ. Славно! Славно! Ахъ, какъ бы я желалъ, чтобъ и меня — у меня нѣтъ отца—пріѣхала хоть сестра навѣстить. Но никто ни съ мѣста, и я самъ долженъ ѣхать къ нимъ. Такъ, Шашинька, недѣли черезъ двѣ, наконецъ, я отправлюсь отсюда, и слѣдовательно въ Русь святую брякну прямо на новый снѣгъ. Ты поздравляешь меня со счастьемъ. Спасибо. Въ самомъ дѣлѣ, чего бы, кажется, лучше? Я такъ давно и такъ горячо желалъ повидать свою родину, своихъ родныхъ, матушку-академію; теперь я ѣду, и не просто: ѣду на пенсію или жалованіе, которое мнѣ положено изъ Кабинета по 3.000 рублей въ годъ. Это почти можетъ назваться: занять теплый уголъ, лежанку во дворцѣ капризной дамы Фортуны; почти нельзя желать лучше въ нашемъ быту, а все-таки... Но какимъ образомъ угодить человѣку? Гдѣ край его желаніямъ? Теперь мнѣ почти досадно, что долженъ ѣхать. Мои обстоятельства начали было такъ хорошо поправляться, и я надѣялся, что съ бюстомъ гр. Капо-д'Истрія они пошли бы еще впередъ; въ заключеніе же, два или три дня спустя послѣ того, какъ мнѣ присланъ былъ приказъ ѣхать немедленно, получилъ я отъ Аракчеева [1]) утвержденіе проекта той работы, которую долженъ для него дѣлать, и вмѣстѣ съ тѣмъ и вексель на задатокъ; теперь опасаюсь, чтобы онъ не отдумалъ; по крайней мѣрѣ онъ можетъ имѣть на то основательныя причины, а это походило бы нѣсколько на бѣду, ибо работа это такая, что одинъ задатокъ составляетъ 800 червонныхъ.

Всего же скучнѣе сборы въ дорогу: 10 лѣтъ прожилъ я въ Римѣ, уже началъ покрываться мохомъ и плѣсенью, и вдругъ надобно расшевелиться, растолкаться. Книги, бумаги, стеки—все кругомъ меня разбросано; смотрю направо, налѣво, и не знаю, за что приняться. Пришлось раскачать свою лѣность. Хотѣлъ бы ужъ быть въ дорогѣ, ужъ быть на мѣстѣ.

А ты, Шаша, когда ты явишься на берега Невы? Съ береговъ ея, можетъ быть, напишу тебѣ сколько-нибудь потолковѣе, а на этотъ разъ

[1]) Графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ (1769†1834).

прошу не погнѣвиться. Если будешь имѣть какія-либо коммиссіи въ Питерѣ, то вспомни, что, возложивъ на меня ихъ исполненіе, можешь доставить мнѣ удовольствіе. Еще не знаю, гдѣ буду жить, а потому письма можешь покуда адресовать на имя зятя моего Александра Христофоровича Востокова [1]) въ Императорскую публичную библіотеку: онъ мнѣ доставитъ. Аддіо! Все семейство русскихъ пенсіонеровъ и экспенсіонеровъ тебѣ усердно кланяется. К. Тонъ ѣдетъ вмѣстѣ со мною, Бруни обѣщаетъ писать; а брудеръ Карлъ думаетъ, что тебѣ было бы очень ладно ѣхать въ Питеръ скорѣе. Я ему отдалъ наши 40 скудъ и очень благодарю тебя. Онъ, сердечный, почти нуждался въ деньгахъ. Аддіо, будь счастливъ. До свиданія въ Питерѣ или до писанія изъ Питера. Аддіо. Самуилъ Гальбергъ.

110.

С. И. Гальбергъ—К. П. Брюллову.

11-го (23-го) февраля 1829 г., С.-Петербургъ.

Любезный Карлушинька Павловичъ! Многое, очень многое хотѣлъ было я тебѣ написать, но не придумаю, съ чего начать. Кажется, что съ тѣхъ поръ, какъ я пріѣхалъ въ Питеръ,—тому уже около полутора мѣсяца—я еще болѣе одурѣлъ, отупѣлъ, сталъ вовсе неспособнымъ о чемъ-либо или что-либо думать. Ну же! попытаемъ!.. Г-жа Корсакова [2]), та самая дама, что была въ Римѣ и съ дочери которой я дѣлалъ бюстъ, препоручила мнѣ спросить у тебя: сколько бы ты взялъ написать для нея картину подобную твоимъ «Утру» и «Полдню» и въ такую же величину, а чтобъ представляла вечеръ. Вѣдь ужъ на это ты будешь отвѣчать? Думаю, что ты можешь за это взяться и даже употребить въ дѣло свой готовый эскизикъ. Отвѣчай же, пожалуйста. Да отвѣчай, пиши также и Обществу; за твое малописаніе на тебя немало иные ропщутъ. Не худо было бы, когда бы ты прислалъ также поскорѣе свою копію «Аѳинской школы»: всѣ о ней спрашиваютъ, всѣ желаютъ ее видѣть; да кабы къ этому еще что-нибудь собственнаго. Пишешь ли ты картину? Ради Бога, Карлушинька, не мѣшкай и не откладывай. Государь такъ готовъ всѣмъ художникамъ и ученымъ помогать, какъ болѣе желать не можно:

---

[1]) Александръ Христофоровичъ Востоковъ (1781†1864),—извѣстный филологъ; въ то время—надворн. совѣтникъ, хранитель манускриптовъ въ Публичной библіотекѣ. Онъ былъ женатъ на сестрѣ С. И. Гальбергъ—Аннѣ Ивановнѣ.

[2]) Авдотья Ивановна Корсакова. (См. „С. И. Гальбергъ въ его заграничныхъ письмахъ и запискахъ". Прилож. ко 2 т. „Вѣстн. изящн. искусствъ". С.-Пб. 1884 г. стр. 155).

мое несчастье то, что со мною нѣтъ никакихъ работъ, и при всемъ томъ онъ мнѣ велѣлъ чрезъ кн. Волконскаго заняться проектомъ статуи покойнаго императора, изъ чего, впрочемъ, я увѣренъ, не будетъ никакого толку, а потому и не слишкомъ хлопочу. Да и до сихъ поръ не сыскалъ еще мѣста работать. Здѣсь все такъ идетъ: всѣ и вездѣ торопятся сломя шею, погоняютъ другъ друга во всю мочь, а никто ни съ мѣста. Такъ и со мною: еще до сихъ поръ не знаю, что̀ со мной хотятъ дѣлать, и уже начинаю терять надежду, чтобы возвратиться въ Италію прежде двухъ лѣтъ и болѣе. Vater твой, любезный Карлинька, до слезъ радовался, когда я ему о тебѣ говорилъ. «Ich dummer Vater!»—отвѣчалъ онъ, ударивъ себя нѣсколько разъ ладонью по лбу; «ich dummer, мнѣ бы должно было расположиться такъ, чтобы зиму провести въ Италіи, тогда наглядѣлся бы на Карла; но я ужъ поздно догадался, что лѣтомъ не могу въ Италію ѣздить». Братъ твой такъ же прилежно и похвально трудится и работаетъ, какъ онъ и всегда работалъ. По его совѣту ты хорошо бы сдѣлалъ, когда бы постарался остаться въ Римѣ еще подолѣе. Впрочемъ, ты переговоришь съ Василіемъ Алексѣевичемъ Перовскимъ лично; онъ тебѣ разскажетъ объ Обществѣ и проч., и ты увидишь, что ни генеральскій чинъ, ни лента со звѣздой, ни даже рана въ груди на-вылетъ [1]) не перемѣнили его нисколько: онъ остался точно такой же рѣдко-добрый человѣкъ. Вмѣсто царскаго эскиза я началъ съ него бюстъ, да плохо идетъ. Аддіо! Карлуша мой, вспоминай иногда обо мнѣ, какъ я о тебѣ вспоминаю. Теперь некогда: спѣшу. На досугѣ напишу вамъ всѣмъ поболѣе. Остаюсь всегда твой Самуилъ Гальбергъ.

P. S. На запискѣ къ Брунію я написалъ кое-какія новости: ты увидишь, что мы имѣемъ и вице-президента и оберъ-призидента. Кажется, это все попытки, чтобъ спихнуть Оленина.

111.

А. М. Горностаевъ [2])—А. П. Брюллову.

28-го декабря 1834 г., Римъ.

Милостивый государь Александръ Павловичъ! Честь имѣю поздравить васъ и супругу вашу съ новымъ годомъ.

. . . Братца вашего (Карла Павловича) я нашелъ въ Булоніи, гдѣ ему такъ нравится, что онъ, кажется, намѣренъ тамъ и поселиться. И

[1]) Василій Алексѣевичъ Перовскій былъ сильно раненъ въ сраженіи подъ Варной; по окончаніи же войны произведенъ былъ въ генералъ-маіорскій чинъ.

[2]) Алексѣй Максимовичъ Горностаевъ (1804†1862),—впослѣдствіи профессоръ архитектуры; ученикъ А. П. Брюллова.

*

въ самомъ дѣлѣ, мѣсто, гдѣ онъ думаетъ построить дачу въ аѳинскомъ духѣ, прелестно, виды очаровательны. Онъ былъ столь добръ, что водилъ меня туда и во время прогулки много разспрашивалъ о всѣхъ своихъ родныхъ. Какъ онъ радъ былъ получить ваше и Ѳедора Павловича письма и скучалъ, что это удовольствіе имѣетъ столь рѣдко. Узнавши, что картина его была освѣщена съ правой стороны, очень жалѣлъ, что не освѣтили съ лѣвой стороны, съ которой она была и писана. Онъ мнѣ сообщилъ свою гигантскую мысль—представить въ картинѣ то время, когда варвары разграбляютъ Римъ [1]). Съ какимъ наслажденіемъ провелъ я время, слушая его истинно поэтическіе разговоры. Карлъ Павловичъ недѣли полторы, какъ пріѣхалъ сюда, думая на короткое время, но, кажется, пробудетъ болѣе, нежели полагалъ. Теперь онъ занимается здѣсь большимъ акварельнымъ портретомъ Потоцкой. Кипренскій тоже въ Римѣ и черезъ нѣсколько времени собирается, какъ слышно, въ Россію.—Нынѣшнимъ лѣтомъ имѣю намѣреніе ѣхать въ Тиволи и заняться реставраціей какой-нибудь части виллы Адріаны, боюсь, не будетъ ли это предпріятіе свыше моихъ силъ, а мнѣ бы желалось представить что-нибудь позначительнѣе къ вашей академической выставкѣ. Теперь пока неудобно рисовать на воздухѣ, хожу въ Ватиканъ и дѣлаю рисунки античныхъ деталей; началъ внутренность базилики S.-Maria Maggiore. Наставьте вашего ученика вашими совѣтами... Вашъ покорнѣйшій слуга Алексѣй Горностаевъ.

112.

Н. И. Гречъ [2])—А. П. Брюллову.

(1831 г.).

Сдѣлайте одолженіе, почтеннѣйшій Александръ Павловичъ, сообщите мнѣ размѣры вашего прелестнаго театра [3]): длину или глубину сцены, ширину ея вообще, ширину ея между арками; число креселъ, мѣстъ за креслами и скамей; число ложъ 1-го, 2-го и 3-го ярусовъ. Когда начатъ строеніемъ? — Очень одолжите. Вашъ всепокорнѣйшій Н. Гречъ.

---

[1]) Очевидно, говорится о проектѣ картины „Нашествіе на Римъ Гензериха", эскизъ для которой былъ сдѣланъ Карломъ Павловичемъ лишь въ 1836 году.

[2]) Николай Ивановичъ Гречъ (1787†1867),—извѣстный литераторъ.

[3]) Говорится о Михайловскомъ театрѣ.

113.

А. Ф. фонъ-Гумбольдтъ [1]—А. П. Брюллову.

25-го марта 1838 г., Берлинъ.

Милостивый государь! Великому и прекрасному таланту всегда свойственна снисходительность; поэтому я съ полной увѣренностью позволяю себѣ разсчитывать на вашу снисходительность какъ ко мнѣ лично, такъ и къ выдающемуся художнику, ученику извѣстнаго скульптора Давида [2], котораго я беру смѣлость рекомендовать вашему вниманію отъ своего имени и отъ имени своихъ друзей Рауха и Шинкеля [3]. Молодой Штрейхенбергъ (котораго я рекомендую)—уроженецъ Берлина, съ большимъ успѣхомъ помимо скульптуры, отдавался занятіемъ архитектурной орнаментикой, занимался также исполненіемъ капителей, фризовъ и разнаго рода рѣзными работами; онъ также удачно выполняетъ тонкія работы изъ слоновой кости. Этотъ молодой человѣкъ, обладая такими разнообразными способностями, надѣленъ также и прекраснымъ мягкимъ характеромъ и, я думаю, вполнѣ пригоденъ, чтобы найти какое-либо занятіе въ странѣ, гдѣ милости императора такъ щедро вознаграждаютъ потери, причиняемыя общественными бѣдствіями. Я былъ бы вамъ безконечно признателенъ, если бы вы были столь любезны помочь и Штрейхенбергу вашими совѣтами и покровительствомъ. Примите, милостивый государь, увѣреніе въ моемъ глубокомъ уваженіи, съ какимъ имѣю честь быть вашимъ покорнымъ слугою баронъ Гумбольдтъ [4].

114.

А. Н. Демидовъ—К. П. Брюллову.

18-го января 1833 г., Парижъ.

Любезный Брюлловъ! Письмо ваше отъ 4-го января я имѣлъ удовольствіе получить и сердечно благодарю васъ за оное, тѣмъ болѣе, что этого удовольствія не всегда отъ васъ имѣть можно, ибо вы на переписку какъ-то довольно скупы. Теперь я очень ясно вижу изъ содержанія

---

[1] Александръ-Фридрихъ-фонъ-Гумбольдтъ (1769†1859),—знаменитый натуралистъ.

[2] Пьеръ-Жанъ-Давидъ (1788†1856),—одинъ изъ лучшихъ французскихъ скульпторовъ нынѣшняго столѣтія.

[3] См. о нихъ прим. къ письму № 4.

[4] Подлинникъ письма писанъ на французскомъ языкѣ.

письма сего, въ какомъ положеніи находятся заказанные мною картины и портретъ, и что медленность по неокончанію оныхъ произошла отъ поѣздки вашей въ Болонью и Венецію. Вы говорите, что, по возвращеніи вашемъ въ Римъ, картину Помпеи, сравнивая съ знаменитыми произведеніями венеціанъ, нашли только подготовленною, почему принуждены были, занявшись оною, сдѣлать много перемѣнъ и, судя по рисунку, въ письмѣ начерченному, мнѣ кажется такъ же, какъ и вамъ, что сюжетъ оной произведетъ гораздо сильнѣйшее впечатлѣніе на зрителей, чрезъ сдѣланіе таковыхъ перемѣнъ, подходящихъ ближе къ подлинности происшествія, и чрезъ то удвоитъ цѣну талантовъ вашихъ. Ежели картина сія въ самомъ дѣлѣ приведется къ окончанію въ концѣ сего мѣсяца, то я совершенно остаюсь увѣреннымъ, что вы также не замедлите окончить и портретъ мой въ продолженіе назначаемаго вами трехнедѣльнаго времени; когда же та и другая работа будутъ порѣшены наготово, прошу васъ немедленно о томъ мнѣ сообщить для того, чтобы я могъ распорядиться назначить мѣсто, куда отправить тѣ картины.—Мнѣ очень интересно слышать, что совѣтъ мой, касательно осмотрѣнія Венеціи и Болоньи, сдѣлалъ вамъ не токмо пріятное удовольствіе, но и принесъ много неимовѣрной пользы по вашимъ занятіямъ. Я думаю, что еслибъ вы побывали здѣсь, въ Парижѣ, то также нашли бы много предметовъ, послужившихъ къ вашему замѣчанію съ неменьшею пользою и, право, буде бы, послушавъ меня, пріѣхали сюда, раскаиваться въ томъ не стали. За симъ, свидѣтельствуя вамъ мое почтеніе и поздравляя съ Новымъ годомъ, имѣю удовольствіе быть вамъ покорнымъ слугою. А. Демидовъ.

115.

А. Н. Демидовъ—К. П. Брюллову.

12-го (24-го) сентября 1824 г. С.-Петербургъ.

Любезный мой Брюлловъ! Зная, сколь лестно и пріятно слышать всякому о себѣ насчетъ похвалъ въ честь воздаваемыхъ, а потому основываясь на ономъ, я не могу умолчать, чтобъ не сказать вамъ объ отзывахъ, здѣсь бывшихъ, о вашей картинѣ: «Послѣдній день Помпеи». Она, по доставкѣ сюда, стараніемъ моимъ была выставлена въ Эрмитажѣ. Въ началѣ удостоилась лучшаго одобренія государя императора, потомъ отличныхъ особъ, художниковъ и любителей изящнаго и, наконецъ, самой публики здѣшней столицы. О ней судили безпристрастно и не такъ, какъ въ Парижѣ: весь сюжетъ разбирали и соображали съ настоящаго истиннаго того времени, когда случилось несчастное происшествіе паденія Помпеи, и найдено единогласно всѣми знатоками, что картина сія неподражаема, сдѣлана съ необыкновеннымъ стараніемъ и

приноровлена къ подлинному происшествію столь близко, что потрафить лучше невозможно, а посему всѣ умы здѣшнихъ жителей въ продолженіе полутора мѣсяца были заняты однимъ только сужденіемъ о ней, и талантъ вашъ превознесенъ до невѣроятія.—Достославную сію картину я всеподданнѣйше поднесъ государю императору и удостоился благосклоннаго принятія. Его величество соизволилъ повелѣть столь рѣдкій и примѣрный оригиналъ русскаго художника поставить въ Академію художествъ, гдѣ теперь и устраивается для нея особливая зала. Жаль одного, что васъ здѣсь не было самихъ, когда всѣ восхищались зрѣлищемъ произведенія и необыкновеннаго генія вашего. Вы увидѣли бы, что значитъ чувство русскихъ къ своему единоземцу; безъ сомнѣнія, васъ бы это порадовало и придало болѣе желанія къ порывамъ на будущія предпріятія по искусству столь уважаемому. Совѣтую вамъ, не опасаясь ничего, когда вы кончите казенную работу, не терять случая сюда пріѣхать; вы чрезъ свой пріѣздъ выиграете много и удержаны здѣсь не будете. Я разговаривалъ о семъ съ княземъ Петромъ Михайловичемъ (Волконскимъ) и президентомъ императорской академіи (художествъ) Алексѣемъ Николаевичемъ Оленинымъ, имѣющимъ къ вамъ особое расположеніе; они меня завѣрили, что васъ здѣсь не оставятъ, и вы приметесь отлично, удостоитесь даже имѣть благоволеніе самого монарха. Я надѣюсь въ скоромъ времени имѣть удовольствіе поздравить васъ съ наименованіемъ профессора. Думаю, что это будетъ для васъ пріятно, и безъ лести скажу, что вы истинно сего заслуживаете.

Не мое дѣло разбирать слабости кого бы то ни было, но, любя васъ по безцеремонному со мною обращенію, я не могу умолчать предъ вами, что братецъ вашъ [1]) ни мало не сходствуетъ характеромъ съ вами; онъ какъ-то чуждъ меня, и хотя я старался сблизить наше съ нимъ знакомство, но, къ сожалѣнію, не имѣлъ въ томъ успѣха. Мнѣ кажется, что онъ, гордясь своимъ маленькимъ геніемъ, не желаетъ ни съ кѣмъ быть въ короткихъ связяхъ. Простительно нѣкоторымъ образомъ мечтать о себѣ предъ людьми, мало заслуживающими уваженія, но со мною не должно бы было находиться въ такомъ отношеніи! Извините, что я о немъ говорю такъ откровенно. Это истинно происходитъ отъ добраго къ вамъ расположенія и отъ прискорбія видѣть двухъ братьевъ столь различнаго нрава и характера. — Желая вамъ всѣхъ благъ и счастія и свидѣтельствуя мой поклонъ, имѣю удовольствіе быть вамъ покорнымъ слугою Анатолій Демидовъ.

---

[1]) Говорится объ Александрѣ Павловичѣ Брюлловѣ.

116.

А. Н. Демидовъ—К. П. Брюллову.

18-го (30-го) сентября 1834 г. С.-Петербургъ.

Милостивый государь, Карлъ Павловичъ! Его высопревосходительство, г. президентъ императорской академіи художествъ Алексѣй Николаевичъ Оленинъ, бывъ извѣщенъ отношеніемъ г-на министра двора, его свѣтлости князя Петра Михайловича Волконскаго, въ копіи у сего прилагаемымъ о всемилостивѣйшемъ пожалованіи вамъ бриллiантоваго перстня съ вензелемъ его величества, въ знакъ монаршаго благоволенія за написанную картину: «Послѣдній день Помпеи» и получивъ его изъ Кабинета, препроводилъ ко мнѣ при письмѣ отъ 13-го сентября за № 132-мъ, здѣсь же оригиналомъ прилагаемымъ для доставленія онаго къ вамъ.

Вслѣдствіе чего, поспѣшая о семъ васъ увѣдомить и препровождая вмѣстѣ съ онымъ на ваше имя письмо г. Оленина, я поставляю за особенную себѣ пріятность искреннѣйше васъ поздравить съ сею примѣрною милостію. Это истинно есть особый и единственный знакъ монаршаго къ вамъ благоволенія, каковаго до сего времени никто изъ художниковъ не удостоивался имѣть, и вы есть первый счастливецъ столь важнаго и знаменитаго вознагражденія.

Драгоцѣнный сей перстень я посылаю отсюда съ отправляющимся въ скоромъ времени во Флоренцію г. Григорьемъ Ѳеодоровичемъ Орловымъ [1]), онъ доставитъ его къ вамъ чрезъ римское посольство, къ которому я причисленъ на службу по высочайшей волѣ. Съ почтеніемъ имѣю честь быть, милостивый государь, вамъ покорнымъ слугою Анатолій Демидовъ.

117.

А. Н. Демидовъ—К. П. Брюллову [2]).

4-го мая 1844 г. Флоренція.

Вы, безъ сомнѣнія, помните, что около десяти лѣтъ тому назадъ, во время пребыванія моего въ Италіи, вы начали рисовать мой портретъ, на которомъ я былъ изображенъ верхомъ, въ боярскомъ костюмѣ; мой отъѣздъ (за которымъ вскорѣ послѣдовалъ и вашъ) не далъ возможно-

---

[1]) Въ то время—генералъ-маіоръ.
[2]) Подлинникъ писанъ на французскомъ языкѣ.

сти его докончить. Узнавъ, что этотъ эскизъ находится въ числѣ вещей, переданныхъ вами, при своемъ отъѣздѣ изъ Рима, на храненіе А. Иванову, я недавно писалъ ему и просилъ переслать мнѣ этотъ эскизъ во Флоренцію, но онъ мнѣ отвѣтилъ, что можетъ передать его мнѣ только съ вашего позволенія. Въ виду этого я прошу васъ, дорогой Брюлловъ, будьте любезны дать ему возможно скорѣе это разрѣшеніе потому, что этотъ эскизъ, въ томъ положеніи, въ какомъ онъ находится въ настоящее время, можетъ представлять интересъ только для меня. Пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобъ заранѣе выразить вамъ мою благодарность и вмѣстѣ съ тѣмъ еще разъ просить васъ принять увѣреніе въ моемъ искреннемъ расположеніи къ вамъ. Демидовъ.

118.

А. Н. Демидовъ—К. П. Брюллову [1]).

16-го августа 1850 г. San Donato.

Дорогой Брюлловъ! Я узналъ о вашемъ пріѣздѣ въ Римъ, и, будучи въ такомъ сравнительно близкомъ сосѣдствѣ, что, кажется, мнѣ стоитъ только протянуть свою руку, чтобъ встрѣтить вашу, — я хотѣлъ бы однимъ изъ первыхъ привѣтствовать васъ, какъ с т а р а г о д р у г а. Это право, право называться с т а р ы м ъ другомъ, вполнѣ законно: вспомните только то время, когда 22 года тому назадъ вы стяжали себѣ извѣстность въ мірѣ художниковъ «Послѣднимъ днемъ Помпеи»—картиной, которая тогда была одной изъ моихъ радостей и въ то же время по сію пору — однимъ изъ больныхъ моихъ воспоминаній и угрызеній совѣсти [2])...

Я очень часто сожалѣлъ, мой дорогой Брюлловъ, что патріотизмъ мой (кстати сказать, настолько же мало вознагражденный, какъ и оцѣненный) внушилъ мнѣ мысль разстаться съ этимъ прекраснымъ произведеніемъ искусства, котораго не достаетъ для украшенія San Donato [3]). Не имѣя возможности ни вернуть прошлаго, ни требовать отъ васъ (новой) великой страницы въ исторіи, я хотѣлъ бы лишь воспользоваться вашимъ пребываніемъ здѣсь (т. е. въ Римѣ), чтобы попросить васъ объ одномъ одолженіи, которое меня весьма тронуло бы. Почти четверть вѣка прошло съ тѣхъ поръ, какъ вы сдѣлали съ меня одинъ набросокъ: какъ

---

[1]) Подлинникъ писанъ на французскомъ языкѣ.

[2]) Намекъ А. Н. Демидова на свои рѣзкія письма Брюллову и недовольства имъ по случаю невыполненія въ срокъ знаменитой картины.

[3]) Какъ извѣстно, А. Н. Демидовъ поднесъ «Послѣдній день Помпеи» государю, а государь пожаловалъ эту картину Академіи художествъ (въ настоящее время она—украшеніе Русскаго музея императора Александра III-го).

сейчасъ, вижу себя верхомъ въ лѣсномъ уголку въ сопровожденіи борзой собаки! Вы не можете себѣ представить, съ какимъ удовольствіемъ увидѣлъ бы я этотъ портретъ доконченнымъ, понятно, съ помощью вашихъ воспоминаній. Вѣдь никакое чудо не въ состояніи возвратить намъ хотя бы лишь на четверть часа признаковъ молодости, бывшихъ у насъ 22 года тому назадъ! Для такого рода чудесъ служитъ только память или живопись, которая тоже въ своемъ родѣ (можетъ служить) памятью о прошломъ. Итакъ, скажите мнѣ, мой милый Брюлловъ, согласны ли вы докончить этотъ набросокъ и дать мнѣ мой портретъ (въ моемъ далекомъ прошломъ), на которомъ я изображенъ въ національномъ костюмѣ; послѣдній, конечно, не измѣнился. Если бъ васъ посѣтило на то благое вдохновеніе, то я попросилъ бы васъ удержать его на мгновеніе, ибо я уже дѣлаю всѣ необходимыя приготовленія къ своему скорому отъѣзду на родину, а затѣмъ въ Сибирь. Было бы неразсудительно начинать другой портретъ, относящійся къ эпохѣ, бывшей 20 лѣтъ назадъ. И такъ, будьте любезны отвѣтить мнѣ, мой дорогой Брюлловъ, и примите увѣренія въ моей неизмѣнной вамъ преданности. А. Демидовъ.

119.

А. Н. Демидовъ—К. П. Брюллову.

8-го октября 1851 г. Санъ-Донато.

Милостивый государь, Карлъ Павловичъ! Получивъ на-дняхъ извѣстіе, что ваше здоровье позволяетъ вамъ наконецъ возвратиться въ Римъ и что вы имѣете намѣреніе заняться окончаніемъ моего портрета [1]) спѣшу просить васъ не оставить безъ исполненія этого намѣренія вашего: я наполненъ нетерпѣніемъ увидѣть окончательно это произведеніе ваше, которое, кажется, займетъ такое важное мѣсто въ ряду всего того, что вами сдѣлано. По полученіи отъ васъ этого портрета, онъ останется нѣсколько времени у меня въ Санъ-Донато, а потомъ я намѣренъ послать его на парижскую выставку, которая скоро откроется, а потомъ на постоянную вѣнскую, послѣ чего я предложу Іордану [2]) сдѣлать съ него большую гравюру. Мнѣ кажется, что ни съ одной изъ вашихъ картинъ не сдѣлано еще гравюръ: есть нѣсколько больше или меньше дурныхъ литографій—вотъ и все, а давно бы, кажется, пора было позаботиться о томъ, чтобъ ваши вещи были у всѣхъ въ рукахъ. Я буду считать себя очень счастливымъ, если мой примѣръ будетъ полезенъ и для дру-

[1]) См. письмо А. А. Иванова къ Моллеру отъ 20 окт. 1851 г. («А. А. Ивановъ. Его жизнь и переписка». Спб. 1880, стр. 381).

[2]) Ѳедоръ Ивановичъ Іорданъ (1800†1883),—извѣстный граверъ.

гихъ.—Почти 20 лѣтъ тому назадъ, въ Парижѣ была на выставкѣ ваша «Помпея», которую вы сдѣлали для меня во время перваго вашего путешествія въ Италію; мнѣ пріятно послать нынче, опять въ Парижъ, картину нынѣшней вашей манеры, тоже написанную для меня опять въ Италіи, только 20 почти лѣтъ спустя;—эта мысль мнѣ пріятна, потому что, помня тогдашнее всеобщее единогласное сужденіе, я могу съ особеннымъ только наслажденіемъ ожидать нынѣшняго приговора Европы, въ которомъ я заранѣе увѣренъ и который тѣмъ больше увеличиваетъ мое нетерпѣніе узнать картину эту оконченною.

Надѣюсь, что и послѣ работъ своихъ вы найдете свободную минуту, чтобы написать мнѣ нѣсколько словъ, и, прося васъ сказать мнѣ цѣну моего портрета, пользуюсь симъ случаемъ, чтобы возобновить вамъ увѣреніе глубочайшаго моего почтенія и совершенной преданности.

120.

В. Дьяконовъ—К. П. Брюллову.

22-го сентября 1848 г. Архангельскъ.

Милостивый государь Карлъ Павловичъ! много есть въ нашемъ русскомъ православномъ царствѣ благоговѣйно поклоняющихся изображеніямъ знаменитаго вашего генія. За великую славу почли бы и мы пріобрѣсть созданное вами произведеніе; но безъ знатности рода и богатства не знаемъ, что можно имѣть равноцѣннаго вашему искусству' чѣмъ достойно возблагодарить? Одно пламенное религіозное усердіе, равно доступное и бѣдному и богатому, поддерживаетъ надежду нашу на возможность исполненія завѣтнаго желанія. Не удивляйтесь, Карлъ Павловичъ, смѣлому предложенію плана, за исполненіе котораго, если цѣнить труды великаго художника, не довольно всего пожизненнаго содержанія нашего.

Ввѣренный мнѣ Архангельскій полубатальонъ военныхъ кантонистовъ подъ кровомъ Матери Божіей, Царицы небесной и заступницы, въ продолженіе гнѣва Божія, тяготѣющаго болѣе уже двухъ мѣсяцевъ надъ всѣми сословіями города Архангельска, избавленъ отъ кары даже и въ семействахъ чиновъ полубатальона, по милости Божіей и Ея ходатайству, не было смертности ни отъ какихъ болѣзней. Относя это событіе несомнѣнно къ чудесному предстательству Матери Божіей, призрѣвшей на молитву дѣтей, движимые единодушно пламеннымъ усердіемъ сердецъ, глубоко проникнутыхъ благодарностію, пожелали выразить эту смиренную нашу благодарность пріобрѣтеніемъ живописнаго образа Покрова Пресвятой Богородицы, съ изображеніемъ вокругъ него на

финифтѣ, на серебряной окладкѣ главныхъ событій изъ ея жизни, ветхозавѣтныхъ о Ней предсказаній и серебряную лампадку, оставя при полубатальонѣ на вѣчныя времена грядущимъ поколѣніямъ, юнымъ отраслямъ воиновъ, на память чудеснаго избавленія. Собранную на это великое богоугодное дѣло лепту и предполагаемый планъ смѣемъ передать вамъ на разсмотрѣніе и совершеніе. Увѣковѣчьте, милостивый государь, Карлъ Павловичъ, и въ нашихъ сердцахъ память и благодарность къ вамъ, какъ истинному благодѣтелю и главному виновнику исполненія нашего завѣтнаго религіознаго обѣта. Вы избранникъ свыше, указанный намъ Пресвятой и Пречистой Виновницей нашего избавленія, будьте священнымъ орудіемъ нашей духовной радости; почтите насъ безсмертнымъ трудомъ вашего творческаго генія. Если же многотрудныя занятія ваши не дозволятъ, то, хотя одного изъ даровитыхъ учениковъ вашихъ научите, Карлъ Павловичъ, какъ лучше расположить украшенія и по указанію устроить мѣсто. На планѣ вычерчена зала, въ которой она должна быть. За смѣлое предложеніе простите мнѣ, главному виновнику, и не передайте на пересуды свѣта моихъ чувствъ и довѣренности къ вамъ. Если же къ прискорбію моему не осуществится мысль моя, по крайней мѣрѣ, вы, Карлъ Павловичъ, удостойте приказаніемъ отвѣтить на мое письмо. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть вашъ, милостивый государь, покорнѣйшій слуга. Василій Дьяконовъ 2-й [1]).

121.

Н. Е. Ефимовъ [2])—К. П Брюллову.

30-го іюля 1831 г. Torre Annunziata.

Въ минуту возвращенія моего изъ Sorrento въ Torre Annunziata я имѣлъ удовольствіе получить отъ тебя донесеніе, достойное отмѣннаго человѣка и великаго художника. Читая въ ономъ подробное описаніе произведенныхъ тобою работъ и два начерченные тобою ландшафта, я не только понялъ все, но они (ландшафты) служили причиной, что я мысленно переселился на самыя мѣста. Я воображаю, какую привлекательность и интересъ должна представлять картина «Богородичнаго дуба!» да и мудрено ей не быть таковою: кому и гдѣ неизвѣстно уже, что воображеніе и кисть отмѣннаго Брюллова чужды холодной

[1]) Напечатано М. И. Желѣзновымъ въ его книгѣ «Неизданныя письма К. П. Брюллова», 1867, стр. 40—43.

[2]) Николай Ефимовичъ Ефимовъ (1799†1851),—профессоръ архитектуры въ Академіи художествъ.

живописи и безъинтересности... Благодарю тебя за наставленія, сдѣланныя мнѣ словесно о Cajo Gracclio въ Неаполѣ; я имъ хотя и слѣдовалъ, однакожъ, промучась двѣ недѣли болѣзнью и дѣлая частыя путешествія по окрестностямъ, я не произвелъ до сихъ поръ пока ничего, кромѣ плана, фасада и двухъ профилей дома поэта, присовокупивъ къ оному четыре внутренности комнаты съ ихъ живописью и нѣсколько орнаментовъ и два эскиза видовъ; первый—дома Atteona въ Помпеѣ и второй—храма Cererae въ Пестомѣ. A proposito: я не могъ прожить въ Пестомѣ долѣе четырехъ дней по причинѣ заразительнаго тамъ воздуха и отъ неспанья: четыре ночи комары, блохи, тараканы и прочіе звѣрки не давали мнѣ сомкнуть глазъ и закусали меня до такой степени, что я возвратился въ Torre распухшій и весь въ шишкахъ. Можетъ быть, я заѣду въ Пестомъ въ сентябрѣ еще, ибо желательно сдѣлать эскизъ и храма Nettuno, который въ натурѣ несравненно лучше, нежели въ рисункахъ. И такъ, для сего-то храма единственно я долженствую повторить вояжъ не совсѣмъ пріятный, ибо длинная дорога въ Пестомъ слишкомъ дика въ сравненіи съ дорогою въ Solerno и въ прочія окрестности Неапольскія. На (протяженіи) 24 миль, кажется, будто вовсе не живетъ народа: вмѣсто безпрерывныхъ городковъ съ многочисленными жителями, съ миловидными дѣвушками и развѣшанными, какъ бѣлье, макаронами (какъ по дорогѣ въ Solerno), по дорогѣ въ Пестомъ встрѣтишь развѣ двѣ избушки съ мужиками довольно блѣдными и почти безобразными; вмѣсто фруктовыхъ деревьевъ и виноградныхъ гирляндъ, тамъ не растетъ ничего кромѣ травы, на коей отдыхаетъ скотъ; поля почти не засѣяны... короче сказать,—преддверіе въ Пестомѣ порождаетъ уныніе, и городъ самый ему вполнѣ соотвѣтствуетъ, ибо кромѣ двухъ любопытныхъ греческихъ храмовъ и базилики тамъ вовсе ничего нѣтъ интереснаго. Древній тамошній портъ и стѣны, окружавшія городъ, заросли травою и дикимъ миртомъ, глядя на что, поселяется мысль романтическая. Госпожа Радклифъ [1]), живя въ Пестомѣ, нашла бы много для себя пищи, глядя на горы Калабрскія безъ городовъ, на моря безъ судовъ и на песчаный безлюдный берегъ... Но оставимъ сіе: я думаю, что ты давно уже желаешь изъ Caffé greco [2]) отправиться въ свою новую студію. Итакъ, желая, чтобъ ты работалъ картину: «Послѣдняя ночь (sic) Помпеи», замолчу... Весь твой Николай Ефимовъ.

---

[1]) А. Радклифъ (1764†1823), извѣстная англійская романистка.

[2]) Куда было адресовано письмо; въ этой кофейной обыкновенно сходились русскіе художники, проживавшіе въ Римѣ.

122.

Ю. В. Жадовская [1])—К. П. Брюллову.

1-го марта 1849 г. С.-Петербургъ.

Я все надѣялась увидѣть еще разъ, если не васъ, то, по крайней мѣрѣ, вашъ двойникъ, вашъ портретъ у Ф. И. Прянишникова. Къ большому моему горю я не нашла между картинами его вашего портрета. Мнѣ сказали, что онъ находится у васъ, въ мастерской. Не позволите ли мнѣ имѣть несравненное удовольствіе посмотрѣть на вашъ портретъ и... на васъ. Послѣдняго едва смѣю надѣяться. Но надѣюсь, что вы примете препровождаемое стихотвореніе съ такою же благосклонностію, какой былъ порадованъ авторъ.

Ты знаешь ли, мой другъ,—я видѣла Брюллова...
Какъ вспомню, вѣришь-ли, заплакать я готова.
Такъ чувствомъ сладостнымъ душа во мнѣ полна,
Такъ встрѣчей съ геніемъ она потрясена!
Мнѣ не забыть всю жизнь отрадной этой встрѣчи,
Ни мастерской его, ни вдохновенной рѣчи,
И все мнѣ видится чудесныхъ рядъ картинъ
Да онъ, мечты своей и думы властелинъ,
Всѣ образы ему доступны и покорны;
Все дышетъ, движется подъ кистью животворной.
Я видѣла его! Усталый и больной,
Онъ полонъ силою чудесною, святой,
Онъ полонъ свѣтлаго живого вдохновенья.
Я передъ нимъ въ нѣмомъ стояла умиленьи.
Напрасно мой языкъ искалъ рѣчей и словъ:
Я только и могла твердить: Брюлловъ! Брюлловъ [2])!

123.

Ю. В. Жадовская—К. П. Брюллову.

Мартъ 1849 г. Ярославль.

Повѣрите ли, я все думаю о васъ. Ни перемѣна мѣстъ и впечатлѣній, ни пять дней томительнаго, почти непроѣзднаго пути, ни свиданіе съ родными—ничто не можетъ выгнать изъ моей памяти вашего присутствія. Желаніе еще разъ напомнить вамъ о себѣ, еще разъ, хоть на нѣсколько минутъ, ожить передъ вами не даетъ мнѣ покою... И вотъ

---

[1]) Юлія Валеріановна Жадовская (1826†1883),—писательница.

[2]) Стихотвореніе это находится и въ «Полномъ собраніи сочиненій» Ю. В. Жадовской, т. I. Спб. 1885, стр. 138.

для этого я посылаю вамъ одну изъ моихъ повѣстей въ прозѣ [1]). Вы можете и не читать ея; довольно, если вы прочтете на ней мое имя,— вотъ ужъ она и достигла цѣли. Воспоминаніе о васъ обратилось во мнѣ въ какую-то неизъяснимую болѣзнь, непонятное томленіе. Напрасно я, по нѣскольку разъ въ день, пересказываю роднымъ о свиданіи съ вами, это не облегчаетъ меня. Помогите моему недугу, пришлите мнѣ что-нибудь изъ вашей мастерской, что-нибудь: обломокъ кисти, которая была въ вашихъ рукахъ, лоскутокъ бумаги съ чертой карандаша, проведенной вами. Для васъ это легко, а для меня будетъ истинной отрадой. Прощайте! Добрый путь вамъ! Будьте здоровы на радость знающимъ васъ, на славу Россіи.

124.

В. А. Жуковскій—А. П. Брюллову.

Я хочу сдѣлать реформу въ своихъ аппартаментахъ и желалъ бы имѣть на то вашъ совѣтъ, почтеннѣйшій Александръ Павловичъ! Согласитесь ли вы мнѣ пожертвовать для этого нѣсколькими минутами? Напримѣръ, нельзя ли вамъ навѣстить меня въ будущее воскресенье поутру послѣ девяти часовъ? Думаю, что это и для васъ удобнѣе: въ другіе дни и вы, и я заняты. Увѣдомьте, дожидаться ли васъ въ воскресенье. Вамъ искренно преданный Жуковскій.

(Понедѣльникъ).

125.

В. А. Жуковскій—К. П. Брюллову.

Любезный Карлъ Рафаеловичъ! Я ѣду въ четыре часа. Не можете ли вмѣстѣ отобѣдать у меня? Приходите вмѣстѣ съ вашимъ братомъ Александромъ Брамантовичемъ. Да нельзя ли притащить съ собой и барона Клода Фидіасовича? [2])—Жуковскій.

Жду васъ въ три часа. Если не найдете меня дома, то найдете у меня сигары.

На оборотѣ: Карлу Павловичу то-есть великому Рафаеловичу Брюллову.

---

[1]) При письмѣ приложена повѣсть „Непринятая жертва“, напечатанная впослѣдствіи. (См. „Полн. собр. сочин.“ Ю. В. Жадовской, т. I, Спб. 1885, стр. 293—321).

[2]) Т. е. скульптора барона Петра Карловича Клодта.

126.

А. И. Зауервейде [1])—К. П. Брюллову [2]).

10-го іюля 1836 г. С.-Петербургъ.

Дорогой другъ! Возвратясь въ Петергофъ, я обождалъ прибытія государя и тотчасъ поспѣшилъ къ нему. Я высказалъ, что я чувствовалъ въ глубинѣ души, и нашъ чудный государь, безъ всякаго колебанія, счелъ справедливымъ назначить вамъ 8.000 руб. и дозволилъ мнѣ отнестись объ этомъ къ министру.

Здѣсь прилагается вамъ копія съ письма, которое я написалъ быстро и въ пылу восторга, письмо это вкратцѣ и приблизительно содержитъ смыслъ всего того, о чемъ я подробно говорилъ съ государемъ. Когда я показалъ письмо полковнику Юрьевичу [3]) (постоянному спутнику наслѣдника престола), чтобы тотъ исправилъ неточности въ слогѣ моего письма, мнѣ пришлось испытать большую радость: онъ всталъ, обнялъ меня и сказалъ: «дорогой Александръ Ивановичъ! Въ письмѣ нечего измѣнять, ибо оно написано такъ, какъ можетъ писать только художникъ—въ немъ и одушевленіе, и истина, любовь и преданность отечеству; я прошу только позволенія снять копію съ сего письма, такъ какъ я долженъ показать его наслѣднику»... Когда я на другой день обѣдалъ у наслѣдника, тотъ благодарилъ меня за мой патріотизмъ и изволилъ много говорить со мной о положеніи художниковъ. Днемъ же послѣ государь сказалъ мнѣ, что онъ подписалъ бумагу о томъ, чтобы болѣе ни одного ученика не принимать на казенный счетъ (въ Академію художествъ). Но онъ былъ совершенно удивленъ, услышавъ, что ни одинъ изъ профессоровъ или лицъ, заступающихъ ихъ мѣсто, не былъ приглашенъ на совѣщаніе по этому дѣлу. Мнѣніе государя таково, что сами господа профессора должны знать, на что употребляются деньги, поступающія въ распоряженіе Академіи. Между прочимъ я позволилъ замѣтить его величеству, что если бъ мастерскую господина Брюллова устроить такъ, чтобы въ ней работалъ отмѣнный художникъ, окруженный молодыми художниками и друзьями искусства, то она больше принесетъ Россіи, чѣмъ тѣ 221.000 руб., которыя Академія художествъ получаетъ ежегодно для содержанія учениковъ, учителей,

---

[1]) Александръ Ивановичъ Зауервейде (1782†1844), батальн. живописецъ, почетн. вольный общникъ Академіи художествъ; при императорѣ Николаѣ I былъ учителемъ рисованія при великихъ князьяхъ.

[2]) Подлинникъ этого письма писанъ на нѣмецкомъ языкѣ.

[3]) Семенъ Алексѣевичъ Юрьевичъ—полковникъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, помощникъ воспитателя наслѣдника цесаревича.

